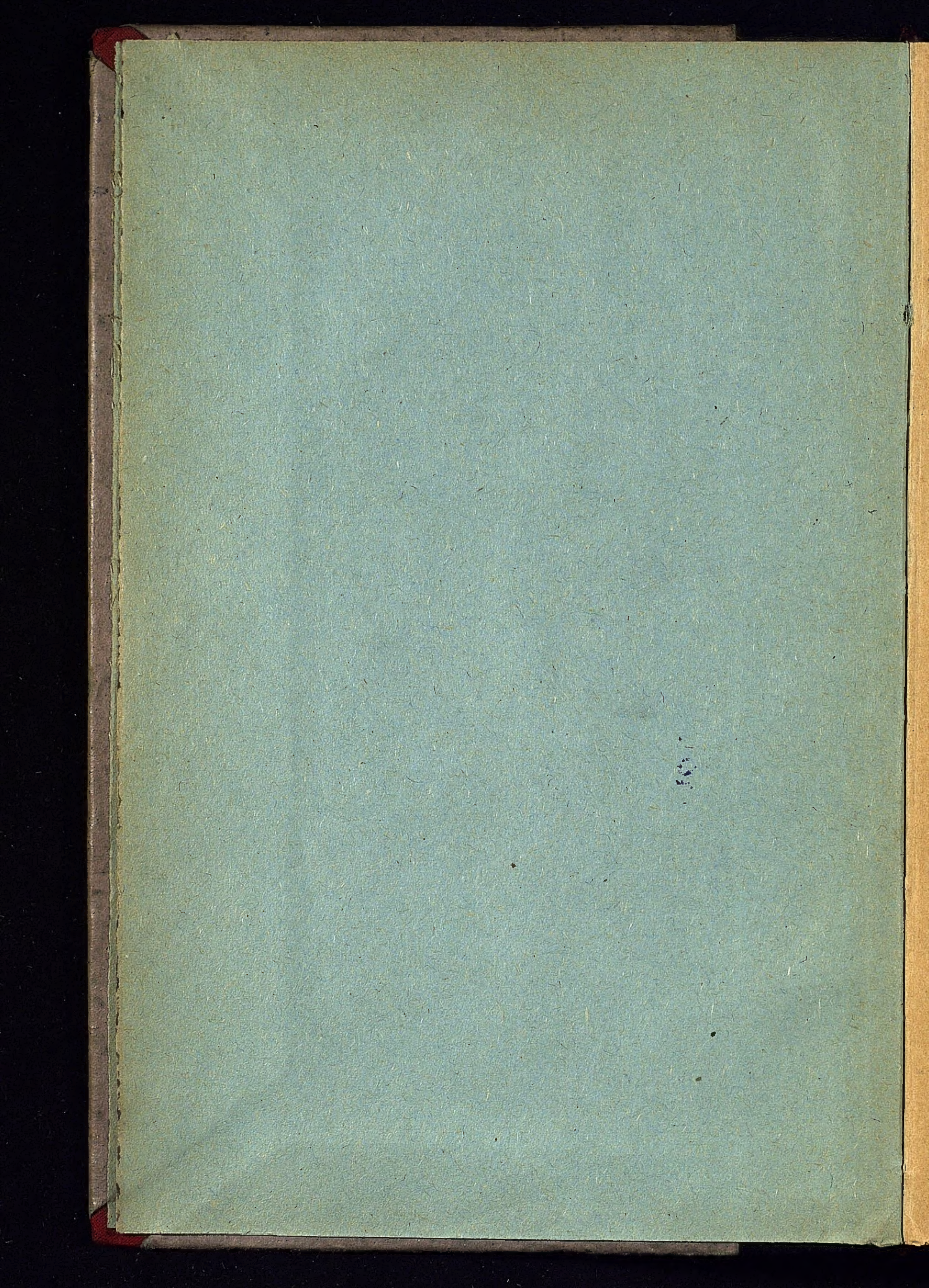
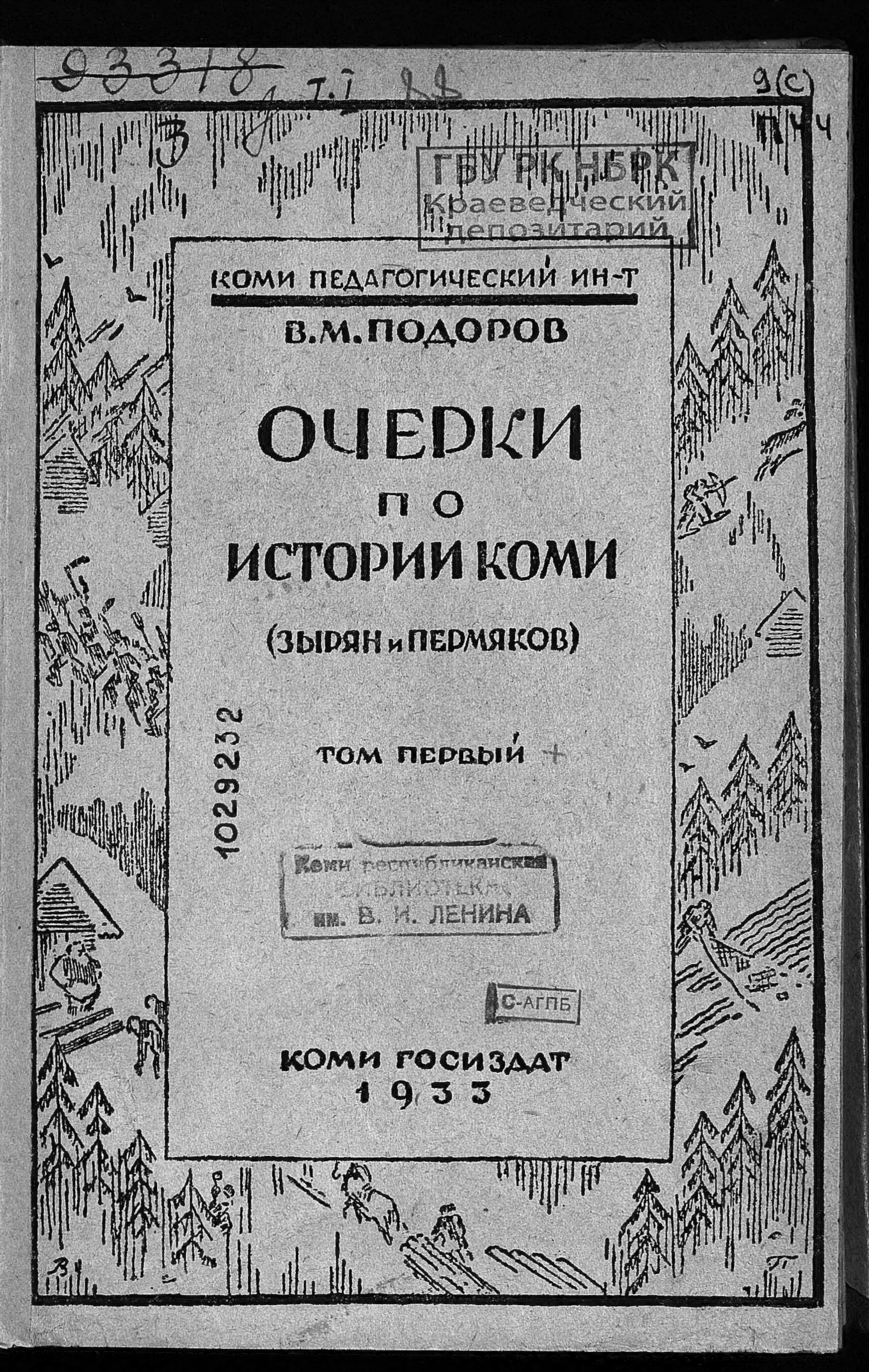
Подоров В. М.

Очерки по истории Коми

т. 1

КОМИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИН-Т

В. М. ПОДОРОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОМИ

(ЗЫРЯН и ПЕРМЯКОВ)

ТОМ ПЕРВЫЙ

КОМИ ГОСИЗДАТ
1933

КОМИ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

№ 3

В. М. ПОДОРОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОМИ

(ЗЫРЯН И ПЕРМЯКОВ)

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

КОМИГИЗ
СЫКТЫВКАР — 1933

В. М. Подоров. Очерки по истории Коми.

Изд. № 7. Тираж 3000.
Упол. Облита № А—1194
Заказ № 1648
Сдано в набор 21-I-33 г.
Сдано в печать 16-II-33 г.

Редактор М. Доронин.
Тех. ред. В. Поляков.

ОБЛОЖКА В. В. ПОЛЯКОВА
Типография Коми ГИЗ'а, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 2

Своему учителю и другу Василию Андреевичу Пшеницину свою работу посвящает автор.

ВВЕДЕНИЕ

В русской исторической литературе почти не нашли отражения вопросы изучения истории отдельных национальностей, как-то: коми, удмуртов, ненцев, мари и т. д. Русская историография концентрировала свое внимание исключительно на изучении русской и западной истории. Все то, что писалось об истории этих национальностей, представляло собою по преимуществу не специально исторические исследования тех или иных национальностей, а скорее этнографические заметки, дневники, написанные во время путешествий, воспоминания и т. д.

Многие историки об'ясняли это положение тем, что невеликорусские национальности не выдвинули из своей среды ученых, которые могли бы положить начало систематическому и всестороннему изучению этих национальностей. Это об'яснение совершенно не выдерживает критики. Возьмем коми. Из этой национальности вышел ряд ученых: проф. Налимов, проф. Жаков и др., но, помимо отдельных исторических статей этих авторов, мы обширных исследований, посвященных истории коми народа, не имеем.

Наконец, и Академия наук в области изучения исторического прошлого невеликорусских национальностей сделала мало сравнительно с тем, что она могла бы сделать.

Чем же об'яснить, что изучению истории отдельных национальностей уделялось недостаточное внимание?

Одной из главных причин такого отношения к изучению истории национальных меньшинств б. царской России являлась великодержавно-националистическая политика царского правительства. И в самом деле, что значило изучение истории отдельных национальностей, населявших б. Российскую империю? Это вопервых—вскрыть прошлое этих, некогда самостоятельных народов, вовторых, отвергнуть миф о мирном проникновении Московского государства на территории национальных меньшинств. втретих — выявить основные причины колонизации, проводившейся в интересах хищнической эксплоатации природных богатств этих царских колоний.

Изучение истории отдельных национальностей противоречило интересам господствующих классов не только потому, что оно вскрыло бы все отвратительные стороны капиталистического строя, где ничтожное меньшинство процветало за счет безудержной эксплоатации большинства трудящихся и, особенно, колони-

альной эксплоатации отдельных национальностей и т. д., но и потому, что изучение истории национальных меньшинств помогало бы росту их национального самосознания, а вместе с ростом национального самосознания становились бы все более решительными требования этих национальных меньшинств о признании за ними права на политическое самоопределение.

Постановку таких вопросов не могли допустить идеологи русского великодержавного национализма, которые являлись верными защитниками православия и самодержавия при полной нераздельности империи, ибо, по их мнению, все национальности, населявшие территорию б. Российской империи, в своей совокупности составляли один русский народ.

Ведя борьбу за единодержавие, православие и единую неделимую Россию, идеологи русского великодержавного национализма Леонтьев, Катков, Данилевский и другие не только отрицательно относились к изучению истории отдельных национальностей, но дали ряд научных трудов, в которых попытались „научно" обосновать свои взгляды по национальному вопросу.

„На всем пространстве не было никакого сформированного политического тела,—читаем мы у Данилевского в его работе „Россия и Европа",—когда русский народ стал постепенно выходить из племенных форм быта и принимать государственный строй. Вся страна была или пустыней или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками, следовательно, ничто не препятствовало свободному расселению русского народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелетие его истории, при полном отсутствии исторических наций, которые надлежало бы разрушать и попирать ногами, чтобы занять их место. Он терпел много неправд и утеснений от татар, поляков, шведов и меченосцев, но сам никого не утеснял, если не назовем утеснением отражение несправедливых нападений и притязаний. Воздвигнутое им государственное здание не основано на костях попранных народностей. Он или занимал пустыни, или соединял с собою путем исторической, нисколько не насильственной ассимиляции такие племена, как чудь, весь, мерю или как нынешние зыряне, черемисы, мордва, не заключавшие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремлений к ней, или, наконец, принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли даже сохранить ее, как армяне и грузины" *).

Исторические документы, относящиеся к прошлому отдельных национальностей, говорят о противоположном и в корне опровергают версию о том, что „в момент перехода славян от племенных форм к феодальной государственности не было ни-

*) Н. Я. Данилевский, Россия и Европа, с. 22, изд. 5-е И. Стахова. М. 1895 г.

-жаких сформировавшихся политических тел". Эти сформировавшиеся политические тела существовали хотя бы в лице финских племен, которые в это время переживали последнюю стадию первобытно-коммунистической формации, т. е. эпоху родово-племенного строя. Ясно, что в период общеплеменного строя, который в это время переживал и русский народ (ибо, по словам самого Данилевского, „русский народ стал выходить постепенно из племенных форм быта и принимать государственный строй"), не могло и быть более высокой формы общественного строя, чем родооо-племенная организация.

Попытка Данилевского отделить русских от других национальностей в том отношении, что русские в процессе своей борьбы за русскую государственность якобы терпели много притеснений от националов, которые по своей „дикости" делали набеги на культурные русские племена, а националы не терпели никаких притеснений от русских—**не выдерживает никакой критики**. И, чтобы отвергнуть всякую тень подозрения о том, что при формировании русского государственного строя пострадали интересы отдельных народностей, он пишет: „воздвигнутое русское государственное здание не построено на костях и крови народа". Все ухищрения Данилевского сводятся к умышленному затушевыванию им того факта, что именно государственный строй России был построен на костях и крови националов, поскольку они в течение XIV—XVIII вв. были завоеваны Московским феодальным государством, и территории их превращены в колонии Московского государства.

Столь же неверным является утверждение Данилевского о том, что коми, мари и другие народности не заключали в себе зачатков исторической жизни, не стремились к ней. Можно ли представить себе, чтобы живший на земле народ не имел зачатков исторической жизни? Для чего вышеназванному поборнику русского великодержавного национализма нужны были все эти доказательства? Для того, чтобы доказать, что так как в прошлом эти народности не имели тяготения к самостоятельной исторической жизни, значит и в будущем они не будут в состоянии жить отдельно от русских как самостоятельные политические единицы. Так как в прошлом они шли вместе с русскими, как часть единой русской народности, то и при современных, более сложных общественно-экономических отношениях эти народности тем более-де будут жить вместе с русскими. „Славяне,—пишет далее Данилевский,—их (т. е. финские племена—В. П.) никогда не покоряли, с самого начала истории племена их являются в дружном союзе с племенами славянскими и сообща кладут основание государства. Но более сильное племя поглощает их естественным путем ассимиляции. Процесс этот еще не кончен, и мы видим финские племена до сих пор на всех ступенях слияния, начиная от той, при которой остались только следы бывшей розни, до сохранивших еще свою полную племенную

физиономию эстов и, несмотря на это, желающих слиться с русскими народами, если бы мы сами не ставили тому преграды. Само собой разумеется, что весь, карелы, зыряне, мордва, черемисы, чуваши, так же, как остяки, вогуличи или самоеды, не могут составлять государства; но они и притязаний на это никаких не имеют, не имеют сознания исторического или политического характера своей народности,—его, следовательно, и вовсе не существует" *).

Итак, чтобы доказать, что коми и другие нации не имеют никакого права на существование в виде самостоятельной автономной политической единицы, нужно было установить, что финские племена с самого начала их встречи с русскими шли всегда вместе со славянскими племенами, что финны никогда не были ни завоеваны русскими, ни притесняемы ими. Отсюда Данилевский делает такой вывод, что раз в прошлом они шли вместе, то значит и теперь также должны жить вместе в пределах Российской монархии, не имея прав на отделение от русского государства и образование собственного государственного строя. Все сказанное в приведенных выше цитатах из книги Данилевского представляет продукт его собственной великодержавной националистической фантазии, основанной на его личных убеждениях, а не на данных исторических документов.

Имеющиеся исторические данные, напротив, доказывают, что финские племена никогда при встрече с русскими (славянскими племенами) не шли вместе с ними, но, будучи более слабыми по сравнению с воинственными славянскими племенами, постепенно оттеснялись ими на окраины. По сформировании московской государственной власти, в связи с проникновением московского торгового капитала в отдаленные окраины Московского государства, населенные различными национальностями, жившими еще в условиях племенного строя, т. е. вступившими уже в последнюю стадию первобытно-коммунистической формации, и началось завоевание этих народностей русскими. В период московских завоевательных войн отдельные неславянские племена жили совершенно независимо от славянских племен, как вполне самостоятельные племенные об'единения.

Данилевский и его единомышленники доказывали, что раз коми и другие нации в своем культурном развитии еще недалеко ушли от „полудикого" состояния, занимаясь охотой и рыбной ловлей (а эти занятия, по их мнению, являются наиболее характерными для полудиких народов), то они не имеют никакого права на отделение от России и создание своей самостоятельной государственной единицы.

Если крупнейший идеолог русского великодержавного национализма Данилевский высказал мнение, что коми „не имеют сознания исторического или политического характера своей на-

---

*) Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, с. 239.

родности", то последователи его, вернее агенты русского самодержавия на местах, также утверждали, что коми не имели своей истории. „Зыряне, как народ, не имеют своей истории в собственном смысле этого слова,—говорит провинциальный идеолог русского великодержавного национализма К. А. Попов.—Если же считать историей процесс обрусения их, то мы не имеем возможности хронологически проследить моменты его, так как по самому свойству дела нет необходимых для того источников, да и быть не может: утрата зырянами племенной особенности совершилась и совершается без скачков, без наружного насилия, так сказать органически, сама собой, и незаметно ни для постороннего наблюдателя, ни для самих зырян. Только одно событие в жизни зырянского народа имеет свойство факта исторического—это принятие христианства" *).

Итак, по утверждению К. Попова, коми не имеют своей истории. Процесс обрусения по, его мнению, не является историческим явлением, так как не поддается ни наблюдению, ни анализу. Верно ли это утверждение?

Нет, неверно, ибо процесс обрусения поддается не только наблюдению, но и всестороннему систематическому изучению. Что такое процесс обрусения? Это не что иное, как результат руссификаторской политики самодержавия, результат насильственного и систематического внедрения русского языка через школы, учреждения, суды и т. д. Не что иное, как результат „работы" церкви, духовенства, царских чиновников; не что иное, как результат развития в массах убеждения, что территория, на которой живет и развивается коми нация,—это общерусская территория, которая, благодаря влиянию русских, вышла из состояния „дикости" и встала на путь так называемой общечеловеческой культуры. Эта руссификаторская политика, проводившаяся в условиях колониальной эксплоатации природных богатств и труда национальных меньшинств, имеет не только писанную историю, касающуюся именно коми народности; известны и практические результаты: хищническое расточение природных богатств края, лесов, пушнины, рыбы, ископаемых богатств и жестокая эксплоатация трудящихся, которая в XX в. привела даже к частичному вырождению коми населения.

Попов, Крупенин, Жаков и другие считают историческим явлением в жизни коми народа одно единственное событие, которое оказало громадное влияние на все его дальнейшее развитие,—это принятие христианства. Мы не думаем отрицать за насильственным внедрением христианской религии значения исторического факта, но в противовес утверждениям националистов мы считаем, что эта христианизация населения проводилась не мирным путем, а путем открытого принуждения с применением

---

*) К. А. Попов, Зыряне и зырянский край, с. 21, „Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии", т. XIII, в. II, 1894 г.

вооруженной силы для расправы с теми, кто оказывал малейшее сопротивление навязыванию новой религии. Летописи определенно указывают, что „многие от святого крещения избегоша“, т. е. многие бежали в леса, а в отдельных случаях прибегали к самопогребению и самосожжению.

Сторонник великодержавного национализма Попов вполне согласен с уроженцем Усть-Выма Абрамовым, который призывал министерство государственных имуществ поскорее покончить с остатками зырянской культуры, и, в частности, с зырянским языком.

„Этот язык постепенно выходит из употребления жителей, —заявлял Абрамов он с течением времени совершенно заменится языком русских. Сожалеть об этом неуместно и поддерживать „зырянизм“, как доселе делало министерство государственных имуществ, бесполезно, потому что зыряне не имеют никаких письменных памятников, не знают своей истории, и издаваемые на их наречии книги и переводы никогда не читаются, частично по неудовлетворительности самих переводов, а частично потому, что для них удобопонятнее книги русские. Самый язык беден словами... и почти наполовину употребляется в нем слов русских“. По этому поводу Попов замечает: „Такого же убеждения держимся и мы“.

Итак, вышеназванными идеологами великодержавного национализма даже министерство государственных имуществ, интересы которого сводились к руссификации коми населения, зачисляется в список сторонников зырянизации Коми. 99% массы крестьян еще до сих пор не только не владеет в совершенстве русским языком, но многие из них даже и теперь, на 16 году пролетарской революции, не понимают русской речи.

Тот факт, что коми язык имеет в своем составе много русских слов, вовсе не говорит о несамостоятельности коми языка. Ведь и русский, немецкий, английский языки имеют много чуждых слов, однако из-за этого они не теряют своей самостоятельности, как национальные языки. Указание на то, что коми мало читали переводной литературы на своем языке, вследствие неудовлетворительного качества переводов, совершенно правильно. Но и не было никакой необходимости читать эту литературу, т. к. последняя была совершенно чужда интересам трудящихся. Эта литература помогала эксплоататорам укреплять свое господство и эксплоатацию местного населения. Утверждение, что коми язык многим коми более чужд, чем русский, не соответствует действительности. Крестьяне, вследствие поголовной неграмотности в условиях колониальной эксплоатации, не только не читали, но и не могли читать никакой литературы вообще; книг, которые сообщали бы им нужные сведения в области сельского хозяйства, охоты, скотоводства и т. д., крестьяне не получали, кроме книг духовно-религиозного содержания.

К. А. Попов в гл. III своей работы, посвященной быту коми, утверждает, что коми не оседлый, а бродячий, странствующий народ.

„Зауральские соседи,—говорит он,—и близкие родственники зырян: вогуличи, остяки и манцы до сих пор (т. е. до 1847 г. —В. П.) не знают оседлой жизни, да и, наконец, самих зырян нельзя назвать народом прочно оседлым: и теперь еще большая часть из взрослого мужского населения, занимаясь звероловством и птицеловством всю зиму, странствует по лесам и только лето проводит в местах так называемого постоянного жительства; печорские же зыряне и летом вместе с семейством проживают или на брусяной горе или на рыбных промыслах на целые сотни верст от селения“ *). Само собой разумеется, что это мнение К. А. Попова не выдерживает никакой критики.

Работа на брусяной горе, рыбная ловля, охота, связанная иногда с большими передвижениями, не дает нам никакого основания отрицать наличие у зырян оседлости. Если летом они уезжают работать на брусяную гору, то зимой не превращаются в Робинзонов, а возвращаются к своему хозяйству.

Считая коми XIX в. кочевым народом, Попов утверждает, что до прихода русских они не имели понятия о деревянных жилищах. Поэтому он очень охотно присоединяется к мнению устюжанина, который доказывает, что „раз жители Заволочья и иные финские народности не имели домов, то значит не имели домов и зыряне“ **). К таким же точно выводам пришел и историк проф. И. Н. Смирнов, который в свей работе „Пермяки“ утверждает, что „первобытным жилищем зырян была землянка, затем появившаяся на поверхности земли бревенчатая постройка, которая возникла значительно позже, в период колонизации зырянской территории русскими“. „Эпоха новгородской колонизации,—пишет он дальше,—еще не знала бревенчатых построек. Было время, когда „чом“ был единственной формой жилища, известной коми рядом с пещерой-землянкой, затем, с появлением бревенчатого жилья, он обратился в летний шалаш или клеть, соответствующие вотской „куала“. В этот момент застал зырян в Перми св. Степан. Вспомним, что он искал идолов в пермяцких привержках, т. е. в постройках при „вещах“. Такими постройками могли быть, как у современных удмуртов, легкие чомы. Материал и форма чома были вероятно различны. В самую раннюю пору он мог быть сооружен из древесных ветвей и набросанных на них листьев“ ***). Это утверждение проф. И. Н. Смирнова мы должны отвергнуть самым решительным образом, как противоречащее современным данным археологии.

*) К. А. Попов. Зыряне и зырянский край, с. 12.

**) „Вологодские губернские ведомости“ № 39, 1853 г.

***) И. Н. Смирнов, Пермяки, Историко-этнографический очерк. „Известия Общества археологии, истории и этнографии“. Казань 1891 г. т. IX, вып. II, с. 128—129.

Последние неопровержимо доказывают, что коми еще в XI—XIV вв. имели не только деревянные жилища, но и укрепленные города, называвшиеся „карами". Такие древние кары (города) имеются в большом количестве не только в Камском бассейне, но и в Вымско-Вычегодско-Сысольском крае. Антрополог Иванов, производивший археологические раскопки, дает такую характеристику древним городищам коми: „городища строились на высоких местах; скаты искусственно делались круче, у подножия горы: с одной стороны— болота, а с другой—река или озеро. От смежной высоты городищенская площадка отделяется тройной системой валов, идущих от одного обрыва к другому. Площадка мала, на ней могло поместиться не более 10—30 дворов. Строения могли быть только деревянные, нигде никаких следов камня нет. Городища не разбросаны произвольно, они не стоят особняком, напротив, они кучатся вместе, отстоя один от другого верст на 5—10" *).

Раскопки, произведенные археологической экспедицией Коми края в древнем городище „Карамыльк" близ с. Карабив, Айкинской вол., Устьвымского р-на в 1925 г., указывают на то, что это „городище относится к XI-XIV вв. нашей эры, хотя возможно, что оно возникло немного ранее XII в. и продолжало существовать после XIV в. Жилищами же могли служить какие-либо деревянные постройки, поставленные без фундамента, почему от них могло ничего не сохраниться. О возможности деревянных построек говорят различные железные пробои, пластинки, гвозди и т. д. Пол в таких жилищах мог быть земляным, а на нем, а, возможно, и вне постройки, в углублении, складывался очаг"**). Таких древне-коми „каров" в настоящее время обнаружено несколько десятков; большинство из них расположено по р. р. Выми и Вычегде. Эти новейшие данные археологии опровергают установившийся ранее в науке взгляд, что коми в XI в. не знали бревенчатых построек, жили в шалашах или под открытым небом. Смирнов, утверждая, что зыряне в XIV в. еще не знали бревенчатых построек, ссылается на то, что Степан Пермский искал их идолов в шалашах. Но из того, что так называемые „чомы" или шалаши существовали еще в XIV в., вовсе не следует, что коми жили в этих „чомах" до XIV в. Один тот факт, что Степан искал коми идолов в шалашах, еще не говорит нам о том, что в это время зыряне не жили в бревенчатых домах. Вотяки, например, до сих пор хранят свои культовые реликвии „вортуды" в особых постройках „куалах", но это не дает нам права утверждать, что вотяки живут в куалах.

Считая коми кочующим народом в XIX в., Попов в то же время утверждает, что „раз зыряне не имели прочной оседлости

---

*) Иванов. Материалы к антропологии Пермского края, „Труды Казанского университета", т. X, в. II, с. 22.

**) „Записки Общества изучения Коми края" Устьсысольск, 1928 г. т. I, с. 13.

в прошлом, то они не были народом и земледельческим". Поэтому он и обрушивается на Михайлова, автора работы „Усть-вым", утверждающего, что коми в эпоху Степана Пермского занимались земледелием. Попов на это возражает: „во-первых, существование в зырянском лексиконе исчисленных г. Михайловым слов ничего не доказывает, потому что, если не во всех, то в очень многих языках есть слова для выражения понятий, бесспорно позаимствованных у других народов; во вторых, если г. Михайлов приводит зырянское название овса „зőр", то мы к этому прибавим, что и пшеница также имеет зырянское название „шабди" (неверно, не шабди, а шобди.—В. П.). Но овес и пшеница только в самое недавнее время появились в зырянском крае... В-третьих, зыряне вышли, как мы видим, вовсе не из земледельческого отечества. В-четвертых, многие механические приемы и хозяйственный распорядок земледелия: трехпольная система, земледельческие орудия конечно заимствованы у русских. В-пятых, земледелие находится в лучшем положении и составляет главное занятие жителей только в тех местностях, которые заселены новгородцами; кроме того, предания положительно говорят, что новгородцы поселились в земле Заволоцкой Чуди, вводили там хлебопашество. В-шестых, есть предание, которое прямо говорит, что чудь не занималась земледелием, и, в-седьмых, зыряне не имели домашних птиц, этих спутников земледелия" *).

Здесь каждое слово требует решительного возражения. Именно наличие соответствующей с.-х. терминологии на коми языке является наиболее ярким подтверждением того, что коми наряду с охотой занимались и сельским хозяйством. Весь с.-х. инвентарь, способы обработки земли и все, связанные с этой обработкой, трудовые процессы носят зырянске наименования. К. А. Попов ссылается на тот факт, что „овес и пшеница" введены у коми только с 1845 г. Но это обстоятельство не может служить доказательством того, что они в древности не занимались земледелием.

Ссылка Попова на то, что „раз сейчас многие зыряне не занимаются земледелием, то значит не занимались этой работой и предки", не выдерживает критики. Став на точку зрения Попова, можно, на том основании, что не все коми в настоящее время занимаются охотой, утверждать, что и в прошлом они не занимались охотой. А мы знаем, что в условиях севера охота составляла основную отрасль хозяйства коми.

Не можем мы согласиться и с утверждением А. Крупенина, что „коми в XIV в. не имели торговых сношений с племенами развитыми". Коми „кары" были не только укрепленными пунктами, но и пунктами торговыми; они же являлись средоточием и местного производства различных предметов домашнего оби-

*) К. А. Попов. Зыряне и Зырянский край, с. 12-13.

хода: ножей, конских удил, ножниц, шил, стрел, рыболовных крючков, предметов украшения: колец, браслетов и т. д. По мере развития этих производств и накопления излишков развивался и обмен; вначале этот обмен носил случайный характер, а впоследствии принял более устойчивые формы. Археологические раскопки коми каров, произведенные в 1925 г., обнаружили много предметов не местного производства, а производства новгородских славян, что несомненно доказывает и наличие торговых сношений народа коми с окружавшими его народами.

Другая группа ученых рассматривает коми XIV в., как австралийских дикарей, лазающих по деревьям. Исследователь Пермского края А. Крупенин указывает: несмотря на то, что пермяки очень давно живут среди культурного русского народа, они все еще продолжают пребывать в состоянии дикости. „Ежели это так теперь,—восклицает А. Крупенин,—то что могло быть 500 лет тому назад, когда они были единственными обитателями лесов, дебрей северо-восточной Европы. Удаленный от общества народов цивилизованных, лишенный всяких сношений с племенами развитыми, одинокий среди дремучих лесов своих, в беспрестанной борьбе за свое насущное существование, финн, естественно, должен был не развиваться, а тупеть и прозябать. И он действительно долго вел жизнь мало отличную от жизни животного. Убив зверя, он пожирал его мясо, прикрывался от непогоды его же шкурой и тем ограничивал свои потребности. Духовная природа его спала непробудным сном“ *).

Историк Соловьев, являющийся виднейшим идеологом русского великодержавного национализма, также присоединился к этому мнению (или, как метко замечает М. Н. Покровский, „сатире летописца на финнов, по которой финны „жили яко звери в лесу“).

Соловьев целиком применяет к финнам следующие слова Тацита о мифическом народе „блаженных гипербореев“: „Нет у них ни оружия, ни лошадей, ни домов, пища у них—трава, одежда—кожи, ложе—земля, вся надежда их в стрелах, которые по недостатку железа заостряются костями, охота питает мужей и жен. Детям нет другого убежища от зверей и непогоды кроме шатров, кое-как сплетенных из древесных ветвей. Но вести такой образ жизни они считали блаженнее, чем трудиться на поле, строить дома, безопасные от людей, безопасные от богов, они достигли самого трудного—отсутствия желаний“ **).

Само собой разумеется, что такая характеристика образа жизни финнов не соответствует действительности. Поэтому

---

*) А. Крупенин. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края, „Пермский сборник“, кн. I, с. 4—5.

**) С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. I—V, кн. I. с. 85.

утверждение Соловьева, что финны „вести такой образ жизни считали блаженнее, чем трудиться на поле, строить дома", представляет собою чистейший вымысел. Такую же Соловьевскую характеристику дает Коми пермякам и Добротворский. Отмечая у них отсутствие „письменности, преданий, собственных песен", указывает, что „главною преобладающею чертою в характере пермяка является апатия и полное отсутствие всякой инициативы. „Не толкни пермяка под бок—он и на дворне сходит",—говорят про него русские. Сонливый и неповоротливый, он готов целый день пролежать на печи. Он не стукнул бы палец о палец, если бы злая необходимость не принуждала его работать, заботиться о куске насущного хлеба. „Авось, небось и как-нибудь" имеют здесь самое широкое распространение. Пермяк не заботится о будущем, не заглядывает в него, он живет исключительно настоящим. Ни погони за наживой, ни жажды новых впечатлений, ни стремлений улучшить свое положение—ничего нет" *).

Если буржуазные историки в XIX в. и даже в начале XX в. называли коми дикарями, шаманами, то не далеко ушли от этих „ученых" и некоторые наши современные исследователи. Взять хотя бы для примера работу А. С. Сидорова, который коми называет шаманствующим народом даже в 1928 г. „Знахарство, колдовство и связанные с ними явления занимают исключительное место в коми действительности. Тяжелые исторические условия, суровый север, оторванность от культурных центров, отсутствие местных национальных сил в прошлом удержали народ коми на той степени мировоззрения, какая отличала по древним русским литературным источникам вообще всех финнов, как племена колдунов и чародеев по преимуществу. Многие сотни лет, прошедшие с тех пор, дали коми народу очень не многое для перестройки своего понимания окружающей действительности на началах разума и науки. Это стоит в соответствии с тем, что также мало прогресса наблюдается у коми вплоть до последнего времени и в отношении развития материальных сторон жизни" **).

Такая характеристика Коми крайне характерна. Этой характеристикой представители русского великодержавного национализма пытались показать, что в бедности националов, в их поголовной неграмотности, низкой хозяйственной технике повинны, конечно, не русские, а сами националы, которые благодаря своей лености, сонливости—не могут улучшить условия своей жизни. Таким образом буржуазные ученые, в лице хотя-бы Лыткина, Смирнова И. Н., Попова, К. А., специально посвяща-

---

*) Ж. Вестник Европы. кн., 3—1883 г. ст. Добротворского „Пермяки"—253 стр.

**) А. С. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народа коми, 7 стр., Л. 1928 г.

вшие свои научные работы истории Коми—как представители русского великодержавного национализма, естественно, рассматривали все исторические события с точки зрения интересов русского самодержавия и православия. Оценивая исторические работы этих поборников русского самодержавия и православия, надо признать, что ими писались не исторические работы по Коми истории, а пародии на историю. Разве не звучит парадоксом уже одно сравнивание коми XVIII в. с „дикарями". Имея немного совести перед наукой, нужно было давно выкинуть из обращения слово „первобытный человек", „дикарь", ибо первобытного человека—дикаря в наши дни уже давно не было и нет. Были люди, находившиеся на различных ступенях их исторического развития, в условиях родово-племенного строя, имевшие различный культурный уровень отвечавший определенной стадии их исторического развития. А поборники русского великодержавного национализма сделали из отсталых националов настоящих дикарей, посмотреть которых и изучить быт коих являлось обязанностью не только для науки, в лице старых дореволюционных этнографов, но и экзотически настроенной части имущих классов, которые раз'езжали по Каме, Вычегде, Печоре, и с большим любопытством посматривали на угрюмые, молчаливые берега северных рек, ожидая, что вот-вот они увидят наконец настоящих северных дикарей, прыгающих с луком и стрелою.

Эти буржуазные ученые, исписавшие на своем веку потоки чернил, горы бумаг и перьев—делали важнейшее политическое дело. Рассматривая националов крайнего севера, как то: коми, ненцев и других, „дикарями", „детьми природы", они „научно" обосновывали руссификаторскую политику царского самодержавия.

Наряду с этими чертами указанных работ, мы можем отметить в работах дореволюционных этнографов и чисто коммерческие мотивы по обслуживанию интересов торгово капиталистических групп населения в деле ознакомления их с экономикой изучаемых районов. Это и понятно. В условиях капиталистического строя господствующим классам общества было куда выгоднее и интереснее знать экономические богатства своих колоний, где, в какой части государства находится каменный уголь, нефть, золото, драгоценные камни, соболи, чернобурые лисицы, голубые песцы, чем расходовать время, энергию и деньги на ненужное изучение истории своих колониальных рабов.

Этнографы, обслуживая торгово-ростовщические нужды купечества, самым подробнейшим и тщательнейшим образом описывали экономический быт населения изучаемых районов, чем они занимались, какие предметы питания считались наиболее распространенными, какую обувь носили мужчины, женщины, дети в различные времена года, какого цвета платье

любили носить женщины, девушки, дети, какие пояса, серьги, кольца были в употреблении молодежи и т. д., тем самым информируя торгово-ростовщические круги с потребностями населения, чтобы последние могли безошибочно ввезти нужный товар и с прибылью заканчивать свои торгово-растовщические операции. Возьмите работу Рогова „Материалы для описания быта пермяков", там вы найдете не только подробности вплоть до того, из какой материи женщины шьют себе нижнее и верхнее платье, но и факт насыщенности населения товарами. Описывая кухонные и столовые принадлежности коми-пермяков, Рогов указывает, что „чугунки от одною до пяти в доме, котел один или два, сковороды две или три, тачанка одна, ковш (кош) сковородник, по одному в доме, а у бедных вовсе не бывают, поваренка у редких, железная, у большинства деревянная, ухват тоже у редких, рюмки стеклянные по одной и много по две в доме" *) и т. д., полное перечисление коих занимает 31 страницу. Чем это не реклама для ввоза товаров в колонии? Это ли не обслуживание посредством печати интересов торгово-ростовщических групп имущей части населения? Старая дореволюционная этнография, работая в интересах торгово-ростовщических групп населения, не мало способствовала и углублению колониально-национального угнетения националов. Способствуя ввозу товаров в колонии, она помогала и превращению трудящихся коми в колониальных рабов, во всем зависимых от капиталистов.

Не только дореволюционная этнография, но и старая буржуазная историческая литература, в которой, как и в этнографии, до Октябрьской революции господствовали представители русского великодержавнического национализма—была на службе имущих классов. Она „научно" обосновывала „мирное"завоевание отдельных национальностей в интересах распространения среди этих „детей природы" начал русской и европейской цивилизации и прикрывала безудержный грабеж населения завоеванных колоний. Вместо того, чтобы изучать историю коми, ненцев лопарей в различные стадии их общественно-экономического развития, буржуазные историки занимались изучением истории различных полумифических народов, как то: скифов, сарматов, готов, не имевших того актуального значения для эпохи империализма, какое имело значение изучение истории отдельных национальностей, стонавщих под национально-колониальным гнетом русского самодержавия. Изучая историю коми, они занимались изучением истории военных походов новгородских ушкуйников в северный край, изучением мифического биармийского государства, с его якобы высоко развитой культурой, техникой, торговлей. История коми народа с точки зрения этой категории ученых—это история постепенного, незаметного про-

*) Пермский сборник, кн. II М 1860 г., 21 стр.

никновения Московского государства в Коми край, история утверждения и распространения русского православия и самодержавия. Все исторические явления в Коми, как то завоевание, колонизацию, христианизацию рассматривали исключительно с точки зрения завоевателей, которые, якобы „освоили“ Коми край в интересах же местного населения, пребывавшего до этого в условиях азиатской грубости, дикости, чтобы внести свет „христианской цивилизации“ в „грубые“ сердца северных „дикарей“.

Рассматривая историю коми народа с точки зрения интересов господствующих классов, эти историки целый ряд важнейших исторических вопросов совершенно не затрагивали. Так, они совершенно не заметили установившегося в Коми в V-VIII вв. древней коммунистической формации общества, обошли молчанием эпоху феодализма и капитализма. Основные вопросы коми истории — классовая борьба коми крестьянства за землю, борьба коми рабочего-лесоруба за установление политических свобод, — совершенно обходились молчанием.

Представляемая мною на суд читателей работа представляет собой попытку рассмотреть историю Коми с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Насколько я справился с работой, пусть судят сами читатели. Как первая печатная работа автора, она естественно будет содержать в себе ряд дефектов в силу того, что автором настоящая работа написана была в основном еще в 1928-1929 г.

При составлении настоящей работы я пользовался, как архивными источниками Ленинградского отделения центроархива, Вологодского и Архангельского архивов, а так-же печатными историческими документами и литературными источниками.

Выражаю товарищескую благодарность т. т. Минецкому М. Зевакину, Маркелову, за те указания и советы, данных ими при составлении настоящей работы. Приношу товарищескую благодарность Д. И. Шулепову и А. М. Ватамановой за просмотр рукописей и указавших на ряд научных и стилистических погрешностей; Старцеву Г. А и Сметанину Ф. С. за помощь в издании настоящей работа.

Особо считаю нужным отметить товарищескую благодарность т. т. Доронину М. П. и И. А. Меньшикову, оказавшим большую помощь в редактировании и издании настоящей работы.

ПЕРВОБЫТНО-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОМИ КРАЕ.

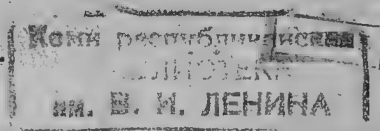
1. Общие замечания.

Вопросы первобытно-коммунистического общества, еще в глубокой древности привлекали внимание отдельных ученых. Но отсутствие исторических документов этой эпохи, не давало возможности возсоздать исторический облик этого отдаленнейшего периода человеческой истории и последнее стало возможным в эпоху Маркса и Энгельса, развитием целого ряда наук, как то: этнографии, археологии, лингвистики и фольклора.

Буржуазные ученые, замечая повсеместное развитие капитализма, его разрушающее влияние на остатки родово-племенного быта, еще сохранившихся у некоторых народов крайнего севера и сибири, стремились изучить эти остатки и сделать их достоянием науки. Появляется работа Бахофена—„Материнское право". „Первобытное имущество"—Моргана. Но только Энгельс и Маркс, на основании изучения фактического материала о жизни отсталых народов, переживавших стадию родово-племенного строя создали теорию первобытно-коммунистического общества, как первичной общественной формации, пережитой людьми в отдаленнейшем прошлом.

Эта теория Маркса и Энгельса о первобытно-коммунистической формации общества была встречена в буржуазном ученом мире также враждебно, как и теория Дарвина о происхождении человека. Этим и обясняется то обстоятельство, что вопросы первобытно—коммунистического общества, по сравнению с другими историческими вопросами изучены очень слабо.

А что значило изучить эти вопросы? Это значило, ознакомить широкие массы трудящихся с тем, что в истории человеческого общества было время, когда не было классов, люди жили общинами, не было частной собственности, эксплоатации человека—человеком, когда люди не знали никаких форм государственной власти. Изучать историю первобытно—коммунистического общества—это значило научно доказать, что можно жить и работать без господ капиталистов и помещиков.

Маркс и Энгельс это доказали. Они не только доказали существование первобытно-коммунистического общества, но разработали и доказали не только возможность, но и неизбежность установления научного коммунизма. Парижская коммуна, вызвавшая революционный восторг Маркса и Энгельса и наиболее передовых слоев рабочего класса во всем мире и бешеную ненависть капиталистов всего мира—была первой попыткой французских пролетариев осуществить этот коммунистичеэкий строй—Борьба за коммунизм в эпоху империализма сделалась знаменем борьбы рабочего класса, знаменем, вокруг которого группируются все силы сознательных пролетариев. В СССР уже практически осуществляется коммунистичский строй, с корнем ломаются вековые устои капитализма и остатки феодальных формаций, рабочие и крестьяне сами управляют своим государством.

Буржуазия, для более успешной борьбы с развивающимся рабочим движением, через своих агентов, выступила со своей собственной теорией, по которой единственной и изначальной формой человеческого общества являлся капиталистический строй с его священной частной собственностью. Развивать и защищать эти антипролетарские теории—и было поручено наиболее заслуженным наемным писакам буржуазии—Каутскому Кунову и др., которые на страницах социал-фашистской печати занимаются ныне утверждением о том,что в истории никогда не было эпохи первобытного коммунизма, что изначальной формой человеческого общества являлся капиталистический строй. К хору ренегатов марксизма присоединился и проф. Грушевский, который также утверждает, что частная собственность, которую большевики окончательно изживают существовала всегда со времени существования первых людей на земле. Поэтому, по мнению Грущевского, ликвидация частной собственности есть не что иное, как нарушение элементарных и необходимейших форм человеческих отношений созданных людьми в процессе своей многовековой истории.

Как бы Каутский и его единомышленники ни пытались отрицать существование в прошлой истории народов эпохи первобытно-коммунистического общества, это им не удастся. Мы попытаемся на примере изучения одного из народов СССР —на примере истории КОМИ народа—доказать, что и народ КОМИ в отдаленейшем прошлом переживал эпоху первобытно —коммунистического общества.

II. Основные этапы развития первобытно-коммунистического общества.

Отсутствие исторических документов об историко—экономическом развитии народов крайнего севера, в частности народа Коми, не дает возможности более подробно говорить о их более ранних фазах исторического развития, но пользуясь но-

вейшими данными марксистской лингвистики, этнографии и археологии, все же возможно хотя бы приблизительно, в общих чертах, восстановить древнейшие этапы в исторической жизни народов крайнего севера, как-то: коми, ненцев, лопарей, карел и т. д.

Рассматривая древнейшие стадии человеческой истории, в частности эпоху первобытной орды, которую переживали люди в отдаленнейшем прошлом, мы узнаем, что люди этой эпохи жили на деревьях, в пещерах, питались кореньями различных растений, речными раковинами, как и все прочие травоядные животные. „Выделившись первоначально из жизни животных,— пишет Энгельс—люди вступили в историю еще в полуживотном состоянии, дикие, беспомощные перед силами природы, не знакомые со своими собственными силами, они были бедны, как животные и производили не больше их“ (Энгельс, Анти-Дюринг, 165 стр. М. Гиз. 1931 года),

Но, несомненно, что, под влиянием внешней среды, в связи с добыванием пищи, одежды, обуви, защиты от нападения хищных зверей, человек постепенно научился не только пользоваться примитивными орудиями, как-то: палкой, камнем, но и производить более совершенные оруция.

Если первобытные люди до создания родово-племенной организации жили в условиях первобытной орди, это не значило, что внутри их не было никакой организованности и зачатков семейных отношений. Последние, исходя из инстинктивного стремления поддерживать потомство, вынуждены были создавать и семейные ячейки, чтобы не только воспроизводить себе подобных, но и заботиться о своем молодом поколении, защищать их от неблагоприятных природных условий жизни, от нападения диких зверей и т. д. Мать, которая непосредственно рождала ребенка, в силу необходимости наделялась и способностью ухаживать за детьми, заботиться об их питании. В виду того, что отец часто уходил на охоту, рыбную ловлю на довольно продолжительное время, эта забота ложилась исключительно на мать. Поэтому, еще на начальных фазах развития первобытно-коммунистического общества продолжал расти и крепнуть союз матери и ребенка, росла и развивалась самостоятельность женщины, которая в своем дальнейшем развитии привела к матриархальной родовой организации когда женщина,пользуясь частыми и продолжительными отсутствиями мужа захватила в свои руки все хозяйство семьи и поставила, таким образом, мужчину в полную от себя зависимость.

Первая форма древнейшей семьи, предшествовавшая эпохе матриархальной родовой организации, является так называемая случайная семья,характерной чертой которой является полная свобода половых отношений между полами внутри данной общественной единицы. В такой семье очень трудно было установить, кого

следовало назвать отцом, матерью, сыном, дочерью, так как все они на известной степени возмужалости находились в половой связи между собой.

„В первобытном состоянии человеческого общества"— пишет Ф. Энгельс,—господствовала полная свобода половых отношений в пределах определенного племени, так что в нем каждая женщина принадлежала каждому мужчине и каждый мужчина каждой женщине". (Энгельс „Происхождение семьи, частной собственности и государства, 10—11 стр.).

Эта форма семьи существовала у всех народов на данной стадии их первобытного состояния. „Без этой формы"—пишет далее Ф. Энгельс;—необяснимо дальнейшее развитие семьи" (там же, стр. 11).

О существовании случайной формы семьи у народов крайнего севера, в частности у коми народа, указывает целый ряд родовых пережитков свободного полового общения между людьми.

Эта первоначальная форма случайной семьи в условиях первобытной орды не оставалась неподвижной, а изменялась в связи с изменением производительных сил и производственных отношений, переходя к другим формам семьи, в частности, к пуналуа семье. Если в случайной семье вся семья целиком находилась в половой связи между собой, то в пуналуа семье мы видим уже исключение из сожития родителей своими детьми, братьев и сестер между собой. „Как только вошло в силу запрещение половых сношений между родственниками по матери и единоутробными — пишет Ф. Энгельс— вышеупомянутая группа обратилась в род, т. е., установился кровородственный союз по женской линии,члены которого не могли входить в половые сношения между собою. Общие социальные и религиозные учреждения все более укрепляли этот союз и обособили его от других родовых союзов того же племени. Допустив, что род необходимо и естественно образовался из пуналуа семьи, мы должны вместе с тем признать, что эта форма семьи существовала у всех народов, у которых мы находим следы родового быта, т. е. у всех варваров и цивилизованных народов". Там же, стр. 14.

О существовании в прошлом матриархальной формы семьи у коми свидетельствует ряд пережитков родового строя, которые указывают, что и женщина у коми занимала довольно видное место в семье и обществе. „По воззрениям зырян,—говорит проф. Налимов—женщина выше царя, архирея, попа, она не должна первая кланяться им; в момент родов она бывает наравне „с богородицей". (Налимов—„К этнологии Коми „Коми му". № 3—1924 г., 49 стр.). То, что коми народ переживал стадию матриархата подчеркивает и проф. А. Грен, который указывает, что „существуют указания на то, что

главное божество на севере было женское. Так еще Герберштейн указывает в Обдорской стране божество Зарни—Ань, очень похожее на персидскую Анахат. —Возможно также, что это являлось остатком гинекократии, а следовательно, и крупных пережитков матриархата".—(Проф. А. Грен—Материалы для палеоэтнографии зырян из финской „Калевалы". Ж. „Коми му" № 1—2. 1924 г., 54 стр).

На данной стадии развития родовой организации, мать являлась не только главой семьи, но и распорядителем всей хозяйственной жизни семьи. Так, Энгельс, по поводу сохранившихся пережитков материнского рода у племени Сенека Ирокезов, пишет, что „обыкновенно домашним хозяйством распоряжались женщины, все припасы были общие, и горе тому несчастному мужу или любовнику, который по лености или неспособности ничего ни внес в общий продовольственный запас. Сколько бы детей не имел, какою бы недвижимостью ни располагал, каждый мужчина должен был ежечасно ожидать приказание связать дорожный узел и убираться вон. И он беспрекословно исполнял такое приказание, ибо в противном случае жутко бы пришлось ему, он или возвращался в свой клан (род) или искал нового брака в другом клане. Женщины пользовались в клане (роде) большою властью, и только случайно они не додумались до того, что могут смещать и обращать простых воинов предводителей клана (рода)". „(Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, 15-16 стр.).

Какие же основные причины коренились в гибели этой формы семьи? Основной причиной являлся нарождавшийся антагонизм между полами в связи с вопросом наследования. В условиях господства матриархального рода—происхождение детей считалось не по отцовской, а по материнской линии, в результате чего, после матери, как главы семьи, все хозяйство переходило родственникам матери по женской линии. Ни муж, ни дети ее ничего не получали, кроме тех вещей, собственниками которых они являлись. Ясно, что этот порядок наследования в эпоху более развитых родовых отношений являлся уже устаревшим и не отвечал тем изменениям, которые произошли в хозяйстве родовых союзов. Если на более низших фазах родовой организации, руководителем в хозяйственной жизни семьи являлась женщина, то в условиях более развитых родовых отношений—выделился мужчина. Занимаясь охотой, рыбной ловлей, скотоводством, сельским хозяйством, он постепенно превратился и в собственника созданных им хозяйственных благ, предназначенных для удовлетворения потребностей семьи. Но фактически и „юридически" это господство мужчин в хозяйственной жизни семьи встречалось с устаревшими формами материнского права, согласно коей мать являлась не только главой семьи, но и распорядителем хозяйства.

Для того, чтобы изменить это положение, надо было уничтожить материнское право наследования по женской линии. Это было достигнуто разрушением матриархальной семьи и установлением так называемой патриархальной семьи. „Уничтожение материнского права—пишет Энгельс—было всемирно историческим поражением женщины. Муж стал господином и в домашнем хозяйстве, женщина была угнетена, порабощена, сделалась рабою прихотей мужа, годной только рождать детей“ (Энгельс, там же стр. 19).

Установившаяся новая форма патриархального рода представляет собой более высшую форму развития родовой организации, остатки которой сохранились у некоторых народов и до наших дней. Г. А. Старцев в своей работе „Самоеды“ указывает, что в настоящее время на территории Б. Земельной Тундры отдельных родов живет более 10.

Такова tal'ej (вор), об'единяющий до 80 человек, xetunsi (название от водоворота в реке, где погибло много оленей во время борьбы с какой-то чужой народностью, (Хатанзейские: они об'единяют до 300 человек, vəne хар (русское Ванокан, т. е. собачьи сани). где числится более 10 чел; sadei (идол), об'единяющий до 50 чел., noho—песец, совр. русск. Ноготыся, который об'единяет до 70 чел., pahan seda—Ледковы; досл. жители на мысу морской губы, об"единяющие до 120 чел; xaruci (русск. Карачей, т. е. кочевники, не желающие встречаться с русскими и их бытом) (они об'единяют до 2000 чел., pyre (pivi) соврем. пыерка, т. е. щука), включающие до 60 чел.; vylyptus или vylko (современ. Вылка, т. е. глазеющий и крадущий чужих жен) об'единяет до 150 чел. и т. д. (Г. А. Старцев—Самоеды. Л. 1930 г. 78 стр.)

Рассматривая вопрос о родовых организациях коми народа, надо заметить, что и коми не пошел в своем историческом развитии каким-то самобытным путем, а пережил те же формы родового строя, что и другие финские и славянские племена. „Род—пишет Энгельс—есть учреждение общее всем варварам до самого их перехода в цивилизацию и даже в начале цивилизации свойственное“ (Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства. Изд. 2 Пролетарий, 34 стр. 1925 г.)

В ту отдаленную эпоху родовые и племенные организации являлись важнейшими об'единениями людей в борьбе за существование. Только коллектив мог успешно бороться с неблагоприятными первобытными условиями жизни, руководить хозяйственной деятельностью. Если у ненцев и ряда других народов Сибири до настоящих дней сохранились остатки родового быта, то у Коми, ранее других народов, втянутых в торгово-капиталистические отношения с Новгородом, затем с Московским государством и эти остатки сохранились до октябрьской революции только в виде общинных форм землевладения, представляющих собой остатки прежней родовой организации.

„От Индии до Ирландии“ — пишет Энгельс в Анти-Дюринге — обработка больших земельных пространств производилась первоначально такими родовыми и сельскими общинами“. (Энгельс Анти Дюринг, 1918 г. 156 стр.) В коммунистическом манифесте Энгельс пишет, что — „общинное землепользование в России было общественной основой, от которой отправлялись в своем историческом развитии все германские племена. Постепенно оказалось также, что сельская община с общинным землепользованием была первоначальной формой общества от Индии до Ирландии (Маркс „Энгельс“ „Коммунистический манифеста“ стр. 50 Гиз 1930 г.) Следовательно, сельская община, существовавшая и у коми народа, является ярким доказательством того, что и коми народ в известный период своего исторического развития, независимо от той территории, где он переживал эпоху родового строя.

Что же сплачивало людей в общинно-родовые коллективы? Силой, которая сплачивала людей в родовые коллективы, являлось общественное производство. Охота на диких зверей требовала участия целого коллектива. Первобытное земледелие, с которым аборигены севера были знакомы еще в глубокой древности, тоже требовало коллективного участия. Одному человеку, одной семье такие работы были не под силу и только усилиями всего родового коллектива можно было их выполнить. Наконец, приручение сельско-хозяйственных животных, в частности оленя —тоже требовало участия целого коллектива. Нужно было поймать этих животных, приручить их, поставить их в такие жизненные условия, чтобы последние давали потомство и научиться эксплоатировать их физическую силу. На это требовалось очень много времени. Поэтому приручение северного оленя и других домашних животных было одним из наиболее важнейших занятий родовых союзов. Оно давало им пищу, жилище, обувь и позволяло делать накопление, т. е. создавать резервный фонд на случай голода.

„Все развитие человеческого общества после стадной животной дикости,—пишет Энгельс—начинается с того дня, когда труд семьи стал создавать больше продуктов, чем было необходимо для ее поддержания, когда часть труда могла затрачиваться на производство, уже не только жизненных средств, но и средств производства. Избыток продукта труда над издержками содержания труда и как результат этого, образование и увеличение общественно-производственного и резервного фонда были и остаются основой всякого общественного, политического и интеллектуального прогресса. *)

*) Энгельс, Анти-Дюринг, 180 стр. Л. Гиз. 1931 г.

Увеличение общественно-резервного продовольственного фонда родовых союзов, коммунистическое распределение между членами родовой общины—по принципу древних коммунистов—„с каждого по способностям и каждому по потребностям"—при ограниченности средств потребления, вырабатываемых общественным производством—играл чрезвычайно видную роль в деле сплачивания людей в родовые и племенные организации. Только родовой коллектив мог успешно и больше производить предметов питания, мог меньше тратить энергии на производство средств питания, чем индивидуальная семья.

Возникновение племенной организации относится к эпохе более развитых коммунистических отношений, зачатки которой мы усматриваем еще в период установления единобрачной семьи. Энгельс указывает, что „От брака между членами неродственных родов произошло племя, более сильное физически и нравственно; при скрещивании двух прогрессирующих родов—естественно увеличивался об'ем черепа и мозга их потомков, ибо способности последних составляют сумму способностей первых. Поэтому племена с родовым бытом, более развились, чем оставшиеся при прежней семейной форме" *). В другом месте Энгельс, еще ярче подчеркивает указанную нами мысль.—„Круг их общей деятельности—обнимает совокупность всех общественных дел, ибо весь уклад рода, братсва и племени развился из рода, как из общественной единицы" **).

Наиболее основной причиной формирования племенных союзов являлась развивающаяся хозяйственная связь между отдельными родовыми союзами. Охота требовала более широких территорий. Наконец сама охота требовала участия целого ряда родовых коллективов. Следовательно само хозяйство втягивало отдельные родовые союзы в общий производственный процесс и тем самым разрушало хозяйственную замкнутость отдельных родовых союзов.

Довольно значительную роль в формировании племенных союзов играли и военные столкновения между отдельными родами. Для того, чтобы защищаться от неприятелей, отдельные малочисленные роды должны были об'единяться между собою в более крупные племенные организации.

Удачные походы чрезвычайно способствовали к созданию и продлению этого союза на случай военных нападений.

В деле создания племенных союзов,—видную роль играли и родовые старейшины. Последние, занимаясь хозяйственными делами, конечно не забывали своих интересов. Они прекрасно знали, что при большом хозяйстве можно получить себе больше прибавочных продуктов, чем это возможно было в пределах

---

*) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 14 стр. 1931 г.

**) Энгельс, там-же, стр. 46.

замкнутого родового хозяйства. Родовые старейшины, пользуясь властью и правом распределения общественных продуктов между членами рода, обычно часть этих общественных продуктов присваивали себе. Именно, интересы присвоения части прибавочной продукции заставляли родоначальников стремиться к об'единению отдельных родов в племенные союзы.

Племена Коми, занимая берега рек Мезени, Вашки, Выми, Вычегды, Камы, Печоры и т. д, представляли собою замкнутые обособленные племена.

Эта обособленность вытекала не только из самой социально—экономической обстановки тогдашнего времени, но и из целого ряда особенностей географического характера самой местности, например — дальности расстояния, отсутствия путей сообщения и т. д. Наиболее ярко выделяющимися племенами Коми XIV века мы считаем вычегодское, вымское, пермское и печорское племена.

Итак, подведем итоги: Коми народ, как и другие народы, в своем историческом развитии пережил и эпоху родово-племенного строя. „Родовой строй"—пишет Ф. Энгельс—должен был исчезнуть, предел его—племя, дальше он не мог итти. Уже в союзе племен можно заметить признаки упадка родового уклада *).

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ.

Основой, на которой выросло и оформилось первобытно-коммунистическое общество и являлось коммунистическое производство древних родово-общинных организаций. Роль коммунистического производства в историческом развитии Коми громадна. Оно способствовало об"единению древних Коми в родовые и племенные организации, способствовало созданию новых орудий и т. д. Они учились не только пользоваться орудиями производства, но и делать и совершенствовать последние. Только производство орудий, в форме каменных топоров, лук, стрел и т. д. отличало первобытных людей от животных. „Человек,—пишет Маркс—есть в буквальном смысле не только общественное животное, но и животное, которое только в обществе и может от"единиться. Производство от"единившихся личностей такая же безсмыслица, как развитие языка без совместно живущих друг с другом и говорящих индивидуумов" **).

Древние Коми, выжигая и вырубая леса, не только изменяли географическую среду, но и совершенствовали свои орудия. Если их первым орудием для охоты на зверя была заостренная палка или каменный топор, для разрыхления почвы—служила остроконечная палка, то в последствии были созданы и более сложные орудия.

---

*) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

**) К. Маркс, К критике политической экономии, 52 стр. Л. Гиз, 1931 г.

Производство в условиях родово-племенного строя носило коммунистический характер. Все общественные работы, как-то: рыбная ловля, охота, расчистка пашен, предназначенных для сельско-хозяйственного производства и т. д. производились коллективно, всеми трудоспособными членами общества.

Остатки этих форм первобытно-коммунистического производства сохранились до наших дней на крайнем севере, в частности у Коми. „На всех тундрах,—пишет Г. А. Старцев— широко применяется ловля пушных зверей загонами. Для этой цели самоеды соединяются в артели по 30-50 человек. Они окружают на санях пространство, преимущественно вокруг озера, и постепенно суживают этот круг, загнанных зверей бьют пешнями, стреляют в них из ружей. В Большеземельской тундре —артель в 10 саней совершает 2-3 круга за день. В загоне принимают участие и женщины. Ловля загоном по большей части очень выгодна. На артель берут 30-50-100 и более зверей" *).

Эти формы коллективной охоты мы встречаем и у Коми. Клавдий Попов, в своей работе „Зыряне и Зырянский край",—указывает, что „на охоту зыряне отправляются партиями, по словам одних от 2 до 5 человек, а по словам других—до 12 человек" **).

О коллективных охотах в прошлом указывают почти большинство историков и этнографов, высказывавшихся по вопросам хозяйственного быта коми.

Коммунистический способ производства вызвал к жизни и коммунистическое распределение. Каждый участок общественного производства в пределах своей родово-племенной организации имел право на определенную долю общественного продукта. Так ненцы, по исследованию Г. А. Старцева, до настоящего времени придерживаются этих начал коммунистического распределения убитой дичины. Ненцы „добычу делят между всеми участниками поровну. Случается так, что незначительная добыча продается тут же какому-либо богачу и вырученную сумму участники делят поровну, или еще тут же эти богачи берут от отдельных участников за долги" ***). Остатки первобытно-коммунистического распределения мы видим во второй половине XIX в. и у Коми пермяков. „На промыслах"—читаем мы в журнале „Мирской вестник"—вся добыча поступала в складчину, все делилось поровну, или же продавалось гуртом в одни руки и деньги также делились поровну между охотниками. При дележе не было и помину о том, что один настрелял больше, а другой меньше" ****).

---

*) Г. А. Старцев. Самоеды, 73-74 стр. Изд. Института народов Севера ЦИК СССР Л. 1930 г.

**) К. Попов Зыряне и зырянский край, 23 стр. СП 1877 г.

***) Г. А. Старцев. „Самоеды" 74 стр.

****) „Мирской вестник"—кн. 10, отд. III, 29 стр. СП. 1877 г.

В отношении Вычегодско-Сысольских зырян, Кл. Попов также указывает, что „на промыслах добыча каждого охотника известной партии поступает в общую массу, и при дележе ее все получают равные доли, хотя иной и не так удачно охотился, как другие“ *).

Такой же коммунистичеекий характер в условиях первобытного-коммунистического общества имело и потребление. Для человека этой эпохи, который еще не отделял себя от общества, от общественного производства—не существовало ничего такого, что не принадлежало бы обществу. Поэтому, продукты питания в такой же мере принадлежали ему, как и другим членам родовой организации.

Пережитки этого коммунистического потребления кое где сохранились во второй половине XIX в. и у Коми народа. Так, охотники, израсходовав свои продовольственные запасы, могут воспользоваться продовольственными запасами, хлебом, дичью, не только у знакомых охотников, но и совершенно незнакомых им лиц. Так, тот же Кл. Попов замечает, что „охотники других партий, истощив свои запасы берут себе необходимое из временных кладовых (сделанных охотниками, В. П.), но всегда взамен взятого оставляют часть собственной добычи. Рассказывают также, что зырянин, которого застигнет в лесу голод, считает себя вправе взять птицу из чужой ловушки, но не иначе, как ощипав ее известным образом, чтобы настоящий хозяин знал, что не хищному зверю она досталась“ (К. Попов. „Зыряне и Зырянский край“.—49 стр.).

Ермолов, в своей статье „Поездка на Печору“, также отмечает наличие этих пережитков у печорских коми. „Гостеприимство у зырян развито до того,—пишет указанный автор,—что проезжие, нисколько незнакомые хозяину заходят свободно в его избу, даже во время его отсутствия и не только отдыхают в ней, но даже пользуются пищей, которую предусмотрительный хозяин оставляет на случай прихода путника на видном месте своей избы.“ (Н. Ермолов „Поездка на Печору, газета“ Архангельские губ. ведомости, 1887 г. № 87).

Мы могли бы еще привести массу подобных документов, но в этом нет надобности, так как и на основании этих данных можно утверждать, что коми пережил не только коммунистическое производство, но и коммунистическое распределение и потребление.

Эти пережитки первобытно-коммунистического способа производства, сохранившиеся до сих пор у ненцев, лопарей, карел, коми—ярко свидетельствуют о том, что народы крайнего севера переживали в отдаленнейшем прошлом коммунистическую стадию своего развития. Отмечая все эти факты,

*) К. Попов—Зыряне и зырянский край. 49 стр.

как уклады, сохранившиеся от первобытно-коммунистической формации, в условиях капиталистического строя доживали свои последние дни.

Кроме того надо заметить, что эти уклады, как напр. помочи и другие, искуственно поддерживались в условиях капиталистического строя кулаками, купцами, ростовщиками, как средство для жесточайшей эксплоатации труда помочан.

А дореволюционные историки и этнографы встречавшиеся с этими укладами, приходили в восторг и возвещали миру, что на севере они открыли древне коммунистические общины, тогда как эти уклады в условиях капиталистического строя являлись лишь средством для кулацкой эксплоатации бедноты.

В условиях первобытно-коммунистического общества охота являлась одной из наиболее распространеннейши занятий у народов крайнего севера, в частности коми. С изобретением первобытных орудий охота на хищных зверей сделалась менее опасной, потому получила и большое развитие. Обнаруженные Коми археологической экспедицией, организованной в 1925 г. обществом по изучению Коми края при раскопке Карамыльского городища, ряд железных, бронзовых и костяиных наконечников стрел, свидетельствуют не только о том, что охота человека в эпоху первобытно-коммунистического общества уже составляла важнейшую отрасль общественного производства, но и то, что люди, оставившие нам эти наконечники—переживали высший отдел дикого состояния. „Высший отдел дикого состояния—пишет Энгельс—начинается с изобретения лука и стрелы, вследствии чего дичина из случайной делается постоянной пищей, а—охота нормальным трудом. Лук, тетива и стрела—весьма сложный инструмент, изобретение его было возможно лишь при значительно накопленном опыте, изощренном размышлении труда и после многих предшествующих открытий“ *).

Обнаруженные многочисленные наконечники каменных, костяных, бронзовых и железных стрел на территории всего Вычегодского и Камского края, указывают на то, что аборигены, населявшие берега р. Вычегды, Камы, Выми, Сысолы, Ижмы и т. д. занимались не только охотой, но и производством орудий охотничьего производства. Что касается вопроса о том, каким народом сделаны эти предметы, то можно определенно утверждать, что большинство орудий безусловно были приготовлены коренными жителями этого края, т. е. коми.

Наше утверждение подтверждается и тем обстоятельством, что самый могильник и предметы в нем обнаруженные по данным исследователей этих могильников—относятся к XI-XIV в. в. Так относительно датировки городища Карамыльк и предметов, обнаруженных в городище авторы относят к XII-XIV в.в. нашей

---

*) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Одесса 1922 г.

эры, хотя возможно, что оно возникло немного ранее XII в. и продолжало существовать после XIV в. *).

Относительно раскопки могильника „Гид-сай-яг“ против дер. Княжпогост Устьвымского района, где также найдены наконечники различных стрел, исследователи пишут, что „самой поздней датой для некоторых (предметов ВП) из них — является XII в., для других же предметов он является начальной датой, следовательно предлагаемая датировка будет наиболее приемлемой“ **).

На основании этих археологических данных можно смело утверждать, что большинство предметов, обнаруженных на могильниках, сделаны коми. Ясно, что раз они занимались охотой, то без сомнения, они умели приготовлять и соответстующие охотничьи и другие орудия. Отмечая это, мы совершенно не отрицаем и факта заимствования.

„История знает и такие примеры, когда орудия одинаковой формы встречались не только на территории севера и юга Сибири, но и Африки. Так Кушнер (Кнышев) указывает, что „на Алтае древние золотые розсыпи разрабатывались медными ломами, что роль молота играл круглый камень с бородкой на поверхности для прикрепления ремня, заменяющего рукоятку; подобные инструменты встречаются и в Африке“ ***). Это совершенно не указывает на то, что африканские народы делали свои визиты сибирским народам, а ярко свидетельствует о том, что производство орудий производства составляло необходимый элемент жизни каждого народа, независимо от той территории, на которой последние жили в различные периоды своей исторической жизни.

Исторически мы можем установить, что охота, как видная отрасль производства, была довольно сильно развита с XI в. Данные русской летописи указывают, что в XI в. население коми уже платило дань мехами, и что югричи жившие рядом с коми, вели торговлю с Новгородскими купцами, обменивая меха на предметы производства новгородских славян. Это дает нам основания предполагать, что в XI в. охота на зверей была уже в достаточной мере развита. Первобытные леса севера были очень богаты пушным зверем. Это богатство края привлекало новгородских купцов на территорию коми и послужило одной из важных причин ряда завоевательных войн со стороны новгородского торгово-ростовщического капитала на протяжении XI-XIV в. в.

Примитивные орудия охоты, как-то: лук, стрелы, у коми народа сохранились до начала XVII века. Во время первой крестьянско-казацкой революции—1604-1611 г. г.—Вятчане и Коми, призванные в войска, были вооружены стрелами и копьями. Как

---

*) Записки Общества изучения Коми края, вып. I, 13 стр. 4 1929 г.
**) Там-же, стр. 24.
***) Кушнер. Первобытное родовое общество, 241 стр. М. 1925 г.

пережиток, употребление луков и стрел сохранилось частично у ненцев и остяков до сих пор. Исследователь быта остяков Г. А. Старцев указывает, что „охота производится самыми примитивными орудиями. Добрая половина ружей—старые кремневые. Еще и теперь остяки, покупая берданку, переделывают ее на кремневку. Кроме того, ловят зверей и птиц различными силками, луком самострелом, чирканом и перевесами. Во всех районах попадаются охотники, вооруженные только ручным луком. На реке Вах лук в годы революции ценился дороже, чем ружье, а в 1924 г. лук и ружье—в цене сравнялись. Лук—6-14 р., ружье —12-15 р." *).

Другим не менее важным занятием древних коми являлось и рыболовство, Это подтверждается обнаруженными в Вычегодском крае рыболовными крючками, сделанными из „железной проволоки, один конец которой расплющен для скрепления с лесой, другой-же оканчивается жалом". (ст. „Раскопки археологической экспедиции Коми края"—записки Общества изучения Коми края, вып. 1 8 стр. У. 1928 г.). Хотя археологами и не установлено, когда и каким народом эти крючки приготовлены, но здесь важен самый факт, что приблизительно в XI в. местное Коми население уже занималось рыболовным промыслом. По всей вероятности и эти рыболовные крючки были сделаны аборигенами крайнего севера, в частности и коми.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Коми в условиях родово-племенного строя занимался и рыболовством. Это же позволяет нам утверждать, что народов, занимающихся исключительно охотой не было, что они, одновременно с охотой занимались и рыболовством. Энгельс совершенно правильно замечает, что „исключительно охотничьих народов, как их описывают в разных книжках, т. е. таких, которые живут исключительно охотой не было, и не могло быть, по той простой причине,что успех охоты не был обезпечен" **).

Скотоводство, как отрасль хозяйства, возникло у Коми непосредственно после охоты. По всей вероятности первые животные, в частности северный олень,—были приручены, в результате поимки во время охоты.

Охота на оленя не представляла собой большого затруднения, так как в условиях IX-XI в. в. оленей было огромное количество. Новгородские купцы, посетившие берега Вычегды еще в XI в. указывали—на значительное количество оленей в Печорском крае.

О том, что скотовдство было развито очень давно, доказывают и археологические исследования. Так напр. проф. Рютамейер,

---

*) Г. А. Старцев. Остяки. Социально-этнографический очерк, 34 стр. Изд. Прибой, 1928 г.

**) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 6 стр., 1922 г.

исследовавший „кострища“, являющиеся древнейшими памятниками железного века, нашел на территории Чердынского у. кости различных животных, главным образом лошадей, рогатого скота, коз и свиней. Поэтому поводу Ф. А. Теплоухов замечает: „эти данные указывают прежде всего, что человек, оставивший нам кострища, вел уже оседлый образ жизни, так как понятно, что кочевать в дремучих лесах, перерезанных реками и болотами, с стадами рогатого скота, свиней и коз, хотя бы только в летнее время,—совершенно невозможно“*). Между прочим о разведении скота упоминается и в русских летописях: „В сем же лете (1341—В. П.) хлеб был дешев, а скот рогатый помре“**).

Уже археологической экспедицией в 1925 г. при раскопке городища „Карамыльк“ по р. Вычегде обнаружены 2 конских удила, которые состоят из 2 стержней с загнутыми в виде петель концами для скрепления между собой и со свободно вращающимися кольцами для скрепления ремня. Подобные „удила“ датируются для финских могильников III—VII в.в., а славянских —X в. и позднее***).

Разведение рогатого скота первоначально имело место в Камско-Вычегодско-Вымском бассейне, а приблизительно в XIV—XV в.в. оно распространилось и в более северных частях. Занятие скотоводством давало коми населению пищу (мясо) и одежду (в виде шкур), а оленеводство помимо этого еще и рабочую силу для производства сельско-хозяйственных и различных строительных работ (перевозка тяжестей и т. д.). Занимая бассейн р. р. Вычегды, Выми, Сысолы, Камы и др., население Коми располагало достаточным количеством пастбищ для того, чтобы содержать летом домашний скот на подножном корму и запасти достаточное количество корма на зимний период.

Наряду с охотой и скотоводством население Коми занималось и земледелием. Первобытным орудием для обработки земли был древесный ствол слегка с обрубленными сучьями. При помощи этого орудия древние коми разрыхляли почву, чтобы сделать ее пригодной для посева. Для вспахивания-же почвы служил „дор“, т. е. остроконечная палка, которая и выполняла работу позднейшей сохи. Исторических документов XI—XIV в. в. об этом виде занятий жителей Вычегодско-Камского края мы не имеем, кроме археологических данных, на основании которых мы и можем восстановить состояние с.-х. техники за этот период. Различные с.-х. орудия, обнаруженные Теплоуховым в Чердынском и Соликамском уездах Пермской губ., дают нам

*) Пермский край, т. I ст. Теплоухова—Земледельческия орудия пермской чуди.

**) „Полное собрание русских летописей“, т. III,II Новгородская летопись. с. 81, II ст. 1841 г.

***) „Записки общества изучения Коми края“, в. I, 1928 г. с. 8.

основание предполагать, что в древности в этом районе было развито земледелие. К таким земледельческим орудиям относятся лесорубные топоры, мотыги, ральники, лемеха, серпы, косы и т. д.

Лесорубные топоры, найденные в Соликамском и Чердынском уездах, применялись главным образом для рубки леса под пашни. Если земледелец для расчистки леса пользовался огнем, то топор служил ему орудием для раскорчевки пней, так как пожар, уничтожавший деревья, оставлял большие пни с подземными корнями, которые мешали обработке земли. „Топоры этого типа,—говорит Ф. А. Теплоухов,—имеют длинное закругленное лезвие и овальный проух, которому соответствует закругленный обух. Кроме того, края проуха вытянуты как вверху, так и внизу в небольшие кончики, которые имеют целью более прочно укрепление топора в рукоятке" *).

Для разрыхления почвы служили мотыги, применявшиеся также для раскорчевки подземных корней. Мотыга представляет собой дальнейшее развитие топора, ибо „для переделки топора в мотыгу стоило только изменить переднюю плоскую его часть таким образом, чтобы лезвие приняло поперечное, относительно рукоятки, положение". Теплоухов указывает, что „ряд таких мотыг найден в Гаинской вол. (Вашгорт) Чердынского у." с чисто зырянским населением.

Для распахивания почвы служили и так называемые „ральники" или „лемеха", изготовлявшиеся из железной пластинки и имевшие форму равнобедренного треугольника. „Ральники" были в изобилии обнаружены Теплоуховым, главным образом в Чердынском и Соликамском уездах. Чтобы установить качество ральников, как орудий для распашки полей, Ф. А. Теплоуховым был произведен опыт. Специальным мастерам был изготовлен ральник (точная копия найденных ральников), состоявший из: 1) поперечного бруска с двумя рукоятками; 2) вставленной в этот брусок изогнутой спереди дощечки, на конец которой был насажен ральник; 3) двух оглоблей, соединенных между собою на некотором расстоянии от рукоятки поперечным бруском и 4) железного упорика, заменявшего плотину. „Проба этого ральника показала, что для того, чтобы пахать им, лошади совсем не нужно, ибо достаточно силы одного взрослого человека, чтобы тащить устроенное мною орудие не только по паханному за год перед тем полю, но и по задернелой почве. При этом второй рабочий, держась за рукоятки, управлял ходом орудия и в то же время помогал двигать его в почве, что также не требовало особых усилий" **).

---

*) Теплоухов Ф. А. „Земледельческие орудия пермской чуди", Сборник „Пермский край". Пермь. 1892 г., т. I, с. 66.

**) Там-же, с. 83—84.

Для уборки с.-х. растений применялись серпы и косы, которые сильно напоминают наши современные. Одна коса найдена около дер. Бормотовой, Верх-Иньвенской вол., Соликамского у.; на речке Вылым-мыс-шор в Гаинской вол., Чердынского у., около дер. Чазевой найдено чудских кос *). Точно такой же лемех, представляющий тот же ральник для вспахивания полей, был найден в 1925 г. при раскопке городища Карамыльк, расположенного на берегу Вычегды. Лемех был „приготовлен из треугольной пластинки, причем в задней части края его загнуты, что позволяло скреплять его с деревянной частью“**). Итак о развитии сельского хозяйства у коми в XI—XIV вв. мы можем судить на основании археологических данных, которые подтверждают, что население коми в районе Чердынского и Соликамского уездов уже занималось земледелием. Возможно, что земледелие, возникнув первоначально в Камском бассейне, постепенно проникло и в Вычегодско-Сысольский край, откуда земледелие постепенно проникло и в Ижмо-Печорский край. По данным Екатеринской законодательной комиссии 1767 г. видно, что земледелие распространилось по Печоре до Устьцильмы, жители которого жаловались, что вследствие холодов, хлеба плохо вызревают.

Начатки разделения труда, обмена и ремесла

Коми в условиях родово-племенного строя знали начатки разделения труда. „Мужчина сражается с внешним врагом—пишет Энгельс—охотится, ловит рыбу, добывает сырой материал для пищи и изготовляет нужные для его занятия орудия. Женщина заботится о домашнем хозяйстве, приготовляет пищу, ткет и шьет одежду. И тот и другой самостоятельно действуют в области своих занятий. Муж в лесу—женщина в доме“ ***)

По мере развития общественной техники, роста производительных сил, это первоначальное семейное разделение труда начинает принимать все более широкий общественный характер. Совершенствование первобытных орудий производства, специализация труда между отдельными родами способствовали появлению примитивных промыслов, следы которых заметны еще в XI—XII вв. Коми в это время знали уже частичное изготовление железа, из которого приготовлялись различные предметы домашнего обихода и украшения. Вполне возможно, что добыча железа имела место по р. Сысоле в 35—40 километрах от Усть-сысольска, богатого железными рудами, но возможно—в Кам-

*) Там-же, с. 89.

**) Статья „Раскопки археологической экспедиции Коми края“, „Записки общества изучения Коми края“, 1925 г., в. I, с. 7.

***) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 69 стр. 1922 г.

ском бассейне и на Печоре. Юрята Рогович, посланный на Печору для сбора дани с населения Печорского края, посетив Уральские горы, сообщил весьма интересные сведения о промышленном развитии Урала. Он указывал, что: „В горах тех клич велик и говор, и секут горы, хотячи высечися и в горе той просечено оконце мало, кажут на железо и помовают рукою“ *).

Добыча железной руды и ее обработка в Вычегодско-Сысольском и Печорско-Камском крае, естественно, благоприятствовали усовершенствованию орудий производства.

При раскопках, произведенных в 1925 г. археологической экспедицией по изучению Коми края в Вычегодском бассейне, были найдены ножницы, относящиеся к XI-XII вв.; эти ножницы могли употребляться при шитье одежды и т. д., а возможно и для стрижки овец. Обнаружение же кроме ножниц, иглы и шила указывает на то, что шитье обуви и одежды играло крупную роль в родовом и племенном хозяйстве коми в XI—XIV вв.

Стрелы, ножи, топоры, копья и тому подобные предметы, обнаруженные на берегах Вычегды, свидетельствуют также о том, что в производстве этих предметов проводилась известная специализация; все вещи имеют различный вид, различное качество, изготовлены из различных материалов. Так, одни стрелы имеют железные наконечники, другие каменные и т. д. Изготовление одежды, посуды, обуви, украшений, охотничьих и рыболовных принадлежностей требовало, во-первых, соответствующих орудий производства, хотя бы самых примитивных, и, во-вторых, специализации труда, ибо один человек не мог производить все эти различные вещи. Так, например, одни специализировались в области рыболовства и охоты, другие в области скотоводства, и, в частности оленеводства, третьи— земледелия, четвертые — в области ремесленного производства.

Археологические раскопки, произведенные Берхом в Чердынском у. в 25 километрах от Чердыни, обнаружили печь, в которой плавили железо, а также много мелких железных поделок местного производства. Вот что он говорит об этих раскопках: „разрыл все места многими поперечными каналами и нашел только глиняную печь, в коей плавили чугун. Разрывши старинные города, во многих летописях упоминаемые, нашел я в первом только печи из глины битые, во втором несколько железных вещей, медные серьги и серебряное кольцо“**).

Эти археологические находки, которые по мнению Берха относятся к X—XI вв., вероятно принадлежали древним коми-пермякам. Существование печей, в которых плавили чугун и железо, свидетельствовало о производстве мелких железных

*) „Полное собрание русских летописей“, Воскресенская летопись, П. 1859 г., т. VIII, с. 118.

**) Берх, Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей П. 1821 г., с. 66.

поделок: колец, браслетов, а также ножей, стрел, топоров, ральников, кос и т. д.

Производство различных сельско-хозяйственных орудий, охотничьих и рыболовных принадлежностей, украшений и т. д, указывает также на то, что Коми в XI—XI вв. в пределах своих родов уже были знакомы и скотоводством, рыболовством, земледелием и торговлей, а также добыванием металлов и изготовлением из него различных предметов. Эта специализация, о которой мы упоминали уже выше — способствовало и дальнейшему росту производства, как например различных хозяйственных предметов, начиная с топора, мотыги, ральника, наконечников стрел, глиняной посуды, шитья одежды и кончая производством предметов роскоши: колец, браслетов и т. д. Ясно, что каждый член рода не мог сам делать все эти вещи, будучи обременен заботой о пище и одежде.

Каждое племя, занимая ту или иную местность, развивало тот вид промысла, который вытекал из экономических особенностей местности. Так, в Печорском крае преобладало производство одежды, приготовляемое из оленьих шкур, в Камском бассейне—производство руды и выделка различных предметов домашнего обихода.

В археологической литературе существуют два различных мнения относительно этнической принадлежности предметов XI—XIV вв. Чердынско-Соликамского бассейна. Теплоухов считает, что предметы, находимые в Чердынско-Соликамском крае, принадлежат древней Чуди, а археолог Шмидт считает эти предметы принадлежащими древне Коми-пермяцкому населению. „Я ни коим образом не могу согласиться с выводом Ф. А. Теплоухова—пишет А. Б. Шмидт, который в своей очень интересной и содержательной работе (Зуоле, т. XXXIX 1924 г.), кажется, хочет считать угорскими все пермские доисторические вещи (с. 108). Среди этих предметов имеются угорские, в этом я совершенно согласен с Ф. А. Теплоуховым; но наряду с ними несомненно встречаются и древне-пермяцкие. Вообще вопрос о принадлежности тех или иных древностей определенным народам очень сложен. В настоящей работе ограничусь указанием, что предметы XI—XIV вв. из б. Солиламского, Чердынского; и северной части Пермского уезда повидимому древне-пермяцкие, вещи же VI—VIII вв. с той же территории вероятно угорские“ *).

Значительное количество различных предметов как каменного, так и бронзового и железного производства, обнаруженных в Вычегодско-Камском бассейне в форме каменных, бронзовых и железных топоров, каменных и железных наконечников стрел,

*) А. Б. Шмидт. О Чуди и ее гибели; отдельный оттиск из записки ЗУОЛЕ, т. X., в. II, с. 51.

различной керамики, скребков, грузил, палиц и долота, пестов, отбойников, шил, игольников, кинжалов, удил, различных мелких украшений, все это представляло собою результат существовавшего в прошлом разделения труда, дальнейшее развитие которого создало, и условия для развития обмена.

Следовательно, обмен представлял собою результат существовавшего примитивного разделения труда, еще внутри родово-племенного строя. Энгельс, определенно указывает, что „на этой ступени общественного развития, во всяком случае обмен производился внутри племени и только в исключительных случаях. С обособлением же пастушеских племен явились все условия для обмена между различными племенами, все условия к его развитию и обращению в постоянное явление. Вначале обмен производился между племенами при посредстве их старейшин, но когда стада стали переходить в частную собственность, тогда мало по-мальски распространился и обмен между отдельными лицами и впоследствии обмен производился лишь в этой форме“ *).

Развитие обмена непосредственно связано с возникновением в пределах родово-племенного строя и известного накопления определенных продуктов. Если раньше, в условиях развитых родовых отношений, обмен еще не имел места, то в связи с дальнейшим развитием родово-племенного строя, с развитием производительных сил, техники, роста начатков ремесленного производства, развития земледельческо-скотоводческого хозяйства, наличия известного разделения труда, обмен стал необходимой формой общественного хозяйства. Первой формой обмена являлась простая форма, когда древний Коми менял лишнюю ему ненужную вещь на другую, в которой он нуждался. Так оленеводы меняли оленьи шкуры на железные лопаты и т. д.

Итак, развитие охоты, рыболовства, скотоводства, земледелия и разделения труда на основе дальнейшего развития производительных сил, вызывало и накопления различных предметов потребления внутри родово-племенных организаций, способствовавших к дальнейшему развитию обмена. Обмен являлся таким образом заключительным аккордом всего исторического развития первобытно-коммунистического общества, который и сыграл важную роль в ее разложении и создал условия для создания новой феодальной формации, о которой мы будем говорить в соответствующем месте. Теперь, мы можем познакомиться и с социальным строем первобытно-коммунистического общества.

---

*) Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собствен. и государства. 70 стр. Одесса 1922 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ.

Семья на ранних ступенях своего исторического развития, в частности в условиях матриархального рода, непредставляла собою еще крепко сплоченного коллектива людей. Последняя начинает принимать более устойчивую форму только с установлением единобрачной семьи, во главе которой стоял старший в семье, а затем уже отец. Старший в семье пользовался неограниченными правами, как в распоряжении имуществом своей семьи, так и жизнью ее членов. Он имел право наказывать каждого члена семьи, мог выдать дочь своего сына замуж против ее желания, как и женить его сына против его согласия. После старшего в семье наиболее авторитетным являлся отец. „Отец, как глава" — пишет Ефименко о лопарях—„имеет полную власть над своей семьей и всем имением. От отца, по существующему обычаю, власть переходит к старшему сыну, которому и подчиняется вся семья. Отец совершенно властен распоряжаться и дедовским имуществом, за исключением тех вещей, которые дед оставил внуку или внучке. Родители имеют полное право лишать непослушных детей наследства, если они пойдут против воли отца. Тогда они не получат никакой доли из имения, кроме ружья и приданого жены"*).

Такими же правами в эпоху родового строя пользовался в семье отец и у Коми. Добротворский указывает, что „старший пользовался решающим голосом по миру, всеобщим почетом и уважением, ему принадлежало право домашнего жертвоприношения, так как он в одно и то же время был и начальником и жрецом. Это уважение к старшим осталось среди пермяков и до сих пор"**).

Власть отца была настолько велика, не только у Коми, но и у русских, что он мог и детей своих обращать в рабство. Круковский так делится своими впечатлениями по этому вопросу: „Зачаем мой сосед оказался бывалым человеком, бывавшим не раз в Питере. А вы что там делаете? Да детьми торгую. Каждый год отвожу несколько десятков. Олонецкий крестьянин, в погоне за деньгами, в безвыходной нужде, или в желании составить карьеру своему сыну, продает его в город, отдает в мелочную лавку в приказчики, сподручные или ученики". „По дороге в Петербург"— читаем мы дальше у Круковского—„останавливается где-нибудь на грязном постоялом дворе. Отсюда уже происходит продажа мальчиков. Скупщик продает мальчика, смотря по его здоровью, по расторопности—торговцу на несколько лет и получает по условию в 3 и 4 раза дороже, нежели заплатил сам. Торговец

---

*) Ефименко. 28 стр.

**) Добротворский—„Пермяки", ж. „Вестник Европы" кн. III, 1883 г., 273 стр.

выправляет мальчику паспорт, одевает, поит и кормит его и всевластно распоряжается им. Некоторые привыкают, некоторые бегут из новой жизни, их возвращают, они снова бегут и тогда превращаются в бродяг. Увоз происходит ежегодно в громадных размерах*)

Отец являлся не только полным распорядителем всей хозяйственной жизни в семье, но и ее главным судьей. Эта власть старшего в семье или отца поддерживалась не только традициями родовых обычаев, но и той экономической властью, которой он обладал. Он мог лишить своего сына наследства— и последний—чтобы его не лишиться—упорно переносил его тиранию.

Как каждая отдельная семья имела главу семьи—старшего в семье или отца, так и каждая родовая организация имела старшего в роде—в лице родоначальника. В Якутии „во главе каждого рода стоял старший в роде, с которым все остальные члены рода были связаны действительным или мнимым происхождением от одного общего предка. Со смертью главы рода главенство переходило к старшему из его сыновей, и если их было много, то власть сосредоточивалась исключительно по старшей линии. Подобно тому, как отец в семье пользовался неограниченною властью над своими детьми, так и старший в роде, он же глава, отец и господин рода, пользовался такою же властью над целой группой семей, составлявших этот род" **).

Пользуясь якутскими сказками и преданиями, можно утверждать, что якуты знали и выборное родовое „управление." Так, на основании якутской сказки „Чирок" и „Беркут"—мы видим, что якуты „имели понятие о выборном начале, об общественных собраниях, о праве общества смещать своего выборного „господина" и выбрать другого, о праве каждого без исключения члена общества свободно заявлять свое мнение, оспаривать удачность выбора того или другого лица. Имели они также понятие о превышении власти выборными лицами в тех случаях, когда оно является судьею и исполнителем в своих личных столкновениях ***).

Родоначальники для решения важнейших вопросов родового хозяйства—созывали и родовые советы. „Они — читаем мы дальше у цитируемого автора — собирались обыкновенно только в очень редких случаях, как то: на ысках (народные празднества) устраиваемые родоначальниками, свадебные пиры, на которые собирались и соседи из других родов и даже иноплеменники для военных совещаний, в которых участвовали только лучшие люди" ****).

---

*) Круковский—Олонецкий край—245 и 247 стр., 1904 г.

**) Ст. „Якутский род до и после прихода русских"—„Памятная книжка Якутской области на 1896 г." вып. 1, 20 стр.

***) Там же, 21-23 стр.

****) Там же, 22-23 стр.

Такая же приблизительно структура родовой организации существовала и у коми народа. Добротворский указывает, что „в момент первого столкновения пермяков с русскими у первых было уже довольно прочное социальное устройство. Племя делилось на роды, и каждый род управлялся особыми начальниками, „старшими в роде“ *). Существование примитивного родового „управления“ диктовалось целым рядом обстоятельств. Нужно было решать различные хозяйственные вопросы разбирать споры между сородичами и т. д.

Род при рассмотрении тех или иных вопросов руководствовался исключительно традициями старины, не выходя из обычаев, унаследованных ими от своих предков. Позже, в условиях, развития частно-собственнических тенденций, родовое „управление“ всецело переходит в руки наиболее богатой части населения, что мы и видим уже в племенной организации.

Как у Коми, так и других народов, во главе племенных организаций стояли племенные вожди, которые впоследствии, в эпоху раннего феодализма, фигурировали под наименованием князей, которые затем укрепили свое положеиие вождя в качестве наследственной должности. Племенные вожди играли видную роль не только в хозяйственной жизни племени, но и во время военных походов. Они организовывали отдельные родовые союзы в одну военную организацию и под начальством общего племенного вождя выступали против своих неприятелей.

У якутов существовал и племенный совет. „Все якутские вожди — пишет Серошевский — были равны и выше над ними стоял только союзный совет. Последний также состоял, как и родовой из 3 кругов: в первом заседали родоначальники—вожди бос—уса—тоены и сосены, во втором господа-собственники — тоены, воины и витязи, богатыри, в третьем—малосостоятельный простой народ и молодежь. Роды размещались группами, каждая за своими представителями первого круга, что и теперь замечается в общих улусных собраниях, раз они устраиваются на привольи, на открытом воздухе. Решения союза были единогласны. Они исполнялись постольку, поскольку соответствовали пониманию народа, проявившемуся во время обсуждения допроса“**). Племенные советы существовали и у Бурят. „На ряду с единоличными властями“,—пишет Ковалевский—„мы находим у бурят и собрания всего племени, или отдельных племен. Они известны под названием „сучлен“—от глагола сучлалаха—собираться. На этих собраниях буряты обсуждают важнейшие дела и выбирают из своей среды родоначальников. На сучланах присутствуют: на родовых—все старосты и возрастные члены мужского пола, на племенных родоначальники и лица уполномоченные от родов“***).

*) Добротворский—„Пермяки“ 237 стр., ж. „Вестник Европы, кн. 9., 1893 г.
**) Сероневской, Якуты. Опыт Этнографического исследования, т I. 762 стр.
***) Ковалевский—Родовой быт, 246 ст.

Итак, племенная организация являлась высшей формой об"единения людей в эпоху первобытно-коммунистического общества была присуща почти всем народам. Последняя на первоначальных ступенях своего развития еще не имела классового характера, которое возникло значительно позже, в эпоху разложения родово-племенного строя С появлением же общественных классов должности родовых и племенных вождей постепенно концентрируются в руках наиболее богатого населения, как орудие борьбы для осуществления классовых интересов и мероприятий имущих классов.

В общей системе родово-племенного строя наиболее важнейшей функцией родоначальников являлся разбор всех спорных вопросов, возникавших в пределах родово-племенного быта. Суд, как известный орган власти, на начальных ступенях развития родово-племенных союзов еще не существовал. По всей вероятности не были развиты и преступления, которые широкой волной разлились в условиях феодального и капиталистического общества. Такие преступления, как воровство, ограбление, обман, подлог, по всей вероятности совсем не были известны народам крайнего севера, в частности коми. Так, „Самоеды и остяки смотрят на всякое преступление как на предопределение судьбы, а не проявление злой воли человека. У них даже существуют поговорки, предписывающие преступные деяния воле божьей. Не считаются преступниками дети, не достигшие 16 лет, идиоты, совершившие преступление по неосторожности или вследствие крайней необходимости" **).

То же самое мы видим и у лопарей. „К чести лопарей можно сказать то," — пишет Ефименко — что у них воровства совсем нет, никто не имеет амбаров и даже сундуков, куда бы мог поместить свой багаж. Но лопари, ничего не опасаясь, оленьи кожи кладут в лесу, домашние вещи все бывают разбросаны и поставлены подле жилья; возвращаясь домой почти через 1/2 года, лопарь находит, что все у него в целости. Если понадобится лопарю что-нибудь без хозяина, то он, взяв, оставляет свое клеймо" **) Такую же оценку о состоянии преступности мы имеем у коми. „Проходя по чужим посекам, — читаем мы в Вологодском сборнике, т. I — удорец никогда не воспользуется пойманною дичью, сколько бы ее ни было и какой бы ценный зверь в чужую ловушку не попал. Бывали случаи, что удорцы находили значительные по их состоянию куши денег во время ярмарок, то они всегда возвращались по принадлежности, случаев утайки чужого имущества в помине нет" ***). Ниже тот же автор пишет: „преступления между удорцами очень редки, в особенности — против чужой собственности: во всей Удоре не

*) Ст. Общие сведения о современном состоянии Тобольской губ. 30 стр. Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г.

**) Ефименко, 47 ст.

***) Вологодский сборник, т. 1,24 ст. 1879 г.

сыщется и десятка замков. На языке удорцев нет слова вор, а есть перефразировка русского слова гусь, что значит „лапчатый". О человеке, падком на чужое, обыкновенно говорят: „экий ты гусь". В недавнее время, лет 5-6 тому назад, в г. Яренске был закрыт, по распоряжению начальства, острог, как здание, в силу местных условий—излишнее, а потому и не соответствующее своему назначению" *.

Эти данные, ярко иллюстрируют быт эпохи родово-племенного строя, когда в условиях коммунистического строя не было никаких преступлений, связанных с обманом, подлогом, воровством, грабежем, и т. д. Эти преступления стали развиваться значительно позднее, в связи с появлением частной собственности, эксплоатации и классов.

Первоначально, бессомненно, и разбор спорных вопросов производился с участием всего родового коллектива, но постепенно в связи с ростом частно-собственнических тенденций, мы видим и попытки концентрации права разбора всех спорных вопросов в руках родовых и племенных старейшин. Это концентрирование права разбора спорных вопросов в руках родовых старейшин уже свидетельствовало о том, что в нутри родовой организации уже создавались предпосылки для ликвидации коллективного разбора спорных дел и передачи всего этого дела родоначальнику или специальному совету. Это по всей вероятности было сделано в интересах нарождавшейся богатой части населения, которое было заинтересовано в создании более сильной власти для защиты от притязаний и захватов их имущества менее обеспеченной частью населения.

Брак и положение женщины

Брак, как социальное явление, не представлял собою характерного явления, присущего только эпохе партиархального рода; но он существовал и в эпоху материнского рода. Характерной чертой брака эпохи матриархата является его коммунистический характер, при котором каждая женщина могла быть женой любимого мужчины и каждый мужчина мог быть мужем любой женщины. В условиях господства материнского рода каждая женщина являлась независимой, сама выбирала себе мужей, с установлением же единобрачной формы семьи кончается право женщины выбирать себе мужа; делается зависимой от последнего, превращается в предмет купли и продажи. Купля—продажа в качестве пережитка известная под названием калыма кое-где сохранилась у ряда народов до сих пор. Так, лопари, ненцы Крайнего севера еще до сих пор платят за невесту калым, т. е. плату, которую берет отец невесты с же-

*) Вологодский сборн., т. I. 24 стр. 1879 г.

ниха—даньгами, шкурами, материей и т. д. Один из исследователей современного быта ненцев Большеземельской тундры—Г. А. Старцев указывает, что при встрече представителей жениха с отцом невесты „весь разговор вертится вокруг калыма и приданного невесты. Размер калыма в зависимости от экономической обеспеченности той или иной семьи—колеблется. Средняя цена за невесту 8 оленей (в Канинской тундре)—в Тиманской и Малоземельной 10-12 оленей, а в Большеземельской тундре—12-15 оленей, иногда дают и до 50 оленей. В свою очередь богатая невеста везет целый чум и всю обстановку както: постель, одеяло, подушки, котлы, чашки, чайники, железный лист под костер. Для мужа она должна привести пимы, малицу, до 10 пудов муки, 5-8 туш мяса оленины, чаю до киллограмма, сахару до 8 клг., масла до 8 кгр. и кренделей до 16 кгр. Если же жених не мог заплатить калым, то он должен впоследствии отрабатывать у тестя то I до 3-х лет. Если же уплата калыма была произведена полностью, то и взаимоотношения между тестем и зятем складываются по лучшему *).

Из приведенных данных видно, что калым представляет собой не что иное, как настоящую куплю-продажу женщины.

Этот калым в прошлом существовал и у коми.

Величина калыма, размер которого, в условиях родово-племенного строя, исключительно зависел от отца невесты, —является и крупнейшим препятствием для совершения брака среди менее обеспеченной части мужчин. И вот на почве дороговизны невест возникает хищение последних, пережитки которого также сохранились, как пережиток, у ряда народов Сибири до сих пор.

Остатки былой материнской власти отмечает и Энгельс у племени Сенека Ирокезов, которые „жили в старых длинных домах (коммунистическое хозяйство нескольких семейств) и жены выбирали мужей из другого клана (рода). Обыкновенно домашним хозяйством распоряжались женщины, и горе тому мужу или любовнику, который поленности или неспособности ничего не внес в общий продовольственный запас. Сколько бы детей не имел, какой-бы то движимостью не располагал каждый мужчина—должен был ежечастно ожидать приказание связать дорожный узел и убираться вон“ **).

Остатки этой власти отмечает и у лопарей Ефименко, указывая, что „женщина, как мать, является с некоторым значением в семье; по понятиям лопарей, ея власть над детьми даже выше власти отца. Однако муж может распоряжаться ея имением и полною хозяйкою она является только по смерти мужа до совершеннолетия детей, хотя и тут власть ея над

*) Г. А. Старцев—Самоеды. Издание Института народов Севера, 102 стр.

**) Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства. 15-16 стр. 1922 г.

отцовским и дедовским имуществом ограничена; она не может у него ничего продать, кроме одного оленя. После смерти отца дети не могут разделиться без согласия матери. Когда мать умирает, ее приданное наследуют дети обоего пола, сыновья и дочери—(Ефименко, 28-29 стр.). Такие же права имела в древности и женщина в Коми, поскольку и народ Коми переживал эпоху материнского рода.

Матриархальная теория—талантливо и научно развитая в трудах Бахофена и Моргана и затем позже, в научных работах Маркса и Энгельса—была встречена в буржуазном научном мире в штыки, как и теория Дарвина о происхождении человека. Противники матриархальной теории никак не могут понять, каким образом женщина могла быть главой семьи, как она могла руководить хозяйством и даже выбирать себе мужей, гнать их из дому на все четыре стороны, с котомкой на плечах, как последнего своего работника. По мнению этих ученых, такого положения в истории никогда не было. „Основой развития индусского общественного строя, по мнению Мэна" —пишет Н. Харузин—„являлась большая семья—основанная на патриархальных началах. Во главе управления стоит патриарх —отец, дед, имеющий право распоряжаться общим имуществом, семейством, он-же владыка над младшими членами семьи, имеет над последними право жизни и смерти. Положение женщины при таком порядке вещей бесправное, она находится под опекой своего мужа" *).

Это социальное задание буржуазии—в смысле опровержения матриархальной теории—было выполнено настолько аляповато, что Харузин вынужден был оправдать ее с точки зрения расовой гордости. „Явилось понятно желание—пишет Н. Харузин —выделить историю развития предков культурных европейцев в особую группу, отличную от хода развития дикарей, подвинувшиеся дальше всех в цивилизации расы должны были иметь и свою, отличную от других, историю" **).

Это мнение Н. Харузина неправильно. Расовая гордость, самомнение не являлись основными, определяющими причинами к выделению истории более отсталых в культурном отношении народов (являющихся по мнению буржуазных историков—навозом для истории) от истории более цивилизованных народов. Основная и главная причина выступления ученого Мэна заключалась в том, чтобы доказать, что развитие человеческого общества нельзя рассматривать таким образом, что историческое развитие у отдельных народов проходит по раз установленному шаблону, в результате чего все народы обязательно должны переживать одни и те же этапы своего исторического развития. По мнению этих ученых, наличие матриархата у менее культурных

*) Харузин, Н. Энтография, вып. II. Семья и род. 15 стр. СП. 1903 г.
**) Там же, стр. 15.

народов представляет собой не что иное, как отклонение их исторического развития от общего хода исторического процесса, пережитого более культурными западно-европейскими народами.

Буржуазные ученые, выступающие с отрицанием былого господствующего положения женщины в роде—не только искажали общий ход исторического развития народов, но и выполняли политические задания буржуазии. Ученые, воспевая былое подчиненное положение женщины, тем самым указывали, что женщина и впредь должна быть в подчинении и игрушкой в руках мужа, что всякая борьба женщин за равноправие с мужчиной—есть борьба, направленная на разрушение семьи и порчи нравов.

Эти „теории" целиком и полностью разбиты жизнью. Доказательством тому—положение женщины в Советском союзе после Октябрьской революции; доказательством тому все более усиливающееся женское движение в капиталистических странах под руководством компартий, направленное за раскрепощение женщины, за пролетарскую революцию, ибо только пролетарская революция может окончательно раскрепостить женщину.

Коммунистический быт

Характерной чертой социального строя первобытно-коммунистического общества является его коммунистический быт. Коммунистический быт, выражавшийся в коллективной жизни, общественном питании, в совместным труде, в отсутствии частной собственности и т. д.—представлял собою результат господствовавшего первобытно-коммунистического способа производства, подобно тому, как капиталистический способ производства создал и капиталистический быт, основанный на частной собственности и эксплоатации меньшинством тунеядцев большинства трудящихся.

Основной чертой коммунистического быта является коллективный труд членов коммунистической общины, остатки которого сохранились и у якутов ко второй половине XIX в. „Два рыбака"—пишет Серошевский—сойдясь на одном улове сейчас же образуют компанию: ловят вместе и делят добычу поровну. Несколько дровосеков, рубящих по соседству, тоже вступают в „компанию", потому что так „веселее". Косцы соединяются нередко в небольшие отряды по 5-6 человек и выкашивают по очереди луга участников *). Пережитки этого коллективного труда мы встречаем и у ненцев, которые организуются для охоты в артели численностью от 5-8 человек. „Каждый из

---

*) Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования, т. 1, 439 стран.

членов этого временного товарищества вносит часть муки, печеного хлеба, сухарей, мяса, рыбы, пороху и свинца в общий продовольственный запас товарищества*). Эти пережитки кое-где сохранились и у Коми. Так, А. С. Сидоров, ссылаясь на Красова, указывает, что зыряне в верховьях реки Вычегды—„в известное время ловят щуку в озере Кадом (около Дон-ты), после торжественных церемоний делят ее между участниками и едят ее натощак, как святыню". (А. С. Сидоров—Следы тотемических представлений в мировоззрениях зырян", ж. „Коми му" № I—1924 г.). Помочи также очень ярко отображают собой коммунистический труд эпохи первобытно-коммунистического общества: „У пермяков — читаем мы в материалах для описания быта пермяков, — в большом обыкновении „помочи", т. е. производство работ с помощью соседей, не за плату, а за угощение и взаимную отработку также на „помочи". „Помочи делают крестьяне всех состояний, читаем мы у того же автора, но богатые чаще, и у них помочи бывают больше. Помочами весной и осенью рубят лес для постройки домов, летом жнут хлеб, расчищают новины под пашни и покосы, пашут новины под посев хлеба, осенью и зимой вывозят на поля навоз, перевозят домой лес. Смотря по работе, на помочи сзываются мужики, парни, бабы, девки. Помочан хозяин сытно кормит 2-3 раза в день и потчует теплой брагой и пивом. Главное угощение бывает всегда вечером по окончании работы. После ужина девки и парни иногда пляшут до утренней зари"**).

Другой, наиболее важной чертой коммунистического быта является отсутствие частной собственности на орудия и средства производства. Тогда люди еще не могли дойти до личной собственности. Их коммунистическое мировоззрение, вырабатывавшееся в условиях коммунистического хозяйства, еще не создавало в психологии людей частно-собственнических тенденций. Дом, средства питания, которыми располагал в отдельности каждый хозяин—обслуживали и коллективные интересы общинников. „В сельской общине,— читаем мы у Маркса, дом и его придаток — двор принадлежит землевладельцу в собственность. Общий дом и коллективное жилище были, наоборот, экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни. Конечно, встречаются сельские общины, в которых дома, хотя и перестали служить местом коллективного обитания, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины

---

*) Московский вестник, № 287, 1885 г. от 17 октября.

**) Ст. Материалы для описания быта пермяков, журнал „М. В. Д.", ч. 29, СП. 1858 г.

более древней к сельской общине в собственном смысле*). Эти пережитки кое-где сохранились и у народов крайнего севера. „Гостеприимство—читаем мы у Верещагина— есть одно из обязанностей, добровольно налагаемых на себя каждым кареляком, будь он беден или богат. Кареляк одинаково гостеприимен, с той только разницей, что в первом случае он не в состоянии предложить своему гостю того, что предложили бы ему последние. Странник смело может стучаться в дверь карельского дома и быть заранее уверенным, что хозяин этого дома не откажет ему в пристанище. Все, что есть у кареляка,—будет предложено гостю, без всякого вознаграждения. Кареляк накормит путника—чем бог послал, принесет ему свои рокки, подаст молоко и хлеб, напоит, накормит лошадей своего гостя, если они у него есть"**).

То же самое мы видим и у коми. Так, один из корреспондентов Архангельских губернских ведомостей указывает, что „пробыв весьма короткое время в Зырянском крае, я не могу сказать многого об их нравственных качествах, но и поверхностному наблюдателю бросается в глаза исключительное качество зырян: гостеприимство и честность. Редко кто из них решится взять плату с проезжего за хлеб, за соль или за ночлег, напротив, нужно видеть с каким удовольствием принимают они путника, с радостью они видят, что он не отказывается от их угощения, чтобы судить, что действительно хлебосольство их бескорыстно. Мне рассказывали местные жители, что гостеприимство среди зырян развито до того, что проезжие, нисколько не знакомые с хозяином, заходят свободно в его избу даже во время его отсутствия и не только отдыхают и обогреваются в ней, но даже пользуются пищей, которую предусмотрительно гостеприимный хозяин оставляет на случай прихода или проезда путника на видном месте своей избы" ***).

Отсутствие частной собственности на дом, на средства питания и об'ясняется тем, что коммунистическое производство создавало и родовую коммунистическую собственность, каковой собственностью могли пользоваться не только члены родовой общины, но иногда и совершенно посторонние люди.

Коммунистическое производство и распределение произведенной продукции свидетельствуют и о том, что в это время еще не было и частной собственности на землю. „Пахотная земля и неотчужденная общая собственность периодически переделяется между членами сельской общины, так, что каждый собственник обрабатывает за свой собственный счет отведенные ему поля и урожай присваивает себе в собственность. В общинах более древних работа производилась сообща, и общий процент,

---

*) Архив Маркса и Энгельса, т. I, 284 стр.

**) Верещагин. Очерки Архангельской губернии, 177-178 стр.

***) Архангельские губ. ведомости, № 87, 1887 год.

за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления"*).

То же самое отмечает Энгельс в своей работе—„О России", что общинная собственность на земле была в первобытную эпоху господствующей формой владения у германцев, кельтов, индусов, словом у всех индо-германских народов; что в Индии она существует и поныне, что в Ирландии и Шотландии она только недавно уничтожена насильственно, а в Германии и теперь местами встречается, именно, как вымирающая форма владения, что вообще она существует у всех народов на известной ступени их развития"**).

Такой же коммунистический характер носило и общественное питание, пережитки которого также сохранились частично у целого ряда народов крайнего севера и Сибири в форме коллективного питания, в особенности во время церковных праздников. „Особенно развивается гостеприимство кареляков во время церковных праздников, бывающих раз или два в год. За неделю до праздника начинаются приготовления к нему: в избах моют полы, стены, ловят рыбу, одним словом, хлопочут, как бы лучше угостить многочисленную толпу гостей, которые являются на праздник. В самый день праздника гости являются и пируют в продолжение недели, истребив все, что было для них запасено и опорожнив несколько боченков „канупы"--напитка, похожего на пиво" ***).—Такие же коллективные питания мы наблюдаем и у коми-пермяков, у которых во время церковных праздников „приводится к церкви откормленный на общий счет бык и в промежутке времени между заутреней и ранней обедней тут же убивается. Из одной половины его варили щи, а другая половина приносилась в дар священнику и причту, щей должны были отведать каждый. Меня уверяли туземцы, что этот обычай сохранился еще и по сие время в наиболее глухих местностях" ****).

Добротворский также отмечает, что „пермяки очень гостеприимны и сострадательны. Ни один человек не уйдет от них без угощения и привета. Они накормят, напоят его, а иногда и ярушник всунут ему в карман на дорогу. Это гостеприимство и доброта особенно проявляется по отношению к ссыльным" *****).

Таким образом коммунистический быт, рассмотренный нами, представляет собою результат коммунистического способа производства, остатки которого сохранились кое-где на севере и Сибири, в частности и у коми народа. Древне-коммунистический строй, с его коммунистическим бытом, господствовавшим в

*) Архив Маркса и Энгельса, т. 1, 284 стр.
**) Энгельс Ф. „О России". 27 стр, изд. Пролетарий, (1921 г.)
***) Верещагин „Очерки Архангельской губернии", 178 стр.
****) Журн. „Слово", сентябрь и октябрь, 1878 г.
*****) Добротворский—Пермяки, ж. „Вестник Европы", кн. 3, 1883 г.

прошлом на определенной стадии развития человеческого общества, заключал в себе и ряд противоречий, которые затем с дальнейшим развитием общества развились в противоречия классового характера и явились основной причиной разложения и распада первобытно-коммунистического общества и установления классового феодального общества.

Противоречия первобытно-коммунистического общества.

Общественная жизнь коми на начальных ступенях развития не имела еще тех социальных противоречий, которые стали вырабатываться позже, в эпоху более развитого скотоводческо-земледельческого хозяйства. Но это совершенно не значило, что в это время не было никаких противоречий в истории первобытно-коммунистического общества. Эти противоречия были, прежде всего, между мужчиной и женщиной.

Первоначально, в условиях матриархальной семьи—эти противоречия выражались в господстве женщины над мужчиной, когда последняя могла прогнать своего временного сожителя на все четыре стороны. Эти противоречия, связанные с господством женщины над мужчиной в эпоху матриархата, носили уже ярко выраженной социальный характер. Совершенно правильно Энгельс и Маркс указывают, что „в новейшей семье лежит зародыш не только рабства (servitus), и но и крепостного состояния, так как служба его тесно связана с земледелием.—В этой форме семьи заключается зародыш тех противоречий, которые впоследствии широко развились как в обществе, так и в государстве" *).

Особенно ярко выглядывают эти противоречия между мужчиной и женщиной в условиях единобрачной формы семьи, основанной уже не только на естественных, но и на определенных социальных требованиях, выражавшихся в подчинении женщины мужчине, законности мужа распоряжаться всем имуществом и детьми. „Появление моногамии не установило равноправности между мужчиной и женщиной"—пишет Энгельс—„напротив, моногамия есть подчинение одного пола к другому, проявление небывалого до того времени антагонизма между ними. В одной ненапечатанной статье—1846 г., составленной Марксом и мною, сказано: начало разделения труда, участие в процессе продолжения рода мужчины и женщины, в настоящее время добавляю: первое разделение общества на классы совпадает с развитием в моногамии антагонизма между мужчиной и женщиной и первое подчинение одного класса другому—с подчинением женщины мужчине. Моногамия несомненно великий социальный успех, но

*) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 19-20 стр. 1922 г.

ее установление начинается наряду с рабством и частной собственностью. Моногамия это клеточка цивилизованного общества, по которой можно изучать все противоречия и несообразности, в нем заключающиеся"*).

Эти противоречия, существовавшие в семье, безусловно являются и отражением тех социально-экономических изменений, которые произошли в хозяйстве первобытно-коммунистического общества. Эти изменения как раз и произошли по линии развития производительных сил, развития оленеводческо-скотоводческого хозяйства и появления начатков частной собственности. „Но кому принадлежало это новое богатство, эта новая собственность? — пишет Энгельс Вначале всему роду, — это несомненно. Но скоро стада перешли в частную собственность. Трудно решить, считал ли составитель так называемой первой книги Моисея стада патриарха Авраама его собственностью в силу личного права. Верно лишь то, что Авраам не был собственником в том смысле, который теперь соединяется с этим понятием. И также несомненно, что на пороге достоверной истории стада составляли уже частную собственность отдельных семей, как и произведение искусства в периоды варварства—металлическая посуда и украшения и, наконец, как человек, сделавшийся рабом"*)

Начатки частно-собственнических тенденций, которые широко развились в период распада родово-племенных союзов,—в зародышевой форме развивались уже в пределах развитых родово-племенных союзов. У организатора родового, и в особенности племенного хозяйства при распределении общественных продуктов постепенно скапливались излишки, которые поступали в его личное распоряжение, которые с течением времени, в связи с все улучшающейся общественной техникой, роста родово-племенного хозяйства—сделались постоянным явлением. Старший в роде эти излишки обращал на удовлетворение потребностей своей семьи и вдальнейшем, опираясь на свою власть, стал рассматривать последние как свою собственность, что отличало его от рядовых членов рода. Итак, возникновение начатков частной собственности надо относить к моменту разложения родово-племенного хозяйства, в связи с развитием земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Развитие частной собственности в хозяйстве отдельных членов вызвало к жизни и начатки эксплоатации, появилась нужда в рабах, для эксплоатации их в хозяйстве отдельных членов. „На низшей ступени варварства" — говорит Энгельс — рабочая сила не приносила хорошего дохода, он почти весь истощался стоимостью содержания рабочего".

„Но это изменилось, с введением скотоводства, обработки метталов, тканья и, наконец, земледелия. Как прежде многочис-

---

*) Энгельс. Происхождение семьи частной собствен. и государства, 21 стр. О. 1922 г.
**) Там же, 17 стр.

ленные жены, сделались редкими, получили особую ценность, так и теперь — получила ценность рабочая сила, особенно с тех пор, как стада перешли в частную собственность. Семья размножалась медленнее стада. А надзор за стадами требовал все более людей и пригодными для этой цели оказались военно-пленные *).

Итак, эти первоначальные противоречия родово-племенного строя, в связи с дальнейшим развитием хозяйства, обмена, постепенно переросли в классовые противоречия и ускорили процесс разложения первобытно-коммунистического общества.

Возникновение религии.

Религия как идеология представляет собой продукт более позднего развития, чем развитие языка и мышления. Только с развитием языка и мышления древние коми могли дойти до идеи существования души и различных духов.

На начальных стадиях своего исторического развития, в частности в эпоху первобытного стада, коми не знали никакой религии. Религия как идеология возникла на определенной ступени исторического развития. Основой возникновения религии является бессилие первобытного человека в борьбе с видимыми силами природы, бессилие об'яснить явление природы, ее влияние на человека, бессилие об'яснить такие естественные явления как: смерть, сон и т. д.

Встречая во сне своего знакомого или родственника, уже давно умершего, древний коми приходил к мысли, что во сне являлся не сам умерший человек, а нечто, которое жило в его теле. В сновидениях, во время которых он видел себя путешествующим по отдаленным странам, также указывало ему на то, что путешествовал во сне не он сам, а его душа. Таким образом древние коми постепенно приходили к мысли о двойственности человеческого индивидуума,—состоящего из физического тела, подверженного физическому уничтожению, и „души", которая является бессмертной.

Энгельс, касаясь вопроса происхождения „души", указывает, что „люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея об'яснять сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и их ощущение причиняется не телом их, а особой от тела душой, остающейся в теле, пока оно живет и покидающей его, когда оно умирает; уже с этого времени они должны были задумываться об отношении души к внешнему миру. Так как смерть состоит в том, что отделяется от тела душа, остающаяся живой, то нет надобности придумывать для нее особую смерть" **).

---

*) Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 17—18 стр. О., 1922 г.

**) Мысли Маркса и Энгельса о религии, 27 стр., изд. II-е, Атеиста, 1929 год.

Профессор Налимов приводит богатый этнографический материал верований в душу у коми, которая (душа) по воззрениям последних якобы обитает в черепе, а после смерти вылетает из тела человека и переселяется временно в лес, в поле и затем перелетает на другие мировые планеты и там продолжает свое существование и что душа „враждебно относится к живым. Старший из семьи при последнем дыхании умирающего закрывает ему глаза. Когда оденут его, вдоволь поплачут над ним и выразят свое горе, душа покойника, видя это, смягчается. Она в течении всего времени, пока гроб стоит в доме, остается у своего тела. После похорон она снова приходит в прежний дом, где усопшему и душам умерших его родных и друзей устраиваются поминки. Тем временем после похорон в известном, строго определенном месте вешают полотенце, которым таинственно присутствующий покойник вытирает свое лицо, после того, как умоется. Трогать это полотенце считается большим преступлением до истечения сорока дней“*).

Если эти наивные верования в душу продолжают прочно держаться у верующих даже до сих пор, то нет ничего удивительного в том, что первобытные коми, верили не только в душу, но и в живую и не живую природу, считая, например, камень, дерево, воду, растение, живыми существами, наделенными различными сверхестественными силами, подобно тому, как человек наделен от природы невидимой и бессмертной душой. „Анимизм—пишет Плеханов,—возник не по аналогии человека с обществом, а по аналогии с индивидуумом, как существом, одаренным сознанием и волей. Первобытный человек все явления природы об'яснял по аналогии с самим собою, он олицетворял природу, всюду предполагал наличность сознания и воли. И это олицетворение природы находилось в теснейшей связи с состоянием первобытной техники“**).

Этот пережиток первобытного анимизма, т. е. одухотворение сил природы, сохранился до сих пор в бытовых укладах верующей части населения коми До сих пор многие думают, что дерево, трава имеют душу. Г. А. Старцев в своей статье „Следы древней религии и мифологии зырян—указывает, что в быту коми сохранилось „множество духов, вмешивающихся в людские дела: vərsa—лесной, vasa или kuļ—водяной, tьsa—дух болота, sorsa или kuʐ-çuɳa—дух ручья (kuʐ-çuɳa—длиннопалый), rьnьssa—овинник, pьvşansa—банный дух, gebəçsa—дух кладовой, kerkasa—домовой дух; paçsa—печной дух, kuʐ-çuɳa—дух колодца, gidsa—дух хлева“***) и т. д.

Бытовой уклад древних коми был полон глубокого драматизма. Куда бы он ни вступал, ему казалось, чго всюду есть духи добрые и злые. И чтобы не подвергнуться наказанию со

*) Религиозные верования народов СССР, т. II-й, 229 стр. ОГИЗ, 1931 г.
**) Плеханов. Пол. собр. соч., т. XVII-й, 341 стр.
***) Рукопись Г. А. Старцева.

стороны злых духов, он ищет заступничества, помощи у добрых духов. Г. А. Старцев в той же статье указывает, что „Идя в баню", нужно проситься: „пусти париться, банный". Затопляя овин говорят: „Сторонись, овинник, я буду топить печь". При уходе из этих построек просят: „Банный, храни", „Овинник береги мой хлеб". В банной печи оставляется печеный лук и вода (д. Кашыдном, по реке Выми), в овине печеные картошки *).

Зависимое положение древних коми от природных, явлений, которые он об'яснял вмешательством сверхестественных сил, а отрицательные явления волей злых духов, вызывало с их стороны стремление освободиться от зависимости последних. Поэтому первобытные коми, обладая примитивной логикой, стремились воздействовать на природу природными же средствами, основываясь на том убеждении, говорит А. Лукачевский, что „подобное или сходное может вызвать подобное или что действие над предметом, который находится в соприкосновении с другим предметом или является частью последнего, оказывает влияние и на этот второй предмет"**).

А. С. Сидоров в своей работе „Знахарство, колдовство и порча у народа коми" приводит богатый фактический материал, подтверждающий мышление первобытных коми, по которому часть замещает целое. Он указывает, что „население по реке Сысоле, чтобы освободиться от размножившихся около селения волков, подсовывает кость или несколько костей изловленного волка в повозки, проезжающим через селение вятским извозчикам, в надежде, что и остальные живые волки эмигрируют из этого места вслед за отправленным собратом—волком. В деревнях бывшего Яренского уезда существует обыкновение хором хохотать над пойманным и положенным на средину стола клопом, с той целью, чтобы вывелись из этого дома клопы вообще"***).

Чрезвычайно яркие факты приводит тот же автор относительно существования в прошлом у коми и симильной магии. „Для наступления колдовского результата часто совсем не требуется имения обязательно части данного предмета. Достаточно иметь у себя изображение или просто подобие чего-либо, чтобы властвовать над изображаемым. Подобие вполне может заменить то, что ассоциируется с ним, как нечто такое-же подобное. Известный в селе Визинге мельник боролся с ворами таким образом. Если кто-нибудь украдет у него какую либо вещь, то он делает куклу, долженствующую изображать человека, подозреваемого в воровстве, а затем с заговорами, соот-

*) Рукопись Г. А. Старцева.

**) А. Лукачевский. Происхождение религии, 71 стр., изд. „Безбожник", 1930 год.

***) А. С. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народа коми, 51-52 стр. Л., 1928 год).

ветствующими злыми пожеланиями зарывает эту куклу в землю. Предполагается им, что как кукла, зарытая в земле, начинает гнить, так же должен заболеть и разлагаться представленный этой куклой вор"*).

К. Ф. Жаков в своем „Этнологическом очерке зырян", указывает, что „старые охотники, уверяли, что как де только прочтешь: „Ты гой, ты гой, белый заяц, неуркнись, не сторонись, не от меня, раба божия (имя), от всякого вздоха человека черного и т. д. Заяц сам прибежит в петлю и на выстрел"**).

Приведенные нами факты ярко характеризируют эпоху анимистического мировоззрения коми народа. Это примитивное мышление было создано самим ходом истории первобытно-коммунистического общества. Низкое экономическое и техническое развитие первобытно-коммунистического общества создало не только примитивную логику первобытного человека, но и магию, как средство борьбы первобытного коми, как злыми духами, так и людьми, приносящими ему вред. „В первобытном коммунизме",—пишет А. Лукачевский,—магия могла в полном смысле господствовать: никакие жертвоприношения, как таковые, никакие молитвы, упрашивания и т. д., не могли тогда конкурировать с магией. Другое дело, когда возникает патриархально-родовое общество. Тогда уже в самом социальном порядке появляется разделение на людей, исполняющих и приказывающих, появляется власть, на которую магия уже не могла воздействовать, практика социальной жизни, практика экономических отношений заставляет действовать иначе и на духов. Их надо умаливать, упрашивать и с этого времени магия существует как пережиток***).

Рассмотренная нами анимистическая теория происхождения религии, в частности веры в душу, подвергается критике со стороны противников этой теории. А. С. Сидоров, обладающий громадным материалом о веровании первобытного человека, по вопросу о происхождении религии занял явно антимарксистскую позицию. Автор в своей статье „Происхождение представлений о двойнике—предметов (душе)", замечая, что „наиболее существенным моментом по пути развития религиозных представлений является вопрос о появлении идеи души, система верований, известный под именем анимизма", указывает, что анимистическая „теория совсем не об'ясняет самого момента, к которому должно быть приурочено возникновение представлений о душе... В настоящее время можно считать уже более или менее установленным положением, что анимизму предшество-

---

*) А. С. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народа коми 55 стр. Л., 1928 г.

**) Жаков — Этнологический очерк зырян, ж. „Живая старина", вып. 1-й, 10 стр. 1901 года.

***) А. Лукачевский—Происхождение религии, 79 стр., изд. „Безбожник" 1930 г.

вал период—доанимистический с безличным характером сверхестественного, который английские исследователи называют анимагизмом". „Таким образом,—пишет А. С. Сидоров—нужно признать, что явление сна и смерти требуют указания дополнительных факторов, которые позволили-бы приурочить возникновение представления о душе к определенному культурно-историческому моменту. Таким моментом социологической школой считается появление авторитарного общества с его дифференциацией и началом классового расслоения"*).

Это мнение А. С. Сидорова не выдерживает абсолютно никакой критики, ибо теория происхождения анимизма, приуроченная к эпохе авторитарного общества, резко противоречит всем высказываниям Маркса, Энгельса и Ленина по этому вопросу, которые считали анимистическую теорию происхождения религии единственно правильной.

Маркс, Энгельс, и Ленин приурочивали возникновение религии к определенной стадии развития человеческого общества,—т. е. к переходу от первобытного стада к первобытной коммуне. Энгельс указывает, что „религия возникла в самые первобытные времена из самых темных, первобытных представлений людей о своей собственной и о внешней природе. Но, раз возникнув, всякая идеология развивается связи со всей совокупностью существующих представлений людей о своей собственной и о внешней природе"**).

Здесь Энгельс указывает на самые первобытные времена, не говоря ни слова о классовом расслоении общества. То же самое подчеркивает и В. И. Ленин, указывая что „безсилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами также неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как безсилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, и чудеса"***). Здесь В. И. Ленин чрезвычайно четко и ясно подчеркивает, что возникновение религии относится еще к условиям доклассового общества.

А. С. Сидоров, считая, что понятие о душе возникло не в условиях доклассового общества, а в эпоху авторитарного общества, т. е. в условиях нарождающихся общественных классов, скатывается к антимарксистской теории Богданова. Чем иным, как не поддержкой Богданова, является утверждение Сидорова о том, что, „с одной стороны стали одухотворяться и многие предметы, ранее не находившиеся в центре трудовых комплексов восприятия, а с другой—духи стали складываться в социальные формы подобно авторитарному обществу"****).

*) А. С. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народа коми,—164 и 165 стр., Л., 1928 год.

**) Мысли Карла Маркса и Ф. Энгельса о религии, 29 стр.

***) В. И. Ленин о религии и о нравственности, 3 стр., Л. Изд. „Прибой" 1925 год.

****) А. С. Сидоров. Знахарство, колдовство и порча у народа коми.

Еще резче выступает Богдановская концепция в заключительных выводах по вопросу возникновения анимизма. Сидоров пишет, что „логическое мышление, построившее из элементов комплексного восприятия мира стройное здание научного познания, одновременно с этим из обломков тех-же самых комплексов—бледной тени былого цельного восприятия—создало другое параллельное реальному миру царство духов и богов с единым создателем в центре вселенной. Прототипом того и другого сооружения было авторитарное общество, которое и подсказало организационные формы как методы построения, так и самого реального здания, и здания религии“*).

Здесь без всяких комментариев ясно, что А. С. Сидоров в вопросах происхождения религии стоит на механистических позициях Богданова.

Поддержав антимарксистскую авторитарную теорию происхождения души, А. С. Сидоров пришел к идиалистическим выводам о происхождении религии, в частности о происхождении души. „Таким образом,—пишет А. С. Сидоров—представление о духах, о душе и т. д имеет своим источником скорее не столько процесс одухотворения природы, как положительный процесс, сколько представляет собой пережиток от первобытной материализации мира по системе комплексного его восприятия. Поэтому идея его о духе, о двойнике человека и предметов возникла не из представления о животной силе (жизненная сила ведь как раз выражалась в сильных мускулах, в страшных зубах и когтях—предметах очень материальных)—так же не могла она выйти из самонаблюдения в связи с физиологическими явлениями сна и смерти потому, что эти явления были раньше, остлаись и потом. Духи есть нечто об'ективированная привычка мысли оставшаяся от эпохи комплексного восприятия мира, от звук от дологического мышления“**).

Идеализм А. С. Сидорова в данном вопросе состоит в том, что в вопросах происхождения души он исходит от суб'екта к об'екту, или от комплексного мышления к предметам материального мира.

Утверждение его о том, что до анимистического мировоззрения существовала еще так называемая преанимистическая эпоха первобытного мышления, заключающаяся в вере в безличную силу, отвергает анимистическую теорию происхождения души. Как иначе понять его указание о том, что „в настоящее время можно считать уже более или менее установленным положение, что анимизму предшествовал период доанимистический, с безличным характером с верх-естественного, который английские исследователи называют аниматизмом“***).

*) А. С. Сидоров, Знахарство, колдовство и порча у народа коми, 171 стр.
**) Там же, 170-171 стр.
***) Там же 165 стр.

Реакционность преанимистической теории происхождения религии состоит не только в том, что буржуазными мыслителями она целиком направлена против анимистической теории, но и в утверждении, что еще задолго до анимизма—у людей существовала вера в какую-то сверх-естественную или „безличную силу". Признавать, что до анимизма у людей существовала вера в „безличную силу", это значит утверждать об изначальности религии в истории человеческого общества. Это значит скатиться к теории воинствующей поповщины.

Теория преанимизма реакционна и тем, что поповствующие историки и этнографы из „безличной силы"—выводят теорию прамонотеизма, согласно которой изначальной формой религии является единобожие, т. е. вера в единого всеблагого, всезнающего и всемогущего бога, каковая теория является „наилучшим доказательством бытия божия *).

Отмечая существование в истории коми анимизма, необходимо отметить и существование тотемизма, как последующей стадии развития религии. Тотемизм, как религия, возник до патриархального родового строя. „Австралийские тотемистические группы,—пишет А. Лукачевский—это еще не патриархально-родовые общины. Австралийцы по большей части не знают еще мифического первопредка, из культа которого по мысли Степанова и возникает культ животного. Мы уже говорили выше, что тотемистический культ вовсе не носит иерархического характера, он не состоит из жертвоприношений или молитв. Тотемистический культ есть система запретов и магических действий **).

Богатейший материал, отражающий собой следы тотемистических представлений в мировоззрении коми, собрал тот-же А. С. Сидоров, который совершенно правильно указывает, что в стадию тотемистического мировоззрения каждая определенная группа людей вела „свое происхождение от вида какого-либо животного (это чаще всего), растения, а иногда даже предмета неорганического мира. С именем тотемного предмета связывается происхождение не только человека, но и всей природы. Тотем считается всемогущим покровителем данной группы" ***).

Из животных тотемов можно отметить культ медведя. „Древняя зырянская религия—указывает А. С. Сидоров—по всей вероятности не была чуждой культу медведя. В памятниках „чудской" культуры нередко можно находить известные амулеты в виде бронзовых медведей. Клык медведя также носили в качестве амулета. Такой продырявленный клык был найден крестьянами села Весляны в могильнике „Емгорт", в 15 верстах от этого села вверх по реке Выми. С соответствующим значением

---

*) Лукачевский. Происхожд. религии, 101 стр..

**) Там-же 124 стр.

***) А. С. Сидоров—следы тотемистических представлений мировоззрения зырян, 43 стр., ж. „Коми Му" № 1—2, 1924 год.

носятся медвежьи клыки населением Ижмо-Печорского района и в настоящее время. Охота на медведя у зырян сопровождается особыми церемониями. Перед охотой на медведя просят у него извинения," говорят—„абу" *)

А. С. Сидоров указывает и на ряд тотемистических обрядов, заключавшихся в заклании тотема. „В селе Палевицах,—читаем мы у того-же автора,—вхрамовые праздники во время богослужения около церкви закалывали быков, коров, нетелей, овец и баранов, подбор которых устанавливался сообразно полусвятого. Для регулярного снабжения обрядов жертвенными животными, церковной казной содержались целые стада быков, для чего эта казна обеспечивалась достаточным количеством лугов и пашен. **)

Тотемизм не только представлял собою ряд магических действий, но и систему ряда запретов. Так тот-же автор указывает, что „на Выми рыболовы остерегаются бить острогой особенно крупную рыбу. Во время рыбной ловли они относятся ко всякой рыбе чрезвычайно внимательно, не позволяют своим детям играть пойманной дичью, делать какие либо замечания, тем более насмехаться над ней ***).

В условиях дальнейшего развития производительных сил, техники и дальнейшего развития разделения труда между различными группами людей тотемиз постепенно разлагается. Последний являлся наиболее распространенным в тот момент, когда человек еще не сознавал своего превосходства над животными, а с ростом этого сознания тотемизм терял свое значение.

В связи с дальнейшим развитием экономики первобытно-коммунистического общества, в частности, в условиях патриархального родового строя, с постепенным увеличением власти родоначальников, изменяются и религиозные представления людей. Если в условиях тотемистических групп, люди избрали своим тотемом какое либо животное, или растение, то при патриархальном строе, с ростом власти родоначальников—выделяется двух первопредка, который почитаясь как прародитель и делается об'ектом культа родовой общины.

Более высшей стадией развития религиозного мировоззрения коми после тотемизма и культа предков являлся культ природы. Культ природы, возник в условиях родово-племенного строя, в связи с дальнейшим развитием производительных сил и производственных отношений, обмена и перехода к новым формам производства: к скотоводству и земледелию. Н. Беляев указывает, что язычество коми „состояло в поклонении силам и стихиям природы. Олицетворением благодетельных и полезных для человека сил природы был бог Войпель, считавшийся суще-

*) А. С. Сидоров следы тотемских представлений мировоззрения зырян. 45 стр. ж. „Коми му" №1—2 1924 года.

**) Там-же, 47 стр.

***) Там-же стр. 48.

ством добрым, покровителем и защитником зырянского народа. Так называемая у них золотая баба напротив представлялась существом злым, грозным, карающим и постоянно—причиняющим жертв. Истукан этого божества имел вид безобразной и злой старухи с двумя младенцами. Зыряне старались умилостивить это божество богатыми приношениями и дарами, украшали идол драгоценными каменьями, серебром и золотом, от чего он и получил, вероятно, название золотой бабы. Но обычною жертвою богам был олень, кровью которого они мазали рот и глаза идола. Среди множества суеверий у них хранилось темное предчувствие верховного существа называемого Ен и обитающего в надземном мире. Его они представляли безтелесным духовным существом, почему не делали изображений и не ставили его в своих кумирницах" *)

Теперь мы можем подвести некоторые итоги по вопросу о происхождении религии. Религия как идеология возникла тогда, когда первобытные люди, будучи целиком во власти природной стихии, пытались об'яснить такие непонятные явления, как сон, смерть, гром, молнию, пожар и об'ясняли их вмешательством сверхестественных сил. Религия возникла не только из почитания умерших предков, т. е. старейшин рода, но и из страха перед грозными непонятными силами природы. Корень первобытной религии лежит в полной зависимости людей от сил природы, в их неспособности бороться с явлениями последнего благодаря низкой общественной технике. „Безсилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами"—пишет Владимир Ильич Ленин „также неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как безсилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса". **)

Если на начальных ступенях возникновения религия еще не имела классового характера, являясь показателем бессилия человека в борьбе с природой и возникла „из самых темных первобытных представлений людей о собственной и о внешней природе" (Энгельс), то впоследствии, в эпоху разложения родово-племенного строя, с появлением общественных классов, религия принимает классовый характер, становится оружием господствующих классов, оружием эксплоатации и угнетения трудящихся.

Отмечая не классовый характер первобытной религии эпохи анимистического мировоззрения, это не значит, что последняя не имела реакционного характера. Реакционность религии этой эпохи состоит в том, что последняя идеалистически, превратно обясняла различные явления видимой природы и человеческого

---

*) Религиозные верования народов СССР, 299 стр., том. II-й, ОГИЗ, 1931 г.

**) В. И Ленин—о религии и о нравственности, 3 стр., Л. Изд. „Прибой" 1921 год

общества. Первобытная религия, тесно связана и с позднейшей христианской религией, ибо „вера в душу“, является общим как для первобытной религии, так и для христианской религии, представляющей собой ту же реформированную дикарскую религию. Как поп для буржуазии империалистической эпохи, так и шаман для нарождавшихся купеческо-ростовщических групп населения в период феодальной революции—являлся важнейшим орудием для осуществления классовых интересов этих имущих классов. Шаманы не только проповедывали о боге, об уважении богатеев бедными о неприкосновенности частной собственности, но и прикрывали завоевательные тенденции своих родово-племенных вождей именем бога, который якобы требовал через шамана за воевания этих родов. Эти шаманы у некоторых народов дожили и до Октябрьской революции, и кое-где еще продолжают пока жить за счет эксплоатации трудящихся и поныне.

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Разложение первобытно-коммунистического общества.

Эпоха разложения первобытно-коммунистического общества относится приблизительно к V—VII вв. Последняя отличается от ранней стадии патриархального родового строя тем, что в это время мы видим довольно значительное развитие охотничьего и скотоводческого хозяйства, а также разделения труда, ремесла и обмена. Охота, как наиболее важная отрасль хозяйства постепенно от более примитивных форм переходит к более организованным, на основе дальнейшего улучшения техники. В XI—XII в.в. появляются силки, капканы и другие приспособления для массовой ловли зверей, применение каковых орудийлова частично сохранилось и у ненцев и Коми даже до настоящих дней.

О значительном развитии охотничьего хозяйства в XIV веке мы можем судить и со слов Вымского сотника Пама, который на словесном диспуте с миссионером Московского государства—Степаном, указывал, что „наши боги дают нам все: и рыб, что в воде живут, и все, что находится в дубравах и на лугах: соболей, лисиц, рысей и проч. животных, которые благодаря нашей охоте и до вас доходят. Еще и тем наша вера лучше вашей, что у нас один человек или два выходят на медведя и борются с ним и убивают его при помощи богов наших. А у вас на одного медведя выходит много народа, до 100 и до 200 человек *).

Скотоводство занимало такое же важное место в экономике коми, как и охота, и оленеводство. Улучшая технику скотоводческо-оленеводческого хозяйства, коми имели возможность не только расширять свое хозяйство, увеличивать свои стада, но и более тщательно оберегать их от хищных зверей, лучше эксплоатировать их труд. Довольно значительное развитие к этому времени по всей вероятности получило и сельское хозяйство, в связи с дальнейшим развитием его сельско-хозяйственной техники. Если первоначальными орудиями сельского хозяйства слу-

*) Шестаков.—св. Степан Пермский, первосвятитель Пермский, 53—54 стр „Ученые записки Казанского Университета“ Казань 1886 г.

жили заостренные палки, лесорубные топоры, мотыги, ральники, лемеха, то коми к моменту перехода феодальной формации знали конечно и современную деревянную соху, которая по всей вероятности представляла собой результат упорной работы многих поколений коми. Разрыхляя землю под посевы—остроконечной палкой они постепенно переходили к более сложным орудиям, в форме ральников, а затем и сохе. Вполне возможно, что здесь могло иметь место и заимствование, раз коми в VIII-IX в. в. были втянуты в торговые отношения с целым рядом народов занимавшихся сельским хозяйством, то по всей вероятности в эпоху складывавшихся феодальных отношений, Коми были знакомы и теми сельско-хозяйственными орудиями, которыми пользовались эти народы при обработке своих земель. Наконец, эти сельско-хозяйственные орудия в форме сох, борон и т. д. могли быть и предметом ввоза отдельными купцами, торговавшими с отдельными племенами Коми.

Развитие земледельческого-скотоводческого хозяйства создавало и предпосылки для развития начатков сельского ремесла, начатки которого мы видим уже в условиях развитых родовых отношений в форме различных предметов домашнего обихода, как-то: горшков, шил, ножниц и т. д.

О значительном развитии ремесленного производства в Камском бассейне свидетельствует и Берх, который во время раскопок древне-пермяцкого города Искора нашел следующие вещи- „серебрянное кольцо, коего металл оказался без всякой лигатуры. Два замка весьма узорочной работы, открывающие, что здешние жители весьма искустны были в слесарном деле. Ключ очень высокой отделки с золотой насечкой. Сошник, хотя очень грубой работы, но также с наваркою. Два ножа, копьецо и несколько кусков железа. Сверх сего находили мы во многих местах битые из глины печи и такое множество шлагу, что надобно думать, будто в Искоре жили только кузнецы“ *).

О довольно широком развитии ремесленного производства, в Вычегодском районе указывают и данные археологической экспедиции коми, произведенные. в 1925 г. Так при производстве раскопок городища Карамыльк, близ села Карабив, Айкинской волости Устьвымского района, на правом берегу реки Вычегды найдена масса предметов, связанных с сельско-хозяйственным производством. К ним относится лемех, имеющий длину 24,5 см. и вышину 8,5 см., изготовленный треугольной пластинкой, что позволяло скреплять его с деревянной частью, относящейся, по мнению исследователей, к финским, существовавшим с X до XIV в. и позднее **).

*) Берх Путешествие в Чердынь и Соликамск, 97 стр..
**) Записки Общества изучения Коми края, вып. 7—8 стр.

Указание жителей Устьвымского уезда, что „подобного рода лемехи встречаются у них до сих пор“ (там-же 8 стр.) свидетельствуют не только о развитии земледелия (в 9—X в. в.), но и значительном производстве этого предмета местными коми.

Обнаружены там же ряд ножей, конских удил, ножниц, рыболовных крючков, сделанных из железной проволоки, шил стрел, приготовленных из железа, а также ряда предметов, сделанных из бронзы, железа и меди, в виде бус, пронизок, также предметов из глины, ярко свидетельствуют о том, что Коми уже с X века, а возможно и ранее знали разделение труда, внутри ремесла, выражавшиеся в приготовлении различных вещей из дерева, глины, кости, железа и т. д.

Это разделение труда постепенно создавало и условия для развития торгового обмена как внутри отдельных родово-племенных союзов, так и с другими народами*).

Начатки торговли у коми можно установить уже X-XI в. в. Об этом свидетельствуют целый ряд предметов русского и иностранного производства, находимые в Камском и Вычегодско печорском бассейнах. Так по данным раскопок, произведенных в 1925 году специальной археологической экспедицией, организованных Обществом изучения Коми края в 1926 г., найдено при раскопке городища Карамыльк в бубенчик и поясное кольцо с растительным орнаментом Новгородского производства. *) Эти данные ясно свидетельствуют о том, что Новгородские купцы уже с X-XI в. в. проникали со своими товарами и в Вычегодский бассейн.

Значительно раньше Вычегодцев встали на путь торговых отношений камские коми с целым рядом поволожских народов и в частности восточными странами, как то: персами и другими народами. Обнаруженные в пределах Камского бассейна ряд золотых и серебрянных сосудов, ложек, относящихся к V-VI в. в., ясно свидетельствуют о том, что Камский бассейн был посещаем восточными купцами уже с VI-VII в. в. Отсюда, конечно, нельзя делать вывод о том, что Камские коми уже с V в. имели широкие торговые связи с восточными странами. Говорить о широкой торговле для V-VI в. в. нельзя хотя бы уже потому, что как славяне, так и финны в это время еще переживали родово племенной строй и сама торговля, как определенная форма общественного хозяйства только что зарождалась. О широкой торговле нельзя говорить даже и в ранней стадии Коми феодализма. Натурально хозяйства отсутствие путей сообщения, низкая общественная техника и т. д. мало способствовали развитию торговли. Если и были кое-какие попытки со стороны восточных стран к установлению торговых связей с волжскими народами, в частности с Камскими коми, то они носили случайный характер. Такие попытки к установлению торговых связей

*) „Записки Общества изучения Коми края“, вып. 14 стр.

со стороны булгарского купечества можно отметить и с Вычегодским бассейном. Об этом указывают находимые в этом районе ряд предметов булгарского производства. Так при раскопке могильника „Гид-сай-яг“—против села Княжпогост, Устьвымского района, на левом берегу реки Выми,—обнаружено серебрянное проволочное кольцо, украшенное серебрянной же напускной бусиной (орнаментированной зернью, болгарского происхождения)*

Исторически можно установить наличие торговли в Камско-Вычегодском бассейне только начиная с XI в. В частности Вычегодский район поддерживал торговые связи главным образом с Устюгом, Вологдой и Новгородом, как наиболее крупными культурными центрами. Новгород, находившийся в торговых сношениях с целым рядом иностранных государств, естественно был заинтересован в установлении торговых связей с населением Выми, Мезени, Вычегды, Сысолы, Печоры и Камы, какс районами, изобиловавшими ценной пушниной. Торговля новгородцев с этими народностями в XI-XV в.в. носила характер натурального обмена; новгородские и устюжские купцы, приезжая для торговли в Вымско-вычегодский бассейн, привозили сюда всевозможные дешевые изделия, которые они обменивали на ценную пушнину для того, чтобы с большой прибылью сбывать ее иностранным купцам.

Новгородское купечество, часто с участием и епископов, архиепископов, вступая в торговые сношения с населением Вымско-вычегодского и отчасти Печорского районов, с целью изучения местных условий предпринимает в XI в. ряд экспедиций в самые отдаленные места Вычегодского края—к Уральским горам. В русской летописи имеются сведения о том, что в 1096 г. было организовано несколько экспедиций в район Печоры. По этому поводу летописец говорит следующее: Се же хощю о них сказати, яже слушах преже сих 4 лет (т. е. в 1092 г.), яже сказати Гюрята Рогович Новгородце неголя сице, яко послал отрок мой в Печору по дань, яже дают так живущей Новгороду... Югра же рекома отроку моему: давно находим чюдо его же исесмы преже сих лет; се же трети лего поча быти“ (т. е. в 1089 г.).**

Эти экспедиции имели целью не только ознакомление с отдельными народами, обитавшими в данной местности, но главным образом выяснение природных богатств края, о чем Юрята Рогович и сообщает: „В горах тех клич велик и говор, и секут горы, хотячи высечися и в горе той просечено оконце мало, кажут на железо и помогают рукою“. Это наличие в крае полезных ископаемых, в частности железа и золота, послужило причиной ряда завоевательных войн новгородского торгового капитала на протяжении XI-XV вв.

*) Записки общества изучения Коми края, вып. I 17 стр. 1928 г.).

**) „Полное собрание русских летописей“ Лаврентьевская летопись, т. с. 107.

Дальнейшее повествование Юрята Роговича: „Аще же, кто дает им нож или секиру, дают скорого противу", позволяет нам утверждать, что население Югры в то время имело торговые сношения в форме натурального обмена, т. е. за железный нож и секиру давали звериные шкуры.

Эти данные свидетельствуют о том, что первоначальные попытки новгородского купечества к установлению торговых взаимоотношений с населением Вычегодского и Печорского бассейнов—относятся к XI веку. Если примем во внимание походы новгородских ушкуйников 1032 г. и еще более ранние походы, то эти попытки можно отнести к IX-X в. Главным предметом торговли Коми населения с новгородскими купцами являлась пушнина, как-то: белки, лисицы, горностай, песцы и другие ценные сорта пушнины, в замен коих ввозились предметы славянского производства, в форме различных украшений, бубенчиков, шумящих поясов, ножей, серег, колец и других дешевых побрякушек.

Эта развивающаяся торговля способствовала и классовой дифференциации коми населения. Появились купцы, которые, не принимая никакого участия в производстве, стали играть роль посредников между производителем и потребителем, которые в дальнейшем подчинили себе и производителей, сконцентрировав всю торговлю с иностранными купцами в своих руках. Таким образом, торговля разрушила те патриархальные основы жизни Коми населения, которые у него сложились в условиях первобытно-коммунистического общества. „Торговля—пишет Маркс—повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации, которые она застает, и которые во всех своих различных формах имеют своею целью главным образом потребительскую стоимость"*). Таким образом, в результате торговли шла постепенная дифференциация Коми населения. На одном полюсе общества мы видим местных зарождающихся купцов, ростовщиков, накопивших в своих руках богатства, и класс мелких производителей, работавших на эти купеческо-ростовщические круги—на другом полюсе коми общества. Эти начатки классовой дифференциации способствовали созданию новых частно-собственнических форм хозяйствования.

Родовые вожди, как наиболее богатые люди, первые подавали пример индивидуального хозяйничанья. Наряду с общественной землей, стадами домашних животных появились стада и земли отдельных богатеев, стремившихся закрепить за собой те земельные участки, которые были им предоставлены обществом. „Владение участками—пишет Энгельс— предоставленными родом или племенем отдельной семье, настолько укрепилось, что эти участки перешли в наследственную собственность этих семейств.

---

*) Маркс. „Капитал" в III, 256 стр.

Притязания на эти участки со стороны родовых учреждений казались такими же тяжелыми целями, наложенными на собственность, что главной заботой было от них освободиться"*). Накопление земельных богатств, стад домашних животных, происходило не только вследствие личных стараний, нарождавшихся частных собственников, но и главным образом путем насильственных захватов. Таким образом, захват общественных земель, стад домашних животных наиболее богатой частью Коми населения первоначально в лице родовых старейшин, затем—отдельными нарождавшимися богатеями-купцами-скупщиками—способствовал дальнейшему разложению первобытно-коммунистического общества и зарождению общественных классов. „До цивилизации—пишет Маркс — деление общества на классы основывалось на различном участии в производстве. Были распорядители и исполнители промышленных работ, были крупные и мелкие производители"**).

В Коми в эпоху разложения родово-племенного строя были не только распорядители, в лице крупных производителей: землевладельцев, скотоводов, купцов, скупщиков—и исполнителей в лице мелких производителей,—как-то: охотников, рыболовов мелких скотоводов и земледельцев, но и более крупные собственники—коми князья.

В исторической литературе, факт существования князей у Коми отрицается, несмотря на то, что об этом свидетельствуют ряд исторических документов. На основании этих неверных утверждений—эти исследователи доказывают, что подчинение Коми Московскому Государству облегчалось тем, что у них не было княжеской власти, которая смогла бы повести активную борьбу против „мирных" колонизаторов.

Мы считаем подобное утверждение неправильным, ибо все они основаны на полном не знании социально-экономической структуры Коми племен. Неверно, будто появление коми князей относится к моменту крещения их Степаном Пермским в XIV веке.

Во главе племенной организации у Коми стояли так называемые племенные вожди, которые в древности и несли позднейшие функции князя. Следовательно, не Степан Пермский и его приемник епископ Иона, способствовали возникновению княжеской власти в отдельных племенах Коми, а соответствующие социально-экономические условия жизни этих племен: нарождавшиеся частно-собственнические классы, как-то: крупные земельные собственники, купцы, ростовщики были крайне заинтересованы в создании сильной княжеской власти, которая

---

*) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства —74 стр.

**) Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства —73 стр.

была бы способна защищать накопленные ими богатства от притязания эксплоатируемой части населения. Это постепенное сращивание интересов княжеской власти с интересами эксплоататорских классов способствовало и созданию сильной княжеской власти. Эта княжеская власть, выражавшая социально-экономические интересы имущих классов, насильственно производила ломку родовых организаций, разгоняя родовые советы, способствуя развитию частно-собственнических форм хозяйства.

Другая часть населения, в лице мелких производителей, как-то: скотоводов, охотников, рыболовов, живших в условиях общинно коммунистического строя, подвергавшихся уже частичной эксплоатации этих нарождавшихся частно-собственнических классов, естественно оказывала упорное сопротивление эксплоататорской части населения, в их стремлении ликвидировать прежние общинно-коммунистические формы хозяйствования. Эта часть населения стояла за сохранение общинно-коммунистических форм жизни. Коллективная работа, коммунистическое распределение общественных продуктов и т. д. делало коллектив древних коми более экономически мощным, сильным, способным лучше бороться с неблагоприятными условиями жизни, лучше обрабатывать поля и т. д.

Все эти исторические данные дают нам возможность ответить в заключение и на вопрос о том, какая общественно-экономическая формация сложилась в Коми в XI-XII в в. Прежде всего необходимо отметить, что в эту эпоху произошло об'единение вычегжан, вымичан, сысолян и печерян в одно племенное целое, под названием „вычегодских коми". Территория по течению рек Вычегды, Сысолы, Выми, Печоры об'единяла эти племена географически. Наличие одинаковых экономических рессурсов, общность способов производства, общественного быта и языка—все это способствовало об'единению этих племен в единую национальность. Источники позволяют нам сделать и некоторые выводы, касающиеся социальной структуры народа коми в эту эпоху. Мы уже не раз отмечали наличие элементов классовой диференциации у коми. Источники для последующей эпохи уже дают возможность говорить о зарождении торгово-капиталистических слоев в лице местных ростовщиков и скупщиков. Однако торгово-ростовщические отношения существуют здесь только как уклад, господствующей же общественно экономической формацией в крае были феодальные отношения на базе натурального земледельческого и скотоводческого хозяйства. В дальнейших главах мы увидим и местных князей Коми, которые начиная с XIV и XV вв. уже являлись не только родовыми вождями и постепенно превращались в феодальных сеньеров. Эти феодальные князья, как правило, использовались новгородскими и московскими колонизаторами в качестве наместников и воевод, что в значительной степени облегчило процесс колониальной экспансии в этом крае и закрыло путь

к возврату политической самостоятельности завоеванного края.

Мы не имеем ни историко-археологических, ни лингвистическо-этнографических материалов, чтобы на основании последних осветить ход этой первой в истории социальной революции. Но можно определенно утверждать, что этот переворот не прошел тихо и мирно, совершался путем открытой борьбы, эксплоатируемых против эксплататоров, закончившейся поражением эксплатируемых и торжеством эксплоататоров. Здесь не могло быть сращивания одной общественно-экономической формации в другую, т. е. бесклассовой первобытно-коммунистической формации в классовую феодальную формацию. Здесь происходила борьба двух систем хозяйствования: коммунистического и частно-собственнического (феодального), которая и закончилась победой эксплоататоров.

Возникновение феодализма.

Феодальная формация, установившаяся в Коми в результате разложения первобытно-коммунистического общества, приблизительно к XI-XIII векам, так же совершенно не изучена, как и первобытно-коммунистическая формация. Мы не имеем по этому вопросу буквально не только ни одной работы, но даже ни одной статьи. Собранных материалов архивного характера мы пока также не имеем. Поэтому, затрагивая вопрос о феодализме в Коми, мы на данной стадии состояния исторических документов—ограничимся лишь константированием того факта, что коми народ в своем историческом прошлом переживал эпоху феодализма, как и другие народы. Установившийся в Коми новый феодальный строй представлял собой результат ожесточенной классовой борьбы между с оформировавшимися уже имущими классами—в лице крупных скотоводов, землевладельцев, стремившихся к ликвидации прежних коммунистических форм хозяйства, и мелких производителей, боровшихся за сохранение старых общинно-коммунистических форм хозяйствования. Феодальный переворот, произведенный имущими классами, заключался в установлении власти феодалов в лице крупных земельных собственников, скотоводов—над мелкими производителями-земледельцами, охотниками, рыболовами и т. д., чтобы пользуясь силой и властью иметь возможность эксплоатировать труд мелких производителей и за счет пота и крови последних строить свое благополучие.

Новый феодальный строй, осуществивщийся в Коми в XI-XIII вв.,—имел в основном почти одни и те же черты, что и в России т. е. наличие крупного землевладения, прикрепление крестьян к земле феодалов, тот же тяжелый гнет феодальной эксплоатации. Наиболее крупными феодалами в Коми являлись князья, которые путем грабежа захватывали наиболее лучшие крестьянские земли, обрабатывавшиеся трудом закрепощенного на них кре-

стьянства. О наличии в Вычегодском крае крупных княжеских поместий и свидетельствуют термины — „Княжпогост“, деревня „Княжича“, Починок „Княжичина“, починок „Княжий мыс“ (Акты времеи правления Шуйского), которые безусловно принадлежали вымским князьям.

Крупнейшими земельными латифундиями владели и Пермские князья, которые от избытка своих земель делали значительные пожертвования в монастыри, как это часто делали и Московские и удельные князья. Так великопермский князь Матвей Михайлович сделал довольно большой вклад в богословский монастырь.

Так в актах исторических мы читаем, что „за Богословским же монастырем князь Матвеевских Великопермского пустых земель и лесу и лугов в Чердынском уезде по конец Токчинского поля перелогу пять четвертей, да лесу пашенного пять десятин, да на Люноре пять четей, да лесу большого пашенного три десятины, да за Вотским погостом на Зайбе перелогу 6 четей, да на Шантуре пашенного пять десятин, да за Почкинском в среднем поле лесу пашенного большого двадцать четыре десятины, да пашни шесть четей, да на речке на Вишере луг Данилов“*). Этот дар ярко свидетельствует о том, что Великопермский князь Матвей Михайлович владел солидными участками земель, разбросанных в различных местностях Чердынского уезда.

Не менее крупными землевладельцами в Коми являлись и монастыри, как-то: Ульяновский монастырь, расположенный по Вычегде, Чердынский богословский монастырь, получивший к своим земельным владениям крупный земельный дар от Великопермского князья Матвея Михайловича. Все эти крупные земельные латифундии князей, монастырей, приближенных князей, его дружинников, естественно не могли обрабатываться личным трудом, а обрабатывалась трудом закабаленных ими крестьян.

Наличие коми князей, как-то: вымских, вычегодских, удорских, пермских, дает нам основание утверждать о существовании в прошлом и ряда отдельных коми княжеств. Так можно отметить существование Вымского княжества, наиболее выдающимися князьями, которого являлись князь Ермолай Вымский, его сын Василий Ермолич Вымский, Федор и Петр Вымские. Столицей Вымских князей являлся город Усть-Вымь, расположенный по реке Вычегде и являвшийся тогда важнейшим торговым центром Вымско-Вычегодского края.

Существование ряда вымских князей, как-то: князя Федора Вымского, князя Петра Вымского, которые вместе в 1485 году заключили мир с Кодскими князьями, а также Удорского

---

*) Акты исторические, вып. I, 397 стр.

княжества, управлявшегося Удорским князем *) свидетельствует о том, что наряду с центральным Вымским княжеством существовали и более мелкие княжества, управлявшиеся отдельными князьями, являвшиеся, как бы „удельными" князьями Вымского княжества.

В Камском бассейне—также, как и Вымско-Вычегодском существовало Велико-пермское княжество, которое также в административном отношении было разделено на ряд отдельных княжеств. Во главе Велико-пермского княжества стояли Великопермские князья: князь Андрей Велико-пермский, Велико-пермский князь Матвей и другие.

Род пермских князей был довольно плодовитым, что мы видим из сохранившегося Чердынского синодика, найденного Дмитриевым, живших по его мнению во второй половине XV в. и в начале XVI века. Вот переименование этих пермских князей: „Князь Михаил Пермский, убит вогуличами, князь Владимир Пермский, князь Иоан Пермский, князь Ермолай Вымский, князь Василий Вымский, князь Федор Вымский, князь Иоана Пермский, убит вогуличами, князь Дмитрий Пермский, князь Константин Пермский, князь Андрей Великопермский, князь Матвей Пермский, княгиня Анна, княгиня Ксения, княгиня Анастасия Великопермские"**).

Древнейшей столицей Пермского княжества являлся несомненно г. Чердынь. Былое величие Чердыни, как столицы Велико-пермского княжества, выглядывает и из тех окончаний царских грамот, адресованных пермским воеводам, которые обычно заканчивались „Пермь-Великая—Чердынь", несмотря на то, что после завоевания Велико-Пермского княжества в 1472 г. царский воевода жил не в Чердыни, а в городе Покче, где затем срубили новый город откуда и управляли Пермью Великой. Существование Чердыни до завоевания Велико-пермского княжества, который по мнению местных жителей к тому времени стоял уже на пятом месте, где в 1463 году был построен епископом Ионою монастырь и приведен в христианство Пермский князь Михаил, дал основание А. А. Дмитриеву утверждать, что „именно Чердынь с древнейших времен и была главной резиденцией Велико-пермских князей, столицей всей Перми Великой. Отчасти такое значение города Чердыни можно усмотреть и из того, что по завоевании страны русскими в 1472 г., князь Федор Пестрый не без умысла избрал местопребывание Московских наместников соседний город Покчу, а не Чердынь, дабы порвать традиционные связи с славным прошлым города, главнейшего во всей стране, и низвести бывшую княжескую столицу на степень обыкновенного города.

---

*) Акты археологической экспедиции, т. I, № 94, 75 стр.

**) А. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. 1, 159 стр. П. 1882 г.

Маленький пермский городок Покча был с умыслом предпочтен бывшей столице пермских князей *).

Существование, кроме Чердыни еще ряда отдельных городов до московского завоевания, как-то: Покчи, Уруса, Искара и др., указывает нам на то, что эти города по всей вероятности и были резиденциями пермских князей, управляющих частями обще-пермского княжества.

Что же касается административного управления коми княжеств, надо заметить, что первоначально, это управление было не сложным, князья сами вместе со своими слугами собирали подати с подчиненного им населения. Постепенно Коми князья обзавелись и своей администрацией, стремились к увеличению числа своих военных сил, чтобы при помощи их охранять спокойствие и порядок в княжествах, оберегать своих купцов от разграбления и т. д. В связи с этим мы видим и увеличение поборов, извлекаемых с крестьянства, которые вынуждены были содержать не только князей, их семью, но и весь их административно-военный аппарат.

Для того, чтобы более лучше поставить дело сбора налогов с крестьянства, коми князья пытаются ввести и технические улучшения, заменяя мелкие родово-общинные союзы коми крестьянства, более крупными организациями, в лице погостов, станов и волостей. Волость, как наиболее крупная часть Коми княжества, имела и свою администрацию. Так, во второй половине XIV века в эпоху деятельности Степана Пермского,—мы видим Вымского сотника Пама, который, отражая мнение недовольной части коми населения деятельностью Степана Пермского, открыто выступал против Московского государства, указывая, что от Москвы, они, кроме грабежей, издевательства, ничего хорошего не видели и не увидят. Этот Вымский сотник и являлся видимо представителем Вымских князей, управлявших определенной частью обще-Вымской территории.

Должность сотников XIV в. являлась видимо не единоличным явлением. Их мы видим в Вычегодском бассейне, полномочия и власть коих были достаточны велики, чтобы не только самостоятельно управлять вверенной им территорией, но и выступать представителями коми князей при заключении различных государственных договоров, как-то заключения мира и т. д. Так при заключении в 1486 г. Вымским князем Матвеем с Югорскими князьями мирного договора, присутствовал и представитель Вычегодского князя—Вычегодский сотник, вместе с представителем Пермского епископа.

В Пермском княжестве мы видим в XV веке и воевод, поставленных коми князьями в Пермских городах. Так во время Московского похода 1472 г. были захвачены и некоторые воеводы Пермских князей. Русская летопись, описывая этот поход,

*) А. А. Дмитриев, Пермская старина, вып. I, 16 стр, п. 1882 г.

указывает, что „князь Федор попде токмо ко Искару и взяв его воеводы их пойма Бурмана да Мичина и Зырна по опасу пришел к нему *).

Таким образом, на основании этих исторических данных, мы можем утверждать, что коми народ в своем историческом развитии не пошел каким-то самобытным путем, что и он, как и другие народы, в частности русские в XI—XIII в в. уже переживал эпоху феодализма, корни которого, как мы видели выше, были заложены в самой экономике Коми. Источники позволяют нам сделать выводы не только о наличии в XI—XIII в. в. классовой диференции у коми, но и зарождения торгово-капиталистических слоев населения, в лице местных коми ростовщиков и скупщиков. Однако это торгово-ростовщические отношения существуют еще здесь, как уклад, господствующей же экономической формацией, в коми крае были феодальные отношения на базе натурального скотоводческо-земледельческого и охотоводческого хозяйства.

Дальнейшее усовершенствование общественной техники, развитие местных промыслов и торгово-ростовщических операций способствовало и установлению торговых связей с другими народами, в частности с новгородскими и московскими купцами.

Последние, проникая в Коми с торговой целью, знакомясь с разнообразными богатствами края, в частности с его баснословными пушными богатствами, приходили к мыслью о необходимости завоевания этого края пушных богатств, чтобы превратить его в свою колонию, откуда можно было бы извлекать нужную и наиболее ценную для них пушнину, как-то: соболи, чернобурые лисицы, голубые песцы. Уже с IX века, по данным русских летописей, идут походы Новгородских купцов по завоеванию вновь открытых ими новых рынков, рассмотрению которых мы и приступим.

Завоевание Коми вычегодско го и пермяцкого княжества.

Многие историки придерживаются того взгляда, что ни один из народов России никогда не подвергался завоеванию со стороны русских, а происходило лишь мирное занятие земли, никому не принадлежавшей. Из крупнейших историков, писавших по данному вопросу, достаточно указать на Соловьева, который характеризует это завоевание следующим образом: „В на-

---

*) Труды Пермской ученой архивной комиссии, вып. I ст. А. А. Дмитриева „О границах древней Перми Великой"—68 стр. П. 1842 г.

чале нашей истории мы видим, что славяне и финны действуют заодно; таким образом ославянились финские племена Мерен, Мурома и др. Двинская область получила русское народонаселение и стала владением Великого Новгорода. Все это произошло тихо, мирно, незаметно для истории, потому что здесь собственно было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежащей" *).

Распространение русских владений в Сибири, о котором можно составить себе ясное понятие по дошедшим до нас памятникам, дает лучшее объяснение тому, как распространились русские владения и по эту сторону Уральского хребта. „Здесь также могли происходить стычки с туземцами, которые приходили иногда разорять новые поселения, отказывавшихся платить ясак, но здесь один народ, государство, не было завоевано другим народом, государством, в том смысле, в каком обыкновенно понимается в истории завоевание, одним словом и там и здесь преимущественно происходило переселение, колонизация страны. Что сказано о Севере России, то может быть сказано и о других областях; мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о построении городов, о заселении пустынных пространств" **).

Это мнение Соловьева не выдерживает никакой критики, как противоречащее историческим документам, которые, наоборот, подчеркивают факт завоевания северных народностей, а в частности коми в начале Новгородским, а затем Московским военно феодальным империализмом.

Соловьев, во-первых, затушевывает факт войны русских против коми и ряда других народов, во-вторых, он объясняет военные столкновения, происходившие при „переселении русских" на северо-восток, нападениями коренных жителей, будто бы приходивших грабить „мирных русских людей". Здесь мы должны заметить, что Соловьев сам себе противоречит. Если в одном месте он утверждал, что имело место мирное, спокойное занятие территории северо-восточных народностей, то дальше, заявляя о фактах столкновений русских с националами, он сам разрушает свою теорию мирного проникновения русских на северо-восток. Точно так же обстоит дело и с другой его теорией—о том, что территория, занимаемая русскими, была совершенно свободна, что здесь происходило „заселение никому не принадлежащей территории". Это утверждение опровергается его же замечанием, сделанным ниже, о том, что „ столкновения возникали и вследствие отказа „туземцев" платить ясак. Уже один тот факт, что „националы" отказывались платить ясак, указывает на то, что они были завоеваны русскими.

*) С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. I. М. 1851 г., с. 3

**) С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. I, кн. I, с. 11

Историк Коми Г. С. Лыткин также подчеркивает „мирный и спокойный“ характер проникновения Московского государства на территорию Коми, решительно отвергая всякую мысль о завоевании ее Москвой или Новгородом. „В конце декабря истекшего 1883 г.,—пишет Лыткин,—исполнилось 500 лет со времени открытия кафедры епископа Перми. История этой кафедры есть в то же время и история незаметного мирного влияния Московского государства в Вычегодско Сысольском крае, населенном зырянами, данниками Великого Новгорода. Из этого края влияние Московского государства проникло на весь северо-восток России и Двинскую землю, составляющую волость Новгородскую, и в вольную Вятку и независимую В. Пермь, и наконец за Камень или Уральские горы, к вогулам и остякам“ *). Итак Лыткин стоит на точке зрения Соловьева, что никакого завоевания коми-пермяков со стороны Новгорода, а затем и Московского государства не было, а происходило „мирное“ проникновение русских на территорию коми, откуда культурное влияние русских распространялось на все соседние народы, жившие поблизости Камско-Вычегодско-Сысольского края. Подобная теория является не чем иным, как оправданием русского великодержавного национализма. Фактически дело происходило совершенно иначе, как об этом нам повествуют русские летописи.

Первое столкновение новгородцев с коми, по данным русских летописей, произошло на территории Вычегодского бассейна в 1032 году. Об этом первом военном столкновении летописец повествует следующее: „И тогда же Улеб изыде из Новгорода за железные врата, и опять мало их приде“ **). Хотя летописец не указывает, в какой местности произошло это военное столкновение, т. е. на территории-ли Печоры, которая пересекается в районе Усть-Цильмы Уральскими горами, или на территории Вычегды, но нужно полагать, что оно произошло именно в Вычегодском районе. В этом нас убеждает прежде всего тот факт, что территория Югры—Уральские горы—стала известной новгородцам только с 1089 г.

Но эта война 1032 г. также не была первой войной в Вычегодско-Печорском крае, так как летописец определенно подчеркивает, что „опять их мало приде“.

После завоевания (в первой половине XI в.) Вычегодско-Печорского края начинается проникновение новгородцев в отдаленную Югру.

В IV Новгородской летописи мы имеем сведения, что „того же лета (1187 г.—В. П.) избьеши быша даньики Перемьски и Югорьскии, а друзи за Волоком“ ***).

---

*) Г. С. Лыткин—Зыряне и Зырянский край при епископах пермских. М. 1889 г., с. 1.

**) „Полное собрание русских летописей“, т. V, с. 136, и т. VII, с. 330.

***) Там-же, т. IV, с. 17.

Это говорит нам о том, что печорские Коми совместно с другими народностями, жившими в крае, оказывали сопротивление Новгороду, отстаивая свою политическую и экономическую независимость.

В основе торговли Новгорода с иностранными государствами лежала та дань, которую Новгород собирал с завоеванных колоний. Новгород был следовательно заинтересован в том, чтобы собирать как можно больше дани. Поэтому новгородские власти практиковали сбор дани в увеличенном размере против положенного. Население завоеванных областей отчаянно защищалось от произвольных грабежей, прибегая к различным способам борьбы. Так, в 1193 году племя югры, жившее на склонах Уральских гор (рядом с населением коми), обремененное тяжелой данью, задумало хитростью погубить все новгородское войско, приближавшееся к территории югры для сбора дани, путем заманивания отдельных отрядов и неожиданного на них нападения. Когда новгородцы взяли один городок и подошли ко второму городу, югричи выслали к ним представителей, которые и заверили новгородцев, что „яко копим сребра и соболи и ина узорочья, а не губите своих смьерд и своей дани“*). Усыпляя бдительность новгородцев заявлением о том, что они усиленно занимаются сбором дани, югричи в то же время концентрировали свои силы для нападения на новгородцев и, как дальше повествует летописец: „И яко скопиша вое (воинов—В. П.) и выслаша из города к воеводе (т. е. гонца новгородскому воеводе—В. П.) пойди в город, поем с собою 12 мужь вячьших и иде в город воевода, поймя с собою попа, Иванка Легена и иных вячьших, изсекоша“ **).

Уничтожив таким образом несколько десятков воинов, они вновь заманивают других. Как указывает летописец: „накануне св. Варвары и выслаше паки и пояша их 30 муж вячьших и тех изсекоша и потом 50“. Дальше летописец дает очень интересную характеристику отношений к новгородским воеводам и купечеству со стороны населения—югры в лице некоего Савки, который требовал казни новгородского воеводы Якова Прокшинича. Савка указывал, что „аще, княже, не убиеши Якова Прокшинича и пустиши его в Новгород живого, то тому ти, княже, опять вои привести семо и землю твою пусту створит и повеле убити его“, на что новгородский воевода ответил: „брате, судит ти бог и св. София, яко подумал еси на своего братию и станеши с нами перед богом и ответ дашь за кровь нашу“***).

Летописец со слов тех, кому удалось бежать из этой ловушки (в числе 80 чел.) и возвратиться в Новгород, рисует и ме-

---

*) „Полное собрание русских летописей“, т. III, IV Новгородская летопись 1841 г., с. 21—22.

**) Там же, с. 21—22.

***) Там же, с. 21—22.

тоды, с помощью которых югричи разбили их: „Яко изнемогаша голодом, стояли бо бяху 6 недель слушаюче льстбе их и на праздник св. Николы вылезьше из города изсекоша вся и бе туга-беда останку живых, бе бо осталось их 80 муж“ *).

Эта война и экспедиции, организуемые для сбора дани в отдаленных колониях Новгорода, представляли собою коллективные выступления отдельных, наиболее влиятельных богатых купцов, новгородского князя и „святейших“ новгородских епископов и архиепископов. Поэтому долгое отсутствие экспедиции (1193 г.) сильно беспокоило новгородскую знать. „И не бяше вести через всю зиму в Новгороде, на не,—отмечает летописец,—ни на живы, ни на мертвы и печаловахуся в Новгороде князь и владыка и вьс Новгород“**).

Трагическая и весьма показательная развязка этой военной экспедиции ярко характеризует отношение Коми и Югры к политике Новгородского купечества.

Население Коми и Югры платило дань Новгороду, подчиняясь силе. Поэтому оно пользовалось всеми политическими затруднениями Новгорода, которые создавались в результате непрерывных войн с различными народностями и с Московским государством. Для регулярного получения дани, от которого зависела торговля Новгорода с иностранными государствами и независимое его существование, он вынужден был посылать в завоеванные им территории одну военную экспедицию за другой.

Подчинив жителей Уральских гор, и в частности коми, Новгород в 1346 г. (6872 г.) предпринимает поход в бассейн р. Оби, где „дети боярские и молодые люди и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воеваша по Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша“***). Коми, которые также занимали верхнее течение р. Оби, только с 1364 г. попали в экономическую кабалу к новгородскому купечеству. В 1398 г. новгородцы совершают поход за волок с ратью в 3 тыс. чел.“ ****). Организованный Новгородом последний поход в Югру кончился таким-же поражением. „Воеводы новгородские,—говорит летописец,—поидоша ратию Заволоцького в трех тысячах на Югру и поимавше югорьских людей много, и жон и детей и расположишася они же Югричы доспеша над ними область, а ркучи тако: „Мы хотим вам дань даяти, а хотим счестися и указати вам страны, и острова и урочища“, а в то время „скопившееся и ударившееся на острог Васильев, и много людей, детей боярских и удалых людей избиша, человек с 80 и безжалостно слышати убиение их... а иные разбегоша по лесу“*****).

---

*) „Полное собрание русских летописей“, т. III, IV. Новгородская летопись 1841 г. с. 11—22.

**) Там же, с. 21.

***) Там же, т. IV, IV—V Новгородская и Псковская летописи, с. 102.

****) Там же с. 102.

*****) Там же, с. 124.

* * *

Благодаря своему географическому положению—на р. Волхове, вблизи важнейших рек: Волги и С. Двины, которая соединяла его с Балтийским побережьем, Новгород быстро втянулся в торговые сношения с восточными и западно-европейскими государствами. Ведя крупную торговлю с целым рядом иностранных государств (Литва, Польша, Швеция и др.), держа в своих руках монополию по торговле русской пушниной, Новгород был естественно-заинтересован в территории, откуда он мог бы черпать предметы своего заграничного вывоза. Поэтому, главное внимание новгородского купечества было сконцентрировано на богатом Заволочьи, т. е. на территории, которая находилась между Волгой и Северной Двиной, и в частности в Вымско-Вычегодско-Печорском бассейне, изобиловавшем пушниной. Поэтому политика Новгорода была направлена на завоевание этой важнейшей территории.

Одним из основных богатств этого края являлась пушнина, как-то: горностай, песец, соболь, выдра и т. д. Новгородцы, посещавшие берега Белого моря, и в частности Печоры, указывали, что белок и оленей было такое великое множество, что его можно было бы сравнить с тучей. Из других богатств края можно отметить запасы благородных металлов—серебра и золота, которые, по данным летописи, уже добывались в Уральских горах с XI в. Малонаселенные земельные пространства представляли широкую возможность для колонизации края, организации промысловых заимок для эксплоатации природных богатств, в частности пушнины, соли, рыбы. Кроме того, северный край, в частности Коми являлся для новгородских купцов обширнейшим рынком для сбыта их продукции местному населению. Для овладения этими богатствами и интересах новгородского торгово-ростовщического капитала ведется ряд завоевательных войн, в результате которых в первой половине XIV в. Вычегодско-Сысольский край окончательно закрепляется за Новгородом. Тем самым Вычегодско-Печорско-Камский край уже превращается в колонию новгородского торгово-ростовщического капитала.

После этого начинается систематическая колонизация края. В 1315 году, по данным русской летописи, Новгородский посадник Василий Матвеевич Своеземцев купил у чудских князей землю на „Ваге, около 200 верст в длину, изобиловавшую пушниной, и заплатил за нее 20 тысяч белок и 10 рублей новгородских". Печора, как наиболее крупная часть северной колонии, в начале XIV в. имела уже управление Великого Новгорода. О числе новгородских волостей мы можем судить на основании Шелонского договора, по которому Новгород передал свои права на эти колонии Московскому государству, а именно: „Пине-

гу, Кегролу, Чаколу, Пермские волости, Паши горы, Немьюгу, Пинспешку и Вию и Суру Поганую"*).

Закрепление этих территорий за Новгородом усиливало их в экономическом отношении. Но одновременно с ростом экономической и политической мощи Новгорода происходило возвышение Московского княжества, которое в конце XIV в. стало интересоваться богатствами Северного края.

Московское государство и раньше этого времени поглядывало с завистью на эти северные новгородские колонии и медленно, но верно готовилось к завоеванию этих территорий.

По мере того как развивался московский торговый капитал, Москва ощущала все более острую нужду в колониях. С 1386 г. она начинает проводить последовательную политику захвата новгородских колоний. Особенно ясно это обнаружилось в 1393 г. Непосредственным поводом для военного столкновения Новгорода с Москвой послужил отказ новгородцев расторгнуть заключенное ими соглашение с греческими епископами о церковном суде, но действительные причины столкновения, как мы уже сказали, заключались в стремлениях Москвы к захвату рынков.

„Московский князь,—пишет летописец,—послал за Волок, за Двину бояр своих Андрея Альбердова с другы ко всей Двиньской слободе, повествуя им тако: „чтобы есте задалися за князя великого, а от Новгорода бы есте отнялися, а великий князь хощет вас от Новгорода боронити, а за вас хощет стояти, и двиняне Иван Микитин и бояре двинскии, вси двияне, за великий князь задалися, а князю великому целоваше крест, и великий князь, на крестном целовании у Новгорода отъял Волок Ламанский с волостьми, Трьжек с волостьми и Вологду и Бежецький вр-х"**. Закватом Вологды Москва заградила в известной степени путь в богатое Заволочье и создала угрозу этому краю. Тогда новгородцы обратились к церковному владыке со следующей просьбой: „Не можем, господине отче, сего насилия терпеть от своего князя великого, что у нас отнял у св. Софии и у В. Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дедину". Получив благословение архиепископа на воинские подвиги, новгородцы в 1398 г. двинули свою 3-тысячную рать для закрепления за Новгородом территорий, занятых московским князем. И „повоеваша Белозерьские волости, и с городка взяша окуп 60 руб. и Кубеньскии волости и Галицкии взяша на щит и Устюг повоевав и пожогша, а над Орлецом стояша месяц, бьюще пороки, заволочане те с городка убиша Левона Скудичного, наши же взяша Орлец и разграбиша. А на двиняках поимаша окуп 2000 руб. да 3000 конев, а воеводу двиньского Ивана Микитича привез в Новгород скинуша с мосту" ***).

*) А. А. Э. т. 1, № 93. с. 72—73.
**) П. С. Р. Л., т. III, IV Новгородская летопись, П. 1841 г., с. 98.
***) Там же, т. IV; V; IV и V Новгородская и Псковская летописи.

Таким образом с напряжением всех своих сил и экономических рессурсов Новгород восстановил себя в правах господина над своими колониями и в частности над Вымско-Вычегодско-Печорским краем.

Война 1393 г.—это первая война между двумя крупными государствами, борющимися помимо других интересов и за колонии. Эта война показала, что Москва была еще слишком слаба, чтобы сломить мощь своего северного конкурента—Новгорода. Поэтому-то Москва в борьбе с Новгородом заключает договоры с Устюгом, Вяткой, Псковом и другими независимыми городами. Особенно интересным мы считаем заключение Москвой союза с Устюгом, направленного против Новгорода. Рассматривая Устюг как важный стратегический пункт в борьбе с Новгородом, Москва защищала его от притеснений и нападений новгородцев в расчете на то, что Устюг будет попрежнему вести политику противодействия Новгороду в его проникновении в Вычегодско-Печорский край для сбора дани. И „действительно" мы видим, как ревностно выполнял Устюг это задание Москвы. Летописи указывают, что большинство экспедиций, отправленных Новгородом в Вычегодско-Печорский край, подвергались нападению и разграблению со стороны устюжских князей.

Далее, Москва заключает союз с церковью для окончательного разгрома новгородской вольности и захвата новгородских колоний. Благодаря тесному союзу с церковью, все эти завоевательные походы, как то: поход 1386, 1393 г. г. и т. д., прикрывались религиозными причинами. „Неверные,—пишет летописец,—изначала не знают бога; а эти новгородцы столько лет были в христианстве и под конец начали отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязычников и на отступников от православия, отступили они не только от своего государя, и от самого господа-бога; как прежде прадед его великий князь Дмитрий вооружился на безбожного Мамая, так и благородный великий князь Иоанн пошел на этих отступников" *).

Для нас ясно, что религиозные обоснования последней схватки 1394—1398 гг. между Новгородом и Москвою служили прикрытием завоевательных планов Московского государства.

Участие церкви в завоевательной политике Москвы диктовалось в основном экономическими причинами. „Небесные" интересы церкви тесно переплетались с материальными интересами ее служителей. Мы знаем, что не только церковь в целом, но и отдельные чины церкви были обладателями громадных богатств. Новгородские и московские архиепископы—это крупные торговцы и рабовладельцы, активные участники военных походов

*) М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, М. изд. „Мир" 1920 г., т. 1, с. 191.

своих князей. Они занимались такой же эксплоатацией своих рабов, как и бояре.

Русские исторические источники очень рано начинают говорить о завоевании Коми. Первые сведения об этом мы находим еще в первоначальной летописи. Попробуем дать критический обзор летописных известий.

Говоря о завоевании Коми русские летописи совершенно неправильно освещают этот вопрос как в смысле даты этого завоевания, так и в смысле тех причин, которыми оно было вызвано. Если верить свидетельству летописца, то коми совместно с другими северо-восточными народностями, было уже в IX—Xвв. завоевано „Русью". Об этом свидетельствует древнейший текст летописи Нестора, в котором указывается: „Дань дают Руси: Чюдь, и вся языцы: Мерея, Мурома, Весь, Мордва, Заволоцкая Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра" *).

Указание летописца нам кажется очень сомнительным. Здесь мы имеем слишком раннюю дату для таких завоеваний в момент создания и оформления самой Киевской Руси. Завоевание Киевской Русью отдаленных северо-восточных окраин, как например Печорско-Камского края—вплоть до Уральских гор, где жили угры, представляет вымысел летописца. Если верить летописцу, то княжеская дружина Киевской Руси IX—X вв. совершает чудеса. Как на крыльях быстролетной птицы, она с молниеносной быстротой перелетает через целый ряд великих речных систем, через непроходимые дебри лесов и северных болот, через которые мы и в XX в. можем передвигаться только в зимнее время, и завоевывает почти всю территорию северо восточной окраины.

Это указание летописца находится в решительном противоречии с более поздними историческими документами. Летописные данные XII в. подчеркивают, что завоевание Коми началось с XI-XII вв. Сообщение о том, что в древнейшие времена северо-восточные народности платили дань Руси и следовательно были покорены Русью, представляет собой продукт более позднего времени, а именно XI-XII вв. Нужно полагать, что это не что иное, как поздние дополнения летописца, сделанные по всей вероятности в XII в., что имеет и свои причины. Одним из мотивов этих позднейших дополнений было желание оправдать завоевательные войны развивавшегося в XI—XII вв. торгово-ростовщического капитала против северо-восточных народностей; это оправдание заключалось в том, что последние отказывались платить великокняжеской Руси „законную" дань. Таким образом войны XI—XII вв., преследовавшие захватнические цели, прикрывались указаниями летописца, что в древности все эти народности жили под властью Руси. Наконец для народа эти указания летописцев, которые являлись как бы хранителями древних преданий, которым народ верил, имели боль-

*) П С Р Л, т. 1, 1846 г., с. 5.

шое значение. Для войны нужны были большие людские массы. Если всякая война была гибельна для крестьян, занимавшихся сельским хозяйством и различными промыслами, то для князя, его дружины и купечества—война была выгодна, ибо она их обогащала. Для крестьян эти войны были не нужны—они разоряли их хозяйства. Князья, епископы и знать того времени для привлечения крестьянства в войска могли ссылаться и на летописи, мотивируя эти войны тем, что и раньше князья вели войны, что раньше эти народности платили им дань, а теперь отказываются от платежа этой законной дани, за что изменники и должны быть наказаны. Итак, русский летописец, дополняя старые летописные тексты новыми сведениями, действовал в интересах княжеской власти, подводя под завоевания XI—XV вв. „законные" основания. Другое утверждение летописца, что войны XIV в. имели религиозные цели, что московские князья завоевали Новгород и его волости потому, что последние „приставали к латинству", конечно не выдерживает никакой критики. Все религиозные обоснования завоевательных войн Московского государства представляют собою не что иное как прикрытие их грабительской сущности.

* *
*

К концу XV в. позиции Московского государства в Вымско-Вычегодском крае настолько укрепились, что эта бывшая новгородская колония фактически находилась уже в руках Московского государства. Даже в конце XIV в. московское княжество рассматривало этот край как свою колонию, отчасти правда с признанием прав на нее и за Новгородом. Так, в одной из грамот московского великого князя Ивана Даниловича, новгородского посадника Даниила и тысяцкого Авраама, относящейся к периоду между 1328—1340 гг. говорится: „От великого князя от Ивана, от посадника Даниила, от тысяцкого Авраама и от всего Новгорода к Двинскому посаднику на Колмогоры и к боярам двиньским. Приказал есмь Печерскую сторону Михаилу, а ходить на море в двадцати человек, а вы, бояре двиньские, не вступайтеся в гнездные потоки, ни в места, а погост Кегрольский волок ведает Михайло по пошлине, кака-о то было при моих дядех и при моем брате при старейшем, а Микифору ненадобно вступатись ни во что же, ам ходит Микифор в Михайлове ватазе" *). Эта грамота свидетельствует о том, что в 1340 г. московские князья считали Печорский край, а следовательно и Вымско-Вычегодский своей территорией, признавая в то же время особые права Новгорода. Последнее подтверждается тем, что управле-

*) А. А. Э., т. 1, № 2, П. 1836 г., с. 1.

ние Печорою поручалось Михаилу от имени Новгорода и Москвы. Москва стремилась везде поставить своих наместников, которые были бы послушными проводниками московской политики в колониях. Признавая себя верховным собственником всех новгородских колоний, московский князь выдает и жалованные грамоты тем или иным лицам, желавшим работать в его отдаленных колониях, об освобождении их от дани, пошлин и повинностей. Около 1340 г. мы имеем жалованную грамоту московского великого князя Иоанна Даниловича об освобождении печорских сокольников от дани и повинностей. Эта грамота гласит: „Пожаловал еси сокольников печерских, кто ходит за Печеру, Жилу с други, а се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федец, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок.... не надобе им ни которая дань и ко старосте им не тянути и что у них третники и наймиты, кто стражет на готовых конех, и в кунах, и тем ненадобе ни которая дань, ни ко старосте им не тянути, ни биричь их не поторгывать, не надобе ни корм, ни подвода, кто через мою грамоту, что у них возмет и из князь великий казню знаете ми люди те надобны. А приказывал есми их блюсти Меркурью: и ты, Меркурей, по моей грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому" *).

Такие же грамоты выдавал и Новгород. В 1448-1454 гг. мы имеем жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю, выданную Новгородом от имени веча об освобождении монастырских возов и людей, отправляемых с товарами на Вологду и Двину, от пошлин «Кого пошлют из того монастыря на Двину, — говорит грамота, — зиме на возех, а лете на одиннадцати лодьях, старцев или мирян, ино двинским посадникам Холмогорским или Вологодским посадникам и их приказчикам всем, с тех людей Сергеева монастыря и с возов не имати гостиного ничегоже, никоторых пошлин, ни подаралного, ни подзорного, ни описчего, ни под'ездного, ни побережного, ни померного»**). Освободив их от пошлин, грамота в то же время указывает: «Вы бояре двинские и житые люди и купцы, бороните купчину Серегова монастыря, хотя коли будет Новгород Великий, с которыми сторонами не мирен, а вы блюдите монастырскую купчину и его людей, как своих»***. Здесь Новгород подчеркивает и свое право на эту колонию, считая ее своей, рекомендуя и во время военных действий с Московским государством беречь «купчину» монастырскую.

Во второй половине XIV в. вымский сотник Пам жаловался на московских чиновников, чинящих «насилие великия». Из этого выступления видно, что Москва в этом районе очень мало считалась с Новгородом.

---

*) А. А. Э., т. 1, № 3, П. 1836 г., с. 1.
**) А. А. Э., т. I, № 42, П. 1836, с. 32.
***) Там же, т. I, № 42, П. 1836, с. 32.

Проникновение миссионеров Московского государства в Вымско-Выгодский бассейн во второй половине XIV в. и сделка с нарождавшейся местной торговой буржуазией для совместной эксплоатации коренного населения сильно укрепили влияние Москвы в коми.

Во второй половине XV в уже и князья коми переходят на сторону Московского государства, охотно выплачивая подати, неся повинности, платя дань (ясак) Москве. Подчинившись Москве, князья в то же время выплачивали подати и Новгороду. Где население не соглашалось нести двойное ярмо, туда посылались войска.

Так, в 1465 г. московский великий князь, по данным Архангельской летописи, «велел Василью Скрябе Устюжанину Югорьскую землю воевати, а шли с ним хотячие люди, да князь Василий Вымский Ермолич с Вымичи и с Вычегжане, а пошла рать с Устюга мая в 9 день... и полону много вывели и землю за вел. князя привели» *). Когда в 1467 г. вогуличи обидели московских купцов, «Вятчане 120 человек ходили на Вогуличи, да с ними пермяки вогулич воевали, а князя вогулского Асыку на Вятку привели» **). В 1483 г. московский великий князь, получивший в 1472 г. по Шелонскому договору Югру от Новгорода, посылает сильную рать для приведения к покорности населения этой месности, не желавшего признать власть московского великого князя. В той же Архангельской летописи об этом походе говорится, что великий князь послал своих воевод, кн. Федора Курбского Черного и Салтыка Травина, а «с ними устюжане и вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки... Юмшан убежал... шли мимо Тюмень в сибирскую землю... а от Сибири по Иртышу... А пошла рать с Устюга мая 9, а пришла на Устюг на Покров, а в Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли. Тое же весны (1484 г.—В. П.) пришли с челобитием князи вогульские и югорские, вогульский Юмшан да Калпа, а сибирский князь Лятик, а югорский Пытней, а большой князь югорский Молдан с собою наперед Курбский привел, и князь великий дань на них уложил, да отпустил в свояси». Эти племенные князья были затем по ходатайству пермского епископа Филофея отпущены на родину. Как свидетельствует летописец: «того же лета (1464 г.) приходили к вел. князю от вогульского князя Юмшана Асыкина сына бити челом о опасе шурину его Вогулитин Юрга, да сотник его Вогулитин Анфим, а печаловался о нем владыка Филофей Пермьский и князь великий опас дал и послал владыка с вел. князя опасом к Юмшану слугу своего Леваша. Того же лета приходи к вел. кн. бити челом Вогулитин князь Пыткей с поминки с великими (подар-

*) П. С. Р. Л., Архангельская летопись с. 142.
**) Там же, с. 160.

ками) от князей Кодских, от Лаба, да от Чангила, и от всее земле Кодские и Югорские, да били селом о полоненных князех, о Молдане с товарищи и кн. вел. отпустил их во свою землю, да и Пыткея печалованием владыка Филофея да Володимера Григорьевича Коврина". *) Эти освобожденные югорские князья по пути посетили вымских князей в Устьвыме и епископа Филофея. По свидетельству летописца в 1485 г. „Кодские князья Молдан с детми, да Пыткей, да Сонта, да Пыткей имели мир под владычным городом Устьвымом за вси свои земли с князьям вымскими, с Петром, да с Федором, да с вычегодским сотником Алексеем Казаком, да с владычным слугою с Леватом на том, что им лиха не мыслити, ни силы не чинити над пермьскими людьми, а вел. князю правитесь во всем, а крепость их, со зорта воду пили и пойдоша в свою землю".

Все эти исторические документы говорят нам о том, что положение Вымско-Вычегодского края во второй половине XV в. характеризовалось, с одной стороны, юридическим подчинением Новгороду, который считал этот район, вместе с Печорой и Пермью великой своей колонией, и с другой стороны, фактическим господством в этом крае Московского государства, превратившего князей коми в послушных выполнителей своих зданий. Здесь дело решила сила.

* * *

Новгородская торговая буржуазия путем целого ряда войн на протяжении столетий сделала колоссальные колониальные приобретения, доходившие на северо-востоке Европейской России до Уральских гор. Колонии эти были населены различными народностями, платившими дань Новгороду. Все богатства Новгорода и в частности вся новгородская торговля с иностранными государствами базировались исключительно на той дани, которую Новгород получал силой с побежденных народов: пушниной, серебром и другими предметами. Основным предметом торговли Новгорода с иностранными государствами была пушнина: белка, соболь, горностай, выдра и т. д. Белки продавались партиями в 1, 10 и даже 25 тыс. штук: зайцы—до 50 тыс. штук. Новгородское купечество занимало монопольное положение на русском рынке не только по торговле мехами, но и по торговле драгоценными металлами, т. е. „закамским серебром", которое новгородцы также получали в качестве дани с закамских народов. Уральские горы, а в частности бассейн Печоры, были тогда единственным местом в России, откуда добывались эти металлы. Русская летопись дает основание утверждать, что драгоценные металлы получались именно с Уральских гор. Сведения о добывании металлов, в частности серебра, путем промывки песка в Уральских горах в бассейне

*) Архангельская летопись, с. 167, 168 и 189, 205.

реки Печоры относятся еще к 1096 г. В 1187 г. новгородцы, подступая к городам Югры, требовали от них дани серебром, на что жители, успокаивая их, заявляли: „Яко копим сребра и соболи и ина узорочья, а не губите своих смьрд и своей дани". О том, что Новгород выкачивал из своих колоний и драгоценные металлы, знали и московские князья, которые часто обращались к новгородскому купечеству с просьбой о предоставлении им займов. В 1332 г. московский великий князь Иван Данилович, ездивший к татарскому хану с богатыми подарками и видимо не располагавший достаточными запасами серебра для будущих подарков, просил у Новгорода „закаменьского серебра" *).

Кроме этих двух источников обогащения новгородской буржуазии, т. е. торговли пушниной и серебром, в XIV-XV в.в. существовали еще, хотя и в незначительных размерах, и работорговля и грабежи, столь характерные как для первых киевских князей, так и для новгородского купечества XI-XV в. в. Так, Ярослав, как повествует летописец (1222 г.), „пришед в Новгород и совокупи всю область его и пойде к Коливанию и повоеваше всю землю Чудьскую и полон много взя, а града не взя, но много злата вземь у них отиде к Ноугороду" **).

Наряду с ростом новгородского торгового капитала укреплялось и росло Московское государство. Ограждая свои территории от захватнических покушений Москвы, Новгород заключает союзы с Польшей, предоставляя ей различные привилегии в пределах своей территории за военную помощь против московских посягательств.

Предоставляя Польше право на взимание черного бора которое ранее принадлежало только Московскому государству, Новгород предоставил в то же время польско-литовскому купечеству возможность приложения его капиталов в пределах Новгородских волостей. Так, Польше были предоставлены для экплоатации соляные варницы, как говорит грамота, „а держать десять варниц в Русе" ***). Допуская польский торговый капитал на новгородскую территорию, грамота в то же время разрешала Польше иметь во всех волостях Новгорода своих тиунов для производства суда. Грамота указывает. что на „Вологде тиун свой держать на своей части, а Ноугороду на своей части посадника держати. А се волости новгородские: Волок со всеми волостями, Торжок Бежицы, Городец, Папец, Шипино, Мелечя, Енга, Заволочье, Тор, Пермь, Югра, Вологда с волостми". Дальше грамота замечает: „пожни, честны, король, твои и твоих муж твой, а что пожни новгородские, а то к Ноугороду, как пошло". Это говорит нам о том, что Новгород разрешал селиться в своих колониях польским и литовским предпринима-

*) П. С. Р. Л., т. III-IV. Новгородская летопись, П. 1841 г., с. 76.
**) П. С. Р. Л., т. VII, Летопись по Воскресенскому списку, с. 192.
***) Акты Археографической Экспедиции, т. 1, № 87, с. 62 и 63.

телям. Опасаясь деятельности польских и литовских миссионеров в смысле пропаганды римской религии, грамота указывает: „тебе, честны король, веры греческие православие нашей не отнимате, а где будет нам В. Новгороду любо в своей воле, а римских церквей тебе, честны король, в В. Новгороде не ставити, ни по пригородам новгородским, ни по всей земле новгородской". Грамота также ограничивает право польского короля на назначение своей администрации, указывая: „волости, честны король, новгородские, ино тебе не держати своими мужи, а держать мужами новгородскими". Опасаясь возможности значительного притока польско-литовских колонистов, грамота указывает: „на новгородской земле тебе, честны король, сел не ставити, ни даром не примать, ни твоей королевой, ни твоим детям, ни твоим князем, ни твоим панам, ни твоим слугам". В то же время грамота предоставляет польско-литовским наместникам и тиунам право суда внутри новгородских колоний. „А В. Новгороду у твоего наместника суда не отимати, оприч ратной вести и городоставления, а судити твоему наместнику по новгородской старине... а тиуну твоему судити с новгородскими приставы" и т. д. *).

Московское государство, которое к концу XV в. успело заметно усилиться и окрепнуть, дожидалось только первого удобного случая, чтобы нанести удар Новгороду. Этот случай скоро представился. Узнав через своего наместника в Новгороде о подписании вышеприведенного договора, направленного против нее, Москва тотчас же потребовала, чтобы договор был немедленно расторгнут, но новгородцы лаконически ответили „Нам господине кн. вел. Василий Дмитриевич, с тобою свой мир, а с великим князем Витовтом иной, а немцы иной" **). Вскоре после этого и произошло (1471 г.) вооруженное столкновение между Москвой и Новгородом, закончившееся поражением последнего.

Война 1471 г., окончившаяся поражением Новгорода, нанесла окончательный удар мощности Новгородской буржуазии. Иван III, удовлетворенный тем, что получил 15 тыс. рублей серебром и сделал громадные колониальные приобретения в Двинско-Вычегодском бассейне, пощадил новгородскую автономию, которая теперь не представляла собою никакой опасности, но внес кое-какие изменения в те права, какими пользовался Новгород до 1471 г. Так, новгородцы вынуждены были признать право высшего церковного суда за московским митрополитом, а право московского митрополита на назначение епископа в Новгород. Заключение союзов и договоров со стороны Новгорода с иностранными государствами признавалось изменой Московскому государству и т. д.

*) Акты Археографической Экспедиции, т. 1, № 87. стр. 62,

**) П. С. Р. Л., т. IV, V и VI. Псковская и Софийская летописи, П. 1851 г., с. 250.

Согласно договору Московское государство получило громадные территории в Вычегодско-Двинском бассейне на основании отказной грамоты от 1471 г., которая гласила: „По благословению нареченного на архиепископство В. Новгорода и Пскова священноинока Феофила от посадника степенного новгордского Тимофея Остафьевича и от всех старых посадников, и от тысяцкого..., и от старых тысяцких, и от бояр, и от житьих людей, и от купцов, и от черных людей, и от всего Воликого Новгорода с веча Ярославля двора на Пинегу и на Кегролу, и на Чаколу, и на Пермьские, и на Мезень, и на Пильи горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и на Вию, и на Суру. на Поганую, к старостам, и ко всем христианам, что тие земли на Пинезе, Кегролу, и Чаколу, и Пермьские, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Вию, и Суру Поганую поимали за себе наши братья новгородцы и вас к целованию привели на новгородское имя, ино то земли Осподи нашей вел. князей, великого князя Ивана Васильевича вся Руси и сына его великого князя Ивана Ивановича..., а то крестное целование Новгороду с вас долов" *). А в „3 списах двинских земель" от 25 марта 1471 г. значится, что бассейн реки Важки и Мезени, также был впоследствии передан Московскому государству. „А что Важка, то исконне место великого князя вычегодское, пермяки", гласит последний пункт списка земель, переданных Москве Новгородом.

Московское купечество торжествовало: опасный конкурент его лишился наиболее важных экономических рессурсов—пушнины, металлов и других предметов, которые выкачивались в качестве дани с местного населения и являлись главными предметами заграничного вывоза. Отныне господами положения становились московские купцы. Чтобы в корне задушить всякое стремление новгородцев к реваншу (а поптыки в этом направлении предпринимались не раз после 1471 г.), Москва в 1478 г. окончательно разгромила Новгород, захватила остальные его колониальные владения, лишила его экономической и политической автономии, которая еще была оставлена в 1471 г. Вечевой колокол, как эмблема новгородской вольности, был перевезен в Москву.

Разбив военные силы новгородцев, насчитывавших до 40 тыс. чел., Московское государство торжествовало победу. Весть о поражении Новгорода была встречена в заволоцких колониях не особенно радостно, и агенты Москвы должны были донести правительству, что заволочане остались верны Новгороду и не желают московского господства.

Летопись сообщает: „Велик, князь Иван Вас. послал рать свою за Волок и князь Василий Васильевич (наместник Великого

*) Акты Археографической Экспедиции, т. 1, № 93.

Новгорода—В. П.)., и воевода заволоцкой Василий Микифорович изыдоша противу с своей ратью и с заволочане и с печеряне и с ступившимся им на ратный бой н паде многое множество с обе половины" *).

Отражая официальную политическую идеологию государства, русская летопись пытается оправдать это вооруженное выступление Москвы против заволоцких колоний Новгорода, ссылаясь на то, что „двиняне не тягнуша по князи по Василии Васильевиче и по воеводе по Василии по Никифировиче и местника измогоша и заволочан посекоша и двинян иссекоша, а князя Василия Васильевича и воеводу заволоцкого Василия Микифоровича бог ублюде и приехаше в Новгород в мале дружине" **)

Посылая свои вооруженные силы против заволоцких колоний, Москва в первую голову использовала вооруженные силы тех городов, которые отчасти поддерживали ее политику. Очень ярко рисует этот бой Софийская летопись: „Вятчане же пришедше из Сараю (с Волги—В. П.) и поидоша с воеводами вел. князя с Василием с образцом, с Борисом Слепцем и с Устюжны против новгородских, князь бо Василий Шуйский со всеми заволочанами собрався и поиде к Устюгу и множество 12 тыс. с ним новгородцев. В ту же пору егде кн. великий бяше в Ноугороде, Василей и Борис со едиными устюжане 4000 без 30-ти и вятчане приидоша противу их и сретошася на Двине и судех и выидоша обои из судов на берет и бысть меже ими бой и сеча зла, и поможет бог и пречистая богородица воеводам вел. кн. и погнаша Устюжане и Вятчане, а Новгородцы побегоша и множество их иссекоша и воеводу их Двинского Игната Камана ту убила и иных многих живых поимаша, князь же Василий утек стрелян и мало с ним Ноугородских в суды вметався утекоша, инии же в реце истопиша. Устюжане и вятчане идоша на Двиньские городки и погосты и множество городов и погостов и сел поимаше и полону много вземше" ***).

Это был ожесточенный бой, как говорит летописец: „Бысть же бой или вышед из суд обои пеши н начаша битися о третьем часе дне того, биша же ся и до захождения солнечного и за руки емляще сечахуся и знамя у Двинян выбиша, а трех знаменщиков под ним убиша: убили бо первого, ино другой подхватал и того убили, ино третий взял, убиша же третьего и знамя взяша" ****).

* * *

Прежде чем говорить о покорении Московским государством коми-пермяков, живших в Перми Великой, мы должны

---

*) П. С. Р. Л,. т. IV. Новгородская и Псковская летописи, П. 1846 г., с. 128

**) П. С. Р. Л., т. IV, 4-я и 5-я Новгородская и Псковсвая летописи, П. 1848 г. с. 128.

***) Там-же т. VI, VI Софийская летопись. с. 193-194.

****) Там же, т. VII, П. 1859 г. с. 166.

выяснить, в каких политических отношениях Великая Пармь-Чердынь, в отличие от Вычегодской Перми, находилась к Московскому государству и Великому Новгороду. Некоторые исследователи, занимавшиеся историей Великой Перми, указывали, что этот вопрос выяснить очень трудно.

Историк Соловьев, рассматривая историю Перми Великой, также замечает: „В каком отношении находилась эта Великая Пермь и князь ее в Москве—мы не знаем; новгородцы даже в Шелонском договоре включили Пермь в число своих владений, но тотчас же по заключении этого договора, в 1472 г. вел. князь послал воеводу, князя Федора Пестрого на пермяков за их неисправление“ *).

Отказываясь решить вопрос об отношении Московского государства к Перми Великой, Соловьев обходит и вопрос о том, входила ли Великая Пермь в число новгородских волостей.

Исследователь Пермского края В. Трапезников, в своем очерке „История Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения“ в статье „Роль Новгорода и Москвы в Перми Великой“, утверждает, что Великая Пермь никогда не была в числе волостей новгородских **).

Это мнение В. Трапезникова не выдерживает критики. Именно Великая Пермь входила в число новгородских волостей и в эпоху новгородской колонизации фигурировала под общим наименованием „Пермьских волостей“ без перечисления отдельных волостей, а следовательно и Великой Перми. Приведем перечисление волостей, указанных в Шелонском договоре: „Пинега, Кегрола, Чакола, Пермьские волости, Мезень Пилии горы, Немьюга, Пинешка, Вия, Сура Поганая“ ***). Наименования „Пермь Великая“ мы здесь не видим потому, что здесь нет полного перечисления отдельных пермьских волостей, а фигурирует общее наименование „Пермьских волостей“.

Великая Пермь как отдельная „Пермьская волость“ была в экономическом отношении подчинена Новгороду, т. е. была фактически так же завоевана, что новгородцы получали и с Великой Перми дань под наименованием „закаменьского“ серебра. Так, летописец (1332 г.) подтверждает, что „возвр же гнев на Новгород, прося у них сребра закаменьского“.

Поэтому совершенно неверно мнение В. Трапезникова, что новгородцы не заходили в Камский бассейн, так как он оставался в стороне от их пути. Не может быть, чтобы новгородцы, проникая на реку Обь по Сев. Двине, Вычегде, Волоку, Печоре, Щугоре, перебираясь волоком на Сычву и Сосву, не знали Чердыни и в частности камского района. Река Щугор протека-

---

*) С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. т. I-V с. 1421.

**) Известия Архангельского общества изучения русского Севера, А. 1911 г. № 12, с. 1012.

***) Акты Археографической Экспедиции, т. I, № 93.

ет по Чердынскому уезду, на расстоянии 350 верст от Чердыни. Еще легче было проникнуть в Чердынь непосредственно из Вычегодской Перми через реки Вятку и Каму. Этот край знали не только новгородцы, но и устюжане. Так, они проходили на Каму, на его левый приток, в 1220 г. для завоевания булгарских городов. Тот факт, что новгородцы в XIII в. уже получали дань и с прикамских коми-пермяков, подтверждается и тем, что московский великий князь в 1332 г. требовал у Новгорода закамского серебра, Коми-пермяки в эти годы по выражению этого документа не так охотно платили дань, как заволочане или вычегжане, поэтому новгородская рать в 1366-1375 и 1379 г.г. опустошает Камский бассейн, грабя местное население, купеческие караваны и т. д.

Итак, мы считаем, что Камский бассейн, в частности район Великой Перми, был не только известен устюжанам, но и был завоеван Новгородом, которому он платил дань наравне с другими племенами коми-пермяков.

Что касается отношения прикамских коми-пермяков к Московскому государству, то до 1472 г. Пермь Великая в экономическом отношении была подчинена Новгороду. После своего поражения новгородцы по Шелонскому договору, в числе других волостей, как Мезень, Важка, передали Москве и пермские волости, как то: Вымской и Вычегодско-Сысольский районы и Великую Пермь.

В связи с вопросом о завоевании Великой Перми Московским государством надо заметить, что многие историки затушевывают завоевательную политику Московского государства, заявляя, что территория Великой Перми не завоевана, была мирно занята Московским государством.

По вопросу о завоевании Камского бассейна проф. Соловьев замечает: „Здесь также могли происходить стычки с туземцами, которые приходили иногда разорять новые поселения, отказывались платить ясак, но здесь один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в каком обыкновенно понимается в истории завоевание; одним словом, и там и здесь преимущественно происходило заселение колонизация" *).

Это мнение Соловьева тем более сомнительно, что сам он на стр. 1421 противоречит данному утверждению, заявляя: „Тотчас по заключении этого договора (Шелонского договора с Новгородом в 1471 г.—В. П.) вел. князь послал воеводу, князя Федора Пестрого на пермяков за их неисправление. 26 июня пришла в Москву весть, что Пестрый завоевал Пермьскую землю" **).

---

*) С. М. Соловьев, История России с древнейших времен. т. I, кн. I, с. 11
**) Там же, т. V, кн. 1, гл. 3, с. 1421.

Историк Карамзин без всяких мудрствований заявляет, что Пермь Великая была завоевана Московским государством. Вот что пишет Н. М. Карамзин по этому поводу: „Спокойно мыслил (Иоанн) о важном завоевании В. Перми. Древняя славная Биармия или Пермь уже в XI в. платила дань россианам, в гражданских отношениях зависела от Новгорода, в церковных—от нашего митрополита, но везде имела собственных властителей и торговала с москвитянами, как держава свободная. Присвоив себе Вологду, великие князья желали овладеть и Пермью, однакоже дотоле не могли, ибо новгородцы крепко стояли заоную, обогащаясь там меного немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось закаменским и столь прельщало хитрого Иоанна Калиту... Но Иоанн III, подобно Калите, дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем исполнить намерение своего пращура. Без явной несправедливости. В. Перми обидели некоторых Москвитян—сего было довольно для Иоанна: он послал туда князя Пестрого Федора с войсками, чтобы доставить им законную управу" *). Итак, Н. М. Карамзин, во-первых, признает былую политическую и экономическую автономию коми-пермяцкого населения Камского бассейна как свободной державы, управляемой своими коми-пермяцкими князьями, во-вторых, признает факт принадлежности Великой Перми с XI в. и до второй половины XУ в. (1471 г.) Великому Новгороду в качестве его колонии и, в третьих, он подчеркивает факт завоевания Великой Перми Московским государством.

Война 1472 г., которую Иван III вел немедленно после завоевания Новгорода и его колоний против Великой Перми, была продолжением его завоевательной политики. Правда, он по Шелонскому договору получил от Великого Новгорода и Пермские волости, в том числе и Великую Пермь. Но видимо пермский князь Михаил, которого в 1463 г. крестил и благословил на княжество епископ Иона, отказался признать власть Московского государства. Этих фактов было достаточно для того, чтобы Иван III немедленно двинул войска против великой Перми. Об этом летописец повествует в таких словах: „Тое же зимы послал князь вел. на Великую Пермь князя Федора Пестрого завоевати их за их неисправление, он же шед Пермь Великую взял" **).

Очень подробную картину завоевания Великой Перми дает Патриаршая, или Никоновская летопись. Это описание мы и приведем полностью: „Того же лета иуниа 26 приде весть вел. кн. из Перми, что воевода князь Федор Пестрый землю Пермьскую взял. А пришел в землю ту на Усть Черные реки на

*) Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, изд. Суворина (2-е), с. 41-42.

**) П. С. Р. Л., т. VII. Воскресенская летопись с. 169.

фоминой неделе в четверток и оттуду пойде на плотах и с коими и приплыл под городок Анфаловской, с,иде с плотов и поиде оттуду на коних на верхнюю землю к городку Искору, а Гаврила Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос, на Чердыню да на Почку на князя на Михаила. Князю же Федору не дошедшу еще городка Искорка и скретиша его пермичи на Колве ратью и бысть им бой между собою и одоле князь Федор и поимал на том бою воеводу их Кача. И оттуду кн. Федор поиде таки ко Искору и взять его и воеводы их поимал Бурмата да Мичкина, а Зинар по опасу пришел к нему, поимал же и иные городки и пожегл. А Гаврило, шед те места повоевал, на которые послан. А потом прииде князь Федор на Устье Почки, где впали в Колву и сождася тамо со всеми своими, а пойманных тех туто же приведе, срубив же ту городок, седе в нем и приведе всю землю ту за вел. князя. И оттуда послал кн. Федор князя Михаила к вел. кн. и тех Бурмота и Мичкина и Кача, а сам остался тамо в городке Почка, а что имал у тех у Бурмота и Мичкина и Кача, а то послал к вел. князю: 16 сороков (640 шт.) соболи, да шубу соболью, да под 30 поставов сукна, да 3 панцыря, да шлем, да две сабли булатные" *).

Таким образом борьба между Новгородом и Москвой за северо-восточные колонии кончилась в пользу Московского государства. Все богатые новгородские колонии, как-то: Карелия, Двина, Печора, Пермь, перешли в полное распоряжение последнего, причем этот переход был сопряжен с целым рядом войн между Московским государством и колониями Новгорода, в частности двинянами, печерянами и позднее, в 1472 г., коми-пермяками Камского бассейна. Большинство исследователей, занимавшихся историей этих народностей, обходят молча эти чрезвычайно важные обстоятельства и воспевают „мудрую политику" Московского государства, которому якобы мирным путем удалось присоединить эти пустынные территории. Благодаря такой „мудрой" политике, все население края, состоявшее в своем большинстве „из дикарей", живущих в лесных дебрях, „как звери", были облагодетельствованы общечеловеческой культурой, т. е. строительством городов, церквей, монастырей, позднее церковно приходских школ и т. д., где местное население имело возможность получить и „культурное развитие". Здесь затушевывается вопрос чрезвычайной важности — это вопрос борьбы населения этих колоний против Московского государства. А здесь-то и нужно искать зачатки национальной борьбы коми-пермяцкого населения с „культурными завоевателями".

---

*) П. С. Р. Л., Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновской летописью, П. 1901 г.

Коми князья—как вассалы Московского великого князя.

Московское государство, в первые годы своего господства в колониях действовало с большим дипломатическим тактом. Сделавшись господином в завоеванных княжествах, оно не сразу сменило коми князей со своих постов, чтобы этим не вызвать недовольства со стороны местной коми буржуазии. Оставляя князей на своих постах, в качестве „слуг московского великого князя“, оно преследовало следующие цели: укрепления своей власти, использование коми князей для построения местного аппарата управления и привлечения местной коми буржуазии, и в частности, тогдашних „лучших“ людей, или по современной терминологии местных богатеев, для несения различных выборных должностей, как-то: сборщиков податей, целовальников и других лиц.

Привлекая коми князей и местных богатеев к несению различных должностей, Московское государство действовало чрезвычайно умно. Оно этим как бы подчеркивало, что управляют народом не только русские, но и сами коми, что самые ответственные работы, как сбор налогов, поручалась самим коми. Это было для Московского государства крайне важно, ибо имущая часть коми населения, зная язык, быт местного населения, их экономическое положение, могла лучше выполнять возложенные на них задачи, чем русские.

Оставляя же коми князей на своих постах в качестве своих слуг, Московское государство тем самым показывало, что и власть принадлежит также коми князьям. Так великопермский князь Михаил, взятый в плен в 1472 г. и препровожденный в Москву в качестве трофея, при завоевании Великопермского княжества, то Иоанн III немедленно отпустил его обратно в Пермь в качестве наместника московского великого князя.

Коми князья, являясь наместниками московского великого князя, (его вассалами) должны были выполнять и все распоряжения своего сюзерена. Так в 1483 году мы видим великопермских князей—участвующими в походе против вогуличей, организованном Московским государством. „В лето, 6991 г. (1483 г. В. П.) читаем мы в русской летописи,—„князь великий Иван Васильевич посла рать на Асыку—на Вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку: а воеводы были великого князя: князь Федор Курбский Черный да Иван Иванович Салтык-Травин, а с ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки, и бысть им бой с Вогуличи на Усть реке Пелани“ *).

Вымские князья, выполняя распоряжения московского великого князья, в 1485 году заключили мир с кодскими князьями

*) Дмитриев А. А. Покорение Угорских земель и Сибири, вып. V, 57 стр., П. 1894 г.

в городе Усть-Выме в присутствии вычегодского сотника и представителя пермского епископа, оговаривая, „чтобы лиха не мыслить и не нападать на пермских людей и перед великим князем вести себя исправно". И в знак согласия жить мирно, московских купцов не грабить, аккуратно платить подати—пили воду из золотого сосуда" *). Итак, усиление княжеской власти над племенами коми было чрезвычайно выгодно для Московского государства, поэтому оно настойчиво занималось насаждением и укреплением этой власти. Так, из летописи мы знаем, что преемник Степана Пермского, епископ Иона, при крещении в 1471 г. коми племен „князя и церкви поставил и игумена и попа"**).

Дальнейшее развитие торговли в пределах Коми и рост местного торгово-ростовщического капитала обусловили и изменение политики коми князей по отношению к Московскому государству. Это выразилось в том, что они стали все больше итти навстречу требованиям нарождавшейся, как класс, зажиточной части коми и пермяцкого населения (торговцев, скупщиков и ростовщиков) и меньше заботиться о создании благоприятных условий для торговли московских купцов. Усмотрев в такой политике коми-пермяцких князей тенденцию к освобождению от московской опеки, Московское государство устранило всех этих князей от управления завоеванными территориями как в Вычегодском, так и в Камском бассейнах и заменило их своими наместниками. Так, в 1505 г. был устранен со своего поста последний пермский князь Михаил и заменен русским ставленником Ковром.

Мы не знаем, каким образом были смещены вымские и вычегодские князья и куда были переброшены в конце XV века. Относительно же пермских князей известно, что один из потомков великопермского князя Матвея Михайловича — великопермский князь Семен Иванович оказался переброшенным в город Тверь, где за ним числился дом „близ Пятницких ворот, в котором он и жил, да в Тульском уезде Нюховского стана поместье: треть сельца Скорнево, на речке Холохонце, пашня земли 75 чети в поле, а в дву потому же, сена сто копен (т. е. 112 1/2 десятин пашни и 10 десятин сенокоса), да сошкою письма (т. е. обложенных деньгами) полполчети и полполполчети (ежегодного оброка 9 алтын 8 денег. Жена его, княгиня Евдокия Великопермская пережила мужа и скончалась после 1628 г."***).

Если один из потомков бывших властителей Коми вынужден был вести жизнь изгнанника в Туле, то другой князь Матвей Федо-

*) С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. I, 5, т. I.

**) Полное собрание русских летописей, Летопись по Воскресенскому списку, с. 150, П, 1850 г.

***) Труды Пермской ученой архивной комиссии, вып. I, ст. В. Голубцева— Князья великопермские, Пермские и вымские—80 стр. П. 1892 г..

рович Великопермский—в звании дворянина московского оказался в Москве, где оберегал Дмитриевские ворота в Кремле (1633 г.), откуда „ссылается в Сибирь в г. Верхотурье, по грамоте 6 октября 1641 г. под конвоем 2 сибирских казаков. В грамоте приказывалось давать ему по алтыну в день, содержать под стражей и наблюдать крепко, чтобы он не ушел к Калмыкам"*)

---

*) Труды Пермской учений архивной комиссии, вып, 1. стр. 13. Глубпева—Князья великопермские, Пермские и Вымские—80 стр. П. 1892 г.

КОМИ КАК КОЛОНИЯ МОСКОВСКОГО-ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Миссионерство в коми

Новгородская буржуазия, сумевшая посредством ряда войн и систематического выкачивания дани накопить большие богаства, была заинтересована в сохранении политической власти над колониями для дальнейшей эксплоатации и грабежа населения.

Легко и беспрепятственно эксплоатируя колониальное население, Новгород совершенно не интересовался внутренней жизнью своих колоний в частности мало обращал внимания на христианизацию населения этих колоний. Московокое государство, расматривая христианизацию колониальных народов как подготовку общих условий для захвата этих колоний, добивалось от Новгорода согласия на хростианизацию населения новгородских колоний, в частности Вымско-Вычегодского края. Назначением в 1384 г. Степана пермского епископом Перми (т. е. Вымско-Вычегодского края) Москва закрепила за собою право высшего церковного контроля не только в своей метрополии, но и вдалеких колониях.

Усмотрев в этом действии Москвы игнорирование своих прав, Новгород стал оказывать упорное сопротивление дальнейшему „религиозному" проникновению Московского государства в новгородские колонии. Мы знаем как энергично воставал Новгород в 1385 г. против домогательств Москвы о подчинении его в религиозном отношении высшему церковному суду в Москве во главе с московским митрополитом. Новгород вполне правильно видел в этом религиозном подчинении симптом политического и экономического закрепощения его Московским государством. Этого закрепощения Москва особенно последовательно добивалась с конца XIV в.

Маскируя свои замыслы религиозными соображениями, Москва воспользовалась тем обстоятельством, что новгородские епископы не обращали никакого внимания на религиозные просвещение населения колоний, а больше занимались политическими и торговыми делами.

Борясь за создание единого централизованного государства, Москва внимательно следила за колонизационной политикой

Новгорода искала удобного случая к тому, чтобы захватить эти земли. Поэтому она незаметно, осторожно посылала проповедников на территорию Вычегодско-Сысольского района, рассматривая их как агентов Московского государства, работавших в его пользу, без согласия Новгорода. Она прекрасно сознавала, что сломить могущество своего северного конкурента — Новгорода, захватить его богатые колонии возможно будет только тогда, когда для этого будет подготовлена соответствующая почва, т. е. когда население колоний будет расположено в пользу перехода в подданство Московского государства Подготовку этого перехода Московское государство поручило своей пособнице—церкви, которая, проникая в лице миссионеров в Вычегодский район, ревностно принялась за выполнение возложенной на нее задачи по обработке населения в пользу Московского государства.

Историческое начало миссионерского движения в Двинско-Вычегодском бассейне относится к XI в. В это время была крещена новгородская чудь, переименованная в двинян, по имени р. Двины. Устюг который упоминается в 1218 г. под наименованиями Устюг, Уствуг, Устиг и Юстиг, имел уже ряд церквей. Следовательно пермяцкое население, жившее вто время в Устюжском крае, уже было захвачено этим движением. Сам миссионер Степан, происходящий из Устюга, изучал язык коми, чтобы говорить с населением коми на его родном языке. По данным Епифания он изощрялся в разговорной речи с местными жителями, сохранившими свой национальный язык.

Степан пермский и был первым орудием Московского государства, первым духовным колонизатором края Коми.

Большинство историков, занимавшихся изучением деятельности Степана пермского, совершенно пеправильно освещали причины, побудившие Степана итти на миссионерскую работу. Проф. И. Н. Смирнов дает „точную справку“ о причинах ухода Степана на миссионерскую работу: „Юноша из причетнической семьи г. Устюга, увлекаемый жаждой знания, поступает в монастырь, который обладая по тогдашнему времени большой библиотекой... Изучение священного писания и духовной литературы оказывается в не состоянии заполнить всю его жизнь. У него зарождается мысль о другой, более широкой деятельности. Степан решает сделаться просветителем Перми, приступает к изучению пермяцкого языка, переводит на пермский язык русские богослужебные книги и составляет для пермяков новую азбуку... Исполнив эти предварительные работы, он отправляется в Москву, чтобы получить благословение на свой миссионерский подвиг. Епископ коломенский, занимавший тогда митрополичью кафедру, с полным сочуствием отнесся к пред-

приятию молодого монаха. Степан проникает в Пермь и начинает свою проповедь" *). Точно такую же характеристику причин миссионерской деятельности Степана дает специально занимавшийся исследованием жизни и деятельности Степана П. Д. Шестаков, который указывает, что Степан еще с малолетства имел тайное стремление и любовь к зырянам; детская простота их сердец „представлялась ему доброю почвою, на которой с успехом могло быть посеяно слово божие". И „он является к московскому митрополиту Герасиму (не верно, так как в это время митрополитом был Киприан, — В. П.) и открывает свою задушевную мысль и горячее желание сердца своего нести евангельскую проповедь к неверным или обратить их в христианскую веру, или самому от них пострадать, и просил его святительского благословления" **).

Итак, по мнению указанных исследователей выходит, что миссионерское движение в конце XIV в. возникло в Вычегодском крае по инициативе молодого монаха Степана, а не самого Московского государства. С этим взглядом мы согласиться не можем, так как подобная постановка вопроса идет в разрез с историческими фактами и, прежде всего, противоречит факту многовековой борьбы Московского государства за новгородские колонии и в частности за Вымско-Вычегодский бассейн, известный в древности под наименованием Перми.

Миссионерское движение в Вычегодском крае (в XIV в.) и было первым шагом Москвы для хозяйственного изучения данного района и выяснения возможности захвата Пермского района в свои руки. Ряд миссионеров, в том числе и Степан, стали специально изучать зырянский язык, переводить на зырянский язык русские богослужебные книги и готовиться к миссионерской деятельности потому, что в этом была соответствующая необходимость, которая вытекала из всей политики Московского государства, его стремления к захвату новгородских колоний для эксплоатации их природных богатств.

Смирнов, Шестаков и другие, идеализируя Степана—как инициатора и вдохновителя миссионерской деятельности в Вычегодском крае, совершенно отвергают участие Московского государства в деле христианизации Коми, заявляя, что „крещение пермян" совершалось не так, как крещение других наших иноверцев: черемисов, чувашей, вотяков. Там миссионерская деятельность предпринималась по почину государства, миссионеры шли на проповедь, располагая для обращаемых льготами в отношении податей и подарками, опираясь на рессурсы госу-

*) И. Н. Смирнов, Пермяки, Историко-этнографический очерк, „Известия общества археологии, истории и этнографии", т. IX, в. II, Казань, 1891 г., с. 177.

**). Н. Д. Шестаков, св. Степан, первосвятитель пермский, „Учен. зап. Казанского университета", Казань, 1868 г. т. IV, с. 34 и 37.

дарства. Относительно деятельности Степана проф. Смирнов замечает: „Здесь миссионер выступает на свое поприще один, имея лишь нравственную поддержку русской церкви. Успех его проповеди целиком зависел от того обаяния, которое производила на диких пермян его нравственная сила. Не раз его жизни угрожала опасность, но он шел неуклонно к своей цели. Бесстрашное спокойствие, с которым он разрушал жертвища и встречал смерть, обезоруживало язычников" *).

Мы считаем, что мнение проф. Смирнова по этому вопросу представляет собой явную идеализацию не только самого Степана, который будто бы по одним „нравственным побуждениям" избрал своим поприщем распространение новой веры, но и самого Московского государства, которое будто бы оставалось в стороне в то время, когда тихий молодой монах, вооружившись одной „нравственной поддержкой" святой церкви, совершал свои религиозные „подвиги", разрушая идолов, сжигая жертвенники и т. д. Такая коренная ломка жизни целого населения Вычегодского района, как смена религии, смена старых богов, которым они поклонялись до сих пор, не могла совершиться под влиянием одних нравственных убеждений Степана.

Многие историки, идеализируя личность Степана, идеализируют и методы его работы, считая, что Степан при разрушении языческих жертвенников, при сожжении идолов не допускал никакого насилия, прибегая лишь к методам убеждения, идейного влияния. Смирнов, Шестаков и другие отвергают факт применения насилия на том основании, что Степан не имел ни охранительных грамот, ни личной охраны, ни поддержки Московского государства. Но это утверждение в корне неверно. О наличии у Степана охранительных грамот говорит К. Попов. Опровергая соображения известного автора работы „Устьвым" Михайлова об отсутствии у Степана охранительных грамот, Попов замечает: „Вопреки соображениям г. Михайлова великокняжеские охранные грамоты принесли громадную пользу: они не только ограждали личность проповедника, но и придавали ему серьезный, официальный авторитет. Сам г. Михайлов в другом месте говорит, что зыряне боялись грамот, которыми располагал Степан, „пермяне ж смаху убить Степана, яко с Москвы к ним пришедшего и грамоты имущего" **). Если бы Степан был одинок, без охранительных грамот, без соответствующей военной охраны, то естественно он едва ли отважился бы на разрушение идолов и жертвенников. Он стал на путь их физического разрушения потому, что жизнь его охранялась теми вооружеными силами, которые имелись на территории Вычегодского района. Только под защитой этой реальной во-

*) И. Н. Смирнов. Пермяки, с. 147—148.
**) К. А. Попов, Зыряне и зырянский край, с. 24.

енной силы Степан мог разрушать идолов, жертвенчики, а вычегодские коми должны были созерцать гибель своих старых богов и религии.

В своей проповеди новой религии Степан опирался главным образом на богатую часть вычегодского населения. Учение церкви, говорившее, что „несть власти, аще не от бога", или „рабы, повинуйтеся господам своим", оказалось очень выгодным для этой части вычегодского населения и в частности для купечества, которое, нажив капиталы путем торговли и эксплоатации беднейшей части крестьянства, нуждалось в сильной власти и религии, которая призывала эксплоатируемые слои населения к повиновению своим эксплоататорам. Поэтому деятельность Степана в известной степени была облегчена сочувствием эксплоататорской части населения.

Испытывая двойной политический гнет как со стороны Новгорода, так и Москвы, население Вычегодского края не могло оказывать должного сопротивления деятельности миссионеров, так как на стороне последних была физическая сила. Сопротивление московской политике влекло за собой новые нашествия, установление новых, более тяжелых налогов, что сильно ухудшало экономическое положение населения.

Что касается самой христианизации, то последняя изображается как процесс, протекавший тихо, мирно, без всякого насилия над населением. К. Попов утверждает, что „успех много облегчался тем, что нравственная пустота древнепермской религии, поддерживаемая естественно шарлатанством волхвов, не могла представлять никакого отпора христианству, полному жизненной силы. Могли ли дикие, безотрадныя верования не уступить светлым обетованиям христианства, кровожадный образ Юмалы, требующий кровавых жертв,—кроткому лику христа, самого себя принесшего в жертву за род человеческий? Между тем нравственные свойства пермского народа и до сих пор еще им не утраченные честность, милосердие, гостеприимство, были готовым и чистым сосудом для принятия христианского содержания... По словам Нестора, киевляне крестились, рассуждая, что если князь и бояре крестятся, то значит новая вера лучше. Точно также должны были рассуждать и зыряне: если смышленый господствующий народ принял христианство, то значит христианский бог сильнее и доступнее молитвам верующих в него, нежели наши страшные боги" *).

Верно ли это утверждение К. Попова? Нет, не верно. Объяснять факт крещения вычегодского населения одними нравственными свойствами народа значит затушевывать насильственный характер этой христианизации и в частности крещения вычегжан.

*) К. А. Попов, Зыряне и зырянский край, с. 24.

Насильственный характер крещения и враждебное отношение к этому населения, доказываются конкретными историческими данными, например, выступлением вымского сотника Пама, обвинявшего Москву в насилиях, применяемых ставленниками Московского государства—тиунами, доводчиками, приставщиками.

Н. Добротворский, ссылаясь на те предания, которые сложились у местного населения и передавались от поколения к поколению, пишет: „Давным-давно, рассказывают пермяки, когда еще в здешние места начальство не заглядывало, жил здесь один народ „чюдь". Жили эти „чюди", как звери, в лесах, а леса в те поры были не те, что нынешние: ни проходу, ни проезду тогда через них не было, о дорогах уж и толковать ничего—ходили только по солнцу да по звездам. Чюдь жила в здешних местах, промышляла зверьем и питалась зверьем, и одевалась зверьем. Долго ли, коротко ли, только вот пришел Степа-угодник и всех начал крестить. А чюди не хотелось этого. Со Степой-угодником пришли царские послуги, и начали они чюдю ту теснить всячески и принуждали в воду итти. А тогда так было: коли кто окрестится, тот настоящим русским делается и должен платить царю оброк. Чюдь уперлась: не хотела-де креститься, да царю оброки выплачивать. Кинулась она в леса,—убежать думала. Только царь послал народу еще того больше, велел переловить ее всю и окрестить и взять с нее подати, оброки великие. Видит чюдя, дело плохо, не сдобровать ей: выкопала она эти ямы, залезла туда, да и зарылась в них и все имущество с собой взяла" *).

Дмитриев, автор солидной восьмитомной работы „Пермская старина", также приводит предание, отчасти позаимствованное у Добротворского, подтверждающее насильственный характер христианизации. „Чюди",—говорит Дмитриев, передавая предания пермяков,—„оставившие городища, были другой народ, отличный от пермяков, большая часть котораго не хотела принимать христианскую веру и добровольно обрекла себя на смерть. Они целыми семействами забирались в нарочно вырытые пещеры, или ямы, подгубали стойки и умирали под обрушившейся на них землей **).

Эти народные предания, сложившиеся по поводу тех или иных исторических событий, сохранились до наших дней и представляют собою устное повествование о покорении коми Московским государством, о методах насильственного крещения с принуждением итти в воду, об обложении коми данью, о сопротивлении местного населения насильственной христианизации, выражавшемся частично в массовом бегстве коми в леса,

*) Н. Добротворский, Пермяки, журн „Вестник Европы", т. II, с. 235—236.
**) А. А. Дмитриев, Пермская старина, Пермь, 1889 г., т. I, с. 25.

частично в массовых самоубийствах для избежания новой веры и тяжелых налоговых обложений.

Хотя предания и не могут претендовать на точность исторических документов, ибо, являясь устным творчеством народных масс, они при передаче от поколения к поколению изменяются, искажаются до неузнаваемости, но в данном случае вышеизложенное предание представляет собой блестящую иллюстрацию к выступлению вымского сотника Пама, жаловавшегося на насилие Москвы. Итак, действия миссионеров в Вычегодском районе в отношении христианизации местноо населения сопровождались действиями вооруженной силы Московского государства, которое жестоко расправлялось с теми, кто не хотел принимать новой веры и считать себя данником Московского государства.

Учитывая ряд обстоятельств, и изыскивая способы лучше управлять Пермью Великой, Московское государство на первых порах освободило коми-пермяцкого князя Михаила из плена и назначило его наместником Великой Перми.

После этого назначения Михаил получает поручение и от Московского митрополита править честно и грозно, делая все к выгоде московского великого князя. После смерти Михаила наместником был назначен его сын Матвей Михайлович. В его правление совершился возврат к идолопоклонству. Узнав об этом, московский митрополит Симон обратился „к князю Матвею Михайловичу и ко всем пермичам—большим и меньшим людям, мужьям и женам, юношам и младенцам“—со специальным посланием от 22 августа 1501 г., в котором он писал следующее: „А кумиром бы есте не служили, ни треб их не принимали, ни Воипелю болвану не молитеся по древнему обычаю и всех богу ненавидимых тризну не творите идолом, ни женить незаконных не чините, яко те слышу о вас, что поимаются в племени по веткому по татарскому обычаю: хто у вас умрет и второй его брат жену его поимает и третий его брат также с творит, а жены ваши ходят простовласы, непокровенными главами; ино то чините не по закону христианскому... А сию бы есте грамоту положили в церкви“*).

Кроме христианизации местного населения, мы считаем нужным отметить и деятельность Степана по созданию зырянской письменности в целях приближения священного писания к широким кругам населения. До нас не дошли книги Степана. О причинах отсутствия этих книг существует несколько мнений. Так, например, Г. С. Лыткин говорит: „Преемниками Степана были русские люди, они не заботились о зырянской грамоте“**).

---

*) Послания русских митрополитов. Синодальная библиотека, № 164, с. 219.

**) Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. П. 1889 г.

И. Н. Смирнов, напротив, замечает, что пермских епископов не приходится винить в умышленном игнорировании зырянского языка: „Еще в конце XV в. епископ Филофей даже подписывался по-зырянски в своих посланиях пастве... С тех пор, как в 1492 г. пермская епархия была соединена с вологодской, а потом в нее включены были и двинские волости, они не могли уже более заниматься исключительно зырянами... и зырянская школа и грамота были предоставлены вниманию самих зырян“*). Оба эти мнения не учитывают основного факта, а именно отношения к коми письменности Московского государства. Москва совершенно не была заинтересована в сохранении, укреплении и дальнейшем развитии коми письменности.

Поддерживать начинание Степана, т. е. переводить русские книги на зырянский язык, создавать зырянские школы, вводить изучение степановской письменности—значило развивать зырянскую культуру. Это не входило в планы Московского государства, заинтересованного лишь в эксплоатации природных богатств края и систематическом выкачивании дани с местного населения. Распространение зырянской письменности, совершение богослужебных церемоний на зырянском языке отчасти противоречило и общей политике русской церкви, которая стояла за применение в богослужении церковно-славянского языка.

Такая политика в конце концов и привела к тому, что созданная Степаном пермским письменность погибла прежде, чем она успела развиться.

Вся переведенная литература состояла по всей вероятности из кратких богослужебных книг, написанных в нескольких (2-3) экземплярах. По этим книгам, выражаясь словами Епифания, „попове его пермским языком служаху обедню, заутреню же и вечерню пермскою речью пояху и конархи по пермским книгам аконархаша“. Поэтому мы с большим сомнением относимся к указанию того же Епифания, что Степан „книг много написав“. Это мнение представляет простое преувеличение.

Особенно ярко выразилось отношение вычегодского населения к насильственной христианизации в следующих словах вымского сотника Пама: „От Москвы может ли что добро быти нам. Не от туду ли нам тяжесть быша и дани тяжки и насильства, и тиуны, и доводчицы и приставники. Сего ради не слушайте его (т. е. Степана, пришедшего из Москвы — В. П)., ног мене паче послушайте, добра вам хотящего, аз бо есмь род ваш и единая земля“**). Эти слова Пама дают нам основание

---

*) И. Н. Смирнов, Пермяки, с. 67.
**) А. А. Дмитриев, Пермская старина, Пермь, 1889 г., т. I, с. 185.

утверждать, что новая религия имела своих сторонников и своих противников. Это же говорит нам и о том, что население Вычегодского и Вымского края уже довольно резко диференцировалось на две социальные группы: с одной стороны, нарождающееся купечество и служилое сословие, которое успело к этому времени накопить достаточные богатства и было непрочь помочь Степану в христианизации населения и тем самым признать власть московского князя, чтобы под его защитой безнаказанно эксплоатировать местное население, и, с другой стороны, беднейшую часть населения коми, у которого имущее население за бесценок скупало предметы охоты, скотоводства, рыболовства и т. д. Положение этой части населения было особенно тяжелым, ибо оно подвергалось двойной эксплоатации—со стороны местных имущих классов населения коми и Московского государства, облагавшего его непосильными поборами. Если имущая часть местного населения поддерживала об'единение Вычегодского края с Московским государством, то беднейшая часть активно противилась этому об'единению. Нашлись люди (хотя бы в лице Пама), которые вскрыли основные причины насильственного внедрения новой религии и звали массы не слушаться слов Степана, ставленника Москвы, и не изменять старой религии, ибо новая религия несет с собой угнетение и эксплоатацию. Что даст нам Москва? говорит Пам.—Новые тяжелые налоги, новые насильства новых насильников. Если вы не хотите новых налогов, насильств и новых насильников, то не должны слушать Степана, держащего сторону Москвы, а должны слушать человека, который борется за ваши интересы против насильственной политики Москвы, который строит свою жизнь не за ваш счет. Вот его слова, обращенные к Степану: „Ныне нашею ловлею ваши князья и бояре и вельможи обогащением суть, вняте облачаются и ходят и величаются подолки (опушки на подолу) раз своих гордящееся о народех людских толиками долгими времены изобилующе и много и много и многовременными леты промыслствующе. Не от нас ли в орды посылаются и досязают даже и до самого того мнимого царя... Все же то, что нашего ловли, юже дают мнози боги наша“ *). Эти слова Пама говорят нам о многом. Оказывается, что некоторые представители населения коми, хотя бы в лице вымского сотника Пама, куда лучше многих профессоров, как Смирнова, Жакова и других, понимали действительный смысл проникновения новой религии, которая была орудием московского торгового капитала. Если многие историки (Жаков, Смирнов и др.) об'ясняли христианизацию с точки зрения облагодетельствования коми более высокой культурой—христианской, то Пам совершенно иначе расценивал это явление, усмотрев во внедрении новой религии элементы экономического и политического закаба-

*) Лепехин. Путешествие академика Лепехина, в. 1772 г. ч., IV, с. 402.

ления населения коми и потерю своих награбленных богатств и власти.

Борясь с новгородским торгово-ростовщическим капиталом за передел его северных колоний, Московское государство очень ловко использовало и церковь в этой борьбе. Передел новгородских колоний и самый захват всех северо-восточных колоний Новгорода требовали известной исторической подготовки условий, благоприятствующих совершению этого акта. Поэтому Московское государство заключает военный союз с церковью для отторжения новгородских колоний в свою пользу. И церковь в лице миссионера Степана с его миссионерской братией являлась передовым отрядом московского торгового капитала.

Внедрив среди коми-пермяцкого населения христианскую религию, Московское государство создало здесь и целый аппарат церковной власти. „Святые" отцы заботились не столько о своей пастве, сколько о самих себе. „Небесные" интересы служителей религии крепко сращивались, с их материальными интересами, и в результате этого представители церкви превращались в крупнейших помещиков с десятками тысяч эксплоатируемых крестьян, в крупнейших промышленников, капиталистов, располагавших большими финансовыми рессурсами, которые давали им возможность заниматься ростовщичеством. Надо заметить, что служители религии были пионерами торгового капитала в крае. Они наравне с частными капиталистами развили в крае ростовщичество, пуская деньги в рост, развивая промышленность и торговлю. Церковь, эта мощная хозяйственная организация, как и капиталисты, развивала свои торгово-промышленные операции в крае исключительно в интересах денежного мешка, грабя местное население не хуже купцов и кулаков.

Итак, если московские великие князья вели борьбу с удельными князьями за создание единого централизованного Московского государства, во главе с московским великим князем, то точно так-же и церковь, обладая крупнейшей земельной собственностью, громадными денежными ресурсами, стремилась к созданию единого религиознаго центра, где было бы сосредоточено все управление этими богатствами и назначение высших церковных чинов в государстве. Это единство интересов и привело к союзу государства и церкви. Поэтому создание Московского государства было делом не одного только богатого боярства, но и богатой церкви. Когда Москва вела борьбу с Новгородом за передел его колоний, государство и московские митрополиты действовали всегда совместно. Все войны, которые вела Москва против Новгорода, обычно сопровождались и выступлением церкви, требовавшей от Новгорода покорности московскому великому князю, угрожая в противном случае проклятием и отлучением от церкви. Совместные с церковью мероприятия по покорению отдельных народов были весьма удачны. Церковь и была верным союзником и надежным орудием

Московского государства. Она проповедывала среди покоренных народов мысль, что „несть власти, аще не от бога“, укрепляя этим положение государства и великого князя.

Как не были одинаковы политическо-экономические интересы московского великого князя и удельных князей, точно так же различны были интересы представителей церкви этих княжеств и московского митрополита. Мы знаем, что представители церкви удельных княжеств были крупными земельными собственниками, владельцами промышленных предприятий, обладателями тысяч фактически закрепощенных крестьян, располагали значительными финансовыми рессурсами и т. д. Они самостоятельно производили все назначения по церковной линии, чувствуя себя совершенно независимым по отношению к московскому митрополиту. Итак, материальные интересы церкви отдельных княжеств тесно сращивались с политическими и экономическими интересами светской власти, что обусловливало и единую политику церкви и удельных князей данного княжества, направленную против завоевательных стремлений Московского государства. Так, новгородские епископы всегда отстаивали интересы Новгородской республики, а московские митрополиты держали сторону Москвы при всех войнах, как с Новгородом, так и с удельными князьями, называя действия епископов, не лойяльных по отношению к московскому митрополиту, раскольническими и еретическими. Последний новгородский епископ Феофил оказался даже в заговоре против московского великого князя Ивана III.

Такую же политику защиты интересов Московского государства проводили и те епископы, которые были поставлены Московским государством в тех или иных местностях. Епископ Степан был преданнейшим и активнейшим проводником политики Москвы в Вычегодско-Сысольском крае. Деятельность так называемого св. Степана пермского по христианизации вычегодско-вымско-сысольского населения прошла для миссионера более или менее удачно. Но и многие миссионеры Москвы за свою работу расплачивались своей головой. Так было, например с приемником Степана епископом Питиримом. Пользуясь, охранными грамотами московского государя, он предпринял шаги к распространению христианства в Камском бассейне, ставя себе задачей крещение пермяков и вогуличей. Но когда ему удалось обратить в христианство некоторую часть вогульского населения, его возненавидел за это вогульский князь Асыка, который летом 1455 г. двинулся походом по Вычегде на Устьвым, застал Питирима в Устьвыме во время богослужения и умертвил его.

Наиболее интересной фигурой среди пермских епископов, кроме Степана и Питирима, несомненно является епископ Филофей, назначенный Московским государством в 1472 г. Деятельность этого епископа представляет собой яркую иллюстрацию того, насколько ревностно, активно церковь выполняла политические задания своего государства. Политическую связь

церкви и государства удачно раскрывает в „Пермской летописи" В. Шишонко, который по этому поводу пишет следующее: „Для Иоанна III, желавшего всеми мерами увеличить свои наследственные владения, достаточно было самого малейшего предлога, чтобы уничтожить самостоятельность Перми. Повидимому незначительный случай обиды, некоторых московских купцов в Перми в сем 1472 г. произвел войну, так что зимою, в том же году двинулись в пермскую страну полки Иоанна III. В этом походе, имеющем историческое значение, весьма важно было участие епископа Филофея. Заранее знавший цель похода, посвященный в тайные планы царя московского, архипастырь пермский заботился о том, чтобы как можно более расположить свою паству в пользу Иоанна. Любимый и уважаемый многочисленною паствою, Филофей внушал ей недоверие к Новгороду, а равно и к местным правителям, восхваляя добродетели Иоанна, привлек к нему сердца туземных жителей, так что они все усердно желали видеть его своим властителем. Московские войска, проходя по Перми к Новгороду, встречали дружеский прием и ласки от туземных обитателей. Филофей, чтобы облегчить для войск трудность пути в стране, мало известной воеводам, дал им искусных проводников, хорошо знакомых с местностью края"*.

Это мнение об участии епископа Филофея в походе на стороне Московского государства совершенно правильно.

Михайлов, автор работы „Устьвым", из которой Шишонко позаимствовал эти данные, дал однако совершенно неправильное освещение вопроса, утверждая, что местное население желало видеть московского князя своим властелином и с восторгом встречало войска московского князя. Это утверждение не обосновано историческими документами и представляет личное убеждение автора. Напротив, русские летописи подтверждают, что на территории Великой Перми происходили крупные бои, кончившиеся поражением коми-пермяков. Самый факт военных действий, вспыхнувших вследствие отказа пермского князя Михаила признать власть московского князя, а также обиды, причиненные московским купцам на пермской территории, говорят о том, что население Великой Перми было настроено враждебно по отношению к Москве. Летописи указывают, что среди пермяков были „непослушники" московского князя, т. е. люди, которые наиболее активно выступали против московской власти.

Управление и колониальная администрация.

Главным административным центром по управлению Великой Пермью был в XVI в. городок Покча, ныне село Чердын-

* В. Шишонко, Пермская летопись т. I, с. 27-28.

ского у. (заселенное и по настоящее время коми-пермяками), где тогда и жили наместники московского великого князя и воеводы. После того, как пожар в 1535 г. уничтожил городок Покчу, воеводское управление было перенесено в гор. Чердынь, который и становится главным городом Великой Перми. В начале XVII в. в связи с развитием торговли в крае и вследствие изменения направления торгового пути из Москвы в Сибирь, Чердынь утратила свое значение. С проведением прямой дороги от Соликамска до Верхотурья торговый путь из Москвы стал проходить через Ярославль, Тотьму, В. Устюг, Лальск, Кайгород, Соликамск и Верхотурье,—минуя Чердынь. Центром торговых путей Москвы с Сибирью оказался Соликамск, он же вскоре становится главным политическим и экономическим центром Великой Перми. Здесь были учреждены и таможенные пункты для взимания пошлин за провозимые товары. В первое время до 1636 г. воеводы назначались в обоих городах, после 1636 г. Чердынь окончательно превратился в провинциальный город, подчиненный Соликамскому воеводству.

Для управления Вычегодской Пермью, в период завоевания севера Московским княжеством, существовала должность так называемых „волостителей", которые и несли административные обязанности. Позднее были созданы воеводства. Для охраны Московского государства с севера в районе реки Печоры создается городок, где также учреждается воеводство Пустоозерское.

Основными задачами наместников и воевод были:

1) осуществление власти Московского государства на местах;

2) наблюдение за своевременным отправлением местным населением различных повинностей и податей, взыскание пошлин, ясака и т. д.;

3) забота об экономическом развитии края, его безопасности и т. д.

При воеводах (и вначале при наместниках) находились дьяки и подьячие, которые были главными выполнителями всех распоряжений центральной власти.

Для производства следствия и суда назначались тиуны, доводчики, проветчики, которые существовали в Вычегодской Перми еще во второй половине XIV в., как об этом свидетельствует выступление вымского сотника Пама.

Тиун в судебных делах часто замещал наместников или воеводу. Доводчики, а позднее пристава, созывали свидетелей, ответчиков и челобитчиков к судебному заседанию, а проветчик выполнял общие постановления суда по судебным решениям.

Если в начале XV в. Московское государство было в известной степени заинтересовано в создании на некоторое время высшего аппарата власти из местного коми-пермяцкого населения, то позднее, когда оно стало от этого принципа отходить, мы наблюдаем другую тенденцию, а именно: стремление привлечь

местное население в низший управленческий аппарат. Такое построение аппарата было выгодно для правительства по целому ряду соображений. Во-первых, привлечение в административный аппарат местного населения имело известное политическое значение, так как у населения создавалась иллюзия, что им управляют не московские чиновники, а свои люди; во-вторых, выборные из местного населения, зная местные условия жизни, местный язык и т. д., лучше воздействовали на население, чем московские чиновники. Наконец, в-третьих, дороговизна содержания многочисленного штата низших служащих, как-то: целовальников, сборщиков дани и т. д., не позволяла полностью содержать их за счет государства. Этими причинами можно об'яснить частичное выдвижение „лучших" (т. е. богатых) людей на эти должности. Для выполнения общественных работ выбирались: целовальники, которые занимались сбором пошлин, оценкой товаров, продажей вина; данники, собиравшие прямые налоги; черноборцы, собиравшие так называемый „черный бор"; гостинники, собиравшие пошлины с торговцев и промышленников и с проезжих купеческих людей; мытники, собиравшие пошлины на заставах; мостовщики, которые взимали пошлины на мостах при переходе купеческих караванов через реку; перевозчики, собиравшие пошлины за перевоз; таможенники, собиравшие пошлины на торгах; весовщики, пометчики, пятеньщики, собиравшие подати за взвешивание товара, за измерение его и за клеймение товара при проходе его через таможню.

Главным административным управлением в воеводстве являлась так называемая „с'езжая изба", где воеводы производили свой суд, давали распоряжение по управлению и раз"ясняли налоговую политику государства. Кроме того при воеводстве состояли еще так называемые „губные старосты", которые ведали уголовными делами и заседали в так называемой „губной избе". При них находились их помошники—целовальники, дьяки и подьячие. При губной же избе находились тюрьмы и весь штат, связанный с этим делом, а именно: стража для охраны преступников, палач для совершения казни, пристава и доводчики для судебных дознаний. Весь штат губной избы работал также по принципу выборности, причем губные старосты были независимы от местного воеводы и непосредственно подчинялись так называемому „разбойному приказу". Во время от'езда воеводы в Москву или в другое место губной староста заменял воеводу.

Власть воеводы была ограничена пределами, указанными Московским правительством, и совершенно не распространялась на лиц духовного звания, монастырских служащих и крестьян, а также на тех предпринимателей (вроде Строгановых), которые имели царские грамоты, освобождавшие их хозяйства от вмешательства местной администрации.

Права и обязанности воевод ярко обрисованы в наказе, данном царем Алексеем Михайловичем 10 марта 1647 г. Семену Об‘едову, назначенному на должность пустоозерского воеводы. Прежде всего царский наказ предлагает Семену Об‘едову принять дела от прежнего воеводы и составить о том соответствующую расписку: „Семену, приехав в Пустоозерский острог, взяти у Богдана Коковинского острог и острожные ключи и наряд, и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы, а в с‘езжей избе прежние государевы наказы и указные государевы грамоты и приходные и расходные книги и смертные списки и государевы всякие денежные доходы и мягкую рухлядь и хлеб в житницах“. Причем эта приемка дел должна совершиться с соблюдением всех правил и составлением приемо-сдаточной расписки. „А пересмотря того всего,—говорит наказ,—и в казне зелье и свинец перевесить, а в житницах хлеб перемерить и взять у Богдана налицо, да в том во всем Семену с Богданом расписаться“.

В наказе подробно перечисляется ряд мелких административных функций, лежавших на воеводе. Так, например, ему вменяется в обязанность следить за тем, чтобы „в Пустоозерском остроге на посаде, в летнее время никаков человек изб и бань не топили, и в вечеру с огнем не сидели, а есть бы варили и хлебы пекли всякие люди в печах за острогом... и печи б были устроены в земле не близко хором на полных местах, и на огородах, а для береженья велети об‘езжим головам в остроге и по всему посаду и в рядах ездить днем и ночью беспрестанно, а выбирати в об‘езжие головы посадских лучших людей, а над ними надзирати самому и беречи того накрепко... а которые люди учнут ослушаться, избы не в указные дни учнут топить и тех людей велети приводить к себе в с‘езжую избу, и с тех заповеди имати и наказанье им чинить, смотря по вине“ *).

Ввиду роста воровства, кормчества и разбоя в пределах государства, Московское правительство предписывает воеводе обратить серьезное внимание на то: „чтоб у них ни у кого корчемного и неявленного питья, и... разбоником и татем проезду и проходу, и иного никакого воровства отнюд ни у кого не было; а у кого будет корчемное и неявленное питье, или у него какое воровство учиниться, или к кому каким воровским людям проезд и проход будет, и Семену у тех людей... велети то питье вымать и отдавать на кабак“. Для борьбы с корчемством наказ предлагает ввести штрафы, что у „кого неявленное и корчемное питье вымут, и на тех людях имати заповеди впервые по дву рубли по 4 алтына по полуторе деньги, а у кого вымут вдругое и втретье, и на тех людях имати заповеди вдвое и втрое и животы их отписывать на государя, чтоб в том корчемном питье

*) Д. И. А., т. III, № 19, с. 82—87.

на государевых кабаках кабацкой прибыли не добору и порухи не было, а воровским людям за их воровство чинить наказанье нещадно".

Наказ предупреждает воеводу: „Если Семен, будучи в Пустоозерском остроге, о государевых делах радеть не учнет, и по таможенных и по кабацких головах, учнет покрывать и государевою казною корыстоваться или учнет тутошним и приезжим людям чинить насильство и продажу и с них имати посулы и поимки, после про то сыщется, и Семену за то от государя царя и в. князя быти в великой опале".

Наказ также предписывает воеводе следить за тем, чтобы через Пустоозерск, через устье реки Печоры иностранные торговые караваны не проникали в Пермь и Сибирь, минуя Архангельскую таможню. Соответствующий пункт наказа гласит: „преж сего бывало захаживали корабли и в Пустоозерье, а ходят немцы в тое сторону не для торговли, а для отыскания новых дорог: и Семену того беречь как крепко и кораблем никакими приставати и торговати не давать, и мимо Пустоозерского острога на кораблях никаких людей к сибирской стороне отнюд никакими мерами не пропускати, а отказывати, что по царского величества указу всяким иноземцам позволено приставать и торговать в Двинском устье в Архангельском городе, а в Пустоозерском остроге приставать не для чего и торговати им не с кем, место пустое... а иноземцам там проезжать не для чего и торговать не с кем".

Перечисленными обязанностями и правами не исчерпывались функции воеводы. Одной из наиболее важных задач всякого воеводы являлось укрепление границ и обеспечение обороноспособности данного района на случай военных действий. Московское правительство, конечно, заботилось об укреплении своих границ. Так, 4 августа 1628 г. оно запрашивает сольвычегодского воеводу Чичерина о причинах приостановки постройки нового Усольского острога и предлагает „призвать к себе архимандрита, игуменов, попов, дьяконов и Максима с братьею Строгановых и посадских и волостных лучших людей допросити и сыскати про Усольский острог, что по извету Ивана Строганова и по досмотру В. Самарина да подьячего Семена Осокина, Усолские охотники Ондрюшка Яровой с товарищи не доделати". И если вина их будет доказана, то „за недоделкой острога, чего не доделали охотники Ондрюшка Яровой с товарищи, по уговору денги, что было на них указано, доправити на перед сего треть. 1130 руб. ныне взять на них доведется ли, или будет взяти не доведется, и для чего, и впред им до тех прежних уговорщиков до Ондрюшка с товарищи в той в острожской доделке, по записям, дела каково не будет ли".

Грамота предлагает произвести тщательный осмотр недоделанного острога: „весь ли цел, нет ли где худых, подгнивших мест и проломов, и рвы песком около острога не засыпаны ли

и по людям сделан ли и крепость как и какие и бои у того острогу поделаны ли и с какова образца, а буде у того меньшого острогу есть где ныне худые места и подгнилые и то б тех худых острожных мест и рва досмотрел... и во что та острожная поделка по смете станет, со всем в отделке тамошнего небольшого ценою" *).

Интерес, который проявляет эта грамота даже в отношении мелких технических вопросов, связанных с окончанием постройки острога, свидетельствует о том, что Московское правительство обращало серьезное внимание на обороноспособность государственных границ. Забота об укреплении этой обороноспособности и составляла важную задачу воеводского управления на местах.

Такую же заботливость проявляло Московское правительство и в деле укрепления Яренска. 30 июня 1632 г. последовала царская грамота вымь-яренскому воеводе Милославскому по вопросу о перенесении старого острога в более удобное место.

Грамота указывает: „в прошлом в 132 г. (1624 г.) Выми Еренского городка вешнею большою водою помыло и свалило в реку в Вычегду острогу в длину 20 саж., да берегу осыпало сажень с пять, да во 133 г. (1625) сажень 20, да осыпи поперек осыпалось 7 саж., да острог двор смыло, да во 139 г. (1631 г.) подмыло водою башню да острогу, сажень с 10, да тюрьму, да онбар казенный, где стоит зелье". Поэтому грамота предлагает: „старый острог и башни, что осталось у воды и в с'езжую избу, и деланный амбар, и воеводский двор и тюрьму велел перенести на новое место на речку на Вычегод, а на Усть-речки Канемолки, а тот острог велел сделать таков же величиною, каков был наперед сего, а будет старый острог мал и того острогу велел прибавить, сколько пригоже, смотря по тамошнем делу... Ставити б того острог велел плотной и бои на башнях и на остроге поделать и около острогу всякие крепости сделать крепко и прочно, чтоб в осадное время, в осаде надежно было сидеть и безстрашно, а велел бы тот острог делать... всею Еранскою и Вымскою землею и Сысолью и Сысольским уездом и Вологодскою и Велико Пермскою Архангельскую вотчину и Ивана Грамотина крестьян, расписав и разверстав по сошному письму, что за ним писано в живущем, в правду, чтоб в том острожном деле никаким людям большие тяготы отнюд ни в чем не было" *).

Чтобы ограничить аппетиты наместников и их слуг, уставная грамота определяет размеры содержания наместника по следующей норме: „на Р. Х. за 1400 белок 14 руб., по 2 денги

---

*) А. А. Э., т. III, №, 137, с. 201-202.
**) А. А. Э., т. III, № 204, с. 259-261.

за белку. А на велик день за 700 белок 7 руб... А на Петров день за 700 белок 7 руб. Да с варницы Вишерская соль имати по пяти санец (30 пуд.—В. П) соли по старине, то ему во весь год и с тиунов и с доводчика. А опричь того наместнику и его тиуну и доводчикам с них пошлины нет. А берут корм наместник и тиунов и доводчиков побор старосты и люди добрые пермяки сами, да отдают корм наместнику и с тиуна и с доводчиками сами, да отдают корм наместнику и с тиуна и с доводчики в городе, а сами наместники и тиуны в доводчики по погостам луков писати и корм брати не ездят, а разметывают пермяки меж себя корм по сохам, по дани" *).

По писцовым книгам Яхонтова и Кайсарова доход наместника по Чердынскому у. и посаду состоял в 1579 г. из „корма на Рождество за хлеб, и за калачи, и за полти, и за овес, и за сено денгами 13 р. 22 алтына 1½ денги, на велик день за корм денгами 6 р. 32 алтына, 5 денег, на Петров день за корм денгами 6 р. 32 алтына, 5 денег, всего 27 руб. 31 алтын, 1½ денги, то ему с тиуном и с доводчиком" **).

Чердынский у. включал в себе в 1579 г. 23 сохи, следовательно с каждой сохи воеводе и его тиуну и доводчику приходится одних кормовых денег по 1 р. 20 коп. Кроме всевозможных доходов от крестьянства, наместник получал доход и с промышленников края. Та же уставная грамота перечисляет доход наместника: „с Вишерская соли с 7 варниц наместнику по 20 п. на год с варницы... из выезжего корму наместнику кто что принесет, то ему взять"...

Помимо всех этих доходов наместники имели право рыбной ловли, имели право содержать кабаки, владели поместьями и так далее.

Наиболее распространенными видами преступлений со стороны воевод, тиунов и других чиновников государства были казнокрадство, взяточничество, превышение власти и т. п. Так, правительство 8 февраля 1637 г. ставит на вид чердынскому воеводе Б. И. Катынину, что кабацкий голова Федка Онофреев занимается казнокрадством. Грамота указывает, что приходно-расходные книги у него при обследовании не сошлись и „во многих статьях в белых книгах против черных не дописано, да тот же де голова Ф. Онофреев с целовальники взяли... для заводу на кабацкие запасы 383 р. 5 алтын и пол пяты денги, и тех заводных денег тот голова из своего сбору... не прикапливали, да тот же де голова пил и бражничал и над целовальники не надсматривал и подкрачи многую нашу казну, бежал к Соли Камской" ***).

*) Шишонко В., Пермская летопись, т. III, Пермь, 1884 г., с. 30.
**) Там-же, с. 30-35.
***) Пермская старина, т. II, с. 390 или „Акты исторические", т. IV.

Другая царская грамота—от 27 ноября 1622 г.—указывает вновь назначенному чердынскому воеводе на злоупотребления властью бывш. воеводы Бутурлина, который де „взял насильством две кипы архиепископского хмелю, позорно, обсекши у саней оглобли и поставил таможне, а весом де в тех кипях 35 пудов, и стоял де тот хмель у таможни без призору". В результате этого насилия архиепископский слуга прожил в „Чердыни 3 недели в великом утеснении и было де у него на хлебе 15 человек да 8 лошадей и... учинилось ему убытка 28 руб. 50 коп.". Это своеволие чердынского воеводы, желавшего получить взятку, заставило слугу архиепископа, решительно отказавшегося дать Бутурлину взятку, прожить в Чердыни 3 недели. В конце концов потерпевший вынужден был дать ему взятку „не стерпя тесносты и убытка, и не хотя быти в нашей пене в хлебном недовозе, дал В. Бутурлину от пропупуску (взятку—В. П.) два руб. денег, да 2 п. хмелю да 2 выжицы гончих звериных" *).

Злоупотребления местной администрации были особенно часты при сборе налогов, податей и т. п. Практиковалось взятничество и самовольное обкладывание населения новыми налогами, которые обращались в личную собственность сборщиков. Так, царская грамота на имя сольвычегодского воеводы В. Колычева сообщает, что таможенный голова И. Бобровский берет с населения сверх рублевых пошлин еще дополнительные пошлины. Грамота указывает: „хочет де он голова своими затейливыми вымыслами с них тутошних посадских людей и с волостных крестьян чинить сверхрублевые пошлины—„перекупную пошлину" по 5 денег с рубля, чего в нашем указе не написано". Заканчивается грамота предостережением: „кто лишние пошлины нашего указу и грамоты иметь учнет, и тем людем быть в жестоком наказанье" **).

На излишние поборы местной администрации жаловались ненцы, ибо эти поборы неизменно присваивались сборщиками дани. Так, они в 1687 г. обратились в Москву с жалобой, в которой писали, „что велено с них иметь дани с лука по 5 алтын на год, а самоядынь де Немтюшка Сюрьсеев с них многие лишние денги, по осьми алтын с лука, и тем лишним побором разоряют напрасно". В этой жалобе ясно указано, что с каждого лука берется лишних 3 алтына, т. е. немного больше половины действительного налога, причитающегося с каждого лука. Это значило, что сборщики дани присваивали значительные по тому времени суммы денег, которые были не меньше действительных налогов, представленных правительству. Что же предпринимало правительство для искоренения этого зла? Оно ограничивалось одними напоминаниями и предупреждениями, что „буде учнится

*) „Акты исторические", т. III, № 114, 167-168 стр.
**) Д. И. А., т. III, № 118, с. 442.

им от них (т. е. от сборщиков дани) разоренье и про то сыщется и таким наезщиком за то велел чинить наказанье", а также „с них ничего лишнего иметь для своей корысти... не велел" *).

Вот еще пример: в 1645 г. были назначены в Чердынь новые подъячие Сысой Козьмин и Гаврило Овдокимов с определенным окладом содержания, которое они получали через земскую избу не с сошных людей, а из четвертных доходов. После года работы на них тоже поступила жалоба царю Михаилу Федоровичу. Тогда из Москвы было сообщено чердынскому воеводе Н. В. Львову следующее: „в Перми де великой в Чердыни, в съезжей избе у нашего дьяка сидят два человека подъячих, а наше де жалованье имеют с мирских людей найму по 26 рублей на человека, а в иных де городах подъячим дают наше жалованье и нам бы их пожаловать тем подъячим с мирских людей некому, по 26 руб. на человека имети не велеть". „А в Новгородской четверти,—говорится в царской грамоте,— в Чердынском сошном списку 153 г. (1645 г.) написано: судных дел дьяч у Калинке Ермееву нашего годового жалованья в 153 г. дано 10 рублей. И как к тебе ся наша грамота придет, а преж сего будет в Перми в Чердыни, съезжей избе подъячим наше жалованье давало из четвертных доходов, а с мирских людей инако и ты б и ныне подъячим наше жалованье велел давать из четвертных доходов, а с мирских людей имать не велел" **).

Таких грамот о злоупотреблениях местной администрации, начиная с воевод и кончая последним сборщиком дани, можно привести достаточное количество. В связи с массовыми злоупотреблениями подобного рода положение крестьянства было очень тяжелым.

Хотя бы из последнего примера мы видим, что чердынские подъячие вместо 10 руб. получали по 26 руб., т. е. в 2½ раза больше установленного для них содержания.

Мы знаем, что местное население, задавленное всевозможными налогами, множеством излишних поборов, притеснений, жаловалось и протестовало. Но жаловаться в Москву было трудно. Нужны были грамотные люди, которые бы сумели написать жалобу на воеводу и его администрацию, чтобы не навлечь на себя кару местной администрации; нужны были средства для поездки в Моску с жалобой. Вполне возможно, что большинство жалоб крестьян не доходило до центра.

Вся местная администрация почти сплошь состояла из представителей наиболее зажиточной части пермяцкого крестьянства. Почти все инструкции, которые давались правительством на месте, указывали на то, чтобы назначения на должности

---

*) А. А. Э., т. III, № 118, с. 445-446.

**) Шишонко В., Пермская летопись, т. III, с. 55-56.

данщиков, целовальников, голов, подъячих производились из среды „лучших людей“, наиболее зажиточной части населения. По поводу назначения на должности таможенного и кабацкого головы в Чердыни и Соликамске царская грамота обращается к соликамскому и чердынскому воеводе (И. В. Львову) с следующей грамотой: „Как к тебе ся наша грамота придет, так б тотчас Усольским земским старостам и целовальникам выбрати в Чердынь, к нашему таможенному и к кабацкому сбору в головы, ко 155 году, из усольцев из самых лучших людей, человека добра и прожиточна, который был бы душею прям и животом прожиточен, а к тому голове целовальников велел выбирать из чердынцев, из посадских и из уездных лучших людей, которые б были не воры и не бражники, и животом прожиточны, и к кому б в нашем таможенном и в кабацком сборе можно было верить“. В то же время грамота предупреждает, „если голова и целовальник, или дьячки учнут нашею казною и к кабацким питьем корыстоваться и то б против списка допряма, над теми ворами чинил наказанье, чтоб на то смотря вперед иным так неповадно было воровать, нашею казною корыстоваться“.

Следовательно Московское правительство в деле формирования местной администрации делало ставку на „лучших людей“ (т. е. богачей), которые, конечно, не думали защищать бедноту, ибо это было не в их интересах, поскольку они сами эксплоатировали местное население.

Сельско-хозяйственная колонизация Коми края.

Пионерами земледельческой колонизации края были те крестьяне, которые селились в Вычегодско-Чердынском крае, бежав из боярских вотчин, а позднее также и из тех дворянских поместий центральной России, где установились крепостнические отношения Усиливающаяся эксплоатация заставляла крестьян покидать свои земли и дворянские поместья и бежать на северо-восток, чтобы организовать там самостоятельные крестьянские общины. Изобилие свободных лугов давало пионерам земледельческой колонизации широкие возможности развития сельского хозяйства.

Эти свободные крестьянские поселенцы владели землей на основе свободной заимки, т. е они сами отводили себе свободные участки земли, сами рубили лес, выкорчевывали пни и т. д.

В XVI в. начинается уже организованная колонизация края в целях сельско-хозяйственной его эксплоатации. Так, в 1517 г.

Строгановы и Фроловы обратились к московскому великому князю с ходатайством о предоставлении им земли в Устюжском уезде. Ответом на это ходатайство явилась грамота от 9 апреля 1517 г., в которой московский князь пожаловал „Степанка да Осифька, да Володкю Федоровых детей, Лукина, да Ромашка, Фролова сына в Устюжском уезде Вондакурской волости лесом диким, старым, липовым раменьем да... Кочаловского и с... соленого да по... туровицы, а на том де лесу дворы и пашня... ов и оже будет так, и яз в. к. пожаловал Степанка да Осифка, да Володку Федоровых детей и... поставят себе на том лесу дворы" *).

Исследователь родословной Строгановых, Волегов, а также проф. Н. Устряков считают, что эти земли были пожалованы предкам известных в Вычегодском и Камском бассейне Строгановых. Устряков утверждает, что названной грамотой начинается ряд подлинных фамильных документов рода Строгановых. Эта первая грамота была выдана на имя Степана, Осипа и Владимира Федоровых—детей Лукиных. „В родословной, представленной в герольдию бароном Александром Строгановым,—пишет Н. Устряков,—лица сии не показаны, потому что в ней выведена линия предков его, получивших жалованные грамоты на землю по Каме, Чусовой и Тоболу, оттого мы не находим в ней Данилы и Козьмы Строгановых, живших во время самозванцев. Следовательно молчание родословной здесь не важно. Достоверно, что упомянутые в грамоте земли Виндокурской волости принадлежали Строгановым" **).

17 марта 1639 г. пермяк Кожевников бил челом Михаилу Федоровичу о предоставлении ему земли по речке Сиве, которая, как указывается в жалованной грамоте, „от людей удалена, а по той де речке, с устья и до вершины, леса пустые и места лесные и гаривано от молнии, и лежит большой заломной лес, и по той речке лужки и наволоки, сенные покосы, по обе стороны, и не закем те урочища не написаны и не владеет никто, и нам бы его пожаловати, велети те пустые места и сенные покосы с устья и до вершины, дать ему на льготу на 15 лет" ***.) Мы могли бы привести еще много документов, характеризующих начало усиленной колонизации Вычегодского бассейна во второй половине XVI в. Почти все земельные пространства, годные для сельскохозяйственной обработки, были розданы отдельным колонистам для развития сельского хозяйства и торговой деятельности. В конце XVII в. и в начале XVIII мы уже видим в Вычегодском бассейне крупное купеческое землевладение, с несколькими тысячами половников, работавших в этих хозяйствах.

Для поощрения колонизации государство освобождало поселенцев от налогов на определенный срок, в течение которого

*) Акты Археографической Экспедиции, т. 1, № 163, с. 131.
**) Н. Устряков. Именитые люди Строгановы., П., с. 7-8.
***) А. А. Э., т. III, № 288, с. 431-432.

предприниматели обязаны были обзавестись инвентарем, рабочей силой, провести дороги, устроить мосты и т. д. Так грамота, предоставляющая детям Лукиных и Фроловых земли в Устюжском уезде, указывает „тем их людем не надобе моя вел. кн. дань ни иная никоторая пошлина на 15 лет и отсидят свои урочные 15 лет, и им давати мне вел. кн. дань и всякие пошлины, чем их отпишет мой вел. кн. писец“*).

Колонизаторы освобождались также от всевозможных податных обложений, повинностей и суда местных наместников. Так, великий князь Иван Васильевич, жалуя землей в Устюжском уезде детей Лукина (Строгановых) и Фролова, указывает: „Наместницы мои Устюжские и волостители Виндокурские и их тиуны тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличными“ **).

Передавая все судебное дело в руки предпринимателей, государство отдавало крестьян в полное распоряжение этих предпринимателей, и последние, конечно, воспользовались предоставленными им правами для решения судебных дел в свою пользу.

Судебные дела, касавшиеся самих предпринимателей, разрешались не местной администрацией, а царским судом в Москве, как говорит дарованная грамота: „А кому будет чего искати на самих на Степанке да на Осифьке, да на Володке, да на Ромашке, или на их приказчике, ино их сужу яз сам в. к. или мой боярин введенный“.

Освобождение от пошлин, оброков, от суда московских наместников и передача судопроизводства в отношении крестьян в руки отдельных предпринимателей делали последних фактически независимыми от местной администрации, приближая их к типу феодалов.

Жалуя этих предпринимателей поместьями, московские князья определенно подчеркивали: „копити на меня на вел. князя слободу“ ***), т. е. государство рассматривало их хозяйства как будущие источники взимания податей и пошлин, поэтому оно и передавало крестьян в полное распоряжение собственников, чтобы путем эксплоатации крестьянского труда развить в крае земледелие и другие промыслы.

Наряду с предоставлением отдельным предпринимателям земельных участков для развития сельско-хозяйственной деятельности правительство предоставляло земельные участки и для промышленных целей. Так чердынский воевода Семен Кондырев 26 июля 1681 г. доносит правительству: „В нынешнем, государь, во 189 г. били челом тебе вел. государю Чердынцы посадские люди Володка Федулов да Богдашка Мичавин, а в Чердыни, в приказной избе мне холопу твоему подали челобитную, а в че-

*) А. А. Э., т. 1. № 163, с. 133.
**) А. А. Э., т. 1, № 163, с. 132.
***) Там же.

лобитной их написано, чтоб ты вел. государь их пожаловал, велел тое реку Щугор (приток Печоры) и с рыбными ловлями отдать на оброк им Володке и Богдашке из новой наддачи на 5 лет, без перекупа, а новой наддачи они с той реки и с рыбных ловель учнут платить тебе вел. гос. по 5 алтын по 4 денги, да пошлин с той новой наддачи по 2 денги на год"*).

Извещая об обращении промышленников, желающих приобрести для эксплоатации р бных промыслов реку Щугор, воевода в то же время сообщает, что прежний откупщик Богдашко Григорьев, у которого эта река была до сего времени на оброке, „из Чердыни сшол безвестно и о той реке на оброк тебе, великому государю, не бил те челом**).

Договор с промышленниками заключен был чердынским воеводой на более выгодных условиях, чем раньше, а именно: „А оброку, государь, им велено с той реки платить против прежнего и новой наддачи и с пошлинами по 2 р. по 2 алтына по получетверти деньги на год и в том, государь, взято по них Володке и Богдашке поручная запись, и что им те оброчные денги платить... в те срочные годы, по вся годы, без доимки" ***). Как видно из этого донесения, датированного 26 июля 1681 г., реки Печорского бассейна, изобиловавшие рыбой, находились в эксплоатации отдельных откупщиков и переходили из одних рук в другие. Государственная монополия на наиболее важные реки, славившиеся своими рыбными промыслами и составлявшие до московской колонизации XV—XVI вв. неотъемлемую собственность местного коми-пермяцкого населения, сильно ухудшила экономическое положение местных жителей, в особенности рыболовов.

Эксплоатация рыбной промышленности носила хищнический характер, ибо откупщики были заинтересованы только в том, чтобы как можно больше нажить капиталов.

Не менее важной задачей для Московского государства после завоевания Вычегодско-Печорско-Камского края было заселение этой обширной территории русскими, как средство окончательной руссификации края, дальнейшего развития здесь сельского хозяйства, промыслов и торговли.

Для действительного осуществления этих мероприятий Московское государство с давних пор щедрою рукою раздавало земли дворянам, купцам, предпринимателям и монастырям. И потянулись на эти земли помещики, купцы и монахи, которые завели крупные хозяйства, с огромным числом закрепощенного крестьянства.

Предоставляя дворянам, купцам и предпринимателям земли, правительство разрешало им в то же время вывозить в свои

*) Д. А. И., т. VIII, М. 1862 г., с. 322-323.
**) Там же, с. 322-323.
***) Там же, с. 323.

хозяйства в качестве рабочей силы тех людей, которые еще не были приписаны правительством той или иной местности в тягло.

Сельско-хозяйственная колонизация имела для края большое значение в смысле укрепления завоеванных территорий, разрушения родового строя и создания условий для развития капиталистических отношений.

Другой важнейшей причиной колонизации являлись торговые интересы. Мы знаем, что Вычегодско-Печорско Камский бассейн был той территорией, откуда Новгород извлекал предметы своего заграничного вывоза—меха и другие ценности. Изобилие мехов, всевозможных металлов и других богатств давало предпринимателям возможность развивать здесь промыслы, организовывать эксплоатацию звериного промысла, рыболовства и т. д. Конечно, создавшиеся здесь торгово-промысловые предприятия увеличивали доходы государства, которое взимало с них налоги и пошлины.

Развитие промыслов и сельского хозяйства способствовало дальнейшему развитию торговли. Но если торговля XI—XIV вв. носила характер по преимуществу натурального обмена, то московская колонизация XV—XVII вв. расширяла рамки этой торговли, превратив её в сделки купли-продажи.

Крестьянство вынуждено было выносить продукты сельского хозяйства на рынок прежде всего потому, что оно нуждалось в деньгах для уплаты налога. С другой стороны, и развитие торговли, появление на рынке всевозможных предметов обуви, одежды, металлических изделий, наконец, вина—также служили стимулом к тому, чтобы крестьянские хозяйства работали на рынок. Таким образом производимые сельским хозяйством продукты предназначались уже не столько для личного потребления, сколько для продажи. Сельско-хозяйственный продукт превратился в товар.

Итак, колонизаторы, получая с крестьян оброки натурой, стали продавать те предметы, которые имелись у них в изобилии. Переход же к денежному оброку дал им возможность превратиться в крупных коммерсантов и вести торговлю в расширенных размерах. Но одновременно с этим накопление денег и наличие дешевых, а зачастую и даровых рабочих рук давало им возможность развивать местные ремесла и промыслы.

В XV в в Камском бассейне существует уже солеваренное производство, а в XVII в. начинает развиваться горнозаводская промышленность.

Строгановы, о которых мы будем говорить ниже, и были наиболее крупными феодалами-ростовщиками Вычегодско-Камского края. Организовав крупные феодальные хозяйства, они (Строгановы) получали хлеб, одежду, транспортные средства и т. п., строили монастыри, проводили дороги, изготовляли порох, вели войны с теми племенами, которые нападали на их

угодья. Они занимались строительством городов, а в городах развивались торговля и ремесла.

Над своими крестьянами они производили суд и расправу по своим собственным законам, сами же они подлежали суду только самого царя как верховного феодала государства. Хозяйство их считалось неприкосновенным, свободным от вмешательства местной царской администрации. Они были полновластными господами в своих поместьях, как бы самостоятельными князьями над многочисленными закрепощенными крестьянами. Царские воеводы и тиуны могли вмешаться в их отношения с крестьянами только в случае совершения этими феодалами убийств. Но и тогда суд над феодалом назначался самим царем.

Предки Строгановых по свидетельству сольвычегодского летописца Соснина пришли в Сольвычегодск из Великого Новгорода.

Овладев угодьями и создав торгово-промышленное предприятие в Вычегодском бассейне, они стали интересоваться и Камским бассейном. Получив сведения, что последний изобилует свободными земельными участками, годными как для сельско-хозяйственной обработки, так и для развития соляной промышленности, Строгановы обращаются к царю с рядом челобетных о предоставлении им пустующих мест в Камском бассейне. В 1558 г. Григорий Аникиев, сын Строгановых, бил челом Ивану Грозному о предоставлении земли „ниже Великия Перми за 88 верст, по правую сторону Камы реки с устья Лысвы речки, а по левую сторону Камы реки против Пызновские Курьи, вниз по обе стороны по Каме реке до Чусовые реки". Ходатайствуя о предоставлении им земли, Строгановы характеризовали просимые места как совершенно пустующие: „места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова, и поволоки пустые. А всего де того пустого места 146 верст; и прежде де сего на том месте пашни не пахиваны и дворы де не стаивали и в цареву вел. кн. казну от того места пошлины никакие не бывали и ныне не отданы никому, а в писцовых де книгах и в купчих и в правежных то место не записано ни у кого" *).

Дальше Строгановы указывают, что „хотят на том месте городок поставити, а на городе пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальников и воротников устроити для береженья от нагайских людей и от иных орд. И около того места лес по речкам и до вершины и по озерам, сечи и пашни расчистя пахати, и дворы ставити, и людей призывати неписменных и не тяглых, и россолу искати, а где найдется россол и варницы ставити и соль варити"**).

---

*) В. Шишонко. Пермская летопись, П., 1884, период I, с. 51.
**) Там же, с. 168.

4 апреля 1558 г. последовала царская грамота о предоставлении Григорию Строганову просимых им земель, которые по вычислению историка Строгановых О. А. Волегова занимали 3415840 дес. $1523^{2}/_{3}$ кв. сажени.

В 1563 г. Строгановы вновь обратились с челобитной к царю Ивану Грозному, прося предоставить им земли в Камском бассейне. Как и в первой челобитной, они здесь также писали о том, что эти места „пустые“ и ни за кем не записаны.

Эти одинаковые как в 1558 г., так и в 1563 г. указания на то, что все просимые места пусты, вызвали у правительства сомнения. Оно захотело проверить правдивость этих заявлений Строгановых, тем более, что само правительство предполагало, что названные места заселены коми-пермяками и другими народами.

В это время в момент получения челобитной Строганова в Москве находился пермич Кодаул. На запрос царских казначеев кому принадлежат просимые Григорием Строгановым земли, он ответил: „Те де места искони лежат впусте и доходу в казну с них нет никоторого и у пермич де в тех местах нет и ухожеев никоторых“. Эта справка была, конечно, неточна, ибо указанные земли, тянтувшиеся на 146 верст по берегу реки Камы, не могли быть пустыми; все коми-пермяцкое население и другие камские народы жили главным образом по берегам рек, в частности по берегам Камы, а во время описи строгановских имений Яхонтовым вся эта местность была уже заселена коми-пермяками.

Это свидетельство богатого пермяка Кодаула, ослепленного блеском и могуществом Строгановых, было сделано им в угоду и решило дело в их пользу. Предоставляя Григорию Строганову просимые земли, Иван Грозный ссылается и на свидетельство Кодаула. В своей жалованной грамоте он пишет: „Пермяк Кодаул сказывал, и с тех с пустых мест преж сего наших дней не шло и ныне с них дани никоторые не идут и с Перми не тянут ни в какие подати, и в Казань ясаков не дают и преж того не давывали... пожаловал, веле ему на том пустом месте ниже Вел. Перми за 88 верст по Каме реке по правую сторону Камы реки с Усть Лысвы речки, а по левую сторону Камы реки против Пызковские Курьи вниз по обе стороны по Каме до Чусовые реки... городок поставити... и около б того городка ему по рекам и озерам и до вершина лес сечи, и пашни... распахивати, и дворы ставити, и людей ему в тот городок неписьменных и нетяглых позывати“*).

Предоставляя Г. Строганову право приглашения на свои земли свободных, или так называемых „нетяглых“ людей, царь в то же время принимает меры к тому, чтобы новые угодья Строгановых не стали убежищем для беглого крестьянства с вотчинных и боярских земель, а также для опального боярства,

*) В. Шишонко, Пермская летопись, П., 1884, период I, с. 51-52.

детей боярских и т. п. Грамота дает четкие указания по этому вопросу: „А из Перми, из иных городов нашего государства Григорью тяглых людей и письменных к себе не вызывати и не примати, а воров ему и боярских людей беглых, с животом, и татей и разбойников не принимати-ж: а приедет кто к Григорию из иных городов нашего государства или из волостей, тяглые люди с женами и детьми и станут о тех тяглах людях бить челом прислати наместники, или волостели или выборные головы, и Григорью тех людей тяглых с женами и детьми от себя отсылати опять в те же города, из которого городка о которых людях отпишут именно, а у себя ему тех людей и не держати и не принимати их“*).

Предоставляя Г. Строганову участки земли, царь освобождал его от платежа налогов. По этому вопросу грамота гласит: „Льготы есмы дал ему на 20 лет от благовещеньева дни лета 7066 (1558) до благовещеньева дни лета 7086 (1578) и кто к нему людей в город или на посад, а около города на пашни и на деревни и на пашни придут жити неписменных и нетяглых людей, и Григорию с тех людей, в те льготные 20 лет, не надобе моя царева и в. к. дань, ни ямские, ни ямчужные деньги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни иные некоторые подати, ни оброк с соли и с рыбных ловель, в тех местах“**).

Строганов был освобожден от торговых пошлин. Соответствующий пункт грамоты гласит: „которые люди кто придет в тот город нашего государства, или иных земель люди, с денгами или с товаром, соли или рыбы купити, или иного товару и тем людям вольно туто товары свои подавати и у них покупати безо всяких пошлин“***).

Естественно, что эти люди способствовали развитию торговли и накоплению капиталов в руках Строгановых.

Помимо прочих льгот Строгановым предоставлялось и право суда над крестьянами. Царская грамота по этому вопросу гласит: „и кто у него учнет в том его городке людей жити пашенных и непашенных и нашим пермским наместникам и их тиунам Григорья Строганова и что его городка людей и деревенских, не судити ни в чем и правежникам и доводчикам и их людем к Григорью Строганову и к его городка и к деревенским людем не въезжати нипочто, а напоруку их не дают и не всылают к ним нипочто, а ведает и судит Григорий своих слобожан сам во всем“****).

Захватив в 1564 г. под видом пустующих земель громадные территории, издавна принадлежавшие местному коми-пермяцкому населению, Строгановы однако не удовлетворились этим. Яков Строганов обращается к царю с новой челобитной о пре-

---

*) В. Шишонко, Пермская летопись, П., 1884, период 1, стр. 52.
**) Там же, с. 52.
***) Там же, с. 52.
****) Там же, с. 52.

доставлении ему земли, расположенной по Каме вниз от Чусовой, которая в действительности находилась в пользовании у местного коми-пермяцкого населения. И снова Строгановы указывали, что земли эти пустуют: „от Чусовые реки вниз по реке по Каме до Лосьвинского бору, по обе стороны Камы реки, острова и поволоки, места пустые, леса черные и речки и озера дикие, а всего де того пустого места на 20 верст".

25 марта 1568 г. последовала царская грамота, которая предоставила Строганову просимые земли: „от Чусовые реки по обе стороны Камы реки вниз на 20 верст до Лосьвинского бору, по речкам и по озерам и до вершин лес сечи и пашни пахати, и пашни расчищати... и людей непашенных и нетяглых вызывати, а в нашей бы казне убытка не было"*). По вычислению Вологова, Яков Строганов захватил по этой грамоте 4129217 дес. 1654½ кв. сажени земли.

В 1597 г. Никита Строганов, обратившись с соответствующей челобитной, получил по жалованной грамоте новые земельные участки: „По Каме реке полтретя ста верст от Ласвы речки вниз по Каме по правой стороне до речки до Ошапу и в той меже в Каму реку по обе стороны речки впали Сюзва до Нытвы, да Юг, да Очер, да Ошап, и по Каме реке от Ласвы речки вниз по Ошапу по обе стороны и иные малые речки дикия... берега пустыя и леса дикия и селища Чуцкия заросли и истоки и озера и островки и паволочки", в которых ему предлагается „пашенных людей вызывать и дворы ставить и пашни в тех местах распахивать и пашни разчищать"**). Таким образом Строгановы получили в течение XVI и XVII вв. огромные земельные территории в Соликамском и Чердынском уездах, фактически заселенных коми пермяцкими племенами.

Остановимся на разборе нескольких грамот, характеризующих те методы и приемы, посредством которых Строгановы захватывали коми-пермяцкие земли, под видом пустующих.

В 1645 г. (7153) по распоряжению подъячего соликамской съезжей избы Антипка Вахутина по рекам Обве, Инве и Косьве были отведены земли крестьячам Обвинской осохи. С протестом по этому поводу выступил Данило Строганов, представивший документы—писцевые книги Кайсарова, по которым эти земли считались принадлежащими к вотчинам Данила Строганова ***). В своей челобитной жалобе последний и заявил: „в 153 г. (1645) Соликамской съезжей избы подъячий Антипка Вахутин отвел его деревни и почины и пустоши по Обве и по Инве и по Косве Обвинской сохи крестьянам, деревни и почины и займищи со всякими угодьи, которые отвел подъячий Антипка Вахутин от него воровски, в писцовых книгах за Обвенскими и за Инвен-

*) В. Шишонко, Пермская летопись, П., 1884, период I, стр. 58.
**) Там же, с. 121.
***) Там же, период III, с. 23—24.

скими и за Косвенскими крестьянами не записаны, а написаны те деревни за его предками, владельцами коих теперь и является Данило Строганов". Челобитчик от имени Обвинской сохи, крестьянин „Мишка Игумнов на очной ставе сказал на Инве реке про деревню Килтову и про иные многие деревни, а имян их не упомнит, что Строгановы завладели насильством, а приписаны были те деревни к Чердыни"*).

Эти земли вероятно были прихвачены Строгановыми во время переписи их имений Кайсаровым. Это подтверждается и указанием самой царской грамоты, на основании данных соликамской съезжей избы: „по новому письму Михаила Кайсарова тем пустым землям и угодьям учинена межа выше старыя межи", под благовидным предлогом, что „в той их меже поставили дворы наши государевы крестьяне Казанского у., Осанские Никольские слободы"**). Стало быть без санкции правительства Кайсаров, в интересах Строгановых, провел новые межи их владений, присоединив к ним новые территории, ранее принадлежавшие населению Чердынского уезда.

Указание грамоты, что во время переписи Кайсаровым строгановских имений была проведена в Обвинском, Инвенском и Косьвинском районах новая межа, которая прошла выше старых меж (по переписи Ивана Яхонтова), вполне объясняет и распоряжение подъячего соликамской съезжей избы Антипки Вахутина, который считал эти земли принадлежащими Чердынскому уезду, а не Строгановым, иначе подъячий едва ли решился бы захватить земли этого всесильного в крае Строганова.

Мы не обладаем всеми необходимыми историческими документами для того, чтобы полностью восстановить картину борьбы колонизаторов и в частности Строгановых с местным коми-пермяцким населением за овладение природными богатствами. Однако на основании тех немногих документов, которые у нас имеются, мы попытаемся осветить эту борьбу, хотя бы в общих чертах.

Например, царская грамота, последовавшая по жалобе татар и остяков на имя Чердынского воеводы В. Ф. Бутурлина, указывает, что жалобщики „платили ясаку в нашу казну пермским ясашным по 4 сорока (160) куниц, да блаженныя ж памяти при государе царе и в. к. Федоре Ивановиче вр. платили они ясаку в нашу казну, на Чусовую кн. П. Горчакову да Федору Хлопову по 5 сороков (200) куниц, а при царе Борисе отписаны не были они ясаком к Верхотурью, а на Верхотурье де при царе Борисе и после царя Бориса в Пермь (т. е. Чердынь) платят де они ясаку на всякой год по 11 сорок (440) куниц, не по их силе и не по изможенью, с великою нуждою"***).

---

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 23—24.

**) В. Шишонко, Пермская летопись, период V, с. 601.

***) А. А. Э., т. III, В. Шишонко, Пермская летопись, период II, с. 108-109.

Из этой части грамоты мы видим, что сылвинские и иренские татары и остяки, жившие в Чердынском у., платили ясак, т. е. считались государственными крестьянами. Ясак этот достигал довольно крупных размеров. Так, при царе Борисе они обязаны были давать 440 куниц, затем мы видим уменьшение ясака вдвое, т. е. до 200 куниц в год, а в 1620 г. они платили ясаку 160 куниц в год.

Эти злоупотребления были настолько велики, что само правительство оказалось вынужденным выступить в защиту челобитчиков от незаконных захватов, которые обессиливали население экономически, в результате чего государство лишалось налогоплательщиков. Царская грамота по этому поводу предписывает воеводе: „их же де ясашных татар и остяков Ондреева и Петрова приказщики и жилцы Строгановых,... своим великим насилством со старых их искони вечных вотчин, с Юрмана и с Носадки, согнали и деревни де свои и жилцов на тех их вотчинах устроили медвенные их уходеи и бобровые гона и звериныя и рыбныя ловли с чего де они нам ясак платили, все поотнимали; да на них же де татарской старинной вотчине, на речке Серге, поставили деревню и пашни распахивали Усолца Русин да Федор Елисеева с братьею, и им нигде не стало ни выезду, ни выходу; да у них же де со 125 г. (1617 г.) мед не родится и пчелы медвяные померли и они де помирают голодною смертью... и от Строгановых великой изгоны и обиды они в конец погибли, и обнищали и обдолжали великими долги"*).

Последовавшая 15 марта 1621 г. царская грамота на имя Чердынского воеводы предписывает произвести строгое расследование. Вот что говорит грамота: „Если та земля Юрман и Носадка и на речке на Серге их татарская старинная вотчинная земля Прямых, а не Строгановых и не Русина Елисеева с братьею, а Ондрей да Петр Строгановы да Русин да Федор Елисеевы с братьею тою их старинною вотчиною землею будет завладели и жилцов насажали и пашню распахали насилством, и вы б, по сыску, с тое их татарския старинныя вотчинныя земли Ондреевых и Петровых, и Русина и Федора Елисеевых с братьею, и их приказщиков и жилцов, которые на той их татарской земле поселилися и завладели насилством, велели сбити долой, а велели им татарам тою своею землею и угодьи владети попрежнему, а вперед в ту их татарскую вотчинную землю... никому насилством вступатися и владети не давали"**).

Грамота заканчивается указанием на необходимость защищать и беречь „силвинских и иренских татар и остяков от тутошных и от океанских и от проезжих ото всяких людей и от обид и от насилства берегли, и на кого вам они учнут в обиде и в насилстве бити челом и вы б им на тех людей давали уп-

*) А. А. Э., т. III, В. Шишонко. Там же, с. 109.
**) А. А. Э., т. III. В. Шишонко. Там же, с. 109.

раву вправду, без волокитно, и сыскивали бы есте про то всякие сыски накрепко, не норовя в том никому, по нашему крестному целованью, вправду, чтоб вперед о том спору и челобитья ни с которою сторону не было"*).

Строгановы и здесь вышли „сухими из воды". К уголовной ответственности за злоупотребления были привлечены лишь слуги. Вполне возможно, что и царское предписание о „сбитии Строгановских деревень с этих мест" было так же забыто, как были забыты и другие массовые преступления, по поводу которых били челом на Строгановых коренные жители Камского бассейна.

Строгановы выходили победителями не только при столкновениях с забитым неимущим крестьянством, но и при земельных спорах с зажиточной частью крестьянства.

Когда в 1696 г. приехал князь Тюфякин специально для проведения генеральной межи между владениями соликамских государственных крестьян и владениями Строгановых, он отвел Строгановым новые лишние земли. В год производства межевания соликамские зажиточные крестьяне обратились к царю с челобитною, в которой указали на неправильность межевания, на произвол князя Тюфякина, поддерживавшего Строгановых в их захватнических стремлениях.

Однако эта челобитная, очевидно, не привела к положительным результатам. Такое предположение можно сделать на основании данных Соликамской летописи от 1696 г. Вот о чем говорит эта летопись: „Генваря 11 дня по несправедливой отписке воеводы Хныкова якобы за ослушание к государеву указу при межевании земель князем Тюфякиным взяты под караул и сосланы в Москву лутчие люди: Иван Суровцов, земский староста Никола Сапожников, Иван Ксенофонтов, Яков Самойлов, Титов с сыном и племянником, Федор и Филипп Холмогоровы, Иван Петров, Степан Морушов, Филимон Сапожников, Борис Холкин, Иван Харитонов, Никифор Конохманов, Иван Свалов, Иван Турунтаев, Герасим Фомин и Данило Шестаков. Наказание им чинимо было в Семеновском приказе, где все, кроме Суровцева, пытаны и 15 человек из них сосланы в ссылку в Азов"**).

Из этой летописной заметки мы видим, что против злоупотребления князя Тюфякина высказали недовольство „лучшие" люди, в том числе земский староста Н. Сапожников. Все протестовавшие были наказаны за то, что дерзнули высказать свое мнение о неправильном межевании земли.

Как местная администрация, так и чиновники, приезжавшие для производства суда и межевания земель, больше всего старались угодить Строгановым. Ярким примером этого является ссылка „лучших" крестьян (зажиточных) в Азов за то, что они

---

*) А. А. Э., т. III, В. Шишонко. Там же, с. 109.

**) „Известия Архангельского общества изучения русского севера" № 14, с. 129—130.

выступили с протестом против неправильно произведенного межевания.

* *
*

Будучи заинтересовано в заселении края, в развитии торговли и промыслов, Московское государство естественно стремилось и к созданию городов, которые были бы не только центрами торговли и промышленности в крае, но административными и военно стратегическими пунктами для лучшего управления местным населением и сохранения завоеванных территорий за Московским государством.

Предоставляя земли тем или иным промышленникам, правительство требовало, чтобы они заботились о постройке городов, церквей, мостов, об устройстве дорог и т. д.

Иван Грозный, предоставляя Григорию Строганову земли на Каме против Пызновские Курьи, указывает: „на черных лесах городок поставить, где бы было место крепко и осторожново, и на городе пушечки и пищали учинить и пушкарей и пищальников устроить собою для береженья от нагайских людей и от иных орд...“*).

Строгановы как крупнейшие колонизаторы Камского бассейна сыграли выдающуюся роль в деле строительства городов. Ими был построен в 1564 г. городок Орел **), который сохранился до настоящих дней как крупный промышленный центр Камского бассейна; в 1556 г. Аникием Строгановым был построен городок Канкор или Камкор при речке Пыскорке, на берегу реки Камы ***). Кроме этих двух крупных городов возникли многие другие (например Яренск, Пустоозерск, Устьсысольск) как в Чердынском так и в Соликамском уездах, а также много крупных погостов, деревень, мельниц и т. д

Колонизация Сольвычегодска, по словам А. Соснина, впервые осуществлялась „народом вольнопришедшим, большей частью из В. Новгорода и из других российских городов и сел, а частью польскою Литвою. Города сии издревле состояли во владении новгородцев в Пермской пятине или провинции и занимали обширный уезд, простирающийся до пределов к востоку Чердынских и Сибирских, к югу—Вятских, к западу—Устюгских и Холмогорских и к северу до Удорских, со включением Лосьевского посада, общество коего принадлежало к Сольвычегодскому гражданству“.

Жители Сольвычегодска „вели значительную торговлю с Новгородцами, Холмогорами, Чердынцами... Удорцами, Самоедами... Зырянами или Пермяками и прочими пушными товарами, кожами разных зверей и юфтью... А на существовавшую в Соль-

---

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период I, с. 48.
**) Там же, с. 50—51.
***) Там же, с. 48—55.

вычегодске славную ярмарку, называемую Пермскою, Соболиною, съезжались для продажи и покупки нужных товаров и прочего российские купцы, а по тогдашнему именованию гости и посадские, Москвичи, Новгородцы, Холмогорцы, Чердынцы и других городов, а также азиатцы, татары и другие окрестные народы"*)

Что касается возникновения города Яренска, то оно относится ко второй половине XVI в. Так, в 1608 г., согласно писцовой книге Вас. Ларионова и Андрея Горохова Яренский у. имел 5 волостей: Устьвымская, Сысольская, Плесовская и Удорская. Следовательно, возникновение Яренского у., т. е. превращение волостного центра Устюгского у. в уездный центр относится к концу XVI в. или к самому началу XVII в. По мере колонизации края, развития торговли и т. д. Яренский у. расширяется до 8 вол. в 1646 г., а к 1767 г. уже до 32 волостей.

Пустоозерск как главный центр Печорского края был создан в XV в. После завоевания его Московским государством в 1485 г. он приобрел значение опорного пункта государства, оберегавшего берега Печоры как от нападения, так и от проникновения иностранных торговых судов (через Печору в Чердынский у. и в Сибирь). В то же время он был и крупным торговым центром Севера по торговле пушниной. Торговлю вели русские купцы, главным образом новгородские, устюжские, чердынские и т. д., как с коми, так и с ненцами. Также была организована и таможня для сбора таможенных пошлин.

Итак, колонизация вызвала рост городов, крупных торговопромышленных пунктов колонизируемых районов.

Военно-феодальная колонизация края создала условия для первоначального накопления капиталов в руках пришлых колонизаторов — представителей московского и новгородского купеческо-ростовщического капитала.

Церковно-монастырская колонизация Вычегодско-Камского края в XIV—XVII веках.

Церковь была союзницей Московского государства в его завоевательной политике. Церковь воспитывала народы колоний в духе покорности новой власти. Она не только проникала вместе с гражданскими колонизаторами в отдаленные колонии, но часто выступала пионером в этой колонизации, прокладывая дорогу московскому торговому капиталу.

Учитывая огромное значение церкви в деле поднятия авторитета и укрепления власти Московского государства в колониях, правительство жаловало духовенство крупными земельными участками, речками, озерами, освобождало монастырские хозяйства от налогов, пошлин, наконец, и от суда своих же наместни-

---

*) В. Шишонко. Пермская летопись, период III, с. 51—52, краткая выписка из истории г. Сольвычегодска, сочин. Алексеевым, Сосниным в 1789 г.

ков и тиунов. Так, например, Богословский монастырь, основанный после крещения коми-пермяков Чердынского у. епископом Ионой (1463 г.) и являвшийся первым оплотом православия в Чердынско-Соликамском крае, получил в 1580 г. царскую грамоту, которая указывала: „Пермским наместникам... судити их не велели, и доводчиком и проветчиком у них кормов и подвод не имети и не въезжати к ним ни по что, опричь душегубства, тяжбы с поличным"*).

3 июля 1453 г. Троицко-сергиевский монастырь получил от Московского великого князя Василия Васильевича жалованную грамоту об освобождении от дани и пошлин монастырских „соляных варниц" в Галицком у., о неподсудности монастырских людей и солеваров усальскими волостителями и о невзимании с них пошлин за продажную соль. Грамота указывает: „пожаловал если игумена Мартемьяна с братьею Сергиева монастыря, или что по них иной игумен будет: что у них в Галиче две варницы да третья варница Семеновская Морозова... с тех варниц не надобе им никоторая моя дань и тяжба, ни пошлина, ни плошка, ни иная ни которая пошлина"**).

Освободив от налогов промышленные предприятия Сергиева монастыря в Галиче, грамота освобождает и монастырских людей от дани и налогов и при том не только тех людей, которые уже работали на монастырской земле, но и тех, которые будут работать на купленных монастырем землях: „Да и на те пустоши, людей окупив посадят,—говорит грамота,—и тем людем не надобе моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подводы, ни тампа, восминача, ни сыт, ни косни, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни иная никоторая пошлина не надобе"***).

По случаю возникновения судебного дела между государственными крестьянами Усольской вол. и монастырскими крестьянами учреждался суд в составе представителя местного волостителя и архимандрита или игумена монастыря. Как указывает грамота: „Смешается суд сместной их монастырским людем с волостными людьми и волостители мои Усольские и их тиуны судят, а игуменов заказщик с ними судит: а прав ли будет, виноват ли, монастырский человек, и он в правде и в вине монастырскому заказщику, а волостители мои не вступаются, ни в правого, ни в виноватого, в них человека, а волостной человек, прав ли будет, виноват ли, и он вправде и в вине волостителю, заказщик монастырской не вступается в волостного человека"****).

Государство было заинтересовано в развитии церковно-монастырской колонизации не только потому, что она укрепляла

*) Акты Исторические, т. I.
**) Акты Археографической Экспедиции, т. I, № 52, с. 39.
***) Там же.
****) Там же.

царскую власть в колониях, но также и потому, что она способствовала ассимиляции местного коми-пермяцкого населения.

Все первые монастыри, начиная с XIV—XVII вв., представляли собою феодально-вотчинные организации: они производили суд и расправу над своими крестьянами.

Говоря о монастырской колонизации, надо заметить, что основные причины этой колонизации объясняются многими исследователями совершенно неудовлетворительно.

Трапезников в своей работе „Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения“ (XV—XVII в в.) говорит: „Бросая общий взгляд на все эти рассеянные по губернии монастыри, нетрудно подметить, что основанием своим они обязаны монахам-идеалистам, искавшим в диких пермских лесах подвигов пустынного жития или просвещения инородцев. Естественно, что такие люди с их пылким религиозным фанатизмом должны были обладать большим влиянием на приходящее с ними в соприкосновение население, и это влияние становилось еще сильнее под обаянием их нравственной личности“*).

Приблизительно такое же объяснение причин монастырской колонизации дает историк С. Ф. Платонов, который в своей работе „Прошлое русского Севера“ замечает: „Высокий ценитель монашеских подвигов в древней Руси, митрополит Макарий, давая общую историю монастырей в средней и северной полосе России, не закрывает глаза на то, что рассеяние иночествующей братии по дебрям Севера далеко не всегда имело своим началом ревность по вере и желание духовного подвига. Бродячество иноков,—говорит Платонов,—рождалось в общей наклонности населения к передвижению, в общем стихийном порыве, влекшем народные массы к освоению новых и новых пространств. Таков был дух века, и иночество подчинялось ему наравне со всеми“**).

Оба эти объяснения совершенно неудовлетворительны. Особенно неправильным нам кажется взгляд С. Ф. Платонова, который пытается объяснить основание монастырей, монастырскую колонизацию с точки зрения „общей наклонности населения к передвижению“.

Что представляла собою монастырская колонизация, и какие задачи лежали перед нею в отдаленных колониях? Монастырская колонизация—это один из путей завоевательной политики московских великих князей. Создание Московского государства и в частности его отдаленных новгородских колоний было делом не только светской власти, но и богатой церкви, которая шла впереди московских войск и подготовляла условия для захвата колоний войсками московского великого князя. Это ярко

---

*) Трапезников, Монастыри и монастырские вотчины, с. 207, „Известия Архангельского общества изучения русского Севера“ № 15., 1911 г.

**) С. Ф. Платонов, Прошлое русского Севера, изд. „Время“, 1923 г., с. 36.

подтверждается деятельностью Степана Пермского и епископа Ионы в Чердынском у. Эти духовные колонизаторы являлись агентами Московского государства, активно проводившими завоевательную политику государства.

Пустоши и небольшие монастыри, в изобилии возникавшие на Севере в течение XVI—XVII вв., представляли собою небольшие ячейки крупных монастырей, причину создания которых нужно искать, конечно, не в бродячей натуре монашествующей братии. Мы знаем, что вначале все монастыри возникали в виде небольших пустынек с крошечным земельным наделом. Благодаря приношениям крестьянства и с помощью царской власти они разрастались в крупные торгово-промышленные и финансовые центры, обладавшие миллионными капиталами. „Дух времени“ в деле создания мелких монастырей состоял в том, чтобы создать возможно большее число монастырей, как религиозных центров, помогавших эксплоатировать население.

В XIII—XIV вв. церковь уже владела крупнейшими с.-х. и торгово-промышленными предприятиями. Проникая на территорию Коми-пермяцкого края, „святые отцы“ не столько преследовали цели распространения христианства, сколько стремились обзавестись землицей и крестьянами, чтобы иметь возможность благоденствовать за счет эксплоатации чужого труда. Завладевая землями и крестьянами, как путем насилия и захватов, так и в результате дарений от государства и богатых лиц, „святые отцы“ занимались грешным мирским делом. Они вели крупную торговлю солью, рыбой, хлебом, хмелем, медом, воском и др. товарами, имели хорошо налаженное хозяйство, снабжали деньгами не только богатых людей, но часто и правительство, которое в трудные минуты обращалось к ним за помощью.

Развитие монастырской колонизации и рост экономической мощи монастырей противоречили интересам представителей торгово-ростовщического капитала тем более, что монастыри были освобождены в XV—XVI вв. от дани и пошлин, тогда как купечество от налогов не освобождалось, и таким образом бремя налогов и повинностей фактически перекладывалось с монастырей на купечество.

Так как тем самым для купечества создавались невыгодные условия конкуренции и затруднялось развитие его предпринимательской деятельности, то купечество усиленно добивалось отмены привилегий монастырей.

В конце XVI в. государство в интересах представителей торгово-ростовщического капитала—купечества и дворянства—начало сокращать эти привилегии, отменяя свои предшествующие грамоты. 26 февраля 1589 г. последовала царская грамота в Сольвычегодск об обложении оброком по сошному письму земель, дворов и амбаров Коряжемского монастыря. „А наши данные и оброчные деньги,—говорит грамота,—и всякие подати на те их поляны наложил по сошному письму опричь посадских

людей, смотря по дворам и по людем и по промыслом и по животам как нашу мочно наши доходы платити, и как бы в нашей казне было прибыльнее" *).

Многие историки считают, что строительство церквей и монастырей производилось исключительно на средства богатых предпринимателей, например, Строгановых, Дедимовых и т. д. Фактически дело обстояло иначе. Действительными строителями мы считаем местное население, которое принудительно втягивалось в эту работу и несло все экономические тяготы, связанные с этим строительством. В подтверждение нашей точки зрения сошлемся на один документ 1664 г., адресованный на имя князя И. М. Коркодинова на Вагу. В этом документе царь Алексей Михайлович предписывал своему стольнику построить в Шенкурской вол. церковь за счет местного населения, несмотря на отказ местных крестьян от этого строительства. В ответ на сообщение местной администрации в Москву о том, что „ныне де Родвинского и Лецкого станов всех волостей крестьяне тех церквей с ними по прежнему строить своим самовольством не хотят, и в церковной де казне будто денег в сборе нет, и им де одним Шенкурского стану тех соборных церквей строить нечем", последовала в 1664 г. царская грамота, которая предписывала „те соборные церкви строить всего Шенкурскою четвертью крестьян".

Богатые люди, купцы, промышленники были инициаторами строительства монастырей и церквей, но тяжесть этого строительства, как мы уже говорили, ложилась исключительно на местное крестьянское население.

* * *

Начало монастырской колонизации в Чердынско-Соликамском крае относится ко второй половине XV в. По этому вопросу в русской летописи имеются сведения, что „епископ Иона крести В. Пермь и князя их и церкви постави, игумена и попа"**).

Первым монастырем в крае был Иоанно-богословский монастырь, заложенный после 1463 г. По царской грамоте 1560 г. он получил участки земли „пашни и перелогу 32 чети, да лесу пашенного 37 дес., да сена 500 копен" ***).

Вторым наиболее видным монастырем в крае во второй половине XVI в. был организованный при участии Строгановых Пыскорский монастырь, который в результате усиленной эксплоатации монастырского крестьянства, быстро разбогател, развив свои коммерческие обороты до колоссальных размеров, вываривая ежегодно до 6 млн. пудов соли.

---

*) А. А. Э. т. I, № 343, с. 416.
**) Полное собрание русских летописей, т. VIII, с. 150.
***) Там-же, т. VIII, с. 150.

Третьим крупным монастырем в Соликамском у. является Вознесенский монастырь, который по данным В. Шишонко возник приблизительно в 1589 г. В 1625 г. на имя Вознесенского монастыря была выдана царская грамота, которая освобождала его от ряда пошлин. Грамота указывала:

„Велено им купити на монастырский обиход монастырских всяких запасов на 350 руб., да всякого хлеба 950 четвертей безпошлинно однова году.

„С их монастырской вотчины наших никаких податей, и денежных поборов... из хлебных запасов и кормов с сошными людьми не давати, опричь ямских денег, и стрелецких хлебных запасов, и городового и острожного дела, а ямские им денги и стрелецкие хлебные запасы давать, и городовое и острожное дело делати, по писцовым и по дорожным книгам с живущего и с сошными людьми вместе".

Царь оберегает монастырь и от произвола государственных чиновников и от местной воеводской канцелярии и епископских слуг. Также грамота гласит: „Наши князи, и бояре и воеводи, а также приказные люди—ездоки у них, в обеих монастырях и в монастырских вотчинах, силою не ставится, и подвод и проводников и кормов своих и конских у них не емлют, а кому у них случится стать и он корм свой и конской купит по цене как им продадут" *).

Как и другие монастыри края, Соликамско-вознесенский монастырь был освобожден и от суда местных воевод: „Наши воеводы и дьяка и всякие приказные люди, из монастырских слуг и крестьян не судити ни в чем, опричь душегубства, и разбоя и тяжби с поличным... а ведают и судят Вознесенского монастыря людей и крестьян строитель с братьею... А случится суд в местной Вознесенского монастыря и Архангельского Дивья монастыря, людям и крестьянам с городовыми людьми, или с волостными, и воеводы наши, и дьяки и всякие приказные люди судят, а строитель с братиею или игуменья с сестрами или их приказщик с ними же судит" **).

Судебные разбирательства могли происходить три раза в году: „На Рождество Христово, да на Троицын день, да на Семен день летопроводца, а опричь тех наших указанных 3 сроков, на иные сроки их не судити и на поруки не давати" ***).

Жалуя монастыри и церкви угодьями и рыбными ловлями, государство требовало от них воспитания масс в верности и покорности Московскому государству. Точно так же поступали и отдельные капиталисты.

При создании крупного монастырского хозяйства широко практиковался захват чужих земель, в особенности крестьянских.

---

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период II, с. 284—285.
**) Там-же, с. 284.
***) Там-же, с. 284.

Имеется масса жалоб крестьянства на то, что монастыри насильно захватывают крестьянские земли и владеют ими как своею собственностью.

Соликамско-вознесенский монастырь захватил в 1640 г. татарские земли; чтобы сделать свой захват законным, он обратился к царю с просьбой о пожаловании его этими якобы пустующими землями: „пожаловати... пустую землю, по обе стороны речки Кунгура, с устья вверх по шести верст, а в гору от Кунгура, по обе стороны, по 5 верст да от Степанова городища, по Ирене, вниз по левой стороне, на 6 верст, а от Ирени в гору на 4 версты и с пашенными землями, и сенными покосы, и рыбною ловлею, и с лесами и со всякими угодьи, опричь татарских дельных бортей, дати на оброк“ *).

В связи с этой челобитной Соликамскому воеводе дано было распоряжение выяснить, не числятся ли „за кем те пустые земли и сенные покосы, и рыбные ловли, леса и всякие угодья на оброке, или кто ими владеют безоброчно, и кто владеет и буде, по списку об'яснится, что те пустые земли около Кунгура и Степанова городка и сенные покосы, и всякия угодья лежат в пусте и никто ими не владеет... И в писцовых книгах, ни за кем не записаны... и тех пустых земель и сенных покосов и рыбных ловель и всяких угодий... дать на оброк Вознесенского монастыря Кенатю старцу Кирилу с братиею“ **).

Производивший расследование соликамец Евстихейка Свалов выяснил, что от верховьев реки Кунгура вниз до реки Ирени и по обе стороны реки на 10 верст земля принадлежит татарам и записана за ними в писцовых книгах Кайсарова. Несмотря на это, земли эти были согласно указу царя отданы Вознесенскому монастырю. Оставшись недовольными этим решением, татары Карьевской вол. в 1643 г. подали челобитную, в которой указывали, что у них отняты „последние старинные на откупные Разгильдеевские вотчины по Ирене реке, вверх, по обе стороны и от глубокого оврагу и по речке Кунгуру, по обе стороны по 5 верст и Гаврило де Лодыгин тое вотчину, по сыску, отдал за долг отцу его (одного из челобитчиков Кобайко Енабаева) и отводную, память дал и они де с той вотчины, по вся места куничный ясак и во всякия службы платит безпереводно“. Далее, они указывают: „во 131 и во 132 годах были в Перми писцы М. Кайсаров с товарищи, и тое вотчину Ирень реку и Кунгур речку со всеми угодьи, по обе стороны, написали за ними и тое бы их вотчины, без сыску отдать не велеть“ ***).

Узнав о челобитной татар, Вознесенский монастырь вновь бил челом, что эти земли пустовали, ссылаясь на подтверждение

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период II, с. 436.
**) Там же, период II, с. 436.
***) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 59—65.

и Строгановых и Пыскорского монастыря: „Поэтому просим пожаловать этой землей монастырь на воск, на фемьян и братии на пропитание".

Царская грамота утвердила за монастырем татарскую землю, но предупредила, что игумену Сергию с братьею впредь „татарскими землями и никакими угодьи, сверх оброка владеть не велено".

В 1664 г. производившееся по этому вопросу дальнейшее дознание было закончено, причем выяснилось, что река Кунгур от устья и до верховья имеет не 10 верст, а 30 верст. Следовательно татары не имели права претендовать на излишние земли, и весь этот излишек был передан монастырю на оброк: „Сылвенским и Иренским и Карьевским татарам теми лишними землями... вступаться и никакого насильства чинить не давать... чтоб нам впредь от них челобитья не было" *).

Не вина татар, что расстояние от устья до верховья реки Кунгур было обозначено неправильно: 10 верст вместо 30 верст. Ошибка была допущена Кайсаровым, который, видимо, при переписи татарских земель указал приблизительное расстояние по своему усмотрению. Здесь важно то, что этими землями владели татары, что они ее обрабатывали. Последнее подтверждается хотя бы тем, что сам игумен Сергий просит вместе с пустыми землями пожаловать и пашенными землями, и сенными покосами. Наконец можно считать установленным, что татары платили за эти земли ясак.

Все же в интересах монастырской колонизации правительство решило дело в пользу монастыря, в ущерб интересам татар.

В ответ на это „справедливое" решение царя татары стали мстить монастырю: разрушать пашни, деревни, рыболовные промыслы и т. д.

Игумен Сергий жаловался на это царю; он писал: „Карьевские татары приезжают к ним на Усть Кунгура речки, на тое оброчную их монастырскую землю с луками и часовню хотят разорить, и с места их сбивают и божию милосердию, иконам поругаются и их монастырских половников бьют и увечат, хлеба пахать, и сена косить и рыбья ловить, и на хоромы лесу ронить не дают, и чинятся со всем сильны, и они того де татарского насильства, и от обид, они их половники в конец погибли" **).

Большинство земельных споров с крестьянством решалось правительством пристрастно в пользу монастырей. Пользуясь этими поблажками, монастыри совершали всякие беззакония. В 1650 г. посадские люди гор. Соликамска били челом царю о том, что Пыскорский монастырь завладел их природными землями. В своей челобитной они пишут: „Пыскорского мона-

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 59—65
**) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 64

стыря архимандрит Ермоген с братьею, на Каме реке, от Березова острова вниз и по реке по Лысве и до вершины сенными покосами и пашенными землями и лесами и рыбною ловлею завладели насильством" *).

Они тут же указывают и на захват ряда земель: „в прошлом де во 134 (1626 г.) отняли у них пашни и сенные покосы многие купленные и займища старые... отняв владеют из наших поморских и Пермских городов, схожих людей, подмогами и задолжили вотчинами их, кои называют своими". Крестьяне в своей челобитной указывают также и на то, что земли эти захваченные у них, заселяются половниками и что в монастырь идут и другие крестьяне по вкладам, что не допускается законами государства.

Кроме того монастырь позволял себе вытравливать крестьянский выгон монастырским скотом, как выражаются челобитчики: „Животный выгон Пыскорского монастыря скотом своим вытравливают и всякие налоги мирским людем чинять"**).

Крестьяне жалуются также на то, что монастырь завладел и рыбными ловлями, и мельницами, не платя никаких налогов: „у Соли, на посаде, двор й около города пашенные земли и сенные покосы, да в двух мельницах на половине да на Лысьве речке мельница двое колесная на их Усольской тяглой реке и теми ди мельницами тяглые пожни Усольцев посадских людей потопиле и рыбной промысел отняли, да они же поставили на тяглых реках две мельницы большие о четырех колесах, и теми мельницами, а оброку с тех мельниц не платят" ***). Правда и в этом случае была на стороне крестьян. Но конечно дело было решено в пользу всесильного монастыря. Захваченные монастырем у усольцев громадные пашни, которые в общей сложности давали не менее 5790 копен (считая в среднем в каждой копне 10 пудов, это составляло 57790 пуд. сена), велено было „отвесть и отказать по межам и по урочищам по выписи М. Кайсарова с товарищи и по крепостям, которые отданы Усольскому челобитчику Мишке Игумнову за приписью дьяка нашего Ивана Петракиева со всеми угодьи впрям, чтобы о том у Усольцов посадских людей и у Пыскорских старцев ссор и впредь о том к нам челобитья не было; а у отказу и у отводу велел бы сторонним людям и уездным попам и дьякам и крестьянам и Пыскорского монастырю келарю и старцем и теми пашнями и угодьями, которыя по нынешнему указу, отойдут от Пыскорского монастыря впредь Пыскорскому монастыря архимандриту или игумену или строителю владеть и вступаться не велеть, а велеть им владеть своими землями и угодьи" ****).

---

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 170.
**) Там же, стр. 170
***) Там же, с. 170.
****) В. Шишонко. Пермская летопись, период III, с. 170—180.

Грамота поручила местной комиссии провести межу между владениями монастыря и крестьян. Эта комиссия несомненно поддержала интересы монастыря.

Священник Словцов, который специально занимался изучением истории этого монастыря, указывает, что пыскорские архимандриты выигрывали обычно все сомнительные тяжбы: „Так отказано было в 1660 г. Усольцу Андрошке Простокамину с детьми; так не приказано вступаться в спорный побоищный луг государевым Зырянским солепромышленникам и обид и теснот монастырю иметь не велено. Так отказано Кунгурцам от деревень Яншевитовки и Бродовой (на Сылве) и от 2-х мельниц на речке Мечке. Так запрещено Кунгурского Степанова городища земскому судейке Василию Чернову и всем крестьянам вступаться в границы Пыскорских владений. Так повелено Соликамской старостам Ивашке Сустину и Степашке Холкину с товарищи никогда не вмешиваться в земли монастырские на Лысьве. Так отказано, запрещено и не приказано и многим другим претендентам с подтверждением впредь не беспокоить царское величество челобитьями“ *).

Захватывая чужие земли, рыболовные участки, звериные гоны, привлекая к себе всякими льготами половников и другие категории крестьянства, монастырь становился крупным собственником, который вел торговлю всевозможными предметами своего производства: хлебом, медом, рыбой, солью и т. д. Благодаря усиленной эксплоатации монастырского крестьянства, а также половников, исполу обрабатывавших монастырские земли, монастыри накапливали громадные капиталы и превращались в крупных финансистов. Так, Вознесенский монастырь во второй половине XVII в. широко практиковал ссудно-ростовщические операции, „зарабатывая на процентах большие суммы денег. Правление настоятеля Вознесенского монастыря игумена Евфимия „замечательно тем,—говорит В. Шишонко,—что в его время Соликамский монастырь имел уже порядочный денежный запас, которым настоятель и располагал по своему усмотрению. Лишние деньги он отдавал нуждающимся для разных оборотов, взимал за это конечно или проценты или другие какие-либо приношения, не лишние для монастыря. Например, в 1681 г. Ермил отдал Соликамскому посадскому человеку Д. А. Коршунову 200 руб. Московских денег на право пользования его пашнею“**).

Так „с божией помощью“ росли и ширились монастыри...

Монастырская колонизация в Вычегодском крае началась со второй половины XIV в. в эпоху Степана Пермского.

Основанный Степаном во второй половине XIV в. около Устькулома монастырь прекратил существование после смерти его основателя.

---

*) Трапезников, Монастыри и монастырские вотчины, с. 208—209. „Известия Архангельского общества изучения русского Севера“ № 15, 1911 г.

**) В. Шишонко. Пермская летопись, период IV с. 80.

Насильственная христианизация местного населения, действия вооруженных сил против противников православия, видимо, резко оттолкнули местное население,—оно бежало от монастыря и его монахов, как от чумы. Так что монастырь в течение всего этого времени—до второй половины XVII в.—не мог возобновить своей миссионерской работы. Это значит, что за прекращением деятельности указанного монастыря в крае не велось никакой религиозной работы. В течение XV—XVII вв. происходило широкое строительство церквей. Сольвычегодск, главная резиденция Аникея Строганова, в 1560 г. уже имел соборную церковь Благовещения с 9 приделами. Предание говорит, что под сводами этой огромной церкви Строгановы скрывали церковные и свои собственные драгоценности во время нашествия литовцев на Сольвычегодск. Говорят также, что эти подземные ходы „имели потайное сообщение с Введенским монастырем".

По инициативе Строгановых в 1680 г. был основан сольвычегодский Введенский монастырь, освященный в 1712 г. „Монастырь сей,—говорит Шишонко в своей работе,—отличается от прочих великолепною архитектурою коринфского ордена, мраморными украшениями и уважаемою от многих живописью. Иконостас резан московским мастером Григорием Ивановым, а иконы все писаны в 1693 году с самых лучших итальянских картин русским, славным, того времени, живописцем Степаном Дементьевым Нарыковым, из дворовых людей, обучавшимся в чужих землях".

Кроме того в Сольвычегодске, по сведениям В. Шишонко, „существовал девичий монастырь, по штату самих Строгановых".

Сольвычегодск имел в это время уже довольно большое число церквей. По сведениям того же Шишонко, „в 1579 г. сгорело 10 церквей и 500 домов *), в 1636 г.—множество домов и несколько церквей, в 1638—250 домов, в 1655 г. 5 церквей и 320 домов, в 1718 г.—9 церквей и более 200 домов с лавками и амбарами, а в 1748 г.—2 церкви **).

Церковное строительство в Вычегодском крае шло в XVI—XVII вв. усиленным темпом. Об этом свидетельствует тот факт, что в Сольвычегодске например в первой половине XVII в. имелось уже свыше десятка церквей.

Надо сказать, что большинство попов было совершенно безграмотно. Шли они на эту работу не из идейных побуждений, а по экономическим причинам, рассматривая свою работу как средство извлечения доходов с местного населения. Поэтому содержание попа и всего церковного причта обходилось населению недешево. Попы брали за всякую мелочь: за крещение, вен-

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 335.

**) В „Географическом словаре" Щекотова, ч. 5-я, с. 1093, сказано: „в 187—1579 г. мая 25 у Соли был пожар. Строганов погорел и до 500 дворов и 10 церквей".

чание, причастие, за поминовение; в пасху, рождество и другие крупные праздники ходили по домам, собирая от населения яйца, масло, хлеб, сыр, рыбу.

Между тем в обширном Вычегодско-Сысольском крае отсутствовал крупный центр монастырской колонизации. Правительство заинтересовано было в создании такого центра. Идейным выполнителем заданий государства по данным „Истории российской иерархии" явился вдовствующий священник Федор Тюрнин (в иночестве Филарет), который обратился в Москву с ходатайством о предоставлении ему земли для вновь организуемого монастыря. В грамоте от 31 марта 1671 г. посланной Яренскому воеводе М. Мусорскому, царь Алексей Михайлович пишет: „бил челом вел. госуд. Яренского у. Спасские пустыни строитель... поп Филарет с братьею, в прошлом де в 175 г. (1667 г.) построили они церковь во имя нерукотворенного образа господа бога... и освятили, а та де пустыня от жилых мест далеко, и питаться им нечем, потому что никакие руги и вотчин у них нет, а есть де около той пустыни черной лес, по обе стороны, вверх Вычегды до Кожвы речки, а вниз по деревянному полю и по озеро деревянное до найденского истоку, и тем де местом никто не владеет"*).

Это ложь монашествующей братии вскрыли местные крестьяне, которым принадлежали просимые участки земли.

Но Тюрнин успел самовольно занять часть этих земель, успел создать и церковь „во имя нерукотворенного спаса". Захват был совершен, и необходимо было либо перенести построенную обитель на другое место, либо признать захват правильным.

Получив в 16 1 г. нужные ему земли, монастырь быстро пошел по пути создания крупного феодального хозяйства. Последующие земельные пожалования (рыболовных угодий, звериных гонов и др.) придали монастырю промысловый предпринимательский характер. Монастыри вели торговлю хлебом, рыбой, медом среди местного зырянского населения и др. народностей.

Мы видим, что монастыри преследовали не столько цели распространения христианского учения среди язычников, сколько цели экономического обогащения.

Игумены, как и воеводы XVII—XVIII вв., рассматривали назначение в тот или иной монастырь, в ту или иную епархию как средство извлечения материальных выгод. В XVII в. епископ Нектарий, получив назначение в Вологодскую епархию, тотчас же обратился к царю с просьбой о присоединении к его епархии Двины, Ваги и Каргополя; вот что он говорил: „мне, богомольцу твоему, с домовыми людишками прокормиться нечем, а на Вологде, государь, на посаде и во всем Вологодском у монастыри, села и волости и многие церкви пожжены, а достальные разорены до основания, а попы и дьяконы и разные цер-

*) „Доп. к актам истор"., т. XI, № 29, с. 171—173.

ковные причетчики посечены, а доходу, государь, взяти не с кого и дому строить и домовых всяких людей пожаловати нечем". А вот его хозяйство, этого бедного, с голоду умирающего епископа:

„Высеяно на Вологде ржи, в твоих государевых селах... 247 четей с осьминой и с полуосьминой и с четвериком с осьминным; а яровых, государь, семян высеяно овса 415 четей с осьминой, ячменя 22 чети с осьминой, пшеницы 8 четей с третинным осьминой, гороху 4 чети с третинным осьминой, конопель четь с полуосьминой и с четвериком осьминой. А дыни, государь, и тыквы, по твоей государевой грамоте, посадили на твоем государевом дворе. Да на Вологде, государь, на твоем государевом огороде овощей 24 гряды луку сеянцу, 13 гряд чесноку озимового, 4 гряды редьки, 14 гряд свеклы, а по сторонам у них сажено бобом, да 3 гряды свеклы же без бобу, да целые 2 гряды бобу, да 5 гряд луку саженцу, да капусты 140 гряд, да моркови 9 гряд, полторы гряду гороху" *). Эта грамота явно проникнута взглядом на монастыри, как на места кормления и экономического обогащения.

„Святые отцы", получая назначение в ту или иную епархию иногда оставались недовольны малым числом десятин своей епархии и в борьбе за увеличение числа десятин часто стремились прибрать к своим рукам и десятины чужих епархий, что особенно ярко мы видим на примере устьвымской „десятины", из-за которой разгорелась ожесточенная борьба между вологодскими епископами. Когда коломенский епископ Александр в 1658 г. получил назначение в новую Вятскую епархию, он включил в список десятин своей новой епархии часть десятины Вологодской епархии и в частности устьвымскую десятину с городом Яренском. Вологодский архиепископ Маркел, узнав о переходе устьвымской десятины в Вятскую епархию, принял все меры к тому, чтобы не допустить этого перехода. И действительно, когда вятский епископ Александр приехал в Вятку и вскоре получил перечисление всех десятин своей епархии, то устьвымской десятины в нем уже не значилось; между тем вятский епископ Александр в своей челобитной к царю Алексею Михайловичу о возвращении ему неправильно исключенной из списка десятины Вятской епархии устьвымской десятины с 51 церквами и 1 монастырем указывал, что он в своей челобитной перечислил „все десятины поименно для того, чтобы мне было почему их ведать, и всякие с них денежные сборы сбирать, и он, патриарх (Никон—В. П.), на моей челобитной велел подписать указ... и словесно мне говорил перед образом божиим, что если де мне и

---

*) Трапезников, Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVII вв.) 210, „Известия Архангельского общества изучения русского севера" № 15, 1911 г.

всей вятской и великопермской десятины мало будет, и к тем десятинам еще десятины хотел прибавить" **).

Челобитная вятского епископа была подтверждена „памятью", которая была послана из приказа Большого дворца в патриарший казенный приказ; в этой „памяти" указывалось: „Пермской же десятиной в Яренском городке, где опочивают первоначальные пермские епископы 50 церквей и того де пермскою десятиною и Яренским городком 50 церквей владеет Маркел, архиепископ вологодский и белоозерский и по государеву ...указу и патриаршему указу десятиною велено владеть Александру епископу вятскому и великопермскому по прежнему патриаршу указу и велеть о том послать на Вологду и на Вятку государевы грамоты" **). Из грамоты царя от 5 января 1659 г. мы видим, что, во-первых, царь и патриарх признавали право на устьвымскую десятину за Вятской епархией, и, во-вторых, что ни царский указ, ни указ патриарха о передаче устьвымской десятины Вятской епархии не был выполнен.

С образованием Вятской епархии и с передачей Соликамска, Чердыни, Кайгородска и др. из Вологодской епархии в Вятскую епархию остался недовольным и вологодский архиепископ Маркел; протестуя против захватнических намерений вятского епископа, он указывал царю, что до отобрания у него Соликамска, Чердыни и др. десятин собирал „церковные дани в Софийский дом на 227 руб. по 15 алтын и 1 денги на год, а в то место дано мне, богомольцу твоему... церковной дани разных десятинных сборов 185 руб. 18 алтын, 3 денги и против пермской десятины недошло мне, богомольцу твоему, по книгам церковной дани 41 руб. 30 алтын" и заканчивает свою челобитную просьбой не допустить, чтобы „до остатка во оскудении не быть и домовых бы людишек в мор не попустить".

Эта борьба за устьвымскую десятину служит ярким и наглядным примером того, как активно боролись еписковы за экономические интересы своей епархии.

Промысловая колонизация края.

Колонизация Вычегодско-Печорского края началась в эпоху новгородского господства. Первыми колонизаторами здесь несомненно были новгородцы. Они уже с XI—XII вв. вели торговлю на Печоре, на Каме и несомненно имели в этих колониях свои опорные пункты и своих администраторов.

Московское княжество со времени своего возвышения мало считалось с фактом господства Новгорода в этих местах.

---

*) Челобитная грамота царю Алексею Михайловичу от 25 декабря 1659 г „Вологодские губернские ведомости" № 8 1864 г.

**) Список с „памяти" из приказа Большого дворца в патриарший приказ от 5 января 1659 г., „Вологодские губернские ведомости" № 8, 1864 г.

Считая себя верховным сувереном над всеми землями новгородских колоний, пользуясь при этом поддержкой ростовско-суздальских князей, а также отдаленностью этих колоний от Новгорода, московское государство рано проникло в эти колонии, организуя там ловческие заимки для охоты, рыбной ловли и так далее.

Поощряя эксплоатацию рыболовства, звериного промысла и других богатств края, московское правительство освобождало колонизаторов от дани и повинностей. Мы имеем грамоту периода 1328—1340 гг. от московского великого князя Ивана Даниловича на имя печорских сокольников об освобождении их от даней и повинностей. Грамота гласит: „ненадобе им ни которая дань, ни ко старосте им не тянути, и что у них третники и наймити кто стражет на готовых конех, а в купах, и тем ненадобе ни которая дань, ни ко старосте им не тянути, ни биричь их не поторгывать" *). В это время Печорский край был заселен московскими колонизаторами, которые занимали отдаленные друг от друга „промысловые заимки", управлявшиеся соответствующей администрацией. Расходы по обслуживанию этих заимок несло местное печорское население в порядке повинностей. Вышеуказанная грамота освобождает этих сокольников и от этих повинностей, заявляя: „ненадобе ни корм, ни подводы, кто, через мою грамоту, что у них возьмет и яз князь казню, занеже ми люди те надобны". Тем, кто возьмет с сокольников корм или подводу, грамота угрожает казнью. Считая колонизацию Печорского края крайне желательной, московский великий князь передает промышленников под покровительство двинского воеводы Меркурия, предлагая последнему: „Ты Меркурей, по моей грамоте, блюди их, и в обиду их не выдавай никому" **).

Колонизация отдаленного Печорского края несомненно предполагает и колонизацию более близкого к Москве Вычегодско-Вымского края. О наличии колонизаторов в Вычегодском бассейне можно судить по выступлению вымского сотника Пама, который жаловался на притеснения московских тиунов, доводчиков и приставщиков. Это обстоятельство дает нам основание утверждать, что кадры колонизаторов составлялись из тиунов и других административных лиц, которые несомненно владели соответствующими вотчинами, занимались скупкой пушнины и рыбы. Но наиболее активными колонизаторами Вычегодско-Вымского края были устюжские купцы, проникая вглубь этих районов, устюжское купечество также занималось скупкой мехов и рыбы у местных охотников, у рыболовов.

Обилие в Вычегодско-Печорско-Камском крае полезных ископаемых: соли, меди, железа и т. д. открывало широкие возможности для развития местных промыслов.

---

*) А. А. Э., т. I, № 2, П. 1836 г., с. 1.
**) Там-же, № 3, с. 1.

Развитие промыслов в XVI—XVIII вв. в Вычегодско-Камском крае было чрезвычайно выгодно для государства, так как, оно смягчало острую нужду в железе и меди, тем самым ослабляя зависимость государства от заграницы, Вычегодский бассейн превращался в базу промыслового развития не только Севера, но и всей северо восточной России.

Сознавая важное значение развития промыслов на Севере, московское правительство в первую очередь заинтересовалось выяснением запасов ископаемых—меди, железа, серебра и т. д. Для этой цели организовывались специальные экспедиции. По данным русской летописи первая экспедиция такого рода была организована в 1492 г. (7000 г.). „Того же лета (1492 г.) октября в 20 день,—говорит летопись,—приидоша на Москву Ондрей Петров да Василий Иванов сын Болтина, что посылал князь вел. с ними немец Ивана да Виктора на Печору руду искати серебрянную, и они нашли руду серебрянную и медную в великого князя вотчине на реце на Цимле (Цильме), не доходя Космы реки за пол днища, а от Печоры реки за семь днищ, а вместо того, где пашни на десяти верстах, а от Москвы дотоле пол четыре (3500 верст), а нашли руду лета 99, августа 8 дня" *).

Отсутствие русских специалистов-знатоков добывающей промышленности заставило прибегнуть к приглашению таких специалистов из-за границы. Из только что приведенного документа видно, что в экспедиции 1492 г., производившей изыскательные работы для обнаружения серебряных руд, кроме русских участвовали и два немца, приглашенных государством специально для этой цели. Отсутствие специалистов служило серьезным препятствием к развитию рудного дела в XVI—XVII вв. Поэтому государство, а главным образом промышленники-колонизаторы, в первую очередь использовало тех иностранных специалистов (большею частью военнопленных), которые находились в это время в пределах Московского государства. Так, напр. Строгановы выкупили у государства ряд иностранных специалистов, отбывавших тюремное заключение, для использования их по специальности **).

Передавая колоссальные земельные участки отдельным предпринимателям, правительство поручило им тщательно обследовать эти территории для выяснения их природных богатств. Так, в царской жалованной грамоте от 2 января 1564 г., выданной на имя Григория Строганова на предмет построения городка Орла, указывается: „где будет найдут руду серебрянную, или медную, или оловянную, и Григорию тот час о тех рудах отписывать к нашим казначеям, а самому ему тех руд не делати, без нашего ведома" ***).

---

*) Полное собрание русских летописей, т. VIII, кн. 7. Продолжение летописи по Воскресенскому списку, П. 1859 г., с. 223.

**) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв.

***) „Доп. к актам историческим", т. I, № 117, с. 169.

Если в первой половине XVII в. наиболее важной промышленной базой государства был Вычегодский бассейн, то во второй половине—начинает выделяться Камский бассейн, более богатый рудными ископаемыми. В результате усиленной колонизации этого края русскими и иностранцами в начале XVIII в. там уже имеется ряд железоделательных и медеплавильных заводов.

Разработка медных залежей на Печоре была начата еще в 1667 г. 30 марта 1667 г. последовала царская грамота на имя пустозерского воеводы, которая и предписывала ему приступить к разработке залежей медной руды „с великим радением". Грамота указывает: „в Пустозерском уезде есть гора, а течет из середины той горы руда белая, подобно серебру или олову, и что вытечет, то само и садится, а из той же горы висит той же белой руды в двух местах, а чаять из той руды быти серебру или олову *), и на Цилме реке есть гора великая и в тех горах руда медная, и в прежних летах из той руды медь делали". Отсюда мы между прочим узнаем, что медь уже добывалась на Печоре в прошлом, но затем добыча по неизвестным причинам прекратилась.

После предварительных сообщений о местонахождении старых (заброшенных) рудных промыслов на Печоре грамота предписывает уполномоченному московского правительства Ивану Неелову: „приехав в Пустоозерский острог собрать тутошних жилецких всяких людей и самоядцев и их допросить, и вел. госуд. милостию обнадежить, лготою и жалованьем, и чтоб они, надеясь великого государя на милость и жалованье сказали, в которых местах те горы и с которой горы из средины руда белая течет, и на Цилме реке или в иных в которых местах руда медная есть, и в иных горах и местах всякой руды сыскивали с раденьем". „Да где такие горы и места скажут,—указывает ниже грамота,—и Ивану в те места послать знающих людей, которые те горные руды знают... велеть досмотреть и сметить, сколько тех мест, в которых такая руда будет и сколь далеко те места от Пустоозерского острогу, а досмотря те руды, велеть копать и сыскивать с великим раденьем, не оплошно".

К работам по добыче руды были привлечены крестьяне, жившие в районе Пустоозерска, а также кевральцы и мезенцы за определенное содержание. Рабочую силу было решено перебросить на Печору морским путем. Перебрасываемые рабочие получали определенное вознаграждение, причем грамота предупреждает местную администрацию, чтобы „работа в рудниках шла посменно, чтобы вреда от чрезмерной работы не было", но чтобы в то же время „над ними наблюдали, чтоб они работали с раденьем, чтоб в казне убытку не было".

*) После слов „серебру или олову" в подлиннике следуют зачеркнутые слова: „да есть гора великая, а в той горе слюда, и той де слюды и на верху той горы много".

Та же грамота указывает, что неподалеку от Пустоозерска имеются слюдовые горы. Поэтому она предлагает воеводе расспросить „тутошних жилецких всяких людей и самоядцев и обнадежить их лготою и жалованьем, они чтоб надеясь вел. госуд. на милость тое гору, где слюда есть указали, а где ту слюду скажут, и той горы велеть досмотреть и сметить, сколько той горы, где слюда будет, и сколь далеко от пустоозерского воеводы, а досмотря велети слюду промышлять с великим раденьем".

Московское правительство, ощущая острую нужду в различных металлах, оказывало широкую экономическую поддержку тем промышленникам, которые желали взять на себя разработку тех или иных металлов. Поэтому оно совершенно бесплатно предоставляло этим промышленникам громаднейшие территории земли для обработки железных и медных руд, обширные лесные площадки для топлива и прикрепляло к этим заводам в качестве рабочей силы крестьян на посессионном праве для выполнения различных заводских работ.

Другой важной отраслью народного хозяйства в Коми являлось солеварение.

Будучи заинтересовано в развитии соляной промышленности, которая давала казне большие доходы, московское правительство разрешало своим наместникам и воеводам предоставлять промышленникам места, богатые рассолом, для развития соляной промышленности. Так, по льготной грамоте Сольвычегодского воеводы В. Г. Добрынина от 1550 г. было пожаловано „Аникию Федорову сыну Строганову под варницу место пустое, а бывало на том месте варница Васильевская Оскентьева на льготу. А дойдет росолу и заварит варницею и льготы ему на 6 лет. А в те лета с тое варницы не давать ему государю царю и в. к. пошлины варничные. А как отойдет лгота 6 лет и Оникею с тое варницы давати на царя государя и в. к. пошлина варничная и оброк, как иные соловары дают" *).

Возможно, что сереговские солеваренные промысла возникли в то же время, т. е. в конце XV или в начале XVI в. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические документы о развитии этих промыслов относятся ко второй половине XVII в.

Соловецкий монастырь, являясь крупным солепромышленником в Холмогорах и получив в виде вклада один из соляных участков в Серегове, обратился в Москву с ходатайством о разрешении ему эксплоатации этого „вклада". В своей челобитной на имя царя архимандрит Соловецкого монастыря сообщает: „Во 165 году Еренского городка Сереговские волости крестьянин Зиновейко Иванов сын Гичев деревню свою Ундор с двором

*) А. А. Введенский, Торговый дом в XVI—XVII вв. Л. „Путь к знанию", 1924 г., с. 86.

и с хоромы и с пашенною землею и с сенными покосами, и со всеми угодии продал за 50 руб., а в той деревне ключь соляной, а в Холмогорских де соляных промыслах лесы у них высечены и от варниц удалено верст по 7 и 8". В связи с этой претензией монастыря на названный соляной участок последовала челобитная дьяка Данила Панкратьева, который писал: „В Ереньском де уезде, на Выми реке, под деревнею Сереговым, купленное его усолье, и завел он то усолье во 145 г. (1637 г.), и церкви строит, и дворы и анбары и варницы и всякий завод поставил и в том де строеньи в 22 года животы свои издержал, и из того де усолья к Вологде соль возят и с тое соли он пошлины платит по 700 и по 800 и по 1000 руб. на год, а купцы де платят по стольку же на год... и Соловецкого де монастыря архимандрит бил челом великому государю ложно, что есть на Демкине земле соляной ключь, а тот де ключь на его Данилове земле, а не на Демкине, а Демкина де земля меж крестьянские земли и подле его усолья".

27 июня 1674 г. последовала царская грамота с отказом архимандриту Соловецкого монастыря в предоставлении последнему „варничного места" в Сереговском усолье на следующем основании: „с нынешнего Уложенья патриарху и митрополитам, и архиепископам, и епископам, и в монастыри, ни у кого родовых и выслуженных и купленных вотчин не покупать и в заклад не иметь никоторыми делы... и за монастыри таких вотчин не записывать, а вотчинником никому вотчин в монастыри не давать, а кто и напишет вотчину в монастырь, и тех вотчин в монастыри по духовным не давать... и ту вотчину приказщикам продать сторонним людем, а деньги дать в монастырь по умершего души, по духовной, а велено тот двор и землю Демки Гичева отдать ему Данилу, а в Соловецкий монастырь взять у него Данила деньги по вкладной вдвое, 100 руб. в Демкино тягло, в котором он был, велеть бы положить на него ж Данила".

Организация солеваренного производства в Камском бассейне относится приблизительно к первой половине XV в. Так, археолог Берх в своей работе „Путешествие в Чердынь и Соликамск", на основании одного документа, найденного им в Соликамске, замечает: „в XV веке посадские Калинниковы завели солеварение выше села Верх Боровского, при речке Боровой, и поставили там 5 труб. Скудность рассолов побудила их скоро оставить место сие и переселиться около 1430 года на речку Усолку (нынешний г. Соликамск), где они и нашли больше способов для продолжения своего ремесла" *). Первым печатным документом о развитии солеваренного производства является уставная грамота 1553 года, данная московским правительством

*) А. А. Дмитриев, Пермская старина, т. I, с. 47.

пермякам. „Да с варницы Вишерския соль имати по пяти сапец *) соли по стране, —гласит уставная грамота,—то ему во весь год и с тиуном и с доводчики. А оприч того наместнику и его тиуну и доводчикам с них пошлины нет“ **).

Строгановых, которые к этому времени владели в Сольвычегодске довольно большими солепромышленными заведениями, мы в первой половине XVI в. еще не видим в Камском бассейне.

К концу XVI в., узнав о существовании соляных промыслов в Камском бассейне и о значительно большей крепости здешних рассолов сравнительно с вычегодскими и двинскими, Строгановы переносят свою деятельность в Камский бассейн. По грамоте царя от 1564 года Строгановы вместе с землей получают право заводить и соляные варницы: „где в том месте росол найдет, ему варницы ставить и соль варить и по рекам и озерам в тех местах рыбу ловить безоброчно, а льготы дано от благовещеньева дня 7066 года до благовещеньева ж дни 7086 года“ ***).

Придавая важное значение промышленной эксплоатации соляных промыслов, царь удовлетворил ходатайство Строгановых о разрешении им построить городок Орел для промышленной эксплоатации этих промыслов, а также для защиты от инородцев. В 1568 году царь распорядился: „На реке Чусовой у соляного промыслу, где они росол нашли, крепости поделать и городок поставить, и городовой наряд учинить и пушкарей и пищальников и воротников устроить и сторожей держать собою... и около городка соляного промысла варницы и дворы ставить“ ****).

В результате таких пожалований в течение XVII и начала XVIII вв. Строгановы завладели крупными соляными участками, главным образом в Соликамске. По писцовым книгам Кайсарова от 1623—1624 гг. Строгановы владели в Соликамском у. следующими солеварнями:

1) „В Чусовском нижнем городке, за городком на реке на Чусовой Андреевых 2 варницы с прены да варница без прену; да на реке на Чусовой Петровых две варницы с прены да варницы без прену;

2) в Чусовском верхнем городке на посаде за городком на реке Чусовой 2 варницы с прены, да 4 варницы без пренов;

3) в Яйвенском острожке в стане 2 варницы с прена; да в острожной же стене место варничное пусто, да за островком варница без прена;

---

*) Сапец—6 пуд.

**) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 30.

***) Д. А. И., т. I, № 17, с. 168—171. В. Шишонко, Пермская летопись, период I, с. 58.

****) В. Шишонко, Пермская летопись, период I, с. 57.

4) в Орле городке за посадом на реке на Каме на берегу соляная варница, да на реке ж Каме 11 мест варничных, а у них 9 труб пустых, запустели варницы и трубы при Миките Строганове; да к Орлову же городку слободка Новое Усолье, да в слободке 5 варниц соляных с прена да 3 варницы без пренов" *).

Усилению Строгановых как крупных солепромышленников способствовала и концентрация их капиталов, которая заметна уже в начале XVII в. Первоначальной формой этой концентрации явилось торговое об'единение трех братьев Строгановых в форме товарищества. Последнее облегчало развитие и расширение строгановской торговли и усиливало позицию Строгановых в конкурентной борьбе их с другими торговцами, главным образом по торговле солью. Уговорная запись братьев Строгановых—Андрея и Петра—содержит в себе целый ряд сведений об этой торговле. Прежде всего запись говорит о том, что все издержки, связанные с передвижением товаров и организацией торговли, должны быть приняты пополам. „И нам соль,—говорит запись,—в меха сопча набивати, сколько набьют моей Андреева соли, сколько и моей Петрова соли". Продажа соли должна быть поставлена таким образом, чтобы „та соль сопча продавать те деньги меж собою разделити пополам и тех людей в соляной продаже и в денежном приходе и расходе отчести сопча ж".

Экспортные расходы должны были быть одинаковы: „на судовой ход деньгами на пошлину и на казачьи наймы сложитца нам пополам, по 300 руб. или по 400, или по 500, или по 600 руб. или как будет пригоже, сколько моих Андреевых, столько и моих Петровых во весь судовой ход".

Заведывание общими деньгами предприятия было также общим: „деньги, которые вопчие положены ввопче в судовой ход, и которые выйдут из соляной продажи, и те деньги держати в вопчей нашей коробье и ключи коробейные держати обоими нашим людем, моим Андреевым людем ключ, и моим Петровым людем другой ключ". Договорная запись обращает особенное внимание на то, чтобы все дела компании велись сообща, по совету: „и деньги давати на пошлину и на почести и деньги и соль и на всякий судовой промысел держати людем нашим сопча ж всем совету. А без совету людем нашим друг без друга не держать и во всяком судовом ходу промышляти с совету" **).

Рост строгановской соляной компании сопровождался разорением мелких солепромышленников. Мы уже видели, как Строгановы захватническим путем завладели соляными варницами в Соликамском у. В Северном крае мы видели массовую скупку Строгановыми мелких соляных варниц, принадлежавших бо-

---

*) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв., с. 104—107.
**) Так-же, с. 118—121.

лее мелким солепромышленникам. Приведем ряд документов: „Се аз Аникей Федоров сын Строганова купил есми у Якова Федорова сына Бизимова треть варницы без цицерна и треть места у варнишкова подле Андрея Теребина“; или: „Се аз Аникей Федоров сын Строганова купил есми у Авдотьи у Максимова дочери у Строгановские жены у Зуева, да ее внука у Василья у Антоманова сына варницу и с цицерном, а цицерн с дугами и с лошками и со всем нарядом, что в варнице и с колодками у больших варниц на речке. А в межах в одну сторону варница Семена Черняшина, а с другую сторону варница Писчининых, а позади варницы и напереди варницы земля великого князя. А купил есми без выкупа. А дал есмы на той варнице и на цицерне со всеми 20 р. денег“ *) и т. д.

Строгановы грабили не только крестьян, но и менее влиятельных, чем они, солепромышленников. Приведем характерный факт. Ленвенские лесопромышленники Шустов и Филатьев в 1680—1681 гг. приобрели солеварни от Ивана Соколова и начали их эксплоатировать. В 1696 г Гр. Строганов подал царю челобитную, в которой утверждал, что Шустов и Филатьев самовольно завладели пожалованной ему речкой и завели на ней свои солеварни. Несмотря на то, что Шустов и Филатьев документально доказывали факт приобретения этого участка вместе с соляными варницами от солепромышленника Соколова и других лиц, а земли от крестьян Усольского уезда, приехавший из Москвы для разбора челобитной Гр. Строганова князь Тюфякин, как и при решении других земельных споров между Строгановыми и местным населением, стал на сторону Строгановых и решил дело в их пользу. В результате этого, владельцев Шустова и Филатьева насильно выселили с их земель, а Строганов получил грамоту на владение чужим имуществом. Эта „правая царская грамота“ от 1697 г. дала ему: „497½ десятины поемных луговых мест, 150 дворов рабочих, 17 пустых изб, 42 варницы с цицернами и 2 без цицернов, 21 соляную трубу с разсолом, 2 трубы в недоделке, 18 соляных амбаров, 1 хлебный, 2 для припасов, сушило, сарай, мельницу немецкую с 2 амбарами и 4 жерновами на ходу“ **). Этот грабеж с помощью царской власти бросает яркий свет на происхождение богатства Строгановых, которое было создано грабежом местного коми-пермяцкого крестьянства и тех промышленников, которые не могли состязаться со Строгановыми, так как не располагали связями при дворе московского великого князя.

Кроме владений Строгановых, в Соликамском уезде было много мелких солеваренных предприятий, как то: „Безукладникова, Н. Г. Третьякова и Усачева, а в ней труба разсольная, да два анбара соляных, да анбар куда кладут в него железо... пре-

---

*). А. А. Введенский, Торговый дом в XVI—XVII вв., с. 181—121.

**). В. Шишонко, Пермская летопись, период 1 с. 150—152.

ное... Варница Луки да Осипа Кондаковых, а в ней труба разсольная, да 2 анбара соляных, да труба безразсольная... Варницы ж другие—две варницы ниже города Екима Патокина... Варница Л. И. Вологжанинова... Варница Москвитина, Г. Г. Чебоксарова" *) и т. д.

Количество таких владельцев по писцовой книге Кайсарова достигало 80.

Во второй половине XVII в. Строгановы предпринимают шаги к захвату в свои руки соляной монополии.

В 1697 г. Строганов предложил правительству сдать ему казенные зырянские соляные промысла на оброк, обязавшись за это поставлять в казну ежегодно по 100 тыс. пуд. соли, а за право продавать самостоятельно остальную соль он также обязывался платить ежегодно оброку 11 тыс. руб., со внесением этой суммы вперед. Это предложение было принято. Впоследствии Строганов, зная положение соляных промыслов, пострадавших от временной царской соляной монополии, решил сделаться частным собственником этих промыслов. Зная также, что казна не возьмет обратно этих промыслов, он подает челобитную на имя царя, жалуясь, что промысел стал убыточным—что он издержался, обеднел и просит взять от него эти промысла обратно или освободить его от потсавки казне 100 тыс. пуд. соли ежегодно. В 1700 г. по указу Петра I промыслы эти „со крестьяны, были и с приписными к ним угодьи, отданы имянитому человеку Григорию Дм. Строганову... в вечное и потомственное владение непременно и нерушимо и неотъемлемо". А 11 июля 1701 г. последовала и царская грамота, которая официально утвердила зырянские соляные промысла за Строгановыми.

Кроме соляного промысла видное место в хозяйстве края занимали и нефтяные промысла.

В конце XVII и в начале XVIII в. начинается разработка ухтинских нефтяных месторождений. Нефтяные поля находились частью в б. Архангельской губ. по реке Ухте и ее притокам, в б. Вологодской губ. Устьсысольского у., в бассейне реки Седи и других местах. О присутствии нефти в данной местности говорят громадные залежи доманика, который по мнению специалистов представляет собой известково-глинистый сланец, пропитанный битуминозными веществами. Во многих местностях, богатых домаником, можно наблюдать и естественные выходы нефти. Можно встретить выходы нефти и сплошной струей, когда она мелкими ручейками протекает по низменным местам в мелкие речки.

Эти районы нефтеносных земель эксплоатировались местным населением довольно давно. Член Вольно-экономического общества Георгий Барноволоков, исследовавший Ухтинский район, указывает, что население занимается добыванием доманика

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период II, с. 148—159.

„Разработка оного (доманика,—пишет Г. Барноволоков,—не производится так, чтобы составляла заметную отрасль промышленности, а добывают его большой частью мастеровые, находящиеся при Сереговском, Вологодского купца Рыбникова, солеваренном заводе, а иногда проживающие по реке на плотах крестьяне“ *). То же самое подчеркивает и член Архангельского губ. статистического комитета Марков. „По свидетельству Елизаровского,—говорит он,—жители Усть-Ухта и в настоящее время добывают черный деготь посредством ящика без дна и крыши, вставляемого в реку. В целое лето собирается от 10 до 14 пуд. В продолжение зимы в ящике под льдом скапливается до 12 п. этого вещества (которое зыряне иногда пьют против разных недугов), продается на месте по 1 р. 10—1 р. 15 коп. за пуд“ **).

Ухтинская нефть эксплоатировалась не только в XIX в., но отдельными промышленниками разрабатывалась еще в XVII—XVIII вв. Академик Лепехин, производивший обследование Северного края и в частности Мезенского уезда во второй половине XVIII в., сообщает о том, что в конце XVII и в начале XVIII в. существовал в крае нефтепромышленный завод по эксплоатации ухтинской нефти. Так, на его вопрос: „Есть ли и где в той стране запустелый завод б. заводчика Федора Прядунова“, ему отвечают, что „оный действительно был на реке Ухте, впадающей в Ижму, расстоянием от Ижеской слободки за 300 примерных верст и состоял из следующего строения: над самым нефтяным ключем по средине бьющем построен был четвероугольный сруб, вышиною в 13 рядов, из коих 6 загружены были на дно, а прочие на поверхности воды находились. Внутри сруба поставлен был узко-донный чан, который изтекающую из воды нефть впускал в себя отверстием дна, от быстроты текущей воды защищал его поставленный с одной стороны водорез“ ***).

О существовании этого же нефтеносного завода свидетельствует и Г. Барноволоков: „По разведываниям моим я узнал, что при сих источниках бывал некогда завод для добывания нефти, но давно опустел от того, что основатель оного вскоре умер, оставшийся после него сын начал было продолжать его на оном производстве, но и его постигла та же участь, а затем, последовавщие, по суеверию своему сочтя заведение сие смертоносным, оставили“ ****). Известный северный нефтепромышленник М. Сидоров указывает, что ухтинская нефть была известна даже Петру Великому: „Добыча из него горной смолы производилась по его инициативе, а в 1745 г. существовал уже завод и нефть отправлялась не только внутрь России, но и посылались пробы ея заграницу“ *****).

*) Труды Вольно-экономического общества, ч. XI, П. 1809 г., с. 107.
**) Известия Русского географического общества, т. I, отд II, П. 1865 г, с. 143.
***) Путешествие академика Лепехина в 1772 г., ч. IV, П 1772 г., с. 184.
****) Труды Вольно-экономического общества, ч. XI, П., 1809 г., с. 107.
*****) М. Сидоров, Север России, ч. 1, П., 1881 г., с. 9.

Для развития ухтинской нефтепромышленности в XVII—XVIII вв. еще не было соответствующей экономической базы, ибо главным видом топлива, наиболее выгодным для эксплоатации, являлся древесный уголь. Итак мы видим, что колонизация XVI—XVII вв. в известной степени затронула и Ухтинский район и в частности способствовала эксплоатации ухтинской нефти.

Одним из основных природных богатств Северного края являются громадные лесные массивы, занимающие почти 80% его территории. По некоторым сведениям, эксплоатация строевого леса производилась еще со времени Ивана Грозного, причем главным потребителем леса в то время была Англия. Московское государство, являвшееся монопольным хозяином почти всех лесных богатств, отдавало некоторые участки леса на откуп как русским, так и иностранным лесопромышленникам. Проф. Сурож указывает, что в 1692 г. право торговли мачтовым лесом из Архангельской губ. было отдано иностранцу Артману на 5 лет с платою в казну за каждое отпускаемое за границу дерево по 10 ефимков (около 5 руб.), а в 1698 г. контракт был продолжен еще на 10 лет, но с платою по 7 ефимков (3 р. 50 к.).

Государственная лесная монополия тяжело отражалась на интересах крестьянства. Так, в XVIII в. государство воздерживалось от эксплоатации леса и запретило крестьянам делать повалы в лесных местностях. В связи с этим крестьяне Оквадской волости, б. Яренского у., в своем наказе законодательной комиссии 1767 г. указывали: „состоящия в нашей волости дикие и в дачах ни у кого небывалые лесные места просить дозволения расчищать под хлебопашество и сенокос сколько по семействам своим и по возможности будет безденежно“ *).

Торговая и оброчная эксплоатация крестьянства

До XV в. торговля в Коми-пермяцком крае носила преимущественно характер натурального обмена. Так, коми-пермяки обменивали звериные шкуры на хлеб, сукно, сельскохозяйственные орудия и т. д. Завоевание Коми-пермяцкого края Московским государством в XV в. внесло существенные изменения в область торговли. Если земля, рыбная ловля, звериные гоны были признаны собственностью Московского государства, то и право торговли было также отнято у населения, в частности у крестьянства, и превратилось в предмет пожалований. В 1553 г. была дана жалованная грамота царя на право беспошлинной торговли. „Так же есми,—пожаловал великопермцев и усольцев гостинским в Пермь Вел. и к Соли из городов Московския земли, из Новгородския земли и из Тверския земли торговати, и с оными никакими делы не ездят никто, оприч устюжан, вычегжан и вятчан. А устюжена и вологчана и вятчана ездят к ним

*) С. И. Р. И. О., т. CXXIII, П. 1907 г., с. 271.

торговати со всяким товаром по своей грамоте, пожалованной по уставной по Устюжской и возят от них товар всякий и соль, куда хотят с ними" *).

Грамота в то же время предупреждает, чтобы не было тайной торговли, виновные в последней должны предстать перед судом наместника или тиуна. „Пермичи и усольцы—товаров в московские города возят продавать, а также... к ним в Пермь или к Соли торговать из городов Московския земли, Новгородския земли и из Тверския земли, и наместник наш у того станет... а его дает на поруку, да пришлет его ко мне царю и вел. кн.; а кто взыщет велико-пермец или усолец на гостех на устюжских, или на вычегжанине, или на вятчанине, или на вогуличах, или на остяках, или на ином каком ни буди, и наместник на тех приставах дает, а судит и управу чинит его тиун или доводчик"**).

Торговые интересы русского и коми-пермяцкого купечества приходили в столкновение. Русские на правах победителей вели себя полными господами, ущемляя интересы коми-пермяцкой торговли, занимая первое положение на торгах с другими народами. Насилия русского купечества заставили коми-пермяков (в 1553 г.) жаловаться на них царю. На эту жалобу царская грамота отвечает: „Да пермяки же били челом мне царю и вел. князю о том, который наш наместник в Перми у них будет на нашем жалованье, и они де посылают к волоку Тюменскому, и в Вогушки, и в Скиву своих людей с пермяками со всяким товаром торговать, а в него де пору наместничие люди в тех местах торгуют, а которые пермяки в те места приидут со своим товаром торговать и наместничьи люди пермякам торговать не велят дотоле, доколе они сторгуют тех своим товаром, и пермякам же шли в том убытки великие"***).

Основными предметами внутренней торговли были: хлеб, пушнина, соль, сукно, холст, предметы домашнего и хозяйственного обихода—лопаты, топоры, кирки, ножи, косы, гвозди и т. д. Обладая крупными капиталами, Строгановы, вологодские, устюжские и новгородские купцы проникали с Вычегодского бассейна через Печору на реку Обь, где обменивали немецкие дешевые безделушки на сибирские меха. Возможно, что они проникали и на реку Тобол и дальше вглубь Сибири, где обменивали на сибирскую пушнину мелкие галантерейные товары и т. п. Вычегжане, сысоляне и печоряне торговали главным образом рыбой, дичью и пушниной, обменивая их на хлеб, сукно и так далее.

Строгановы, которые путем торговли в Вычегодско-Печорско-Камском крае накопили громадные материальные средства,

*) В. Шишонко, Пермская летопись, т. III, с. 32–33.
**) В. Шишонко, Пермская летопись, т. III, с. 32—33.
***) Там-же.

первые в крае установили торговые связи с иностранными рынками. Замыслы Аники Строганова были для того времени колоссальны: он намеревался морским путем проникнуть в Китай, желая завязать с ним торговые сношения. С этой целью он командирует своего слугу нидерландца Оливера Брюнеля в Антверпен, чтобы заключить там договор о постройке двух кораблей для торговых сношений с Китаем. Об этих замыслах Строгановых мы узнаем между прочим из письма Иоганна Балена к Гераду Меркатору, собирателю географическо-исторических сведений о русском севере, Сибири и Китае. Бален в своем письме сообщает, что встретил человека, Оливера Брюнеля, который служит у Строгановых и собирается по поручению своих господ совершить путешествие в Китай морским путем. Бален сообщает Меркатору, что Оливер Брюнель „послан в Антверпен раздобыть искусных лоцманов и моряков путем предложения щедрого вознаграждения для поступления на службу к двум вышеупомянутым прославленным лицам Якову и Анике Строгановым, оба которых заказали шведскому корабельному мастеру построить на берегу р. Двины два корабля для... путешествия. Северо-восточный путь, как он хотя неискусно, но очень правильно об'ясняет... и над чем я приглашаю вас усердно подумать, несомненно очень короток и легко доступен. Этот самый человек сам путешествовал к реке Оби как сухим путем, через страны самоедов и Сибирь, так и морем, вдоль берегов к востоку от реки Печоры. Ободренный этим своим опытом, он твердо намерен отвести судно небольшой осадки, приспособленное для плавания в неглубоких водах, нагруженное товарами, в губу св. Николая в России, будучи снабжен всеми вещами, потребными для такого открытия, и, обновив запас с'естных припасов по прибытии туда, а также и нанять в свою команду некоторых русских, хорошо ему самому известных, которые в совершенстве говорят на языке самоедов и знакомы с р. Обью, так как те посещали те места из года в год“ *).

Эти факты говорят о том, что Строгановы являлись крупными торговцами, которых уже в XVII в. не удовлетворяли колониальные рынки северо-востока и которые нуждались в иностранных рынках для сбыта своих товаров. Из личных архивов Строгановых, опубликованных А. А. Введенским и др., видно, что Строгановы вели крупную торговлю не только по всей России, но и на рынках Западной Европы—в Италии, Франции, Германии и др. государствах,—где они выступали крупными поставщиками пушнины и соли. Строгановы имели торговые связи и со Средней Азией и в частности с Бухарой. Так, грамота царя Ивана Васильевича от 12 августа 7032 (1674 г.) предлагает астраханскому воеводе Г. К. Наркодинову пропустить „Яковлева и Григорья Оникеевых Строгановых людей четырех человек

*) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв., с. 102—103.

с посланником Захарьем Богдановым в Бухарию за товарами" *).

Развитие внутренней торговли наталкивалось на целый ряд препятствий, среди них одним из главных были внутренние таможенные заставы. Так, чтобы проехать из Устюга до Устьсысольска, нужно было платить таможенную пошлину в Сольвычегодске, в Яренске и в самом Устьсысольске, что сильно повышало цену товара.

В XVI и в начале XVII вв. наблюдается рост крупных торговых оборотов, которому несомненно способствовали и государственные поставки. Так, мы имеем запись Никиты Строганова от 16 марта 1578 г. на имя Семена и Максима Строгановых об условиях совместной поставки „государева хлеба" в Астрахань. Как указывает этот документ: „всем трем, тот недовозной астраханский хлеб, 85 г. (1577 г.—В. П.) сопча купити и проводити в Астрахань и отдати в Астрахане дьякам и воеводам тот досталной хлеб" **).

В 1566 г. промышленник А. Ф. Строганов с товарищами продает по поручению царя Ивана Грозного крупную партию казенного оброчного хлеба в Вычегодско-Сысольском крае. Грамота от 21 сентября 1557 г., адресованная на имя Аники Строганова с товарищами, предоставляла адресатам право обмерить у Виндокурских и Пачеозерских ключников казенный оброчный хлеб, предлагая: „когда к вам ся грамота та придет и вы б часа того, тот хлеб и овес и ячмень продали по тамошнему и по усольской цене, почему у вычегодские соли меж себя ржи и овса и ячменя четверть купят. А что на тот хлеб денег возьмете, и вы б те деньгие все сполна привезли в Москву в нашей казне. А не продадите того хлеба и денег не пришлете к нам в Москву часа того, или которая тому нашему хлебу будет убыль и то мне велети взять на вас двое"***).

Хотя грамота и не устанавливала официально той мзды, которую должны были получать поставщики, но вполне понятно, что последние не оставались в убытке, продавая хлеб по более высокой цене, нежели та, по которой они рассчитывались с царем. Продажа хлеба населению Вычегды, Сысолы, Выми, Печоры, Вишеры и т. д. была одним из выгоднейших предприятий, так как все население этого края питалось тогда главным образом привозным хлебом.

Не довольствуясь „нормальными" барышами, Строгановы и монастыри, пользуясь своим положением крупных с.-х. производителей, вступили на путь хлебной спекуляции. Чтобы поднять цены на хлеб, торговцы массами скупали его, задерживали купленный хлеб у себя и, дождавшись желательного повышения

*) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв., с. 94—95.
**) Там-же с. 99 (из семейного архива Строгановых.
***) Там-же, с. 91—92).

цен, выпускали этот хлеб на рынок, продавая его по спекулятивной цене. Когда хлебная спекуляция на Выми, Вычегде и Сысоле приняла значительные размеры и вызвала волнения крестьян, правительство наконец обратило на это внимание. 3 ноября 1601 г. последовала царская грамота на имя сольвычегодского воеводы, предлагавшая в кратчайший срок прекратить спекуляцию хлебом. Грамота подробно сообщала об этой спекуляции, указывая: „у Соли вычегодские на посадах и в уездах хлеб дорого купят, четв. ржи по рублю, овес в 20 алтын, ячмень по 30 алтын без гривны. А в Усольском у. в архиепископских вотчинах и в монастырях... и у детей боярских... и у Строгановых самых и... у строгановецих половников и у приезжих наших гостей и у вологодских и у пермских и у двинских и у вятских торговых людей, и у иных у всяких у тутошних богатых людей, прошлых лет старые пахоты молочено и в кладех немолоченного всякого хлеба много".

Отмечая факт урожая в прошлом году и наличие достаточного количества хлеба у купечества, монастырей и зажиточного крестьянства, грамота замечает, что означенные торговцы сознательно ради барыша утаивают этот хлеб, чтобы продать его впоследствии по спекулятивно-высокой цене. Вот что говорит царская грамота: „что держат у себя во дворех и по житницам, и по амбарам, и по лавкам, и по ямам многой хлеб, а у иных стоит не молочен в кладех и в скирдах и в одоньях много лет, а на продажу де тово хлеба не явят, а и вывозят на торги и на ярмарки, и на торги понемногу, сговорясь воровством цену вздораживая и ожидая тово, чтоб им также вперед еще тово больше хлеб к своей корысти вздорожати".

Грамота указывает также и на то, что если некоторые крестьяне, нуждаясь в деньгах, везут излишний хлеб для продажи, „скупщики, сговорясь, выезжают и выходят к ним навстречу по всем дорогам во всякие дни и стоят на тех дорогах верст за 2 и за 3 и больше, не хотя тех крестьян с хлебом на торг и на ярмарку для вольныя дешевле продажи пропустити и у них тот весь хлеб на тех дорогах, не допустя к торгу, закупают".

Чтобы ликвидировать хлебную спекуляцию, государство устанавливает хлебные цены: „купити и продавати ржи четверть по алтыне, овса четь по полполтину, ячменя четь в четыре гривны". Ввиду высоких цен на хлеб, маломощные крестьянские хозяйства совершенно лишались возможности приобретать его, поэтому питание березовой корой, пихтой, соломой, травой, борщом и различными кореньями становится всеобщим явлением среди бедняцкой части деревни.

Одним из наиболее важных мероприятий государства в области торговой политики было установление таможенных пошлин. До московского завоевания Вычегодско-Камский бассейн не знал таможенных перегородок; торговля здесь не стеснялась никакими ограничениями.

Московская казна в результате непрерывных войн была совершенно пуста. В поисках новых доходов правительство покрыло страну густой сетью внутренних таможенных застав. Прежде всего государство обратило внимание на организацию таможенного дела в пограничных местностях. Во всех пограничных городах: Архангельске, Пустоозерске, Чердыни, Соликамске были организованы таможенные управления, во главе которых стояли таможенные головы, подчиненные соответствующим воеводским управлениям.

Устройство внешних таможен в пограничных городах благоприятствовало развитию внутренней торговли, защищая эту торговлю от конкуренции иностранцев; с другой стороны, организация внешних таможен была выгодна и для правительства, получавшего большие таможенные сборы от иностранцев.

Наиболее крупной внешней таможней на Севере в начале первой половины XVII в. была Архангельская таможня. Назначая таможенным головою Василия Шорина (20 мая 1658 г.), Московское правительство дает ему очень любопытную инструкцию: каждый иностранный корабль, подходящий к Архангельской таможне, должен „спустить паруса, ударить челом и об'явить себя и об'явить свои товары, а буде не спустит паруса и челом не ударит и их по парусам с города бьют из пушек и чтоб без ведома и без пропуску над городом корабли не приходили и не ударя челом караулу не проезжали". Грамота предлагает строго следить за тем, чтобы „немцам заморским всяких своих товаров на гостиные дворы с кораблей не записав не возить, и товары б давали досматривать на гостином дворе... А которые будут у них немец товары узорочные самые лучшие каменье и запоны, и жемчуги и атласы и бархаты и камни и тафы, и сукна, и они б, не оказав в таможне,—никому русским людем без записи (т.-е. без справки об уплате таможенных пошлин.— В. П.) не продавали и тайно б свои лучшие товары к Москве без осмотру не отпускали ж".

Предлагая бороться с контрабандным провозом немецких товаров в Москву, грамота напоминает, что „прежде всего иноземцы свои заморские лучшие товары к Москве отпускали, а на лицо их смотреть не давали, и в том государеве казне поруха большая была и товары лучшие на Москве у них об'явились".

Царская инструкция предлагает также учредить строгий надзор и над русскими купцами, которые стремятся тайно совершать свои сделки с иностранными купцами, минуя таможни, отчего казна терпит убытки. Поэтому инструкция не разрешает иностранным кораблям останавливаться вблизи русских барок, так как „немцы в шняках товары свои подвозят и в барках и в дощаниках свои и русские товары тоже к себе возят тайно и от того казне чинится самая большая убыль".

Инструкция требует, „чтобы они у города всякие товары являли в таможне, а без явки из дощаников и из барок на корабли тайно не провозили-б“. Далее инструкция предписывает: „таможенным головам... покупать у Архангельского городка на него вел. госуд. узорочные всякие немецкие товары“. Чтобы таможенные головы были более активны в этом отношении, грамота предупреждает их, что „заморские немцы лучшие товары продают немцам, которые живут на Москве, и всяким торговым людям, а головам и целовальным лучших товаров не продают и не показывают“.

Чтобы успешнее конкурировать с купцами, царская грамота поручает таможенным головам: „чтоб узорочные товары и фряские (французские) вина и пряные зелья покаместе на вел. государя, на его царское вел. искупят и на сторону русским никаким людем продавать бы никому не велеть же“ *).

Такая же инструкция была дана и пустоозерскому воеводе: „чтобы мимо пустоозерской острог на кораблях никаких людей к сибирской стороне отнюд никакими мерами не пропускати, а отказывать велети, что по указу иноземцам заморским позволено приставать и торговать в Двинском устье в Архангельском городе, а в Пустоозерском остроге приставать не для чего и торговать им не с кем, место пустое, поставлено для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать, а иноземцам тут приезжать не для чего и торговать не с кем“ **).

Кроме внешних таможен существовали многочисленные внутренние таможенные заставы. Если внешние таможни в известной степени оберегали русского купца от иностранной конкуренции, то внутренние таможенные законы преследовали исключительно фискальные цели—извлечение таможенно-торгового налога (тамги), который собирался в каждом городе, где была учреждена таможня. Кроме того, с каждого проезжающего купеческого каравана взимались сборы при переходе больших мостов (так называемый мостовой сбор), при переходе рек и т. д. Это сильно било не столько по экономическим интересам купечества, сколько по крестьянству, которое вынуждено было платить за необходимые товары более высокую цену, ибо купцы перекладывали свои расходы по оплате таможенных пошлин на потребителей. Поэтому внутренняя таможенная политика била прежде всего по интересам крестьянства, которое в конечном счете и являлось плательщиком этих таможенных сборов.

Правительство внимательно следило за тем, чтобы купцы исполняли таможенные законы. Виновные в нарушении этих законов подвергались жестоким наказаниям. Так, когда чердын-

*) Доп. к истор. актам. т. IV, № 52, с. 142—144.

**) Там же, № 19, с. 82—87, Наказ пустоозерскому воеводе.

ский воевода донес царю о том, что купец Митька Патранеев с товарищами при проезде (в 1623 г.) через Усть-Боровую отказался платить таможенные пошлины, последовала царская грамота: „за их ослушанье, что они проехали мимо Усть-Боровой, а наших таможенных пошлин не платили, велеть их бити батоги нещадно, а бив батоги велеть их посадити в тюрьму на неделю, а что с них товаров довелося взяти наших пошлин и о том от нас писано к Соли-Камской... а велено ему (воеводе) о том к вам отписати, сколько на тех мужикех с их товару довелось взяти пошлин“ *).

Такие же меры предложено было применять к нарушителям таможенных законов и пустоозерскому воеводе: „которые из сибирских городов поедут с товаром, а станут ослушаться, десятины и пошлины с тех товаров платить не учнут, и Семену тех ослушников велети бить батоги и государству таможенную пошлину и десятину и с неявленных (т. е. скрытых.—В. П.) товаров велети имати по государеву указу, в правду“**).

Создание густой сети внутренних таможенных застав вызывало протесты со стороны представителей торгового капитала. Купечество требовало ликвидации многочисленных таможенных застав, которые препятствовали развитию внутренней торговли. Многократные и высокие таможенные сборы вызывали повышение цен на товары, делая их малодоступными для потребителей.

Надо сказать, что пошлиной обычно облагались как товары, предназначенные для торговли, так и предметы, приобретаемые для личного потребления. Поэтому Строгановы, как и другие купцы, часто обращались к царю с просьбой о снятии пошлин с их товаров, предназначенных для потребления собственных людей Строгановых, работавших в Вычегодско-Камском крае. Так, на просьбу Андрея и Петра Строгановых об освобождении от пошлин отправляемых по Вычегде и Сысоле товаров, предназначенных не для торговли, а для собственного потребления, 15 октября 1641 г. последовала царская жалованная грамота, которая указывала: „как он Андрей да Петр пошлют от себя от Соли-Вычегодские с людьми и со крестьяне своими в вотчины свои, в Пермь, на Усолье, на Орел и на Яйву и на Чусовую, и на Усолку для своих промыслов на под‘ем запас всякой, которой к промыслам их пригожается и людей своих, обувь и одежду. И как с тех же их вотчин люди их и крестьяне учнут возити к ним Андрею да к Петру рыбу всякую, и икру, и мед, и иные всякие запасы про себя, а не на продажу, летом в судах, в каюках и в стругах Вычегдою рекой, мимо Еренской городок, а зимним путем на санях через Сысолу, мимо Пыльядинской ям,—и с тех людей и со крестьян и со всяких запасов...

*) А. И., т. III, с. 132.
**) А., И., т. III, с. 86—87.

государевых никаких пошлин имати не велено, пропущати их велено везде беспошлинно".

Но если такие разрешения имели возможность получать влиятельные Строгановы, то большинство рядовых купцов жалованных грамот не имело и, следовательно, вынуждено было платить за провоз купленных предметов, хотя бы они и не предназначались для торговли. В таком же положении находились и те крестьяне, которые имели возможность приобретать на дальных рынках товары для собственного потребления.

Надо сказать, что разрешения на беспошлинный провоз царь давал с большой осторожностью, боясь, как бы Строгановы не воспользовались ими для беспошлинной торговли или беспошлинного ввоза товаров в Камский край. Поэтому названная жалованная грамота имеет такую оговорку: „если люди их и крестьяне повезут какие продажные товары, а торговати туто ими не станут, и с тех их с продажных товаров имати государева проезжая пошлина по прежнему... А будет учнут ими торговати, какие товары продавати, и с тех их со всяких с продажных товаров и с людей всякие государевы пошлины имати по уставным грамотам, как и с торговых людей" *).

Неудобство, которое представляли многочисленные внутренние таможни и высокие таможенные сборы, усугублялось еще всевозможными злоупотреблениями воевод и таможенных голов. Важане и в частности жители гор. Шенкурска послали по этому поводу жалобу на имя царя Михаила Федоровича, в которой писали: „ездят де они с Ваги к Колмогорам с хлебом и с сермяжным сукном и с овчина, и с маслом, а назад приезжают с солью, и с них де собирают на Ваге, с хлеба и со скотины, и со всяких товаров пошлину, а при прежних де государях на Ваге, у них никакие пошлины не сбирывались".

Этот произвол чиновников сытного дворца, обкладывавших пошлиной все товары, провозимые по Ваге, весьма неблагоприятно отражался на развитии промыслов и торговли в крае: „оттого, де, у них на Ваге промыслы стали, никто за тем, ниоткуда, ни с каким товаром к ним не едет". В ответ на эту жалобу последовало распоряжение царя, которое гласило: „Мы важан всех четьи пожаловали, мытных и таможенных верных целовальников из Подвиския и из Шенкурския и из Верховажския чети велели свести и впредь с них мытных и таможенных пошлин собирать на нас не велели: велели им и иных городов торговым людям торговать на Ваге, где они наперед сего до московского разоренья торговали, попрежнему беспошлинну" **).

Таможенная политика государства, злоупотребления местной администрации в области таможенных сборов и т. д. заставили

---

*) А. И., т. III, с. 123—124.
**) А. А. Э., т. III, № 112, с. 155—156.

купечество Вычегодского края обратиться к правительству с просьбой о создании соответствующих условий для развития торговли.

Прежде всего в разных частях государства существовал не одинаковый размер таможенных пошлин, взимаемых за провоз определенного количества товаров, за перевоз их по реке и т. д. Поэтому купцы требовали, чтобы государь: „велел писати со всяких наших товаров и со всего бы прямую пошлину одну рублевую, везде ровну, чтобы нигде и ни с каких товаров иметь не велел же б, опричь одной рублевой пошлины".

Стремясь сократить количество пунктов, в которых взималась пошлина за один и тот же товар, купцы просят: „кто, где, какой товар, почему продает, а какого что товару на коем городе не продает и повезет на иной город, и с того товару рублевых и проезжих пошлин в то время имать не велел ж б".

Кроме того, купечество, в своем обращении, указывало на то, что „исстари таких великих лишних пошлин, как ныне емлют, не бывало, а ныне год от году беспрестанно затевают новосчинния всякия лишния, напрасныя пошлины".

Наряду с этим купцы просили об установлении всеобщих единиц мер и веса: „чтобы государь велел бы сделать во всем своем государстве хлебные меры, везде сделать все ровны, и в мере и во кругах; да сажени и аршины сделать везде же бы одинаки и ровны, да и всякие весы сделать везде ровны же, против фунтов и гири и безмены и конторы и терезы и всякие веки". По всем этим вопросам купцы просили дать соответствующую уставную грамоту, чтобы: „тот его государев указ и уставная печатная грамота у таможенных голов и целовальников в таможенных избах лежали бы бескровно на столе, чтобы его государев указ всем людем был виден".

В результате этой челобитной купечества, в августе 1653 г. была выдана уставная таможенная грамота, которая полностью удовлетворяла два основных требования купечества. Грамота указывала: „везде нашу таможенную пошлину имать... на Москве и в городах, с тутошних... и приезжих и со всяких чинов людей, рублевую пошлину, а с судов, как пойдут вверх и на них с товары, посаженнина и с головщина и с телег и с саней мытовые и полозовые и отводные и всякие мелкие статьи и то все, на Москве и городех и в селех отставить и впредь не имать".

Старое же распоряжение о перекупной пошлине, на отмене которой настаивали купцы, было оставлено в силе: „А которые люди на Москве и в городах учнут товары на деньги покупать и с тех людей имать с денег по 5 денег с рубля и давати на те покупные товары выписи, что они куплены за деньги, а где те покупные товары в продаже будут, и с тех товаров с продажи имать по 5 денег с рубля, и того будет с денег и с товаров по 10 ти денег с рубля". По адресу таможенных голов, повинных в произволе и злоупотреблениях, грамота предупреждает: „если

таможенные головы и целовальники сверх проданной цены на товары учнут прибавочную цену накладывать и лишние пошлины иметь и тем... чинить наказанье без всякие пощады". Грамота также устанавливает наказание за утайку товаров: „у которых торговых людей об'явятся с утаенными товары и субавочною ценою... и тем людям, всех тех их взятых товаров, чинить наказанье, бить кнутом нещадно". И в данном распоряжении также проявился классовый характер царской власти. Так, грамота замечает, что, если в сокрытии товаров или преуменьшении их цены виноваты хозяйские люди, а не хозяева,—„без их хозяйского ведома и тем людям за утайку товаров и за убавочную цену, потому ж чинить наказанье, бить кнутом беспощадно".

Из выше цитированных документов мы видим, что злоупотребления местной администрации создавали и широкие условия для эксплоатации местного населения со стороны купцов-ростовщиков, промышленников и т. д. Эти злоупотребления способствовали и непосредственному обогащению воевод и других административных лиц, которые, пользуясь полной ненаказанностью, открыто грабили крестьянство.

Если купцы и царские администраторы грабили крестьян, крестьян путем всевозможных торгово-ростовщических операций и злоупотреблений, то не оставалось в стороне от этого грабежа и царское правительство, которое путем всевозможных налоговых обложений—грабило крестьян не хуже купцов-ростовщиков и продажной местной администрации.

Население Коми-вычегодско-пермяцкого края, как и других северо восточных частей Европейской России, было обложено ясаком и другими повинностями. В Чердынском и Соликамском у. в начале XVI, в., в качестве податной единицы был принят лук, ибо большинство местного населения занималось звероловством и птицеводством. Так, уставная грамота чердынцев и усольцев 1553 г. указывает, что „наместники посылают... луков писати и кормов брати". Ясак взимался и в натуральном, и в денежном виде, как об этом свидетельствует грамота: „целовальников пермяки выбирают у себя сами, кто им люб, а хоженое приставу белка в городе, а не правде вдвое, а на людях приставу белка, ино за белку по две деньги". Мы знаем, что наряду с охотой существовало в то время земледелие (трехпольная система) и часть населения платила ясак не с „лука", а с „сохи". Обэтом мы узнаем из той же грамоты, гласящей: „разметывают пермяки меж себя корм по сохам, по дани"*).

По мере развития сельского хозяйства „лук" как податная единица совершенно вышел из употребления, и его место заняла „соха". По сошному письму Яхонтова от 1579 г. в каждой „сохе" было положено 64 двора. Чтобы вычислить количество

*) В. Шишонко. Пермская летопись, период III, с. 30.

податных единиц в том или ином уезде или селе, нужно общее число дворов делить на „соху", т. е. на 64. Каждая „соха" делилась на чети, причем в состав „сохи" входило хорошей земли 800 четей, земли среднего качества 1000 и худой 1200 четей.

Мы не имеем исторических документов о размерах ясака в начале XVI в., но есть основания полагать, что они были довольно значительны.

Что этот ясак был довольно значительным, подтверждает последовавшая 29 января 1623 г. грамота царя Михаила Федоровича об уменьшении сбора ясака: „на нынешний 131 г. (1623) Московским стрельцам наше хлебное жалованье велети взять перед прошлым годы и перед иными перед всеми городы с убавкою, с сохи шти десять рублев, итого с Чердыни имеется с посаду и с уезду с осмии сох (четыреста восемьдесят рублей)". Эта же грамота дает нам сведения и о величине ясака с сохи, а, следовательно, и с двора. Итак, каждая соха платила ясаку 60 рублей. Мы узнаем также и о величине ясака за прошлые годы, хотя бы за 1622 г. Так, грамота указывает: „В прошлом вр. 130 г. (т. е. 1622) по нашему указу и по боярскому приговору, с Перми, с Чердыни, с посаду и с уезду, собрано на наше хлебное жалованье деньгами с сохи по 200 рублей, итого 1600 рублев" *). Итак, сбор налогов в 1622 г. превышал в $3^1/_3$ раза размеры налогов в 1623 г**). Видимо, и этот ясак был чрезмерно высоким для крестьянства, вряд ли оно могло выплатить всю сумму причитающихся с него налогов. В виду этого грамота наказывает Чердынскому воеводе: „Если вы тех хлебных денег, по сему нашему указу, всех сполна к нам, к Москве, вскоре, по нынешнему зимнему пути не пришлете, и вашею оплошкою будет те деньги останутся в домике в лето, и по нашему указу для тех доимочных хлебных денег пошлют нарочно от нас дворянина добра, а велят те деньги, чего не доберете и по нынешнему зимнему пути к нам, к Москве, не пришлете, доправити на вас, мимо сошных людей, да вам же быти в наказанье"***). Эти распоряжения, не допускавшие никаких недоимок, давали воеводам право взыскивать подати беспощадно, продавать домашнюю утварь, домашних животных, отбирать земли и пере-

---

*) По данным историка Ключевского московский рубль первой половины XVII в. равнялся в среднем 60-74 руб. довоенного времени (Ключевский, Опыты и исследования, 1-й сборник, 1919 г. с. 157.

**) Такой высокий рост обложения в первой половине XVII в., т. е. до 1622 г. об'ясняется целым рядом причин, как-то: ведением ряда войн с Польско-литовским государством, борьбой против казацко-крестьянского движения (известного под наименованием „Смутного времени"), а также общим ростом вооруженных сил, требовавших большого напряжения финансовых ресурсов государства, каковые и выкачивались в громадных размерах из местного населения 1623 г. и являлся в известной степени переломным моментом, когда Московское государство в силу полного истощения народнохозяйственных средств и обнищания населения должно было снизить размеры свои обложений в $3^1/_2$ раза.

***) В. Шишонко. Пермская летопись, период II с. 1137.

11*

давать их более платежеспособным хозяйствам. Эти методы выколачивания налогов несомненно способствовали обезземелению беднейшего крестьянства, росту числа безлошадных хозяйств.

Аналогичную налоговую политику проводило правительство во второй половине XVI в. в Вычегодско-Сысольском крае. Из исторического документа о взыскании ясака—челобитной, с которой крестьяне Глотовой слободки обратились к царю Федору Ивановичу в 1591 г., мы узнаем, что первоначально глотовцы платили ясак и оброк отдельно от вымичан, вычегжан и сысолян: „за всякие наши подати платили по 3 р. 25 алтын". А после того как их вынудили платить совместно с вымичанами и сысолянами, согласно новой переписи 94 г. (т. е. 1586 г.), размер ясака возрос для них в 8 раз. Перепись производил „писец Иван Огарев, да под'ячий Филипп Юрьев, и по тем писцовым книгам платят они с Глотовы слободки с 55 дворов за соболи и за белки, и за бобровые гоны и за рыбные ловли и за всякие угодья и с пашен, за дань, оброку с двора по полтине, всего по 27 руб. с полтиною. И ныне те вычегжане, вымичи и сысоличи, самовольством велят всякие подати платить с собою вместе, сбавя с себя"*).

Это увеличение налогов вызвало и соответствующий отпор со стороны глотовцев. При этом челобитчики ссылались на то, что „у них де Глотове слободке все молодые люди, кормятся пихтою, да зверем, а хлеба не пашут и не торгуют ничем, а на Вычегде и на Сысоле прожиточные торговые люди, торгуют всякими товары и хлеб пашут"**).

Привлечение глотовцев к совместному платежу с вычегжанами и сысолянами было явно несправедливо. Это распоряжение, видимо, было сделано Яренской канцелярией и направлено к выгоде вычегжан. В результате жалобы заинтересованных, Москва восстановила прежние права глотовцев. В последовавшей на имя крестьян Глотовой слободки грамоте от 10 февраля 1591 г. указывалось, что с „Глотовой слободки наши подати платить и к Москве привозить в нашу казну самим по прежнему, опричь вымич и сысолич и вычегжан, а с вымич и с сысолич с вычегжан, им ни в какие подати не тянути ничем"***).

Это право крестьян самостоятельно производить платеж податей, самостоятельно представлять его в Москву через своего уполномоченного было подтверждено 13 марта 1599 г., в феврале 1608 г., 25 апреля 1632 г., 15 мая 1652 г., в апреле 1677 г. Последнюю запись о продлении этих прав мы видим в марте 1683 года.

*) Акты Археографической Экспедиции, т, I, № 350, с. 423.
**) А. А. Э., т. I, № 350, с. 423.
***) А. А. Э., т. I. № 350, с. 423.

Местное население, занимавшееся охотой, рыбной ловлей и другими промыслами, было обложено ясаком по дворам, причем этот налог взимался хлебом, мехами, деньгами. По грамоте вятского воеводы Ржевского от 23 декабря 1678 г. предписывалось собрать с вычегодско-сысольского населения налог деньгами. Как указывает грамота: „а с Выми и с Сысольских волостей, на прошлые и на нынешние 187 год сошные хлебные запасы против прежнего нашего вел. государ. указа — деньгами за муку ржаную по рублю, а за крупы и за толокно по полтора рубля за живущую четверть", т. е. за каждую живущую четверть взималась определенная сумма денег. Грамота заканчивается предписанием, „чтобы в нашем великого государя ясаке недобору не было"*).

Другим видом обложения являлся сбор стрелецкого хлеба. Мы имеем грамоту Московского правительства от 15 июля 1674 г. на имя земских судейских лиц волостей—Сысольской, Сужгинской, Сухарской, Витерской и Глотовой слободки о сборе стрелецкого хлеба вперед на 183 г. (т. е. на 1675 г.) „московским стрельцам на жалованье... против нынешнего 182 г. (1674 г.) по 2 рубля за юфть, а собрав прислать к Москве... на богоявлений день того же 183 года". Сбор стрелецкого хлеба проводился по количеству четей в волостях. По приходной книге 1675 г. платили:

1. Крестьяне Сысольской волости, с живущей сохи,—полтрети сохи пашни, стрелецкого хлеба по окладу 408 четей с третинком ржи и овса тож, а деньгами за тот же хлеб доведется на 183 год собрать 816 рублей 22 алтына $1^1/_2$ денги.

2. Крестьяне Сужгинской волости, живущей—полчети сохи пашни, стрелецкого хлеба по окладу 44 чети без полуосмины ржи и овса тож, а денгами за тот хлеб доведется собрать 87 рублей с полтиною.

3. Крестьяне Судорской волости, живущие—четь сохи пашни стрелецкого хлеба по окладу 87 четей с осминою ржи, овса тоже, а деньгами за тот хлеб доведется собрать 175 руб.

4. Крестьяне Глотовой слободки—с живущей—полчети сохи пашни, стрелецкого хлеба по окладу 44 чети без полуосмины ржи, овса тож, а деньгами за тот хлеб доведется собрать 87 рублей.

5. Крестьяне Витерской волости—с живущей полчети сохи пашни, стрелецкого хлеба по окладу 11 четей без $^1/_2$ четверика ржи и овса тоже, а деньгами за тот хлеб доведется собрать 21 рубль 29 алтын с денгою" **).

Кроме стрелецкого хлеба существовали еще различные специальные сборы, например, сбор кормовых денег с каждого крестьянского двора, которые шли на содержание наместников, воевод и местной администрации.

*) А. А. Э., т. IV, № 230, с. 319.

**) Доп. к актам историческим, т. VI, № 112, с. 352.

Последовавшая 1 января 1679 г. в Яренский у., в отхожие волости Сысольскую, Вытерскую, Ужгинскую и в Глотову слободку грамота указывала: „Собрать бы вели судейкам и старостам и целовальникам во всех волостях, попенях и деревнях, в станах с крестьянских и с бобыльских дворов и с монастырских вотчин, и с церковных земель и со всяких людей, и с бобылей, и со дворов, и недорослей, которые в ваших волостях живут дворами, против переписных книг перешли Ивана Васильевича сына Елганинова, да под'ячева Семена Безсонова, таможным людям на корм по 1 рубл. с двора, с великим поспешеньем, тотчас, без всякого молчанья". Это предписание (память) заканчивается угрозой: „буде вы земские судейки и староста и с целовальником и мирские люди тех денег всех по рублю с двора... вскоре без всякого молчанья (задержки) в еврейский с'езжий двор не пришлете... и вам бы за то быть в жестоком наказанье без всякие пощады, а на тех волостях те денги доправлены будут вдвое, да на тех же крестьянах взята будет пеня"*).

Для взимания налогов обычно командировался и представитель местной Яренской канцелярии в лице пристава, который наблюдал за выполнением налоговых повинностей крестьянством. Приставу по первому требованию без промедления предоставлялись подводы: „от стана до стану и от деревни до деревни, а подводы бы ему давати везде не издержав ни часу и ездить ему приставу днем и ночью без всякого молчанья"**).

Существовали еще так называемые „судные пошлины за производство судебного разбирательства. Грамотой кн. С. Ю. Вяземского на имя Чердынского воеводы предписывалось: „всяких людей во всех делах судити и управа меж них чинити, а пошлина имети с судных дел по судебнику, и в Чердыни дел, по их уставной грамоте, емеют на виноватом пошлин рубля по гривне и пересуд и правой десяток, а Кайгородцев, со всяких людей, имети с рубля по гривне, да пересуду шесть алтын, четыре денги, да правого десятка четыре денги, а кто ищет меньши рубля и с тех людей пошлин платить по расчету"***). Кроме этих пошлин существовали еще полоняничные, ямские, мытные, городовые, конские, засечные, емчужные, кабацкие, мельничные и др.

Кроме этих налогов были еще так называемые „чрезвычайные налоги", введенные правительством в первой половине XVII в. в связи с войнами, которые тогда велись с Польшей и Швецией. Особенно тяжелы были эти чрезвычайные налоги в первой половине XVII в. По распоряжению царя Михаила Федоровича все население государства и его колоний было

*) Доп. к актам историческим, т. VIII., № 49, с. 212.
**) Д. А. И., т. VIII, № 49, с. 212.
***) А. А. Э., т. II, № 46, с. 103.

обложено военными налогами. Взыскание этого налога предписывалось производить „с городов, с посадов, и с уездов, и с гостей, и с торговых людей, и с дворцовых, и с конюшенных, и с рабочих, и с ловецких слобод с Хамовников, и с ходатовцев, и барышников и с ямщиков, и с каменщиков, и с кабацких откупщиков, со льготников, и с шарманщиков, и с монастырей, которые торгуют—собрати с животов". Если купцы, служилые люди, промышленники, охотники, рыболовы несли эту налоговую повинность персонально, внося каждый по 5 денег, то с крестьянства этот налог взыскивался с каждой сохи „по сту по двадцати рублей с сохи"*).

Нужно заметить, что все военные расходы были переложены на плечи крестьян и других категорий трудящихся, ибо богатые купцы и предприниматели персонально платили по 5 денег, а каждый крестьянский двор платил не менее 2 р.—2 р. 65 к, смотря по количеству четей. Военный налог (об'явленный в 1662 г.) взимался даже „и со вдов и с девок и с недорослей, за которыми поместья и вотчины есть, взять с крестьянских и с бобыльских дворов по переписным книгам, с двора по полтине медными деньгами, а с пермич, и с Соликамской, с посадских людей и которые живут за монастыри торговые люди, с животов их же деньгами". Предполагая, что налог по 50 коп. с каждого двора не может быть выполнен полностью, грамота предупреждает воевод, что в случае невыполнения этого налога „велят доправить на тебе (т. е. на воеводе), да на тебе же за то от нас вел. госуд. быть в опале и в жестоком наказанье, и животы твои, и поместья, и вотчины велим взять на нас вел. госуд., и отдать в раздачу безповоротно".

И воеводы эти налоги собирали конечно так, чтобы не заслужить гнева царя и его приближенных, не лишиться своих земель и поместий, совершенно не считаясь с разорением крестьян.

Таким образом мы видим, что коми крестьяне эксплоатировались как купеческо-ростовщическим капиталом, так и государством, путем взимания всевозможных налогов. Эти налоги извлекались государством с населения самыми крутыми мерами, вплоть до отобрания земли у неисправных налогоплательщиков и передачи их более исправным налогоплательщикам—кулачеству и купечеству.

Еще более широкая и утонченная эксплоатация коми крестьянства началась со времени установившихся крепостнических отношений, когда коми крестьянство, в силу сложившихся политико-экономических отношений в крае, оказалось в крепостной зависимости от помещиков, каковая зависимость в интересах дворянства и была окончательно оформлена царским правительством в первой половине XVII века.

*) А. А. Э., т. III, № 80, с. 113—114.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КОМИ.

Общие замечания.

Рассматривая вопросы возникновения крепостного хозяйства, необходимо указать, что эти вопросы, как и вопросы феодализма в Коми, совершенно не изучены. Буржуазные историки, выполняя задания господствующих классов—больше занимались прикрашиванием и обеливанием феодализма, чем изучением тех действительных взаимоотношений между крестьянами и феодалами в различные стадии феодализма.

Если одни историки рассматривали феодализм как эпоху военных турниров, рыцарства, любви, то другие рассматривали установившееся с первой половины XVII века крепостническое хозяйство, как эпоху „свободного" хозяйничанья крестьян, которые (крестьяне) якобы „по договоренности" с помещиками по своей „доброй воле" обрабатывали земли помещиков в форме барщины и оброка. А феодал-эксплоататор изображался ими в качестве благодетеля крестьян, который помогал им во время неурожаев, падежа скота всем необходимым для поддержания их хозяйства.

„Главная их (феодалов—В. П.) роль заключалась в том, пишет А. Богданов—что они были организаторами военной защиты подвластных им общин. Они присваивали себе прибавочный труд крестьянина в виде барщины или оброка. Благодаря этому хозяйство феодала было экономически гораздо сильнее крестьянских хозяйств и могло брать на себя устройство предприятий, общественно-необходимых, но непосильных даже более зажиточным крестьянам: мельниц, пекарен, особенно же дорог, мостов и проч. Во время голода, эпидемий и других бедствий феодал своими запасами и средствами поддерживал крестьян и помогал им пережить тяжелое время, заставляя их потом, разумеется, с избытком возвращать затраченное. На всем этом основывалась власть феодала: он считался „господином" (сеньором) земли и крестьян *).

Из приведенной цитаты видно, что А. Богданов связывает получение феодалом ренты с крестьянства с организаторской ролью феодалов, а не с их эксплоататорской деятельностью.

---

*) А. Богданов. Начальный курс политической экономии, 48 и 49 стр. М. 1919 г.

Изображая помещиков в качестве благодетелей крестьян, буржуазные историки идеализировали и положение крепостного крестьянства, представляя их в качестве „вольных“ и „свободных хлебопашцев“. Видный русский историк Ключевский указывает: „Крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем“.

Отрицая былое крепостническое состояние крестьянства в эпоху феодализма крепостничества, буржуазные историки особенно ссылаются на оброк, считая, что оброчные — типично свободные крестьяне. Лапко-Данилевский указывает, что „оброк в сущности первоначально был результатом свободного личного соглашения между оброчниками и землевладельцами“.

Историк Дубровский, в своей последней работе („К вопросу о сущности „азиатского“ способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала“)—также ухитрился найти в условиях феодального строя свободных крестьян. „Развитие торгового и ростовщического капитала,—пишет Дубровский—приводит к распаду власти феодалов, к разложению самостоятельного крестьянства и выделению из класса феодала нового класса крепостников и, с другой стороны, к превращению раньше свободных крестьян в крепостных“ *). Итак, теория Дубровского состоит в том, что Дубровский признает закрепощенность крестьян на более высшей стадии развития феодализма, т. е. в эпоху крепостного права, считая их лично свободными в эпоху раннего феодализма.

Могли ли быть лично свободными крестьяне в эпоху феодализма-крепостничества? Ясно, нет. Они все находились в экономической зависимости от феодалов. „Но оставим светлый остров Робинзона,—пишет К. Маркс,—перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимые крепостные и помещики, вассалы и сеньоры, миряне и попы. Личная зависимость характеризирует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд измеряется временем точно так же, как и труд, производящий товары, но каждый крестьянин знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество

---

*) Дубровский, цитиров. выше работа, 117 стр. (разрядка наша—В. П.).

своей собственной личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы мы ни оценивали те характеристичные маски, в которых выступают средневековые люди друг по отношению к другу, несомненно, во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облекаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда" *).

Здесь Маркс ясно и отчетливо подчеркивает, что основу феодального общества составляют отношения личной зависимости, где крестьянин находится в полной экономической и политической зависимости феодалов. Этих приведенных данных вполне достаточно для того, чтобы решительно покончить с теориями приведенных историков „о лично свободных крестьянах в феодально-крепостнической формации".

Так буржуазные историки фальсифицировали феодализм в его различные стадии развития. Эпоха оголенной и грубейшей эксплоатации крестьян помещиками, купцами, монастырями, государством, эпоха полного своеволия князьков и помещиков над крестьянством, эпоха непрерывной кровавой борьбы крестьянства за свержение власти своих эксплоататоров—представлена нам в виде полюбовного сосуществования крестьян с помещиками, где никакой классовой борьбы не было. Поэтизируя этот рабский период человеческой истории,—превратно изображая нам эпоху феодализма-крепостничества, с его вечной гармонией интересов между крестьянами и помещиками, буржуазные историки тем самым ярко подчеркивали, что в прошлой истории человечества не было никакой классовой борьбы, а, напротив, было мирное сосуществование крестьян и помещиков. Для чего им это было нужно? Для того, чтобы показать крестьянству и рабочему классу на незаконность классовой борьбы со своими эксплоататорами—с помещиками и буржуазией. „Раз не было классовой борьбы в прошлом",—рассуждают буржуазные ученые, —так не должно быть ее и в условиях капитализма. Если крестьяне и рабочие раньше гнули свои спины для обогащения кучки капиталистов, то они должны и впредь безропотно работать на своих эксплоататоров.

Буржуазные историки изучали крепостнический строй для того, чтобы обелить его рабский характер и представить его в более привлекательном виде. Для нас изучение вопросов крепостничества вызывается задачами социалистического строительства, для того, чтобы как можно скорее уничтожить остатки крепостничества, которые частично сохранились в экономике России и ее колоний до Октябрьской революции.

---

*) Маркс К. Капитал, т. III, ч. II, 267 стр.

Особенно четко и ясно об остатках прошлых экономических формаций в экономике России ко времени социалистической революции отметил В. И. Ленин. Так он в своей брошюре „О продналоге“ указывает, что „не было еще, кажется, такого человека, который задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма. Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса. Перечислим эти элементы:

1. Патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2. Мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3. Частно-государственный капитализм;

4. Государственный капитализм;

5. Социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом“ *).

„Оспорить то,—говорит В. И. Ленин там же,—что налицо имеются все эти пять ступеней или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального, т. е. полудикого, до социалистического, никому не удастся. Что в мелкокрестьянской стране преобладает „уклад“ мелкокрестьянский, т. е. частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно“ **).

Ясно, что все эти разнообразные остатки от прежних общественно-экономических формаций, пережитых в прошлом народами б. царской России—не только ухудшали положение рабочего класса и крестьянства, но и задерживали дальнейший прогресс экономики России и ее колоний. Рабочий класс, революционная борьба которого за социализм тормозилась остатками феодально-крепостнических пережитков—являлся первым застрельщиком ликвидации феодально-крепостнических пережитков. Поэтому „непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране ***)—писал, В. И. Ленин в своей статье, посвященной к 4-х летней годовщине Октябрьской революции.

---

*) В. И. Ленин, Соб. сочин. т. XVIII, ч. I, 203 стр. М. ГИЗ, Изд. I. 1924 г.

**) В. И. Ленин, Соб. соч. т. XVIII, ч. I, 215 стр.).

***) В. И. Ленин,—К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, 2 стр. Парт. Изд., 1932 г.

Мы в этой главе покажем, что и коми переживал в прошлом не только феодализм, но и эпоху крепостничества, т. е. и высшую стадию развития феодализма.

II. Поместно-дворянское землевладение.

Феодализм, в основном сформировавшийся в Коми к XIII-XIV в. в., в течение столетий переживал ряд различных этапов. Первый этап феодализма в Коми характеризуется грабежом, захватом общинных земель крестьянства феодалами. Последние, пользуясь силой и властью, не только захватывали крестьянские земли, но и самих крестьян, превращая их таким образом в рабов, во всем зависимых от помещиков. Феодалы, являясь владельцами крупнейших земельных латифундий, незначительную часть этих награбленных земель передавали обратно крестьянам, которые были у них отняты ранее. Эти наделы, во-первых, обеспечивали крестьян необходимыми средствами питания и, во-вторых, обеспечивали феодалов необходимой рабочей силой. Остальная часть земель, остававшаяся в руках феодалов, обрабатывалась крестьянами в форме барщинной и оброчной эксплоатации.

Спрашивается, каким образом феодалы могли заставить работать на себя крестьян? Только путем прикрепления их к земле, путем личной власти феодала над крестьянами. „В средние века,—пишет Энгельс,—источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а, наоборот, его прикрепление к земле. Крестьянин сохранял свою землю, но был прикреплен к ней, как серв или виллон, и был принужден нести в пользу господина повинности трудом или натурой“ *). Крепостное право в этом отношении являлось основным орудием, посредством которого феодалы эксплоатировали труд закрепощенного крестьянина. В. И. Ленин, рассматривая барщинную систему эксплоатации, указывает, что „условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение“, как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим. Форма и степень этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина“**) .Только личная зависимость крестьянина от помещика, только наличие прямой власти над личностью крестьянина —давало возможность феодалам эксплоатировать труд крестьянина в форме барщинной и оброчной эксплоатации. Таким обра-

---

*) Энгельс. Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.
**) В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, т. III, 139—141 стр.

зом, грабеж, насилие были неизбежными спутниками при сформировании феодальной формации.

Характерной чертой начальной стадии развития феодализма в Коми является господство натурального хозяйства. Крестьянин для ведения своего хозяйства обходился исключительно своими средствами. Сам делал сельско-хозяйственные орудия, телеги, обувь, одежду, средства питания. Отмечая в основном натуральный характер ранней эпохи феодализма, мы не считаем феодальное хозяйство натуральным в бюхеровском смысле слова, т. е. безобменным. Случайные, спорадические меновые связи были. Мы в соответствующих главах уже указывали, что обмен уже существовал в эпоху родово-племенного строя, в частности и в XI-XIV вв.

Эти первоначально-незначительные меновые связи, постепенно, в связи с развитием общественной техники и производства, принимали более широкие размеры. Высшая стадия развития феодализма начинается как раз со времени роста товарно-капиталистических отношений, со времени углубления феодально-крепостнической эксплоатации, в связи с товаризацией помещичьих крестьян.

Товаризация помещичьего хозяйства естественно вызвала углубление и расширение феодальной эксплоатации, что чрезвычайно ухудшило положение крестьянства, свело его буквально на положение раба. „Крепостное право",—пишет В. И. Ленин,—особенности в России, где оно наиболее держалось и приняло наиболее грубые формы,—оно ничем не отличалось от рабства"*). Усиление эксплоатации крестьянства вызвало классовую борьбу крестьянства против помещиков, которые, стремясь сбросить гнет феодально-крепостнической эксплоатации, массами бежали в леса, в степи, чтобы освободиться от тирании—своих помещиков и от тех кабальных договоров, которые крестьяне, в силу ряда обстоятельств, заключали с помещиками, передавая свою рабочую силу для эксплоатации последним.

Выражаясь языком тогдашних документов, крестьяне „начали брести розно". Правительство ответило на это изданием специального акта, закреплявшего крестьян за теми владельцами, на земле которых они находились. (Этот закон распространялся на все крестьянское население России).

В 1597 г. (24 ноября) был издан первый указ о прикреплении крестьянского населения за владельцами. Указ гласил: „которые крестьяне из-за бояр и из-за приказных людей и из-за детей боярских и за-за всяких людей бежали до нынешнего 106 (1597) и за 5 лет и на тех беглых крестьян в их побеге давати суд и сыскивать накрепко всякими сыски и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто

*) В. И. Ленин—Новые статьи.

жил. А некоторые крестьяне выбежали до нынешнего 106 году лет за 6 и за 7, а за 10, и больше, а те помещики и вотчинники, из-за кого они выбежали, до нынешнего 106 г. лет за 6, за 7 и за 10 гоoударю царю не бивали челом: на тех беглых крестьян в их побеге суда не давати и назад их, где кто жил, не возити" *).

Многие исследователи недооценивают этого указа, отрицая за ним смысл закрепощения, ибо здесь нет сведений об установлении крепостного права,—речь идет о возвращении бежавших крестьян к месту их постоянного жительства. Но это ошибочно. Названный указ является дополнением к тем грамотам, по которым помещикам и вотчинникам были пожалованы земли и крестьяне; он представляет собою не что иное, как регламентацию уже существовавших, крепостнических отношений.

Одной из причин массовых побегов крестьян была политика закабаления ранее „свободных" людей, которую проводили помещики. Последние, пользовались невыполнением тех или иных долговых обязательств крестьянами, работавшими на их землях, как предлогом для того, чтобы закабалить этих крестьян, лишить их свободы. Крестьянин, не имевший возможности своевременно погасить задолженность своему вотчиннику, попадал в кабальное состояние, т. е. делался холопом своего владельца. Наконец, на побеги толкали крестьян и правительственные стеснения крестьянского перехода как по судебнику великого князя Ивана III (1497 г.), так и по судебнику царя Ивана Васильевича (1550 г.), допускавшему переход один раз в году в так называемый Юрьев день. К тому же при переходе крестьян от одного владельца к другому требовались деньги. Сошлемся на судебник царя Ивана Васильевича 1550 г: „А крестьянам отказыватися из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и недели по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят: в полех за двор рубль да два алтына, а в лесех, где 10 верст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына, А который крестьянин живет за кем год, да пойдет прочь и он платит (за) четверть двора, а два года поживет, и он платит полдвора, а три года поживет, и он платит три четверти двора, а четыре года поживет, и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имети с ворот, а за повоз имати с двора по два алтына; а опричь того же на нем пошлин нет"**).

Такое „разрешение" перехода крестьян от одного владельца к другому насквозь лицемерно.

Откуда крестьянин мог достать эти суммы, чтобы воспользоваться „правом", которое предоставлял ему закон? Он мог

*) „Памятки по истории крестьян XVI—XIX вв", № 32.

**) В. Викторов, Крестьянские движения XVII—XVIII вв. с. 9, Хрестоматия Владимирского-Буданова, ч. 2-я, с. 172—174.

их достать лишь у ближайшего монастыря, ростовщика или купца, в результате чего попадал из одной кабалы в другую. Чтобы оставить работу у данного землевладельца, крестьянин должен был, во-первых, оплатить стоимость двора, во-вторых, обязан был платить „пожилое с ворот", которое определялось договором и представляло собою плату процентов за полученную ссуду, инвентарь, в-третьих, внести своему владельцу известную сумму за право выезда. Все эти платежи, конечно, были не под силу крестьянству и представляли собой и вернейшее средство его закрепощения.

Чем сильнее затягивалась петля крепостничества на шее крестьян, тем упорнее становилось их сопротивление. Борьба против этого закрепощения первоначально носила пассивный характер и выражалась в массовом бегстве крестьянства от помещиков и вотчинников. Дальнейшее развитие этой борьбы нашло свое выражение в крестьянских волнениях, известных под названиями. „Смутного времени" „Разиновщины" и „Пугачевщины". Массовое бегство крестьян заставило правительство и дать ряд актов для разрешения споров между помещиками и вотчинниками.

1 февраля 1601 г. последовал боярский приговор в связи с тем, что „бояре и дворяне, и дети боярские, и владычных и монастырских вотчин бьют челом о суде с беглых крестьянах до 110 году (1592) до голодных годов за год, на посады и в государевы в дворцовые села и в разные волости, и за помещиков и за вотчинников, во крестьяне и в холопы, и тех приговорили сыскивая отдавати старым помещикам".

Грамота указывает, что крестьяне, которые „бежали во 110 и во 111 году, в голодные годы, с животы, а прожити было не мочно, а пришли за иных помещиков или за вотчинников жити во крестьяне и в холопи и тех сыскивая отдавати старым помещикам и вотчинникам". Таким образом согласно этой грамоте крестьяне, бежавшие из поместий не в голодный год, передавались в распоряжение их прежних владельцев. Иначе решался вопрос о тех крестьянах, которые бежали вследствие тяжелой нужды в эти голодные годы (110-111). Грамота указывает, что крестьяне бежали „от бедности и животов у него не было ничего, и тем истцам отказывати". Отказ в возвращении этой категории крестьян прежним владельцам мотивируется тем, что „в голодные лета тот помещик и вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормитись не мог и от бедности, не хотя голодною смертью умереть".

Разумеется, мотивом такого решения было не столько сочувствие правительства беднякам-крестьянам, сколько желание его примирить интересы крупных и мелких вотчинников, между которыми в это время происходила борьба из-за крестьян как рабочей силы. Правительство постаралось разрешить этот вопрос так, чтобы не обидеть своих верноподданных челобитчиков

и в то же время не посягнуть на интересы тех вотчинников, к которым перешли бежавшие крестьяне.

То обстоятельство, что крестьяне „бежали от голодной смерти", послужило правительству удобным предлогом для того, чтобы отказать в иске крупным землевладельцам и закрепить этих крестьян за новыми помещиками. Позиции боярства и купечества по крестьянскому вопросу в начале XVII в. восновном совпадали, так как и те и другие являлись крупными владельцами земли и крестьянства. Поэтому их задачей было окончательное закрепощение крестьян за теми владельцами, в распоряжении которых они в данный момент находились.

9 марта 1607 г. были изданы новые законы, закрепившие крестьян за определенными землевладельцами. „Которые крестьяне,—говорит грамота,—от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101 году (1593) положены и тем быть за теми, за кем писаны, а будет те крестьяне вышли за того иного, и в том есть на крестьян тех или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентября по 1 число сего года будет бить челом и тех крестьян отдавати по тем книгам со всеми их животы тем, за кем они писаны". Что касается крестьян, о которых не было никакого челобития в течение установленного срока, —„тех после того срока по тем книгам не отдавать, а писати их в книги, за кем они ныне живут и предь за 15 лет о крестьянах суда не давати и крестьян не вывозити" *).

Этот закон устанавливал и наказание для тех, кто будет принимать незаконно бежавших крестьян и холопов. „А буде, которые отныне и за кого вышед перейдут к иному кому бы то ни было,—гласит закон,—и тот примет противо сего нашего соборного уложения и у того крестьянина взяв, перевести ему со всеми того крестьянина пожитками, откуда он перебежал; а двор, если тот крестьянин строил, заплатити стоить, а двора не возить; да с него же на царя государя за то, что принял противо уложения доправити 10 руб.—не принимай чужого, да с него за пожилое тому, чей крестьянин за двор на всякий год по 3 рубля и за холостого тоже на год по 3 рубля" **).

Для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь изданного закона, грамота поручает „в городах воеводам и дьякам и всяким приказным людям наведыватись во всем их уезде через старост и сотских и священников нет ли где пришлых людей вновь и где ему скажут оных брати и спрашивати накрепко чей он, откуда, когда бежал и где сколько жил, и не подговорил ли его кто, и буде скажет, кто подговорил и доведет до него и того подговорщика казнити торговою казнью".

Этот закон, запрещавший прием беглых крестьян, относился также и к самому крупному землевладельцу—государству в лице

*) „Памятники по истории крестьян XVI-XIX вв." № 37, Викторов, Крестьянские движения в XVII-XXIII вв., с. 41.

**) Там же.

казны. Поэтому закон указывает: „если примут чьего холопа или крестьянина в царевы или вел. кн. села или волости или в черные волости, или в патриаршие и святительские и монастырские села, то за прием—правити на волостителях или на приказчиках и на старосте. А который наместник или судья... сыскивать и допрашивать не будет... и от дела отбросити, а впредь ему ни у какого государства дела не быти".

Итак, закон 9 марта 1607 г. упрочил крепостное право в России и в ее колониях. В этом законе уже нет ни слова о праве выхода крестьян от своих владельцев.

Эти крепостнические законы получили свое дальнейшее развитие в „Уложении царя Алексея Михайловича" (1649), которое привело в систему все законы, изданные по крестьянскому вопросу.

Тяжелое экономическое положение кабального крестьянства, систематическая политика закрепощения все новых и новых слоев „свободного" крестьянства вынуждали крестьян бежать и организовывать в лесах северо востока свободные крестьянские поселения. По сведениям историков, во время первой крестьянской революции конца XVI—начала XVII в. (так называемое „Смутное время") большая часть строгановских имений была безлюдной: крестьяне использовали это движение для освобождения от кабальной власти Строгановых. Это бегство крестьян не прекращалось и после „Смутного времени", вследствие чего Строгановы били челом о выдаче беглых кабальных людей и крестьян. Издание закона 9 марта 1607 г., санкционировавшее крепостное право у тех землевладельцев, у которых имелись крестьяне по писцовым книгам, дало Строгановым возможность рассматривать всех своих крестьян как вольных, так и кабальных—как своих крепостных. На челобитную Строгановых о выдаче им беглых крепостных 18 сентября 1614 г. последовала грамота царя Михаила Федоровича в сибирские города—в Тобольск, Тюмень, Турин и Верхотурье—воеводам и дьякам о выдаче беглых кабальных людей и крестьян и наемных должных казаков, скрывшихся из вотчин Максима, Никиты, Андрея и Петра Строгановых. „Били нам челом.—пишет царь,—Строгановы... из их вотчин, с Камы реки, и с Яйвы, и с Чусовой, из Сылви и с Очери кабальные их служилые люди и крестьяне тутошние и прихожеи и наемные де их донские казаки, взяв у них деньги и в том бегают от них в Сибири... и деньги де и платья от них сносят, и лошадей и скот всякий с собою они же свозят. Провожают, де, тех их беглых людей и крестьян... до наших сибирских городов лесом наши ясашные татаровя и вогуличи".

Татары и вогуличи способствовали бегству крестьянства не только из сочувствия: они получали за свои хлопоты и сопровождение беглецов по лесным тропинкам соответствующую мзду. Об этом свидетельствует та же грамота: „у тех беглых людей ясашные наши татаровя и вогуличи емлют, чтобы они с собою

от них сносят деньги, скот всякий себе и тем их животом корыстуются, а им (Строгановым—В. П.), в том от них чинятца убытки и потери великие".

Грамота предлагает воеводе: „которые Максима Строганова да с братьею беглые их люди и крестьяне живут в наших сибирских городах и по суду и по сыску и по крепостям отдати им доведетца и вы б тех беглых крепостных людей и крестьян, со всем их животы велели отдавати им по прежнему. Да ково имянем Максиму или Никите и Андрею и Петру беглых их крепостных людей и крестьян и с ними каково живота отдадите и вы бы в том у людей их или у приказчиков велели имать отписи впредь для спору, да о том о всем подлинно описывати в приказ Казанского дворца *) дьякам нашим" **).

Эта грамота важна для нас в том отношении, что она определенно подтверждает закрепощенность строгановских крестьян, называя их „крепостными".

С изданием Уложения 1649 г. все крестьянство, жившее на землях Строгановых, считалось принадлежащим Строгановым. Но мало того. Все крестьяне из числа занесенных в писцовые книги, которые бежали ранее с тех или иных хозяйств и о бегстве которых было заявлено, подлежали возвращению прежним хозяевам как их собственность. Об этом говорит 2-й пункт XI главы Уложения 1649 г.: „если вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянах и о бобылях и скажут, что их крестьяне и бобыли, выбежав из-за тех, живут в государевых и дворцовых селах и в черных волостях или на посадах в посадских людей... или в иных каких-нибудь служилых людех в Замосковных и в Украинских ***) городах, или за патриархом, или за митрополита... или за монастыри... и за дьяка... и за иноземцы и за всякими вотчинники и помещики и тех крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати по писцовыми книгам, которые книги писцы в поместный приказ отдали после Московского пожару прошлого 143 г. (1635). А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людей без урочных лет".

Согласно этому закону местная администрация возвращала Строгановым и другим вотчинникам всех бежавших крестьян, которые были обнаружены, со всем их имуществом. Так, в 3-м пункте XXXI главы Уложения говорится: „тех крестьян отдавати с женами и с детьми и со всем их живота и с хлебом стоячим и с молоченным".

*) Приказ Казанского дворца до 1634 г. ведал Вычегодским и Камским бассейнами и Сибирью. Веселовский, Приказной строй Управления Московского государства, т. III, 1912 г., с. 88.

**) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XIX вв., с. 77.

***) Украинскими городами считались города, лежавшие в пограничных местах Московского государства.

Крестьяне, переданные землевладельцам по новым законам 1649 г., освобождались от всех налогов и поступали в полное, почти бесконтрольное распоряжение вотчинников, как гласит об этом § 6 XI главы Уложения: „за кого они будут взяты и с тех помещиков и вотчинников государевых поборов никаких по переписным книгам за них не имать, а имать государевы всякие поборы с тех вотчинников... за кем они по отдаче учнут жить в крестьянах" *).

Уложение 1649 г. было крупнейшим законодательным актом XVII в. Наиболее ярко выделяется в этом Уложении отмена „урочных лет".

Если раньше крестьяне пользовались „урочными годами" для того, чтобы оставить данного вотчинника и перейти к другому, то теперь, с отменой урочных лет, они навсегда закреплялись за своими вотчинниками без права перехода.

Отмена урочных лет свидетельствует о полной победе землевладельцев, добивавшихся юридического закрепощения крестьянства, что и было выполнено правительством Алексея Михайловича и его боярами. Последние были крупнейшими землевладельцами и видели в „урочных летах" подрыв своей экономической мощи, так как частые переходы крестьян неблагоприятно отражались на их хозяйстве, а массовые побеги крестьянства подрывали их хозяйство.

При составлении Уложения было уделено специальное внимание такому видному помещику, каким являлся Строганов, владевший громадными с.-х. и торгово-промышленными предприятиями в Камско-Вычегодском крае.

Так, § 94 XI главы Уложения гласит, что „если кто обесчестит именитых людей Строгановых... а про то сыщется до пряма: и им правити за безчестие Строгановым по 100 рублей человеку" **).

Строгановы, которые давно уже были крупными земельными собственниками, стремились к дальнейшим земельным приобретениям. В этом правительство охотно шло им навстречу. В 1685 г. Строгановы были пожалованы новыми землями по реке Веслянке Чердынского у., под оброк „по два рубля в год" ***) и т. д. Мы не будем перечислять их челобитий по этому вопросу и всех пожалований, в том числе „права наименоваться вичами" ****), а позднее, во время Петра I, и „баронами" *****).

Приведем грамоту царя от 27 ноября 1692 г., из которой видны все пожалования, сделанные Строгановым по их челобитным грамотам, как новыми земельными угодьями, так и крестья-

---

* Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича, перепечатано из Полного собрания законов Госуд. типогр., изд. 1913 г., с. 125—126.

**) Там же, гл. X, с. 49.

***) В. Шишонко, Пермская летопись, период V, с. 217.

****) Там же, с. 567.

*****) Там же, с. 566.

нами. „И мы пресветлейшие и державнейшие великие государи...,—говорит грамота,—пожаловали именитого человека Григория Дм. Строганова за многия прежние службы и разные денежные многие платежи прародителей его..., велели ему, Гр. Дм. и жене его и детям и внучатам и впредь по нем будущим роду его теми всеми вышеписанными, ниже Перми вел. и у Соли Вычегодской и на Устюге вел. и выше Осисной слободы и в иных местех родовыми и выслуженными и купленными вотчинами и городками и острожками и Чусовскими и Сылвенскими и Яйвенскими Очерским, Орлом и Новым Усолем и Вишерскою вотчиною селом Воскресенским с деревнями и починками и пустошами и с дворовыми людьми и со крестьяны и с бобыли и с посадскими людьми и с варницами и мельницами и со всякими заводы и в городах дворами и лавками и амбарами... и с пашенными земли и с сенными покосами, и реками и озерами... с рыбными и звериными ловлями и со всякими угодьи.... и рекою Веслянкою впалыми речками и лесами и со всеми угодьи— владеть впредь неотъемлемо..., как владели изстари прародители его Григорьева...“ *).

По данным Волегова к моменту первой ревизии строгановских имений, которая была произведена в 1715 г., во всем имении оказалось жилых дворов и изб 5954, в них людей обоего пола было 44669 чел., изб как пустых, так и жилых—3324, бежавших крестьян числилось 33235 человек.

Эта же царская грамота (1692 г.) совершенно освобождает людей Строганова от суда местных наместников. По этому поводу грамота замечает: „его Григория Дмитриевича и людей его и крестьян и посадских людей и работников судить ни в чем не велено, и в те их вотчины въезжать и посылать ни по что... никого, опричь разбоя и татьбы с поличным, не велели де... А кому будет до него, Григория Дмитриевича и до людей его и до крестьян и до работников какое дело, и ему и людям его и крестьянам отвечать на Москве, на Благовещеньев день, и на Москве судит их тот, кому мы вел. государи по указу повелели; а людей своих и крестьян и работников судить ему Григорию Дм. самому или кому он прикажет“.

В результате всех этих пожалований и незаконных захватов, о которых мы говорили уже выше, Строгановы превратились в крупнейших помещиков, владевших огромными вотчинами с десятками тысяч крепостных крестьян.

Задавленные невыносимо тяжелым трудом, эксплоатируемые самым бесчеловечным образом, при 18—20 часовом рабочем дне, крепостные крестьяне Строгановых массами убегали в Сибирь, в частности в Тобольскую губернию. Свидетельство Волегова, что во время ревизии имений Строгановых 33 255 человек находилось в бегах, является блестящей иллюстрацией к условиям жизни и труда крестьянства. Из строгановских вотчин до-

---

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период V, с. 620—623.

1649 г. бежали: 1) кабальные люди, которые были вынуждены оставить поместья Строгановых, чтобы освободиться от кабалы, в которую они попадали в результате денежных и других займов; 2) крестьяне, для которых крепостной труд был невыносимо тяжелым при условиях жесточайшей эксплоатации, когда рабочий день начинался с раннего утра и заканчивался поздним вечером; 3) казаки, нанявшиеся служить у Строгановых и также попавшие в кабалу, которая могла превратиться из временной в вечную.

По челобитным Строгановых о массовом бегстве крестьян правительство рассылает грамоты, предлагающие местной администрации бороться с этим явлением, жестоко наказывать как беглецов, так и тех лиц, которые этих беглецов укрывали: „учинить заказ крепкий и биричем кликать по многие дни, чтоб всяких чинов люди беглых даточных людей, своих и прихожих чужих крестьян первого и другого сборов на посаде и выезде в волостех и в селах и в деревнях у себя не держать ни какими, а где беглые даточные люди об'явятся и их бы имая приводили к тебе; а будет кто беглых даточных людей... учнут у себя таить, а к тебе в с'езжую избу приводить не учнут, а после про то сыщется подлинно и за то им от нас быть в великой опале и торговой казни, да у них же за ту утайку возьмут из крестьян из зажиточных людей вдвое".

Далее грамота предписывает: „как тебе даточных людей к тебе в с'езжую избу приводить учнут и ты бы их распрашивал накрепко: кто которого сбору и с чьего поместья или с вотчины в даточные взят... и кто с ними вместе... даточных же людей сбежало и которых городы и чьи крестьяне сбежали, и сбежав куда пошли, и где ныне живут, а расспрося их за побег, учини им наказание, велим бить кнутом" *).

Положение крепостного крестьянства и служилых людей в имениях Строгановых ярко обрисовано в челобитной дворового Афоньки Кусикова. Он сообщает о беззакониях и издевательствах, которые допускали Строгановы по отношению к своим крепостным **).

Из его челобитной мы узнаем, что после смерти своего хозяина Максима Строганова по его духовному завещанию Кусиков был освобожден от крепостной зависимости, о чем ему и был выдан соответствующий документ. Но по собственному желанию он нанимается на работу на 10 лет к сыну Максима Ивану Строганову, а после истечения 10-летнего срока службы новый хозяин упорно противится его освобождению" **). Итак, отсюда мы узнаем, что Кусиков вторично по своему желанию „захолопил" себя на 10 лет. Об'ясняется это тем, что средства,

*) Д. А. И., т. IV, № 78, П., 1851 г., с. 197—198.
**) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв., с. 51.
***) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв.

с которыми он был отпущен на волю, были настолько мизерны, что с ними можно было умереть с голоду и во всяком случае нельзя было организовать самостоятельное хозяйство. Вот почему все, кто бежал из холопства, уходили в Сибирь, где было достаточно земли и где можно было найти работу в более сносных условиях.

Строгановы, как и другие помещики, лучшим средством борьбы с уходом крестьян считали не давать им ничего при уходе.

Афонька в своей челобитной также жалуется, что после того, как срок его холопства окончился „тот Иван, не хотя меня от себя отпустить и наделка, от отца их приказу дать по духовной, и хотя меня сильно к себе во двор похолопить с женишком и с дочеришком, и пограбили живота моего, отца ево государя моего данные, чем меня холопа своего благословил поминать себя, кроме денежного наделка, взял грабежем на 50 руб. с полтиною, и погребя мои животы велел меня с двора сослати“ *).

Афонька был лишен не только всего того, что полагалось ему по духовной, но и того, что им было накоплено за 10 лет.

Особенно крепко держались Строгановы за тех работников, которые хорошо знали свою работу, могли с успехом выполнять хозяйственные, торговые, промышленные поручения, могли вести всевозможные книги: вотчинные, записочные (приход-расход) и др. Афонька как раз принадлежал к той категории слуг, которая выполняла всевозможные поручения по хозяйству. И вот, когда этот Афонька пожелал воспользоваться своей свободой, уйти, он был обвинен Строгановым в разбое или вернее в подстрекательстве к разбою. Как он в своей жалобе пишет: „после того, поклепав меня разбоем и засадил на Москве в тюрьму без поличного **) и я без язычной молки ***), а сказал, будто я, сирота твой, подговорил, послал на ево Ивановых людей, разбойников по Коломенской дороге к Москве едучи с Коломны разбойники Иванова живота пограбили, а в том, государь, деле шурин Иванов Степан Савлуков—Пушкина, да Иванов человек Строганова, который с Коломны с тем Ивановым животом ехал на Москве были в разбойном приказе ****), на крепких пытках, и они на себя, на меня ничего не говорили, тому делу в разбойном приказе и записка есть“.

„Справедливый“ суд Московского государства вынес на этот раз оправдательный вердикт, и оба злосчастных приказчика были освобождены. Но совершенно иначе поступило правосудие по отношению к Афоньке, задержав „за пристава“ *****) и в тюрьме

*) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв.

**) Поличное—вещь, уличающая в преступлении.

***) Язычная молка—свидетельские показания.

****) Разбойный приказ—центральное управление по делам о грабежах и разбоях.

*****) За пристава—под арестом.

на Москве больше году, где он „погибал всякою тюремною мукою, голодом и наготою и босотою". Выйдя из тюрьмы, „волочился и по миру скитался больше году же и сиротелся и одолжал великими долгами. А женишко мое с дочеришком у Соли Вычегодской, в те годы таково же по миру меж двора волочились голодом, наготою и босотою и всякою нуждой погибали от его Иванова насильства... и убытка мне учинилось в те годы от Иванова насильства 68 р. 25 алтын 3 деньги, окроме грабежу" *).

Строгановым ничего не стоило обвинить своих бывших холопов или крестьян в разбое, засадить в тюрьму и, повлияв на администрацию разбойного приказа, продержать годок-другой в заключении. Что стоило Строганову заковать в кандалы неугодных ему лиц и засадить их в тюрьмы, которых имелось в вотчинах достаточно? Такая участь ожидала и Афоньку после освобождения его из московской тюрьмы. Как только он приехал в родной Сольвычегодский у., „тот Иван Строганов,—пишет челобитчик,—велел меня людем своим поимать и на свой двор отвести и разболотчи до нага и разуть босова, велел людем своим бить оснотьем... и велел отвесть в темницу и засадил у себя в кандалы и в железа на руки и на ноги и на тело цепь 1½ пуда и приковав к стене, издержал меня у собя на дворе в темнице пять лет. И начал двор его гореть и с темницы меня выпустили и на том пожаре видели меня с железами, хожу на шее чипь, твой подъячий Посник Задонский и многие посадские люди в железах" **).

Это свидетельство челобитчика чрезвычайно характерно. Строгановы были настолько могущественны, что позволяли себе делать все, что вздумается. Пользуясь своей безнаказанностью, а также тем, что до царя было очень далеко и что местная администрация из боязни перед Строгановыми не только не протестовала, но часто и потакала им, они часто сажали в свои тюрьмы из служащих воеводской канцелярии, как, например, подъячего Постника Задонского и многих посадских людей, не говоря уже о крестьянах. Свою силу и власть Строгановы проявляли и вне своих вотчин. Так, когда Афонька, как наиболее грамотный человек был выбран сельским сходом на должность целовальника, Строгановы вмешались в это дело и заставили отменить постановление схода. Вот что говорит Афонька по этому поводу: „И в прошлом, государь, во 136 году (1628 г.) с Семене деревни у Соли Вычегодской, на посаде мирские люди всяких диячков по приказам переменяют, в новый год ставят иных диячков, где хто к твоему государеву делу приходитца, и меня сироту твого, мирские люди пожаловали, поставили к разрубным к цело-

*) А. А. Введенский, Торговый дом XVI-XVII вв.
**) Там же.

вальником *) в дьяки и тот Иван Строганов прислал своих людей к земским к разрубным к целовальником к Василию Остафьеву сыну Суромятникову с товарищи, с великими угрозами не велел меня ни в какие дьячки ставити, а оне мирские люди, бояся Ивановых угроз, меня в дьячки не поставили, отказали" **).

Строгановы хотели в конце концов заманить Афоньку к себе, на что последний и указывает: „в дьячки принять отказали, хотячи меня, сироту твоего с женишком и дочеришком, тот Иван сильно нахолопить и не хотя мне дать жити с мирскими людьми, в тягле быти твоей государевой подати давати, головы своя кормити и гонит меня в великую нужу к себе в работу, в холопство и морит меня голодною смертию, чинит над нами великое насильство, над твоими государевыми сиротами не по твоему государскому указу делает сам судом по своему изволу изгоняет (к себе—В. П.) всякими угрозами загневю и кабалами устрашивает и людьми своими, и велит меня поимать, на двор к себе привести и хочет попрежнему сковать в железа и в колоду, и в темницу у себя засадить"***.

Отношение Строгановых к воеводам он характеризует следующим образом: „А твоих государевых воевод не докладывает, и к ним в приказ в с'езжую избу не присылает, ни во что их ставит, делает самосудом по своему изволу, и я, сирота твой, от тово Иванова насильства, вконец погибал".

Челобитная Афоньки бросает яркий свет на положение строгановских крестьян в Сольвычегодске, где они не только подвергались истязаниям, пыткам при помощи железных инструментов, каленого железа, огня, дыма, холода и т. д., но и полному умерщвлению. Так, он указывает: „у нево ж Ивана, людем его крепостным и крестьянам ево, чинятся многие напрасные смерти в темнице сидяче в колоде, в железных тяжких сидят года по три и по четыре и больше и умирают от великого кроволитья, от кнутьяных побоев без отцов духовных, морят дымом и голодом".

Далее он перечисляет жертвы преступлений Строгановых: „Уморен Семенка Шада, Ждан Оловенишников, да Афанасий Шешуков в колоде и в железах дымом уморен, знаючи за ними государское слово, а положены на старом городище, погребал их Андрей поп, а нынче тот поп Андрей живет в вотчине их на Каме реке, на слудке, служит у храму".

Отсюда мы узнаем о том, что строгановские преступления часто покрывались и местной администрацией Сольвычегодска. Воеводы не принимали никаких мер против злоупотреблений Строгановых и против совершенных ими уголовных преступле-

*) Разрубный целовальник—выборный мирской человек для разверстки и сбора государственных податей и налогов.

**) А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв.

***) Там-же, с. 51—55.

ний. Афонька в своей челобитной заявляет, что „тот же Иван Строганов посадских людей наймует у ворот караулить в день и в ночь и тех людей бьет кнутьем и батога нещадно и садит у себя в темницу в колоду и в железа и от таких побоев посадской человек Федор Вихрен умер“ и т. д. Такой же процесс закабаления и борьбы крестьянства с помещиками происходили в монастырском землевладении.

Церковно-монастырское землевладение.

Монастырские крестьяне были так же прикреплены к земле и находились в такой же крепостной зависимости, как и помещичьи крестьяне. Для увеличения числа своих крепостных монастыри, как крупные хозяйства, пользовались теми же методами, что и Строгановы. Крестьяне Хлыновского и Слободского у. (б. Вятской губ.) жаловались в 1681 г. царю, что епископ вятский и в. пермский Иона самовольно владеет ими, т. е. крестьянами, и теми землями, которые они обрабатывают. Приведем эту любопытную челобитную, позаимствованную нами из грамоты царя Федора Алексеевича: „ныне били челом нам вся госуд. вотчина Хлыновского у., Березовского стану Прошка Суслопаров. Андрюшка Окунев с товарищи к соборной де Николаевской церкви в писцовских книгах они не записаны и преосвященному Ионе, епископу Вятскому и В. Пермскому они ничем не крепки; владеет он, епископ, ими самовольно, без нашего вел. госуд. указу и без грамоты, а в писцовых де книгах отцы их и деды написаны на Вятке за нами, вел. госуд., в разных списках; и ныне де преосвященный Иона, епископ Вятский и В. Пермский сверх наших Великого государя податей доходы, тягло и хлеб берет не в силу и против их мочий“ *).

Кроме насильственных захватов земли с крестьянами монастыри широко практиковали привлечение для обработки земли половников, которых они затем постепенно закрепощали. Нуждаясь в деньгах, с.-х. орудиях и т. п., эти мелкие арендаторы обращались за помощью к монастырям, которые ссужали их всем необходимым на определенный срок. По истечении срока половники обязаны были покрыть свою задолженность, в противном случае они делались зависимыми от монастырей, т. е, иначе говоря, попадали к ним в юридическую кабалу.

В 1650 г. соликамцы жаловались царю, что „сшедшиеся люди, которые живут Преображения Спасова Пыскорского монастыря в слободке и которыми их усольскими землями и промыслы к тому монастырю владеют“, что „по реке по Каме от Березова острова вниз и по реке по Яйсве и до вершины сенными покосами и пашенными землями и лесами и рыбною ловлею завладели насильством, и нашу усольскую тяглую землю податных

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период IV, 1884 г., с. 467.

тяглых людей поотнимали и под заклад вкладом поимали" *).

Отсюда мы узнаем, что Пыскорский монастырь завладел землями, принадлежащими Соликамскому у., и путем всевозможных махинаций переманил податных людей Соликамска на свои земли. Одни из тяглых соликамцев заложили свою землю монастырю, другие внесли ее в монастырь вкладом (что было совершенно незаконно, ибо всякие вклады в монастырь, как и заклад земель последним, были воспрещены еще по Уложению 1649 г.).

Насильственно завладев крестьянскими землями, монастыри привлекали сюда половников, которые и занимались обработкой этих земель.

В этой же челобитной соликамцы указывают: „в прошлом де во 134 (1626 г.) отняли у них (соликамцев) пашни и сенные покосы многие, купленные и займища старые от Камы реки от Закзина острова, вверх перерывом берега по правой стороне, до Чащина острова насильством по сие число; отняв владеют из наших поморских и Пермских городов схожих людей, подмогами и задолжали вотчинами их, кои называют своими и всякое зделие на них наметывают в неволю, и для де льготы в монастырь приходят всякие тяглые люди и деревенские крестьяне со вкладом; а закладывают податные тяглые места и пишут крепости, закладными кабальными вдвое и втрое и по нашему де указу (царя) никаких тяглых мест в монастырь закладывать и без тягла никому... быть не велено" **).

Итак, вся монастырская земельная собственность создавалась: 1) путем пожалований Московским государством (иногда вместе с землей „жаловались" и крестьяне), 2) путем насильственных захватов крестьянских земель вместе с самим крестьянством, обрабатывавших эти земли.

Монастырское крепостное крестьянство составлялось из бывших государственных крестьян, пожалованных монастырям государством, и из монастырских половников—путем их закабаления и насильственного захвата.

Положение монастырского крестьянства было не лучше положения крестьян в вотчинных и купеческих хозяйствах. Непосильный оброк и различные повинности ложились тяжелым бременем на крестьянство, в результате чего они не могли своевременно покрыть свою задолженность. Закабаление крестьян долговыми обязательствами имело своим последствием такое же массовое бегство крестьян с монастырских земель, как и из вотчинных и помещичьих имений. Целым рядом актов царское правительство прикрепляло монастырских крестьян к возделываемой ими монастырской земле. Последовавшей 24 ноября 1597 г. указ о беглых крестьянах уже представлял собой крупный шаг по пути закрепощения крестьян монастырями. „Которые кресть-

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 170.
**) Там же.

яне,—говорит указ,—из-за патриарховых и из-за митрополичьих и из-за владычных и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106 году за 5 лет и на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и вотчинников за кем они выбежав живут, тем помещиком из-за кого они выбежали; и патриаршим и митрополичьим и владычным детем боярским и монастырским сел прикащиком служаком давать суд и сыскивати накрепко всякими сыски и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил". По этому указу все крестьяне, бежавшие из монастырских и других церковных вотчин до 106 г., возвращались к прежним хозяевам. Имея в виду интересы мелкого и среднего вотчинного землевладения, правительство распорядилось об оставлении всех крестьян, бежавших после 106 г., за теми хозяйствами, в которые они перешли и где работали в данный момент: „А которые крестьяне,—говорит указ,—выбежав до нынешнего 106 года лет за шесть и за семь и за десять и больше, а те... патриаршьи и митрополичьи и владычни дети боярские и монастырских вотчин прикащики и служки на тех своих беглых крестьян в побеге и на тех помещиков и вотчинников, за кем они за них выбежав живут, до нынешнего 106 году лет за 6 и за 7 и за 10 и болше, госуд. у. и в. кн. Федору Иван. в. р. не бивали челом... на тех беглых крестьян в их побеге и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давати, и назад их, где кто жил, не вывозити" *).

9 марта 1607 г. вышел второй указ, который говорил не только о возвращении беглых крестьян к прежним владельцам по суду, но и о прикреплении их к определенным хозяйствам. „Которые крестьяне,—гласит указ,—от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101 году (1593 г.) положены, и тем быть за теми, за кем писаны". Дальше указ замечает: „если те крестьяне вышли из кого иного и в том есть на крестьян тех или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентября по 1-е число сего года будет бить челом, и тех крестьян отдавати по тем книгам со всеми их животами так, и за кем они писаны до сроку Р. Х. 116 г. без пожилого, а не отдает кто на тот срок, то по нем брати за прием и пожилое по сему уложению". И далее: „о которых крестьянах челобитья по сей день и сентября по 1-е число не будет и тех после того по тем книгам не отдавати, а написати их в книги за кем они живут, и впредь за 15 лет о крестьянах суда не давати и крестьян не вывозити".

Чем сильнее закабалялось монастырско-церковное крестьянство, тем упорнее становилась борьба крестьян против крепостнической политики государства, тем сильнее была тяга крестьян к бегству из монастырских имений. Эта борьба мона-

*) „Памятники по истории крестьян XVI—XIX вв.", № 33, Викторов, Крестьянские движения XVII—XVIII вв.

стырского крестьянства против крепостнической политики государства нашла свое выражение в крестьянском движении 1607—1611 г.г. (Первая крестьянская революция).

Положение монастырского крепостного крестьянства отягощалось и тем, что последнее было обложено двойными налогами—как со стороны государства, так и духовного ведомства. Так, в 1588 г. коряжемские монастырские крестьяне платят оброк и другие подати не только монастырю, но и государству. Об этом мы знаем из грамоты боярина и дворецкого Григория Годунова сольвычегодскому городовому приказчику Якову Балекшину об описи Коряжемского монастыря. В этой грамоте Годунов писал: „игумен Лев за немощью игуменство оставил и... тот монастырь государева данья, денег милостинных и сорокоустных (?) и тот де игумен ни в государеве в данье и в монастырской казне во всей отчету не дает, а прежде сего в том монастыре считал и отписывал Вологодской владыка, и иные де на Вологде владыки нет, счесть игумена и монастырь отписать некому, и государь бы их пожаловал, велел бы тот монастырь описать и игумена Лева и в казне, в государева данье и в монастырской тоже счесть“*). Имеется также царская грамота в Сольвычегодск от 1589 г. об отписке от посады земель, дворов и амбаров того же Коряжемского монастыря и об обложении их отдельным оброком по сошному письму. „В прошлом де, в 96 году (1588 г.),—говорит грамота,—послана к тебе наша грамота, а велено тебе по той нашей грамоте их монастырскую вотчину ота посдских людей и окологородных и пачеозерские волости от христиан де починки отписать... и ты, по нашей грамоте, монастырские их деревни и почины окологородские и Пачеозерские волости от христиан опричe отписал... и велети б те их дворы и поляны и пожни от соли от посаду... отписати и наши-б оброчные данные деньги с тех их дворов и с пожен и с полянок платить самим, опричь посадских людей“**)

Эти государственные налоги ложились тяжелым бременем на монастырских крестьян, тем самым ограничивая возможность их эксплоатации монастырями. Поэтому епископы и игумены ходатайствовали об освобождении их крестьян от оброчных платежей и различных государственных повинностей. В 1654 г. вологодский и в пермский архиепископ Маркел обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитной, в которой указывал: „домовая вотчина Сольвычегодской в уезде на Виляди сельцо Никольское с деревнями крестьянских и бобыльских по писцовым и по переписным книгам 41 двор и той госуд. домовой вотчины крестьянишка платят в твою в. г. казну у Сольвыче-

*) А. А. Э., т. I, № 337, с. 406—407.
**) А. А. Э., т. I, №343, с. 414—415.

годской в с'езжую избу данные и оброчные и стрелецкие и подимные и всякие твои, вел. гос., денежные доходы и ямскую гонбу гоняют и в Сибирь запас проводят с Усольцы посадскими людьми и уездными крестьяне вместе"*). Архиепископ и просил освободить крестьян от оброка и пошлин.

Помимо всяких поборов и повинностей в пользу государства и монастырей, крестьяне несли повинности по обслуживанию и опальных бояр ссылавшихся правительством. Так, крестьяне Устьвышской, Окводской и Коквицкой вол, Яренского у. жаловались вологодскому архиепископу Гавриилу: „в нынешнем госуд. во 198 г. (1690) проведен по указу вел. госуд. в Еренской городок князь Василий, да сын его кн. Алексей Голицын, и велено их караулить уездными караульщики день и ночь, и из твоей госуд. архиерейской вотчины, из наших волостей, выбрано два человека в караульщики и дано им, госуд. в посаде при дворе в кортом в дорогую цену, тако-ж и дрова, госуд. на карауле держать мирские беспрестани, и ямские гоньбы при прежних годах сего году и денежные склады велми тяжелы, и тому государь караулу и дворовые кортом и на дрова правят с нас сирот твоих многие деньги".

Кроме того крестьяне названных волостей жалуются на целый ряд повинностей, которые они по распоряжению яренского воеводы отправляют для государства. Они сообщают, что яренский воевода: „к городу Архангельскому заставляет нам сиротам выбирать целовальника ж, а того, государь, в твоей архиерейской вотчине в наших волостях не бывало в прежние годы, и тем, госуд. чинить тот воевода нам великое утеснение и убытки и разорение напрасно"**). Свою челобитную крестьяне заканчивают просьбой: „не вели с нас сирот править за нынешний 198 год из тех волостей дворовых и овчинных денег, чтобы, государ, нам сиротам не обницать и не одолжать и в конец не разориться, и от Еренских воевод дай, государь, нам сиротам свою святительную оборонь"***).

Чрезвычайно тяжелой для крестьянства была барщина, так как от нее страдало собственное хозяйство крестьян. Так, крестьяне Николаево Коряжемского монастыря жаловались в законодательную комиссию 1767 г., что они: „у того монастыря работали всякие как летние, так и зимние работы безсходно и потому не успевали во время пахать своих пашен, отчего их „пашенная земли запустела", тако-ж и сенные покосы лесом поросли, и от тех работ произошли в великое отягощение и нужду".

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 323.
**) Н. Г. Устрялов, История царствования Петра I, т. II, прилож. VII.
***) Н. Г. Устрялов, История царствования Петра I, т. II. прил. VII, с. 69—70.

Помимо работ крестьяне несли в пользу монастыря „по 18 коп. с души оброка“ *). Заставляя крепостных крестьян работать на них в течение круглого года, монастыри и церкви не стеснялись в то же время и брать с этих крестьян лишние налоги. Так, крестьяне Березовского стана, Хлыновского у., б. Вятской губ., жаловались на вятского и в. пермского епископа Иону, что „владеет он, епископ, ими самовольно, без нашего в. госуд. указу и без грамоты, а в писцовых де книгах отца их и деда написано не Вятка за нами, вел. госуд. в разных статьях, и ныне де... Иона, епископ Вятский и В. Пермский сверх наших в... госуд. податей доходы, тягло и хлеб берет не в силу и против их мочи“. Эта жалоба представляет собою замечательный документ о том, как епископ Иона ухитрился без ведома правительства заполучить государевых крестьян, плативших оброк и несших все повинности перед самим государством, и обложил этих крестьян оброком на содержание епископского двора. Здесь лишний раз подчеркивается эксплоататорский характер церкви, которая всеми способами прибегая к прямым злоупотреблениям, вымогала последние гроши у своего закрепощенного крестьянства.

Экономическое положение крестьянства было тяжелым, но не лучше было и его правовое положение. Так, крестьяне Березовского стана, Хлыновского у., жаловались царю: „им многие налоги и обиды от домовых его детей боярских от служебников напрасно чинятся и по епископлеву де веленью их свозят на Вятку, сковав сильно и человек де с 30 и больше бито кнутом и из них де до смерти убито 2 человека; да их же детей, девку, невестницу, его епископлева слуги двои сутки возили и надругательство всякое чинили над ними, а ныне де многие их братья заточены в железах и сидят в тюрьме“ **). Духовные власти имели право наказывать крестьян, бить батогами, заковывать в железные кандалы, сажать в тюрьмы— в этом отношении они также ничем не отличались от помещиков. Власть их над крестьянами была настолько велика, что они могли и убивать своих крестьян, не неся за это никакого наказания. Право суда над крестьянами усиливало и степень эксплоатации.

Купеческое землевладение и положение половников

Возникновение купеческого землевладения в Вычегодско-Сысольском крае относится к XVI в. В 1517 г. Строгановы получили земли в Устюжском уезде в Виндокурской волости. В XVI в. в этом крае существует уже крупная торговля, главным обра-

*) В. Шишонко, Пермская летопись, период IV, с. 467.

**) В. П. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, кн. II., 1901 г., с. 205.

зом торговля хлебом. Выгодность хлебной торговли вследствие недостатка хлеба у местного населения толкнула купечество к обзаведению собственной землей.

Развитие купеческого землевладения в крае шло теми же путями, что и строгановское или монастырское землевладение, т. е. путем 1) пожалований, 2) покупки и 3) взятия на оброк от местных Устюжской и Яренской канцелярий, наконец, 4) путем захвата. Пожалования имели место главным образом в начале XVI в., когда Строгановы и Фроловы получили земли в Виндокурской волости. Позднее, в XVII и XVIII вв., главными средствами получения земли служили покупка и захват земли у местного оброчного крестьянства.

Но самым распространенным способом приобретения земель купечеством был захват крестьянских земель. Ярким документом, свидетельствующим об этой захватнической политике купечества, является наказ крестьян Успенского погоста, Княжпогостской трети, Яренского у. Во 2-м пункте этого документа крестьяне указывают: „По нашей Выщи реке, в наших дачах, сенными покосами, немалыми пожнями, владеют Вологодских купцов, соляных промышленников, господ Рыбниковых Сереговского их усолья приказчики". И далее: „Да того же города Вологды бывшие купцы Исаев и Шапкин владеют от них приказчики такими же пожнями... да и прочие по закладным владеют по тому же без подати, отчего принуждены претерпевать великую и несносную обиду и притеснение". Сообщая об этом факте, крестьяне в то же время обращают внимание правительства на то, что: „по справке в здешней трети по писцовой сотной книге 7137, также и по жалованной, данной 7157 годов грамоте оного владения их, Рыбниковых также и оных Исаева и Шапкина владений же нигде не значится же, и повелено вместо худой пашни по тем писцовой и жалованной грамоте владеть Вымского землею всех погостов крестьянам всякими угодьями от Устья той Выщи реки к по впадающим в неё рекам, и речкам, и ручьям, и по разным званиям (названиям), во всех до вершин совсем без вывода, а не им Рыбникову с товарищами, паче же и без платежа в казну податей, праздно".

Сообщая о том, что купечество самовольно, путем захвата владеет крестьянскими землями, без всякого оброка, за счет общего оброка местного крестьянства, наказ обращает внимание правительства и на то, что местная администрация очень плохо выполняет инструкцию от 1766 г. о возвращении тех земель, которые были захвачены или куплены купечеством у крестьян. Требуя выполнения этой инструкции, они ссылаются на 4-й пункт ее, гласивший: „от всяких чинов людей повелено государственных черносотных крестьян тяглых земель по спорам безденежно возвращать по прежнему к государственным черносотным крестьян землям" *).

*) С. И. Р. И. О., т. с 123 с. 259—260.

Крестьяне Шенойской волости, Яренского у., заявляют: „Яренского у., Урдомской волости, церковный староста и крестьяне неведомо по какому виду завладели в нашей волости дачей пашенною землею и сенными покосами с прошлого 763 г. (1763) и поныне тою землею владеют" *).

Эти захваты крестьянских земель носили массовый характер. Об этом свидетельствует ряд документов. На захват и незаконное владение крестьянскими землями со стороны купцов жалуются и крестьяне следующих волостей: Жешартской **), Ляльской трети ***), Устьвымской ****), Шежамской *****), Турецкой трети ******), Туглинской волости *******), Корткеросской волости ********) и т. д.

Купцы всегда захватывали лучшие крестьянские земли.

Жалобы на то, что купцы завладели лучшими землями, содержатся во всех крестьянских наказах, а именно в наказах крестьян вол. Жешартской *********), Шежармской **********), Ужгинской ***********), Тусинской ************), Корткеросской *************), Печорской **************), Ляльской трети ***************), Успенского погоста ****************) и т. д.

Крестьяне Успенского погоста, Яренского у., указывают: „по нашей Выщи реке у купцов Рыбниковых, кроме иных (т. е. Исаевых и Шацких) по примеру наших зырянских обыкновенных копен 12000 и более, а на полях в посеве во всех 3-х деревнях сеется 15 четвертей" *****************).

Крестьяне Турецкой трети заявляют: „у Рыбниковых приказщиков по примеру наших копен в нашей трети у них 22500, а при оных же сенных покосах у них же Рыбниковых имеется и пашенная земля на 34 четверти" ******************).

Итак, мы видим, что купцы во всех указанных волостях владели как луговой, так и пахотной землей, и притом значительными участками: „владеют не малыми землями". Мы имеем возможность сопоставить количество сена, собираемого купцом-

---

*) С.И.Р.И.О. т. CXXIII Нак. № CCCVI § 4 с. 235
**) Там же, „ Нак. № CCCVIII, § 3, с. 239.
***) Там же, „ Нак. № CCCIX, § 3, с. 241.
****) Там же, „ Нак. № CCCX, § 3, с. 242.
*****) Там же, „ Нак. № CCCXI, § 3, с. 245.
******) Там же, „ Нак. № CCCXXI, § 2, с. 263.
*******) Там же, „ Нак. № CCCXXII, § 1, с. 264.
********) Там же, „ Нак. № CCCXXIV, § 2, с. 267.
*********) Там же, „ Нак. № CCCVIII, § 3, с. 239
**********) Там же, „ Нак. № CCCXI, § 3, с. 245.
***********) Там же, „ Нак. № CCCXVIII, § 8, с. 256
************) Там же, „ Нак. № CCCXVII, § 1, с. 264.
*************) Там же, „ Нак. № CCCXXIV, § 2, с. 267.
**************) Там же, „ Нак. № CCCXX, § 5, с. 279—280.
***************) Там же, „ Нак. № CCCIX, § 3, с. 241.
****************) Там же, „ Нак. № CCCXX, § 2, с. 259—260.
*****************) Там же, „ Нак. № CCCXX, § 2, с. 259.
******************) Там же, „ Нак. № CCCXXI, § 2, с. 263.

землевладельцем и отдельным середняцким крестьянским двором. Будем исходить из цифр, приведенных в наказе крестьян Урдомской волости, Яренского у., в котором значится: „снесено у крестьянина Еремея Дорожнева пожни в Угырте на 100 копен, у крестьянина Федора Панкова пожен на 150 копен, у крестьянина Анисима Дорофеева пашню Васютнинскую на Устье Коноя снесло на 30 копен, у крестьянина Ивана Гусевского пашню Медведиху на 60 копен“ *).

Если в среднем считать на каждое середняцкое хозяйство 75 копен, по 10 пуд. в копне, то всего в таком хозяйстве будет собрано 750 пудов. Если положим на кулацкое хозяйство 200 копен сена, то мы будем иметь 2 тыс. пуд., а в бедняцком хозяйстве при 30 копнах мы будем иметь 100 пуд. сена. В среднем все три крестьянских двора дадут 300+750+2000=3050 пуд. А Рыбников один собирал 22500 копен, т. е. 225 тыс. пуд. сена. Таким образом одно рыбниковское хозяйство в 74 раза превосходило группу из трех крестьянских хозяйств.

Мы знаем, что в каждой волости имелось несколько купеческих хозяйств. Если каждое из них владело таким участком сенокосной или пашенной земли, то здесь без сомнения было налицо крупно-купеческое землевладение.

В качестве рабочей силы в купеческих хозяйствах использовались главным образом половники и купленные крестьяне. Мы знаем, что в XVI—XVII вв. покупка крестьян была разрешена правительством; только в начале XVIII в. она была воспрещена для купцов.

Соликамские купцы в своем наказе в комиссию 1767 г. заявляют: „купечеству состоит прекрайняя надобность в людях как для духовного охранения и прочего, так и для необходимых домашних нужд, без чего обойтися невозможно, а паче во время от'ездов за торговыми промысла, где самокрайняя есть нужда в верном человеке. Просить же, чтоб для того повелено было купечеству покупать, у кого надлежит, людей мужска и женска полов по пристойному числу“**).

Завладевая крестьянскими землями, купцы старались заселить их половниками. Сообщая правительству о захвате купцами их земель, крестьяне Успенского погоста Княжпогостской трети, Яренского уезда, указывают: в тех землях поселились из государственных волостей и деревень крестьяне по половничеству... и оными госуд. землями с крестьянами владеют так, как и настоящие вотчинники“***).

Захватывая крестьянские земли, купцы привлекали на эти земли половников в качестве рабочей силы.

Развивающиеся в XVIII в. денежные отношения в крае требуют разрешения вопроса о купле и продаже земли. Большин-

*) С. И. Р. О. И., т. CXXIII, Нак. № CCCXVII, с. 252—253.
**) Там же, т. CVII. Нак. № XCII, § 11, П. 1900 г., с. 539.
***) Там же, т. CXXIII, Нак. № CCCXX, § 4. с. 261.

ство крестьянских наказов, направленных в законодательную комиссию 1767 г., содержат ходатайства об отмене запрещений продавать и закладывать свои земли. Крестьяне Ленской волости, Яренского уезда, ходатайствуют: „о дозволении в покупке, в продаже, и в закладе всякому своих природных и покупных и закладных просроченных хлебопашенных и сенокосных земель, и в писме на те земли купчих и закладных крепостей, дабы в случае которые крестьяне придут в упадок, чтоб могли для поправления себя по заклад земель денги занимать, а с другой стороны, надеясь на заклад, охотнее давать“*).

Крестьяне Пустынской волости, Яренского уезда, заявляют: „города Яренска купец Сергей Сафронов имеет в нашей Пустынской волости покупную вотчину: нашей же волости крестьянам от его Сафронова крестьян по смежности происходят великия обиды“ *).

Названные выше крестьяне Ленской волости заявляют: „в дачах нашей Ленской волости города Яренска купцы владеют пахотными землями и сенными покосами самолущими, а с владениев своих мирских служеб с крестьянами по ряду не служат и не дают“ *).

О дозволении покупки, продажи и заклада своих земель просят крестьяне следующих волостей: Чакульской *, Шеномской *, Ужгинской *, Ибской *, Корперовской *, Оквадской *, Гамской *, Пожегодской *, Огиланецкой *, Печерской и т. д.

Вопрос о купле и продаже земель, так настойчиво поднимаемый крестьянством, тесно связан с появлением купеческого землевладения, которое в наказах крестьян обычно фигурирует под наименованием „лучших крестьян“. Во второй половине XVIII в. в результате складывающихся в сельском хозяйстве товарных и денежных отношений крестьянство Вычегодского края диференцировалось на различные по хозяйственной мощности группы крестьянства: „самые лучшие“ крестьяне, „лучшие“, „середние“ и „молодшие“ крестьяне, не считая сельскохозяйственных рабочих и бобылей, которые не имели пашенных и луговых земель. Большинство молодших крестьян (по совре-

---

* С. И. Р. И. О, т. CXXIII, Нак. № CCCIV, § 3, с. 231.
* Там же, т. CXXIII, Нак. № CCCII, § 1, с. 225.
* Там же, т CXXIII, Нак. № CCCIV, § 5, с. 231.
* Там же, т. CXXIII, Нак. № CCCV, § 3, с. 232.
* Там же, т. CXXIII, Нак. № CCCVI, § 3, с. 235.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXVIII, § 3, с. 255.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXVIII, § 5, с. 266.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXXIV, § 5, с. 269.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXXVIII, § 3, с. 274.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXXVII, § 3, с. 274.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXXIX, § 3, с. 275.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXXXI,V § 3, с. 277.
* Там же, т. CXXIII „ № CCCXXXII, § 3, с. 279.

менной терминологии—бедняцкие хозяйства) не имели ни пашенных, ни сенокосных земель. Так, крестьяне Устьвымской волости, Яренского уезда, в своем наказе (1767 г.) заявляют: „у нас находятся маломощные крестьяне, которые пахотного владения имеют весьма по малому числу, а другие и ничего не имеют, которые уже платежем подушных и оброчных пошлин крайне неисправны, за которых мы миром платим".

Вопрос о купле и продаже земель в первую очередь интересовал купечество, которое было непрочь прибрать к своим рукам земли маломощных крестьян. нуждавшихся в деньгах для покрытия частных и государственных долгов.

Кроме покупки земли, купечество получало землю и от местной Устюжской и Яренской канцелярии. Последние отбирали землю у неисправных плательщиков, также и за пени, и отводили ее местным купцам. Так, крестьяне Успенского погоста, Княжепогостской трети, Яренского уезда, в своем наказе в комиссию 1767 г. жаловались, что многие крестьяне свои земли „продали и заложили той же провинции разных чинов людям, некоторым же и за пени от канцеляри отданы и получа же земли по тем продажам и закладам, на тех дательных к ним от крестьян землях поселились из государственных волостей и деревень крестьяне по половничеству... и оными государственными землями с крестьянами владеют так, как и настоящие вотчинники" *). Крестьяне Корткеросской волости, Яренского у., писали в ту же комиссию 1767 г.: „многие наши земли находятся в переоброчке за яренским купцом Елисеем Сухановым, в рубле 4 копейках с четверти, но выше Корткеросской вол., а пониже деревни Пезмогской в двух верстах, а от дома его, Суханова, от Устьсысольской волости, в 50-ти верстах, на котором сенокоса бывает в каждый год по 700 копен и более, и оный сенокос с рыбною ловлею владеет он, Суханов, по отдаче в давних годах от Яренской канцелярии, которое место бывало а отдачах сносное нашей Корткеросской волости крестьянских печишных крепостных земель, и потому его немалому владению сенокоса, крестьяне пришли во оскудение" **).

Такие жалобы поступали от целого ряда крестьянских волостей.

Пользуясь обрисованными выше методами, купеческое землевладение, возникшее приблизительно в XVI-XVII вв., достигло уже в XVIII в. своего полного развития.

Половники—это особый вид сельскохозяйственных арендаторов, которые на известных условиях снимали для обработки свободные участки земли у государства, помещиков, купечества и монастырей, обладавших достаточным количеством земли. Исторически возникновение половничества относится к XVI в.

---

*) С. И. Р. И. О.; т. CXXIII Нак. № CCCXX, § 4, с. 261.
**) Там же, т. CXXIII, Нак. № CCCXXV, § 2, с. 267.

Арендуя землю у тех или иных землевладельцев, половники несли те же обязанности, что и крепостные крестьяне государства, монастырей, помещиков. В отписке чердынского воеводы от 25 июля 1679 г. на имя Новгородского приказа сообщается: „собрал я холоп твой и доправал с Перми, с Чердыни, с посаду и с уезду на нынешний на 187 год данных и оброчных денег, к прежнему платежу достали 78 рублей 28 алтын с деньгою, да полоняничных 45 руб. два алтына" *).

Половники пользовались правом передвижения от одного помещика к другому. Это, конечно, не значит, что они являлись свободными. Это были крестьяне, бежавшие в леса от Строгановых, монастырей и других помещиков во время „смутного времени" и раньше, и затем в качестве „вольных" арендаторов брали в обработку помещичьи земли и обрабатывали ее в большинстве случаев исполу.

Работа половников была для купечества очень выгодна, поскольку они получали определенную часть урожая сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, купцы иногда использовали половников в своих торгово-промышленных предприятиях для работы по перевозке товаров, по сплаву леса и т. д.

Но эти купеческие посягательства встречали сопротивление со стороны половников. Поэтому половники часто переходили от одного владельца к другому в поисках более приемлемых условий работы. Стремясь сильнее и надежнее закрепить половников за своим хозяйством, купцы ссужали их деньгами, сельскохозяйственным инвентарем и пр. на условиях возврата ссуды в определенный срок. До уплаты этих сумм половники не имели права покинуть данное хозяйство.

Для купечества эти переходы были невыгодны. А в первой половине XVIII в. они стали невыгодны и для государства. В это время произошли большие изменения в налоговой системе, а именно: подворный оброк был заменен подушным. Частый переход половников от одного владельца к другому затруднял правильное несение ими подушных податей. Поэтому при сборе подушных податей были недоимки. С другой стороны, благодаря частым переходам половников от одного владельца к другому, не в меру усердствующие налоговые работники облагали одного и того же половника налогом по 2 раза, что вызывало массу жалоб и вносило большую путаницу и разнобой в самую систему сбора подушного налога. Поэтому правительство стало принимать ряд мероприятий, чтобы изжить эти явления.

Зная об этих обстоятельствах и вполне рассчитывая на полное сочувствие и поддержку правительства, купечество посредством целого ряда обращений к правительству добивается передачи этой категории вольных крестьян (половников) купцам-землевладельцам в крепостную зависимость. Сенат, получивший в 1723 г. высочайший указ относительно лучшей поста-

*) Д. А. И., т. VIII, № 57, П. 1862 г.

новки взимания подушной подати с половников, стал на сторону купцов и в 1725 г. закрепил половников за теми землевладельцами, у которых они находились ко времени издания этого закона.

Вот текст этого сенатского распоряжения за № 4661: „половникам быть за теми, за кем они занесены по ревизской сказке, кто бы это ни был: дворянин, купец или крестьянин. Подушные деньги за половников платит тот, за кем они записаны" *).

Сделав половников крепостными крестьянами купцов, правительство требовало, чтобы новые „помещики" аккуратно платили оброк за владение „душами", а купцы, под давлением государства, с свою очередь наседали на половников, усиливая эксплоатацию их труда.

Эта купеческая эксплоатация вызвала ожесточенное сопротивление и борьбу половников, закрепощенных сенатским указом, против землевладельцев. Для усмирения половников купцам приходилось вызывать войска, как это делали и помещики-дворяне при восстаниях крепостных крестьян.

Обеспокоенное растущим движением закрепощенных им половников, правительство идет на ряд уступок, чтобы немного ослабить классовую борьбу крестьянства против купечества

Половникам было предоставлено право освобождаться о крепостной зависимости путем выкупа. Той части половников, которая этим правом воспользоваться не могла, разрешался переход от одного владельца к другому, т. е. восстановлена была свобода перехода, существовавшая до 1725 г. Но это было лишь на бумаге. На самом же деле переход от одного владельца к другому, был обставлен такими юридическими и экономическими оговорками, что воспользоваться этим формальным правом было очень трудно. Так, при переходе от одного владельца к другому требовалось согласие самих владельцев, кроме того, нужно было иметь деньги, чтобы внести определенную компенсацию своему владельцу за право перехода.

Могли ли купцы давать свое согласие на переход половников? Конечно нет, ибо в этом случае они лишились бы рабочей силы. Не желая отказаться от тех барышей, которые давал крепостной труд, купцы заключали между собою договор в том, чтобы не давать согласия на переходы и на выкуп половников.

Правительство отлично понимало эту политику, но оно не только не принимало никаких мер к обузданию и сокращению аппетитов купечества, но, наоборот, оказывало полную поддержку купцам, установив 20-рублевый штраф для тех, кто

*) С. И. Р. И. О., т. CXXIII, предисловие, с. XVIII, П. 1907 г.

принимал половников без согласия владельцев, от которых они бежали. В результате такой политики, половник уже не был лично свободным землепашцем, а превращался в крепостного, лишенного права передвижения.

Половники, так же, как и монастырские и помещичьи крестьяне, несли барщину, оброк и всевозможные повинности. Уборка хлеба на барина чрезвычайно вредно отражалась на хозяйстве половников, так как отрывала их от собственного хозяйства в момент уборки сена или хлеба. Лишь к осени половникам предоставлялась возможность убирать собственные поля.

Половники, жившие за купцами Челбышевыми в Устюжском уезде, пишут: „на пашенные земли они, половники, насеивают озимовой яровой хлеб, а когда хлеб выростает и в ту самую работу нас, половников, и с домашними нашими употребляют на свои работы и от тех работ их хозяйских в позднее время хлеб поспевает, и по урожае тот хлеб молотили и по вымолоте с ними владельцами делим пополам и на своих конях к ним хозяевам в дом отвозим" *).

Уборка хлебов на владельцев земли иногда продолжалась $1^1/_2$—2 месяца. Крестьяне Рождественского погоста заявляют: „у оного Челбышева пашню пашем по половничеству из платежа подушных денег, и хлеб получаем половинный, и в том имеем крайний недостаток и пашня у него состоит не во время, того ради, что в то работное время нас, нижепоименованных, забирают в самое сенокосное время и держат месяца по полтора и более"**). Итак, в купеческом землевладении существовал и барщинный труд. Многие крестьянские наказы говорят о том, что владельцы заставляют работать на себя все летнее и зимнее время (непрерывно).

В отдельных хозяйствах барщинная работа производилась в строго установленное время. Так, крестьяне, жившие в качестве половников у устюжской вдовы Агрипины Груциновой и у купцов Соболевых, заявляют: „Состоим за гостиной сотни вдовой, Устюжанкой Агрифины Груциновой, по четырем деревням, да Велико-Устюжским купцом М. Соболевым по 3-м деревням... и то половники, как летним рабочим временем и с женами и с конями, так и зимой, на хозяйских здельях робят в году две части, а третью часть на себя и за это свое зделье кроме половинного хлеба никакой от них хозяев денежной себе платы не получаем"***).

В купеческом землевладении барщинный труд применялся на различных условиях. Половники Агрипины Груциновой, как мы видели, получали за отработку земли половину хлеба. Но

*) С. И. Р. И. О., т. CXXIII, Нак. № CXC, § 1, с. 93.
**) Там-же, т. CXXIII, Нак. № CCXXXIX, § 1, с. 93.
***) Там-же, т. CXXIII, Нак. № CXCV, § 1, с. 97.

наряду с этим существовали и такие купеческие хозяйства, где труд совершенно не оплачивался, как и у помещиков. Так, крестьяне Пермагорской вол., Устюжского у., жившие в качестве половников у братьев Пановых, заявляют: „живем половниками и работаем на них, хозяев, сами, с женами и детьми своими, зимние и летние всякие деревенские изделья над нарядом от них, Пановых, кому приказано, неусыпно денно и нощно с лошадьми своими и за оную работу от них хозяев Пановых денежной платы никакой не получаем. Сверх того, мы, половники, имеем всякие от них отягощения, нанимаем на их работы казаков и казачек, и от того мы, половники, пришли в крайнее изнеможение и в разорение за своим половничьим хлебом и харчем, а их хозяйский корм они не за все и то с оскудением" *).

Труд половников применялся в купеческих хозяйствах не только для обработки земли, но и для других хозяйственных работ. Перечень таких работ содержится в наказе крестьян Устюжского у., живших в качестве половников у подьячего Свешникова и его детей. „Имеемся мы в половничестве,—пишут крестьяне в своем наказе,—у хозяев бывшего в Великоустюжской провинциальной канцелярии подьячего Семена Свешникова и детей его, и всякие от них положенные зделья мы отправляем, т. е. переделываем овса на крупу по десяти четвертей, на толокно, по двенадцати четвертей ржи, ячменя сушим по двадцати по три четверти на солоды, рожицы по десяти четвертей". Далее они пишут: „на них же хозяев рубим под лен новины и сеем на полтора четверика, и снимаем, и на куделю исправляем, и мнут жены наши половничьи; дров по 12 сажень, лучины по 60-ти плах в каждый год, и каменья набираем, и хозяевам плавим по их приказам; ягод набираем по полтора четверика, губ насаливаем по 6 ведер, веников по 300 также" **).

Как мы видим из этого наказа, эксплоатация половников проводилась в „образцовом" порядке—каждый крестьянин знал, что ему делать.

Иногда половники работали на владельца „каждодневно с утра до ночи". Кроме того существовал еще половничий оброк. Этот подушной оброк с каждого члена семьи половника собирался лично землевладельцами, которые передавали его в распоряжение государства.

Те же крестьяне, живущие в половниках у купцов Свешниковых, заявляют: „хотя подушные деньги с нас и платят, которые мы не точило по измолоте хлебом, но половинными здельями зарабливаем и выше предписанные зделья все отправляем".

Следовательно, подушный налог, который вносился землевладельцами за половников, обрабатывался последними в зимнее

*) С.И.Р.И.О, т. CXXIII, № CXCIII, § 1, с. 96.
**) Там-же, т. CXXIII, Нак. № CXCIII, § 1, с. 96.

время. Конечно, землевладельцы при этом не несли никаких убытков, а обычно оказывались в прибылях. Фактическими плательщиками оброка были сами половники.

Кроме барщины и подушного оброка, существовали и другие повинности. Среди них самой обременительной была рекрутская повинность, которую должны были нести половники. Крестьяне Воскресенского погоста, Пермогорской вол., Устюжского уезда, в своем наказе писали: „в рекрутские по вся бываемые отправления отдавали с нас, половников, в службу годных в рекруты". При этом те хозяйства, из которых набирались рекруты, должны были вносить известную сумму денег землевладельцу для отправки рекрутов.

Эти рекрутские денежные сборы часто взимались в большем размере, чем следовало. Половники Пановых указывают: „с нас, половников, собирали сверх указанной цены деньгами"*).

Купцы и при отправке рекрутов не забывали интересов своего кармана и оставались верными пословице: „где можно дери больше".

Кроме того, купечеству было предоставлено право заменять рекрутскую повинность денежной. За каждого рекрута, которого надо было передать государству, они могли внести определенную сумму денег. Купцы иногда этим правом и пользовались, предлагая своим половникам такую замену повинности. Но при этом нередко совершался грубый обман: деньги, полученные с половников, владелец опускал в свой карман, а парень, за которого внесены были деньги, забирался государством в рекруты. Сошлемся на документ. Так, половники, жившие у купцов Челбышевых, жалуются: „они же, хозяева, с нас, половников, в рекрутское складство деньги сбирают, и по сборе тех денег нас же в рекруты отдают и на складство за оставшиеся души сбирают же, отчего мы пришли в крайную скудость" **).

Как мы видим, даже рекрутская повинность служила для купечества средством обогащения.

Половники по существу были такими же крепостными, как и крепостные монастырских или помещичьих хозяйств. Они несли барщину, оброк, рекрутские и другие повинности; как прикрепленные к земле, они не имели права передвигаться, переходить от одного владельца к другому, без согласия землевладельцев. Свое крепостное состояние сознавали и сами половники. Так, жившие у купцов Челбышевых половники жалуются: „хозяева нас употребляют якобы крепостных купленных крестьян" ***). Так же оценивают свое положение и кре-

*) С.И.Р.И.О., т. CXXIII, Нак. № CXXXVIII, § 1, с. 91.
**) Там-же, т. CXXIII, Нак. № CXC, § 5, с. 94.
***) Там-же, т. CXXIII, Нак. № CXC, § 4, с. 93.

стьяне Виндокуровского стана, заявляя: „оные купцы и прочие владельцы держат нас в половничестве, якобы самых настоящих своих крепостных людей, понеже что мы написаны за ними держати, как по прежним и по нынешней третичной ревизиям".

Знали крестьяне и цену той „свободы", которую представило им государство ввиде права перехода от одного владельца к другому. Так, те же крестьяне заявляют: „хоть государскими указами и повелено переходить, кто куда похочет, токомо, понеже, нам как просить в государственные волости к черносотним крестьянам от владельца переходить, понеже сотские и мирские люди не принимают, затем, что не имея у себя земель, понеже в оном стану состоять душами отягощены". В то же время, как мы знаем, и владельцы не давали согласия на переход половников, заключая между собой об этом особые договора: „про между собою оные владельцы также не принимают, по согласию промеж собою"*).

Хотя правом суда купцы не обладали, но они часто этим правом самочинно пользовались, наказывая своих половников по своему усмотрению. Половники, жившие у Пановых в Пермагорской вол., жалуются: „хозяева Пановы и безвинно бьют, стегают, без всякого суда увечат занапрасно самосудством своим, и в том мы, половники, от них, хозяев Пановых, имеем впредь не малую опасность" **).

В ответ на все эти притеснения крестьяне не ограничивались пассивным сопротивлением (жалобы, побеги и т. п.), но и активно выступали против своих эксплоататоров, т. е. принимали то или иное участие в революционных движениях. Рассмотрению этого вопроса посвящена специальная глава.

Казенное землевладение и положение государственных крестьян

Возникновение государственного землевладения в Камско-Вычегодском крае относится к XIV—XV вв., когда край был завоеван Москвой. С момента окончательного завоевания края в области землевладения произошли значительные изменения. Прежде всего земля, которая ранее принадлежала коми-пермяцкому крестьянству на правах частной себственности, была об'явлена собственностью государства. Закрепив эту землю под наименованием „черных земель" за собою, государство раздавало ее купцам и монастырям для развития в крае сельского хозяйства. А все местное крестьянство в Коми было прикреплено к земле под наименованием черносошного государственного крестьянства.

---

*) С.И Р.И.О, т. CXXIII, Нак. № CXXXVII, § 1, с. 90.
**) Там-же, т. CXXIII, Нак. № CXXXVIII, § 1, с. 91.

Одной из целей прикрепления крестьян к земле было взыскание с них соответствующего оброка за владение землей.

Для управления этими так называемыми „черными волостями“ государство создало свой административный аппарат в лице наместников, волостителей и тиунов. Позднее, в XVIII в. были учреждены так называемые „казенные палаты“. Казенная палата, стоявшая над всеми местными крестьянскими управлениями, представляла собой высшую губернскую власть, которая ведала не только земельными, но и судебными делами крестьян.

Одновременно с оброком, на крестьян были возложены и различные государственные повинности: ямские, рекрутские и др., которые чрезвычайно неблагоприятно отражались на состоянии их хозяйства.

Государство, в лице казны, как собственник земель всего края, начинает в первой половине XVII в. вмешиваться и в земельные отношения крестьянства. До второй половины XVII в. крестьянин имел право продать, закладывать свои земли. Со второй половины XVII в. государство запретило такие сделки... Купля и продажа земли явилась результатом проникновения торгового капитала в деревню. В крае появились купцы, создавались хозяйства, которым земля была нужна для извлечения ренты от производства хлеба, продажи сена и т. д. Наказы Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. полны ходатайств о разрешении крестьянам продавать и закладывать свои земли. Запрещая подобные сделки, государство исходило из чисто фискальных интересов, ибо пролетаризация крестьянства была убыточна для государственной казны. Государство было заинтересовано в том, чтобы земля тяглого государственного крестьянства оставалась в прежних руках и чтобы поступление государственных налогов не уменьшалось в связи с продажею земли купечеству или другим имущим классам. Этим вмешательством государство еще раз подчеркнуло свои права собственности на „черные земли“ и на труд государственного крестьянства.

Установившиеся своеобразные крепостнические отношения вызывали волнения коми-пермяцкого крестьянства. „Смутное время“ и было первым проявлением протеста населения против крепостнической политики государства, против тяжелых оброчных налогов и пошлин, против обременительных повинностей. На прикрепление к земле коми-пермяцкое крестьянство отвечало массовыми побегами. Это массовое бегство крестьян заставило правительство включить в судебник 1642 г. дополнительные статьи, обязывавшие всех дворян, бояр и прочих людей не укрывать у себя чужих беглых крестьян, а отсылать таковых к их прежним владельцам: „за государя царя и вел. кн. Мих. Фед. вр. в его государева дворцовые села и в черные волости

беглых крестьян и бобылей имати, и из его государева дворцовых сел и из черных волостей отдавати по суду и по крепостям и по спеку, за десять лет, также из-за патриарха и из-за митрополита... из за монастырей... чей кто-нибудь, беглых крестьян и бобылей имети и отдавати за 10 же лет, а крестьянства и крестьянских животов и владения вместе со крестьяна; и кто учнет искати крестьянских животов и владенья не вместе со крестьяне, порознь, и тем отказывать и суда не давати“ *).

В Уложении 1649 г., которое является важнейшим законодательным памятником XVII в., имеются сведения об установлении крепостнических отношений и в государственном землевладении, которое фигурировало под наименованием „черных волостей“. „Которые государева дворцовых сел и черных волостей и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и из черных волостей, живут за патриархом, или за митрополитом, и за архиепископа, и епископа, или за монастыри, или за бояр, или за окольничими и за думными и за комнатными людьми и за стольника и за стражника и за дворянина Московскими, и за двана, и за жильца, и за городовыми дворяна и деть боярскими и за иноземца и за всякими вотчинники и помещиками и тех государевых беглых крестьян и бобылей, меновые, свозити в государева дворцовые села и в черные волости, на старое их жеребьи, по писцовым книгам, с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими живота без-урочных лет“ **).

Предлагая возвращать всех беглых крестьян в государевы дворцовые села и черные волости, по соответствующим писцовым книгам, правительство в то же время указывает: „которые их крестьяне и бобыли, выбежав из-за них, живут в государевых и дворцовых селах, и в черных волостях..., будет те их беглые крестьяне, или тех их беглых крестьян отца, в писцовых книгах за ними написаны, или после тех писцовых книг те же крестьяне, или их дети по новым дачам написаны за кем в отдельных или в отказных книгах. А отдавать беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям, без урочных лет“ ***).

Однако эти мероприятия правительства не могли приостановить бегство крестьян. Окончательное их закрепощение, а также насильственное водворение на государственных землях усилило стремление крестьянства освободиться от крепостнической кабалы государства.

13 ноября 1670 г. последовала царская грамота на имя верхотурского воеводы, которая сообщала ему, что в 178 г.

*) Викторов, Крестьянские движения XVII—XVIII вв, с. 79, изд. университета им. Свердлова.

**) Уложение царя Алексея Михайловича, гл. XI, § 1 и 2, 1913 г., 124—125.

„ехали мимо Верхотурья из русских разных городов, с Тотьмы, с Устюга, с Ваги, с Мезени и от села Вычегодской, и с Яренского городка, с Сысолы и с Кайгородка по Тобольским и по Тюменским проезжим, тяглый людей с женами и с детьми 2051 человек". Ввиду этого грамота предлагала „учинить заказ и заставы крепкие, чтоб впредь из русских городов и из уездов в Сибирские города беглых крестьян не пропускать, чтоб от того в поморских городах наши великого государя денежные и хлебные и всякие подати не стали" *).

В результате этой царской грамоты верхотурский воевода Хрущов уведомил тобольского воеводу Репнина о том, что им сделаны заставы крепкие, чтобы задерживать в Тобольске беглых крестьян. Вместе с тем он сообщает, что указом Московского великого князя повелено: „беглых людей и пашенных крестьян не принимать и за собою во крестьянах и бобылях и в половниках не держать некоторыми дела, а которых учнут принимать, и тех прихотных людей велено отдавать, посадских людей в посады, а государевых дворцовых сел и черных волостей в государева волости, а помещиков и вотчинников в прежние их поместья и в вотчины, по писцовым книгам и по выписям и по всяким крепостям". О том, что бегство носило массовый характер, свидетельствует и отписка, которая указывает: „Из Устюжского и Усольского уездов пахотные многи крестьяне, в прошлых годах пониже свои тяглые жеребьи впусте, выехали Сибирских городов в уезды, и инне идут же, и учинилась в Устюжском и в Усольском уездах великая пустота и с тех их пустых жеребьев четверти денежных доходов и хлебных запасов взять не на ком" **).

Бегство наряду с различными формами массового крестьянского движения („смута") было проявлением стихийной борьбы коми-пермяцкого крестьянства против кабалы и закрепощения их самим государством.

*
* *

Переходя к рассмотрению экономического положения государственного крестьянства коми в конце XVIII в., надо заметить, что оно сильно страдало от малоземелья. Почти все крестьянские наказы, посланные в законодательную комиссию 1767 г., полны жалоб на отсутствие достаточного количества пашенных и сенокосных земель. Крестьяне Успенского погоста, Княжпогостской трети, Яренского у., заявляют: „в нашей волости крестьяне за малоимением хлебопашенных земель, хлебом весьма по вся годы бывают недостаточны, но большее число хлеба

*) Д. А. И., т. VI, № 19, П. 1857 г., с. 111.
**) В. Шишонко, Пермская летопись, период III, с. 891.

происходит с покупки, да на тех же малоимеющихся пашенных землях бывает годом недород" *). Крестьяне Урдомской вол., Яренского у., говорят: „во всей нашей Урдомской волости по крайней мере великой состоит недостаток в сенных покосах, потому что по левую сторону по течению реки Вычегды возле наших сенных покосов сухие, дикие боры и места, а по другую сторону кряжевы места, расчищать под покосы негде, а всех крестьян в деревнях и в пашнях бывает хлеба в разные годы небольшой недород"**).

Чтобы смягчить недостаток пашенной и сенокосной земли, крестьяне просили разрешить им безоброчно расчищать лесные дебри под пашни и луга.

Немало жалоб крестьян в комиссию 1767 г. было вызвано захватом их земель крестьянами других волостей. Крестьяне Шеномской вол., Яренского у., жалуются: „Яренского уезда, Урдомской волости церковный староста и крестьяне неведомо по какому поводу завладели в нашей волости дачей, пашенною землею и сенными покосами с прошлого 763 г. (1763) и понеже тою землею владеют" ***). Крестьяне Устьвымской вол. указывают в своей жалобе, что у них „находятся маломощные крестьяне, которые пахотного владения имеют весьма по малому числу, а другие и ничего не имеют", и просят: „дозваления оную землю от них, владельцев, отвесть нашим маломощным крестьянам, о чем мы ссылаемся на прежние сотенные писцовые книги в чем дозволено будет" ****).

Основной причиной малоземелья коми крестьянства было сильно развивавшееся в крае купеческое землевладение. Мы уже знаем, что последнее выросло путем захвата крестьянских земель, получения этих земель за недоимки от местной Яренской канцелярии, наконец, путем покупки земли у пролетаризированных крестьян.

Крестьяне Жешартской вол. сообщают: „лучшие деревенские владения состоят за Яренскими и Вычегодскими купцами"*****). Крестьяне Турецкой трети, Яренского у., указывают: „добрыми по нашей Выми реке и по Вселянке реками и степями и сенными немалыми покосами владеют Вологодских купцов соляных промышленников господ Рыбниковых Сергиевского их Усолья приказчики" ******).

Ввиду малоземелья крестьянские хозяйства не были обеспечены достаточным количеством хлеба не только для собственного пропитания, но и для уплаты оброка. Крестьяне Турецкой трети заявляют: „за малоимением хлебопашенных земель хлебом

*) С. И. Р. И. О., т. CXXIII с. 257—258.
**) Там же, т. CXXIII, с. 253—254.
***) Там же, CXXIII, с. 123, 225.
****) Там же, т. CXXIII, с. 248.
*****) Там же, т. CXXIII, с. 239.
******) Там же, т. CXXIII, с. 263.

весма на всякой год бывают недостаточны, но большее число хлебов происходит с покупки" *).

Недостаток пашенных и сенокосных земель влиял и на развитие скотоводства. Крестьяне Корткеросской вол. в своем наказе пишут: „от уменьшения сенокоса скота пропитать нечем, и от того пашенная земля пустует, которая без навоза хлеба не родит и остается без посева в пусте" **).

Крестьяне Успенского погоста, Яренского у., приводят очень интересную справку о количестве домашних животных, указывая, что на 619 душ мужского пола приходится: „лошадей 234, коров 355, а телят и быков, почте не имеется, овец по нескольку и довольствует" ***).

*

* *

Кроме малоземелья, крестьянство страдало от податей, которые вконец разоряли мелкое хозяйство. В древности эта подать известна под наименованием ясака, дани, которую Московское государство взыскивало за владение землею. Древнейшая подать как в Камском, так и в Вычегодском крае взималась с сохи, как совокупности нескольких крестьянских дворов. В дальнейшем эту подать стали взимать с каждого двора в отдельности, вследствие чего она получила название подворной. Позднее правительство Петра I, нуждаясь в деньгах, отменило подворную подать (11 января 1722 г.) и ввело так называемую „подушную подать", которая имела своей целью систематическое и наиболее полное извлечение налогов с каждой души.

Государственные подати, систематически повышавшиеся крепостническим государством, сильно истощали крестьянское хозяйство. Все без исключения крестьянские наказы Яренского уезда, адресованные в законодательную комиссию 1767 г., говорят о том, что существующая подушная подать разрушает хозяйство и заставляет крестьян голодать. Обычно эти подушные налоги извлекались по соответствующим ревизским спискам, куда записывались все плательщики налогов. Все выбывшие крестьяне (умершие, взятые на военную службу, сосланные в Сибирь и т. п.) продолжали до следующей ревизии числиться в ревизских списках, и налоги за них взыскивались. Так, крестьяне Введенского погоста, Яренского у., указывают: „после учинения в прошлом 762 году (1762) третичной ревизии имеется в оном погосте умерших человек 100, не имущих, престарелых и не имущих владения или других деревенских достатков душ 40, которые мирским же согласием расположены для платежа

*) С. И. Р. И. О., т. CXXIII, с. 262.
**) Там же, с. 268.
***) Там же, с. 260.

подушных денег на нас же, а тот платеж производим собою, отчего приходим в немалое оскудение" *).

Крестьяне Жешартской вол. жалуются: „к тому же в нашей волости состоят многие старые, дряхлые, увечные и малолетние, отпущенные по паспортам крестьяне в сибирские, так и в другие разные российские города для работ трехлетним сроком, находятся иные более 20 лет, а платеж подушных денег за них идет спуста, от которого и обязавшиеся по ним поручители находятся в платеже как подушных денег, так и оброчных, по указам, запросов в несостоянии. И от того, имеющиеся в нашей волости крестьяне лучшие, средние и маломощные претерпевают и платеж производят с великою нуждою, а другие от того платежа приходят и лишаются дневного своего пропитания и большая часть питаются соломою и травою и борщом" **).

Руководствуясь одними лишь фискальными интересами, правительство не давало местной администрации распоряжения об исключении из списков умерших или пропавших без вести и заставляло местное крестьянство платить все налоги за этих лиц.

Подушная подать взималась не только с тех, кто являлся владельцем земли, двора, одежды, но и с бобылей и нищих. Так, крестьяне Жешартской вол. жалуются: „по нынешней третичной ревизии имеется бобылей 135 человек, в том чиеле из оных бобылей за 40 человек, престарелых, дряхлых, увечных, слепых, платеж подушных денег происходит миром, которые не имеют пашенных земель" ***).

Крестьяне Туглинской вол. жалуются: „с душ сходит подушного платежа по 85 коп. с души за первую половину"****), т. е. подушная подать, которая взималась с каждого живого, мертвого, дряхлого старика и только что родившегося ребенка, составляла в 1767 г. 1 руб. 70 коп.

Крестьяне Косланского погоста указывают, что им приходится платить подушную подать за всех неимущих, умерших, взятых на военную службу и сосланных в Сибирь: „после нынешней третичной ревизии в 1764 году самых лучших людей взято в солдаты 16; в ссылку 4 человека, умерших 68 человек, и у оных взятых в солдаты и сосланных в ссылку остались в домах и отцы самые престарелые, да дети малолетние, с которых подушных денег за таким их несостоянием взыскать ни по которой мере невозможно, для того, что они на мелкозверный промысел ходить не могут, а скота и прочих пожитков не имеют и хлеба у них в посеве не бывает и прочие еще с ними престарелые, всего 57 и малолетние 117 человек, которые имеются ниже

*) С.И.Р.И.О., т. CXXIII, с. 251.
**) Там же, с. 240.
***) Там же, с. 245.
****) Там же, с. 264—265.

15 лет и за платеж подушных денег с их душ пришли и протчие крестьяне в крайнее разорение и нищету" *). Итак, крестьяне Косланского погоста ежегодно уплачивали подушную подать за 16 чел., взятых в солдаты, за 4 чел., сосланных в Сибирь, за 68 чел. умерших и за 117 малолетних детей, еще неспособных к физической работе; таким образом они платили за 262 чел. по 1 р. 70 к.—всего 345 р. 40 к. с „пуста".

Если большинство крестьянских наказов, представленных в комиссию 1767 г., содержит в себе жалобу на то, что крестьянам приходится платить подати за умерших, за детей, за лиц, сосланных в Сибирь, взятых в солдаты и т. д., то имеются и другие наказы, которые сообщают, что вследствие земельных неурядиц приходится платить подати за крестьян других волостей. Так, крестьяне Устьвымской вол. жалуются: „сенными покосами состоим крайне недовольны, паки и то имеется не малая часть покосам от других сотен Коквицкой и Оквадской волости, и из тех покосов те волости со владения на нас распадку чинят и платежу имеем не малое число денег" **).

Крестьянам приходилось платить налоги также за тех неимущих крестьян, земли которых по тем или иным причинам перешли в распоряжение вологодских и яренских купцов. Купцы, получив эти земли от Яренской канцелярии или путем покупки у обедневших крестьян, отказывались платить подушную подать за тех неимущих крестьян, пашнями и сенными покосами которых они владели, при этом они ссылались на указ Елизаветы Петровны от 11 декабря 1742 г., возложивший уплату подушной подати на лишившихся земли крестьян. Крестьяне Турецкой трети пишут: „добрыми по нашей Выми и по Веслянке реками, пашнями, сенными покосами владеют господ Рыбниковых... в нашу треть никаких в казну податей за неимущих крестьян не приносят, от чего крестьяне несут напрасную обиду" ***). Если вологодские и яренские купцы отказывались платить подушную подать за неимущих крестьян, землями которых они владели, то крестьяне Ужгинской вол. жалуются: „в нашей же волости у разных проданы для необходимой нужды сенокосные земли великоустюжскому купцу железному заводчику Ивану Курочкину, с которых он в нашу волость казенных податей не платит, и просит о том дозволения, чтобы соблаговолено было с него по раскладе мирских людей с тех владений взыскивать подушные и протчих государственных деньги, чтоб и запущения в доимке не было" ****). Об этом же говорят наказы крестьян Косланского погоста и Туглинской вол. Здесь в налоговом вопросе государство действовало в интересах купечества,

*) С. И. Р. И. О., т. СХХIII, с. 249.
**) Там же, с. 242.
***) Там же, с. 263.
****) Там же, с. 256.

заставляя крестьян платить налоги за ту землю, которая была ими продана, и уже принадлежала купечеству на правах частной собственности.

Кроме подушных податей и других государственных сборов, канцелярских и т. д. существовали еще так называемые „сверхподушные подати". Крестьяне Косланского погоста заявляли, что „они от шестигривенного сбора стали в такой нищете, что не имели во дворе скота" (Наказ, 249 стр.). Об этом же 60-ти копеечном сборе говорили и крестьяне Корткеросской волости.

Этот тяжелый налоговой пресс правительства, выжимавший с каждого крестьянского двора подушные подати за всех живых и мертвых, имел своим последствием: 1) хронические недоимки, 2) ухудшение питания крестьянства, доходившее в голодные годы до употребления в пищу пихтовой и березовой коры, соломы и других суррогатов, 3) массовую продажу земли и скота, 4) уход крестьян на заработки для покрытия причитающихся с них недоимок.

В связи с этим падала и платежеспособность налогов коми крестьянства. Крестьяне Пыелдинской волости указывали, что „подушные деньги платим и более пропитание имеем от чериль всякой работы" (Наказ, 257 стр).

Крестьяне Устьвымской волости заявляют: „прежние годы многие крестьяне звериных лесных промыслов имели: белкою, горностаем и зайцем, тем подушные деньги платили, а нынешние годы крестьяне за уменьшением зверей, белки, горностая и зайцев, весьма находится малое число и то невыгодно. А других зверей в нашей волости никаких в промысле не имеется, от чего пришли в крайнюю скудность"*).

Крестьяне Корткеросской волости жалуются: „что в результате сверхподушного платежа по 60 коп. с души, что многие питаются пихтовою корою и мякиною и травою борщем, отчего многие, оставляя даже и пашенные земли, отходят по пашпортам на разные работы"**).

Непрерывное повышение размеров подушных податей крайне тяжело отражалось на крестьянском хозяйстве. Подушный налог с каждой души равнялся 2 р. 30 к., не считая других многочисленных налогов, общая сумма которых достигала 4 р. 50 к. При столь высоких налоговых ставках положение крестьянства потому отягощалось еще тем, что на него была возложена плата подушных податей за всех выбывших, умерших, а также уплата налогов за те земли, которые были проданы купечеству.

Задавленное непосильными налогами, страдающее от недостатка пахотных и сенокосных земель, крестьянство коми мас-

*) С. И. Р. И. О. т. XXIII с. 244.
**) Там же, т XXIII с. 267.

сами уходило на заработки по разрешениям Яренского воеводства. Одним из наиболее распространенных источников заработка являлся охотничий промысел.

Мы уже указывали, что, под влиянием проникновения капиталистических отношений в деревню крестьянство коми во второй половине XVIII в. в экономическом отношении уже не было однородным: присходило расслоение крестьянства, начали выделяться, выражаясь современной терминологией, „кулацкие хозяйства". Пользуясь затруднительным финансовым положением беднейшей части крестьянства, эти кулаки стали эксплоатировать крестьян, занимающихся охотой, ссужая им деньги, уплачивая им авансом за пушнину и таким образом приобретая ее за бесценок. Пушнину эту они перепродавали городским купцам по более дорогой цене. Началась борьба между капиталистическими элементами города и деревни за непосредственное приобретение у охотников пушнины, являвшейся важнейшим предметом вывоза на иностранный рынок.

Яренское купечество добилось от Яренской канцелярии издания распоряжения, запрещавшего зажиточной части крестьянства заниматься скупкой пушнины охотников и перепродажей ее городским купцам, минуя яренское купечество.

Крестьяне-охотники, предпочитавшие продавать пушнину местным скупщикам, которые во всякое время готовы были ссудить их деньгами в счет будущих заработков, были крайне недовольны этим распоряжением. А особенно недовольны были кулаки, которые в силу этого распоряжения лишались прибылей, получаемых от торговли пушниной. Интересен в этом отношении наказ крестьян Корткеросской волости, который несомненно отразил настроение этой группы крестьянства: „Яренское купечество имеет запрещение в покупке крестьянского звериного промысла, между крестьянами, а протчие крестьяне друг друга ссужают на предь в дачу на платеж подушных денег и протчих нужд, списывая в тех нуждах, чтоб им заплатить звериным промыслом и протчими крестьянскими продуктами, в чем крестьянство и платит, а оное Яренское купечество намеревается купить собою от промышленников намеренного им дешевою ценою и чтоб крестьяне для продажи в другой город из своего уезда провозу, да иногородним купцам продажи, кроме их Яренских купцов запрещают" *). Таким образом бедняки-крестьяне, занимавшиеся охотой, для того, чтобы иметь возможность уплачивать всевозможные подати, подвергались эксплоатации со стороны местного кулачества и городского яренского купечества.

Другим, наиболее распространенным видом крестьянских заработков были работы на заводах. Крестьяне Косланского погоста, Яренского уезда, указывают, что многие крестьяне,

*) С. И. Р. И. О. т. СХХIII, с. 268.

нуждаясь в деньгах для оплаты подушных налогов, „сошли на медноплавильные и железные заводы титулярного советника Алекаея Турчанинова, директора Петра Осокина, многое число людей, которые оборотно не бывали и платеж подушных денег с их душ состоят в доимке“*).

Крестьяне Тьендинской волости, Яренского уезда, заявляют: „подушные деньги платили и более пропитание имеем от черной всякой работы, и работаем на железных заводах, ходят крестьяне к Унгургю к господину директору Петру Осокину на медные и железные его заводы, также и здешнего уезда к заводским содержателям Курочкину и Пановым на железные заводы, и на заводские материалы по подрядам плавим сосновый и всякий другой лес“**).

Уход крестьян на заводы был затруднен вследствие издания специальных законов, воспретивших свободное передвижение крестьянства. Крестьяне Оквадской волости требуют „дозволения о получении из Яренской воеводской канцелярии желающих оной волости крестьянам для прокормления черною работою в своей в разные российские города, кому на сколько времени потребно будет, без подписания и увольнения от Великоустюжской провинции экономических казначейских дел, за дальностью расстояния, печатных пашпортов“ ***).

Весьма распространенным видом крестьянских заработков был сплав леса. Крестьяне Ляльской трети сообщают: „плавят к тому же заводу (Сереговскому солеваренному—В. П.) дрова и у оных Рыбников находятся крестьяне в великом долгу, который и платить теперь не в состоянии****). Крестьяне Устьвымской волости жалуются: „в нашей волости имеются забранных от господ Вологодских купцов, соляных промышленников Рыбниковых, в дровдел и в протчую работу долговых денег 300 рублей и более, в чем и от них в том платеже долгу немалое происходит понуждение“*****).

Крестьяне Успенского погоста указывают: „сделанные нами крестьянами в оное Сергиевское усолье варнишных дров, по сплавке вешними водами много умышленно, также и от нерадения мимо того усолья с дровами плотов, также и не с норовкою разбивает, на поимке с воды и с привязей, по той вешней воде пропущают в продажу, и тем иных крестьян проводят во всеконечную погибель и в последнюю нужду, да и при приеме тех дров в запись иным крестьянам происходит точно не всем, обида и истерзание“******). Из этой жалобы мы узнаем о тех приемах, которыми пользовались промышленники для

*) С. И. Р. И. О. т. CXXIII, с. 257.
**) Там же, с. 257.
***) Там же, с. 278.
****) Там же, с. 241.
*****) Там же, с. 242.
******) Там же, с. 261.

того, чтобы закабалить спильщиков леса за своими заводами. А именно: солепромышленники не принимали никаких мер к сохранению дров, сплавляемых крестьянами к заводу; дрова уносились течением реки, а сплавщики потом обвинялись в невыполнении договора и причинении этим заводчику убытков. Все дрова, снесенные течением реки, заводчики считали пропавшими и при своих расчетах с рабочими делали соответствующие удержания. В результате всех этих махинаций сплавщики на 2—3. года попадали в кабалу, будучи вынуждены отработывать заводчикам записанный за ними долг по утере сплавленного леса. Таким образом солепромышленники обеспечивали себя даровой рабочей силой на несколько лет. Наконец, самые записи при приеме дров призводились неправильно, т. е. солепромышленники записывали в приход гораздо меньше дров, чем их прибывало в действительности. Попросту говоря, рабочих обманывали, обсчитывали.

Крестьяне принимали участие и в государственном сплаве леса, главным образом для Англии. Однако, получение этого заработка было обусловлено такими требованиями, которые могли выполнить далеко не все крестьяне. Во-первых, надо было сплавлять лес, который годится для постройки кораблей, т. е. несучковатый, во-вторых, при резке бревен надлежало употреблять пилу, а не топор, который портит дерево. Гладкого, несучковатого леса в некоторых местностях совсем не было, и масса лесозаготовителей-крестьян не имела пилы для пилки леса.

В общем, перечисленные нами заработки не давали крестьянству выхода из нищеты, так как, с одной стороны, бедняков нещадно эксплоатировали кулаки, купцы и промышленники, а с другой стороны, все заработки поглощались различными налогами.

Кроме налогового бремени крестьяне изнемогали под тяжестью различных государственных повинностей, из которых наиболее тяжелыми были гужевая и „целовальная" повинность. Крестьяне Турецкой трети жалуются: „в трети налегли волока, а именно в Глотову слободку зимним по примеру 150 верст, а летним 300, да вторая до Ижемской слободки, по примеру же летним путем 500 верст, которыми провожаем посланных с указами и присланные конверты мы одною третью" *).

Крестьяне Успенского погоста указывают, что цена, назначенная за перевозку соли (приблизительно на 30 лошадях, по 30 рабочих) очень мала; поэтому они просят прибавить: „на подмог по 10 руб. и более... от которого несут крестьяне тяжесть, ибо нынешние годы через тот волок, хотя проезжающих имеется мало, а хотя от проезжающих с солью и протчимк через тот волок какая плакатная (об'явленная—В. П.) цена име-

*) С. И. Р. И. О. т. CXXIII с. 263.

ется, то... тем на 30 лошадей на работу работникам и лошадям не приходит" *).

Другой не менее обременительной для крестьянства повинностью была так наз. целовальная повинность. Она состояла в обязанности крестьян миром выбирать от себя целовальников, предоставлять помещение для винных лавок, давать транспорт для перевозки вина, выделять сторожей для охраны винных складов, содержать лиц, приезжавших в те или иные волости по питейным делам.

Крестьяне Шежамской волости, Яренского уезда, жалуются: „в нашей волости, как и иные, так и в прежние годы изстари, из крестьян выбираются повсягодно к казенной винной продаже в целовальники по два человека, да к ним в товарищество по два же человека, которые от себя наймывают и дают в год за избы, платы рубля по два и по три от продажи казенного вина, а учрежденных и построенных на то для продажи вина стоек не имеется".

Крестьяне же обязаны были ежемесячно давать лошадей для перевозки вина и посуды. Те же крестьяне в 12-м пункте своего наказа заявляют: „повсямесячно за оную казенную продажу вина к высылке ящики отвозят они же целовальники своим коштом". Дальше они указывают: „под оную же казну целовальники требуют от волости для хранения казны из мир провожатых людей".

Особенно тяжелым было для крестьянства содержание лиц, приезжавших по питейным делам.

В 14-м пункте своего наказа крестьяне этой же волости жалуются: „сверх же того к оным целовальникам приезжают с питейного двора по окончании месяца для осмотру, проданного казенного вина, также и остаточного каморники, походячие целовальники, тако ж и выборные и ларешные, которые пьют и едят у них, оных целовальников, как вперед, так и взад, от волости до волости провожают своим же коштом. Да, сверх же того, по указам требуются из волостей насильщики для выборов повсегодно в питейный двор ларешного и сторожей, которые и выбираются из черносошных же крестьян" **).

Крестьяне Корткеросской волости, Яренского уезда, заявляют: „крестьяне несут тягость за их купцов, в силе указов, наложенными обще с прочими волостными службами: в Устьсысольский питейный двор выборного и ларешного и к продаже в стойки целовальников, отчего протчие от того пришли в разорение. Дабы благоволено было вышеоб'явленные службы с крестьян оставить, которые выбираются за Яренское купечество" ***).

*) С.И.Р.И.О. т. CXXIII, с. 261.
**) Там же, т. CXXIII, с. 245—246.
***) Там же, т. CXXIII, с. 268.

Яренская канцелярия по собственному почину или по распоряжению свыше освободила яренское купечество от целовальной повинности, переложив ее целиком на крестьян.

Подведем итоги последним главам, посвященным крепостничеству на крайнем Севере. Торгово-ростовщический капитал, проникая в самые отдаленные колонии России, помогал установлению крепостнических отношений в интересах представителей феодально-помещичьего класса, купечества и церкви в лице монастырей. Вовлекая в свой торговый оборот отдаленные колонии (и в частности крайний Север), торгово-ростовщический капитал способствовал развитию в колониях торговых взаимоотношений и создавал там товарное хозяйство. Через установленные формы эксплоатации, известные под названием барщины и оброка, торгово-ростовщический капитал систематически извлекал продукты труда местного населения и, сбывая их на иностранных рынках, втягивая колонии в мировой товарооборот. Таким образом колонии служили для него, с одной стороны, рынками извлечения сырья, с другой стороны, рынками сбыта изделий развивавшейся мануфактурной промышленности.

Чем ответило крестьянство на крепостнические мероприятия государства? Массовым бегством из крепостнических имений. Обычно, буржуазные идеологи и защитники „государственного порядка" квалифицируют массовое бегство крестьян из помещичьих имений и его первые выступления как „бунт", „смуту", эпоху хаоса и анархии. Так были названы первые крестьянские революции в России XVII и XVIII вв. („Смутное время", разинщина, пугачевщина). Этими туманными словечками пытались затушевать обычную классовую борьбу крестьянства против усиления крепостнической кабалы помещиков, монастырей и самого государства.

Итак, действительными хозяевами Московского государства изучаемой эпохи являлись помещики и купечество, политику которых и проводило московское правительство. Среди помещиков, торговцев и ростовщиков, занимавшихся различными коммерческими делами, московские государи занимали самое почетное место, как наиболее крупные купцы-помещики. Здесь мы имеем налицо сращивание интересов торгового капитала с интересами царской власти в лице царя, который, в силу этой общности социально-экономических интересов, проводил политику, выгодную этой группе, так же, как и ему самому.

В русской исторической литературе государственные крестьяне до сих пор рассматриваются как лично свободные крестьяне, не знавшие помещичьей кабалы, пользовавшиеся правом свободного передвижения и т. д. Все эти утверждения мы считаем неправильными. Основным признаком крепостного состояния государственного крестьянства вообще и в частности на крайнем Севере мы считаем прикрепление

его к земле, подчинение его власти самого крепостнического государства в лице казны, которое эксплоатировало их труд в форме оброчной системы.

Обычно противники признания государственных крестьян крепостными крестьянами государства указывают на то, что помещичьи крестьяне не имели права свободного передвижения, а государственные крестьяне якобы этим правом пользовались. Верно ли это утверждение? Нет, не верно. Сошлемся на цитированную выше жалобу крестьян Оквадской волости, Яренского уезда, которые пишут в законодательную комиссию 1767 г., что им чинят всякие препятствия для передвижения в те или иные места и поэтому просят „дозволения о получении из Яренской воеводской канцелярии желающим оной волости крастьянам для прокормления черною работою в разные российские города, кому на сколько времени потребно будет, без подписания и увольнения от В. Устюжской провинции экономических казначейских дел за дальностью расстояния печатных паспортов".

Крестьяне Жешамской волости, Яренского уезда, указывали, что „хотя и ныне в нашей волости желающих итти для работы в разные российские города и заводы и на соляные суда есть, по указу... отпусков получать не велено, в чем оные обязаны о неотлучке подписками". Следовательно государственные крестьяне в своих передвижениях всецело зависели от государства. Государство, как и помещики, рассматривало каждого крестьянина как об'ект эксплоатации и извлечения различных податей и поэтому всячески тормозило передвижение крестьянина на заработки. Наконец, если государство в известной степени и разрешало эти передвижения для работы на тех или иных фабриках и заводах, по сплаву и рубке леса, то оно требовало, чтобы государственные оброчные повинности от этого не пострадали, т. е. делало то же самое, что и помещики по отношению к крепостным. В отношении передвижения государственных и помещичьих крестьян мы усматриваем разницу только в том, что передвижения государственных крестьян зависели от самого государства в лице Устюжской экономической канцелярии, а передвижения помещичьих крестьян —от помещиков. Правда, в отношении передвижения государственных крестьян дело обстояло проще в том смысле, что они имели одного хозяина в лице Устюжской экономических дел канцелярии, которая в этом отношении держалась более определенной политики.

Наконец, часто усматривают разницу между государственными крестьянами и помещичьими в том, что последние принадлежали помещикам на праве частной собственности, тогда как государственные крестьяне на праве частной собственности государству не принадлежали. Так ли это? Нет, не так. В этом отношении мы также не видим никакой разницы. Государство

обладало правом дарения не только земли, леса и других материальных ценностей, но и правом дарения самих государственных крестьян, которых оно массами отдавало в крепостное рабство отдельным помещикам, прикрепляло к фабрикам и заводам, делая это на праве владения ими как своей государственной собственностью. Здесь разница чисто формальная. Государственные крестьяне принадлежали крупнейшему собственнику—государству, которое распоряжалось трудом и личностью крестьянина так же, как и остальные помещики распоряжались трудом и личностью своего крепостного.

Мало убеждает и указание на то, что помещики имели право продавать своих крестьян, проигрывать их в карты, дарить их как вещи своим знакомым, менять их на щенят и т. д., тогда как государство в рассматриваемую нами эпоху не практиковало открытой продажи своих крестьян. Зато мы знаем, что государство в широких масштабах практиковало раздачу крестьян помещикам, монастырям, посессионным фабрикам и заводам. Экономически факт дарения государственных крестьян помещикам являлся ни чем иным, как замаскированной, скрытой продажей крестьян или их передачей в классовых интересах самого государства. Так, когда Екатерина II взошла на трон, то она отблагодарила своих сподвижников, вроде Орлова и других, которые помогли ей перешагнуть через труп ее мужа, императора Петра III, тем, что она в течение 20 дней своего царствования подарила им 123 тыс. чел. государственных крестьян. Эти 123 тыс. крестьян и были платой за убийство Петра III и предоставление трона Екатерине II.

Юридическим основанием, которое дает нам право считать государственных крестьян крепостными крестьянами государства, является факт прикрепления их к земле, по уложению 1649 г., где государственные крестьяне фигурируют под названием крестьян черных волостей, о которых мы говорили выше.

Мы подчеркиваем, что признание государственных крестьян крепостными еще не означает того, что мы хотим свалить в одну кучу помещичьих и государственных крестьян. Мы лишь утверждаем, что помещичьи крестьяне находились в личной собственности помещиков, государственные же крестьяне—в собственности государства. Признак „внеэкономического принуждения“ исторически осуществлялся и в хозяйствах удельного ведомства и самого государства в лице различных торговых палат и других организаций. В конечном итоге так наз. „крестьянских реформ“ государство фактически распорядилось и личностью крестьянина, его „душой“. В этом отношении наиболее показательна реформа 1866 г. Если государство дало возможность помещикам получить выкуп не только за надельные земли, но и за самую крестьянскую душу путем продажи земли по более дорогой цене против ее действительной стоимости, то точно также оно поступило по от

ношению к своим крестьянам. Государственные земли, которые крестьяне обрабатывали в течение ряда столетий на оброчном праве, были проданы по более дорогой цене, чем они стоили в действительности. Та надбавка в цене, которая была сделана государством на землю, и была платой не только за землю, но и за душу крестьянина.

Теперь мы можем сделать некоторые выводы. В Коми крепостное право существовало не только в помещичьих имениях, но и в монастырском, купеческом и государственном землевладении. В эпоху рабского, феодально-крепостнического строя не могло быть свободных крестьян, ибо все они были прикреплены за теми или иными землевладельцами. „И „свободный" русский крестьянин в XX в.—пишет В. И. Ленин,—все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику—совершенно так же, как в XI в. шли в „кабалу" смерды (так называет крестьян „Русская Правда") и „записывались" за помещиками" *).

В. И. Ленин даже в XX веке крестьян не считает свободными, ибо они, в силу рабского характера капиталистического строя вынуждены были итти в кабалу своему к помещику. Буржуазные историки, занимавшиеся изучением северного края, в частности Коми, открыли существование „свободных" государственных крестьян. В этом нет ничего удивительного. Это лишний раз свидетельствует о классовости истории, как науки, когда историки рассматривают все исторические явления с точки зрения тех общественных классов, выразителем идеологии которых они являются. Казенные историки русского самодержавия, изображая северный край—как „царство свободных государственных крестьян", тем самым ярко иллюстрировали перед всем миром, что государство, в лице казны, не являлось эксплоататором крестьян, а, напротив, оно обеспечило им свободу даже в условиях феодализма-крепостничества.

Неверной является и ссылка этих историков на то, что государственные крестьяне б. Яренского, Ижмо-Печорского и Устьсысольского уездов не знали крепостного права в силу того, что последние не знали барщинной эксплоатации, кроме оброчной. Спрашивается, разве оброчная эксплоатация легче барщинной? Нисколько. При оброчной эксплоатации крестьяне работали не меньше, чем при барщинной, а иногда и больше. Крестьянин для того, чтобы выплатить причитающиеся с него оброчные повинности, вследствие малоземелья, неплодородия почвы и других причин—вынужден был зарабатывать на стороне: на горных заводах Коми и Урала.

Государство, в лице казны, вводя оброчную эксплоатацию при данных создавшихся условиях, исходило не из желания царского правительства „улучшить" положение коми оброчного крестьянства, а исключительно с точки зрения выгодности для самого государства этой системы эксплоатации.

*) В. И. Ленин, Соб. сочин. т. XI. Изд. 2. 98 стр.

Оброчная эксплоатация, как и барщинная, происходила под принуждением землевладельца, и последняя мало чем отличалась от барщины. Об этом свидетельствуют крестьянские движения. „Смута"—разиновщина и пугачевщина, представляют собой результат феодально-крепостнической эксплоатации.

Крестьянские движения в Коми в XVII-XVIII в. в.

Классовая борьба крестьянства против помещиков получила особенно широкое развитие в XVII-XVIII в. в. Последняя являлась результатом жесточайшей эксплоатации крестьян помещиками, купцами, монастырями и дальнейшего развития крепостнических отношений, в связи с усиливающейся товаризацией крепостного хозяйства, что стало особенно заметно с XVII века.

Буржуазные историки, изучая первую казацко-крестьянскую революцию, в угоду господствующим классам названную „Смутой",—исходили из классовых интересов дворянства. Поэтому, все работы, написанные о „Смуте", разиновщине, пугачевщине, —носят строго классовый характер. Работы проф. Готье, Иловайского, б. акад. Платонова, которые специально изучали „Смуту", представляют собой образец обслуживания нужд господствующих классов.

Что заставило б. академика Платонова специально заниматься „Смутой", изучать ее целые десятилетия, начиная с 1888 г. и кончая его последними работами о смуте, изданными в 1928 г.? Послушаем по этому поводу самого Платонова: „Меня остановил один факт смуты—нижегородское движение 1612 г. Мне хотелось изучить его всесторонне, узнать социальный состав населения среднего Поволжья, узнать, какой сословный слой был там господствующим и почему? Это, как я мечтал, позволило бы мне указать предводителей народного подвига, понять народное движение 1611-1612 года в самых его корнях. Тогда стало бы ясно, кто именно освободил Москву в 1613 г., и кто остался победителем в многолетних смутах. А это могло бы, в свою очередь, многое об'яснить в истории XVII в., даже в истории реформы" *).

Из приведенной цитаты видно, что целевая установка Платонова состояла в том, чтобы выявить те, по его мнению, прогрессивные силы, которые возглавили борьбу за государственность, освободили в 1613 году Москву от революционных казацко-крестьянских масс. Изучая социальный состав „Смуты", в частности, какие силы боролись против государственного порядка и спокойствия, изучая методы и приемы борьбы господствующих классов с трудящимися слоями крестьянства и казачества, Платонов не только обслуживал интересы господствующих классов, но и ясно показывал царскому правительству

*) С. Платонов, Древне-русские сказания, Изд. 2, XV стр.

на какие силы оно может положиться в дальнейших классовых боях против рабоче-крестьянских масс. Вся концепция Платоновской работы состоит в том, что он пытается преподнести читателю, что русский народ по природе своей монархичен и чужд всякой революционности. Эти идеи, развиваемые буржуазными историками, составляли блестящее обоснование существованию русского самодержавия, что „народ за царя, и всякая борьба против самодержавия ненавистна русскому народу, как противоестественная". Оттого-то Платонов и другие быстро делали политические карьеры, получали чины и ордена, быстро подвигались по научной линии. Платонов уже с 30 лет стал профессором и был преподавателем по русской истории в царской семье (читал лекции детям Николая II) и в период до февральской революции являлся одним из первых кандидатов в министры народного просвещения.

Если Платонов и другие не только искажали действительный ход истории классовой борьбы, но в интересах дворянства занимались фальсификацией исторических фактов. Возьмем об'яснение причин первой казацко-крестьянской революции (смуты), которую дает Платонов. „В смуте,—пишет Платонов,—победителем остался тот же государственный порядок, какой формировался в Московском государстве в XVI в., а не тот, какой принесли бы нам его враги—католическая и аристократическая Польша и казачество, жившее интересами хищничества и разрушения, отлившееся в форму безобразного „круга" *).

Об'яснять причины первого казацко-крестьянского движения интригами польско-католических кругов—значит сознательно извращать исторические факты, ибо это движение было порождено глубочайшей эксплоатацией крестьян и казаков помещиками. Это движение не являлось результатом „импорта", как об этом писал историк Илловайский и подтвердил его б. академик Платонов, а причины его (движения) коренились в самой экономике России и ее колоний.

Платонов извратил и самое содержание, так называемой „Смуты", рассматривая ее не как борьбу крестьянско-казацких масс со своими эксплоататорами-помещиками, а как борьбу дворянско-купеческого капитала за сохранение существующих феодальных отношений. Отсюда Платонов делает вывод, что движущими силами „Смуты" были феодальные низы, дворяне, торговая буржуазия и лучшие посадские люди. Таким образом, контрреволюционная сила в лице перечисленных выше классов феодального общества, против которых был направлен об'единенный удар крестьянско-казацких масс,—об'являлась революционной силой, а казаки и крестьяне были об'явлены анархическим элементом, неспособным ни к какой революции.

*) С. Платонов. Лекции. 316 стр.

Казацко-крестьянское движение, известное в буржуазной историографии под наименованием смутного времени, было движением против эксплоататоров, против крупного землевладения—помещиков, купцов и монастырей. Следовательно, движущими силами этой классовой борьбы являлись трудящиеся массы отдельных национальностей, казацкие и крестьянские массы и мелкие ремесленники городов, эксплоатируемые торгово-ростовщическим капиталом и помещиками.

Это движение захватило не только народы Среднего Поволжья, но и Севера, изнемогавших под бременем тяжелых налогов, оброчных платежей и роста национально-колониального угнетения.

Боевыми лозунгами, под знаком которых развертывалось это движение, были: во-первых, захват помещичьих земель для наделения крестьян землей, во-вторых, сокращение срока кабального холопства третьим, наиболее популярным лозунгом была отмена крепостнических законов, изданых Бор. Годуновым, согласно которым все крестьяне, бежавшие к другим помещикам. подлежали насильственному возврату обратно к прежним своим владельцам. Вот те требования, за которые боролось крестьянство.

Захватив власть, заняв столицу, Дмитрий специальным актом известил все города Московского государства о своем вступлении на престол. 6 июня 1605 г. последовала царская грамота и на Вычегду, в которой сообщалось, что „Патриарх московский и всея Руси и митрополиты и весь освященный собор, дворяне и гости и торговые всякие люди, узнав прирожденного государя своего, царя и в. к. Дмитрия Ивановича в своих винах добили челом“. Грамота заканчивалась предписанием: „во всем уезде Усольском по всем церквам велим бога молити и нам служити и прямити“ *).

12 июня 1605 г. последовала в Сольвычегодск вторая царская грамота от Дмитрия о приведении к присяге гостей, посадских и черных людей, с приложением подкрестной записи, с обещанием за это всяких льгот. „А как всяких людей,—читаем мы в грамоте,—к крестному целованию приведете и мы вас и их пожалуем великим своим царским жалованьем, чего у вас на разуме нет“ **).

Уничтожение крепостного права, сокращение срока кабального рабства, наделение крестьян землей за счет частичной экспроприации земли у крупных землевладельцев—все эти меры, обещанные Дмитрием, нашли живой отклик в крестьянских массах Коми-пермяцкого края, которые, под влиянием широкой агитации сторонников нового царя, выступили против местных представителей старой московской власти.

---

*) А. А. Э., т. II, № 36, с. 35.
**) А. А. Э., т. II, № 38, с. 93.

Это движение не прекратилось и после поражения, нанесенного Дмитрию кн. В. И. Шуйским; напротив, оно усилилось на окраинах под влиянием распространившихся слухов о том, что царь Дмитрий не убит, а спасся бегством и теперь стоит под Москвою и ждет, чтобы население не только города Москвы, но главным образом отдаленных колоний Московского государства само выступило против Шуйского и помогло Дмитрию завоевать прародительский престол.

Крупную роль в этом движении сыграли националы жившие на территории бывшей Вятской губ., в частности г. Яранска. 5 января 1609 г. в связи с приходом сторонников второго Дмитрия, как указывает об этом челобитная соборного дьячка Павлика Мокеева от мая 1609 г., „омрачением бесовским приходили к Еренскому городку Арземасские мурзы Бибай да Теребердей Мустофины со многими с воровскими людьми, с стрельцы и казака, и с Мордвою и с Чувашею и с Черемисою и привели Еранских людей ко кресту за вора, кто назывался князем Дмитрием, а привели, государь, Еранских людей ко кресту за вора в неволю, из-за сабли, а я твой государев богомолец, увидев то воровское их умышление... креста ему не целовал, а тебе праведному великому государю крестного целованья не преступил" *).

Эта оправдательная челобитная последовала после того, как восстание в Яранске было подавлено. Челобитчик пытается представить восстание в Яранске как результат вооруженного вмешательства националов. Однако, он противоречит самому себе, утверждая что в Яранске было не одно, а два восстания. „Во 117 г. марта в 29 день пришел с Вятки в Еранский Никольского попа Василия сын Баженко и учинил в миру смуту великую, а сказал: на Вятке де Вятчане, радеют вору, крест целуют. И Еранские, государь, люди по Баженовым речам смутились и написали меж собою приговор и выборную запись, что послати на Вятку, в Вятские города, приводили за вора ко кресту".

„А как, государь,—говорит челобитчик,—поехали на Вятку в Котельнич город, апрель в 8 день, и почали, государь, в мир прочитывать с воровских грамот списки, и в Котельниче было, государь, многие люди хотели смутиться и вору хотели целовати крест".

Мы не беремся судить о том, насколько правильны те сведения, которые давал дьячок, но считаем, что общее настроение края, и в частности в городке Еранске, благоприятствовало новой власти. Этому движению сочувствовали и некоторые местные администраторы. Благосклонное отношение вятского воеводы князя Ухтомского к агитаторам, раз'езжавшим по территории Вятской губ., говорило о том, что он был склонен

*) А. А. Э., т. II, № 116, с. 220 и сл.

признать власть нового царя в расчете на получение награды. Об этом же свидетельствовало и его примиренческое отношение к еранскому мятежу, когда беднейшая часть городского населения грабила богатых горожан. Только тогда, когда „смута" улеглась, и положение сторонников старой власти в известной степени укрепилось, князь Ухтомский принимает участие в водворении в крае „порядка и законности". Водворяя порядок в крае по долгу службы, он в то же время покровительствовал агитаторам, предоставляя им возможность проводить агитацию среди населения Вятского края. И только тогда, когда измена его стала очевидной для всех, и разосланные им агитаторы в Устюге подверглись казни, он об'явил их мятежниками.

„На Устюге попа и Михаилка пытав повесили и к нам о том и ко всей Вятской земле писали" *), сообщал для населения края вятский воевода князь Ухтомский. Увертливость князя Михаила Ухтомского сказалась и в том, что он обвинил чердынцев в том, что последние: „тех воров у вятских пушкарей не взяли, и ничего над ними не учинили и пушкарей, едучи назад к Вятке и изменника Павлика упустили" **).

Такое же сочувственное отношение со стороны некоторой части администрации к крестьянскому движению наблюдалось и в Перми. Вятчане упрекали пермяков в том, что они „писали многожды прислати к нам на Вятку ратных людей... а к Вятке их не пришлете, а которых было ратных людей к Вятке и прислали и вы их с дороги воротили... Вятскую землю ворам в раззоренье напрасно подаете, ратных к нам людей не пришлете и с нами на воров не стоите" ***). Вятчане ранее получили ряд отписок от пермичей, в которых последние, зная про измену князя Ухтомского, с пренебрежением отвергают оскорбительное обвинение в предательстве: „И нам пишете,—читаем мы в письме пермского воеводы,—велите ссылатись государевыми изменники и мы на вашу глупость не смотрим и вы себе сами предатели и своею вам глупостью погибнути. И наперед сего к вам послано государева два изменника, а велено их вам казнити смертью, и вы над ними, ничего не сделали"****). Кроме того, пермичи указывают, что те военные силы, которые собирались для подавления восстания, были распущены по ходатайству того же князя Ухтомского, что мы видим из следующей отписки пермичей от 17 декабря 1609 года, в которой говорится, что „писали к нам с Вятки кн. Михайло Ухтомский да Василий Иванов, что из под Котельнича воры государевы изменники побежали в Еранск и нам бы ратных людей на Вятку не посылати, и та, государине, смута учинилась от князя М. Ухтомского

*) С.И.Р.И.О. т. II. № 117, с. 222.
**) Там-же, т. II, № 117, с. 223.
***) Там-же, т. II, № 149, с. 263.
****) Там-же, т. II с. 264.

да от Василия Иванова и у нас те ратные люди, по той же Михаиле и Васильеве отписке, были распущены" *).

Из этой переписки мы видим, что во главе местной администрации на местах, в частности Перми и Вятке, стояли люди в известной степени сочувствовавшие этому движению. Само собой разумеется, что это сочувствие к крестьянскому движению со стороны князей и других представителей местной администрации об'яснялось их классовыми интересами, т. е. прежде всего тем, что они надеялись получить от новой власти выгодные должности, поместья и награды, а отнюдь не их желанием улучшить экономическое положение крестьянства.

Это первое крестьянское движение вызвало к жизни и первую военную интервенцию в пределы Вычегодского края со стороны польско-литовского государства. Польско-литовские отряды заняли Вологду, Устюг и захватили Сольвычегодск, где произошел бой, в результате которого местные военные силы были разгромлены, а сам город был сожжен. Любопытно отметить, что из сольвычегодских граждан устоял против польско литовских отрядов один Строганов. Владея хорошо укрепленным пунктом, имея достаточное число вооруженных воинов, ружья пушки, запасы пороха и снарядов, он оказал решительное сопротивление захвату его усадьбы.

Это крестьянское движение, широкой волной разлившееся по Московскому государству и проникшее в самые отдаленные его районы, было первым ярким проявлением классовой борьбы крестьянства против дворянско-купеческого капитала. Эта первая крестьянская революция, несмотря на первоначальный успех была в конце концов разгромлена об'единенными силами дворянства и купечества. Все законодательные акты, изданные во время движения в интересах крестьянства, дворянско-купеческим царем Романовым были отменены и крестьянство было возвращено в прежнее состояние эксплоатируемых рабов дворянско-купеческого капитала.

Все эти крестьянские движения эпохи феодализма, возникая в условиях феодальной эксплоатации, носили ярко выраженный антикрепостнический характер, но они, несмотря на героизм масс, не могли еще перерасти в одно всероссийское движение крестьянства и принять форму буржуазно-демократической революции. Для перехода борьбы крестьянства на более высшую ступень — буржуазно-демократической революции, еще не было соответствующей базы. Капитализм еще только зарождался. Вся промышленность держалась на крепостном праве, т. е. на эксплоатации крестьянского труда посредством внеэкономического принуждения.

Раздробленность крестьянства, его замкнутость и ограниченность, отсутствие организованности и общего руководства.

---

*) Там-же, т. II, № 156, с. 268

не дали возможности разиновщине и пугачевщине перерасти в всероссийское движение и втянуть трудящиеся массы колоний, в частности Коми, в борьбу против своих эксплоататоров.

Крупную роль в этом отношении сыграла и политическая отсталость крестьянства. Феодальная идеология, которая учила эксплоатируемые массы смирению и терпению, и что царь есть „помазанник божий“, без которого, якобы, нельзя жить настолько глубоко пустила корни в психологии крестьянства что последние не мыслили себе возможности обойтись без царя Авторитет царя был так велик, что Емельян Пугачев в борьбе против помещиков вынужден был назвать себя именем убитого императора Петра III, чтобы возглавить борьбу крестьянства против крепостничества.

Все эти данные и являлись важнейшими причинами того, что крестьянские движения, как прогрессивные—не смогли перерасти в буржуазно-демократическую революцию. „Все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу,—пишет В. И. Ленин—по своему направить экономику и политику кончились прахом“ *). Эти движения кончились прахом потому что не было еще гегемона и вождя—рабочего класса. Только под руководством рабочего класса крестьянство смогло покончить с помещиками в Октябрьскую революцию и создать свою рабоче-крестьянскую власть.

Рассматривая эти движения, необходимо указать, что эти движения еще не являлись национальными движениями в том смысле, в каком мы понимаем это движение. Коми в это время еще не являлись нацией в полном смысле слова и пребывала в стадии формирования в нацию, которая окончательно оформилась в нацию только в конце второй половины XIX в.

Отсюда, нет у нас данных для того, чтобы рассматривать эти крестьянские движения, в частности „смуту“, „разиновщину“ и „пугачевщину“—как национальные движения, но они носили и национальный характер, поскольку движущей силой в этих восстаниях являлись трудящиеся массы этих национальностей, которые в силу национально-колониального гнета выступали против крепостнического строя. В. И. Ленин совершенно правильно замечает, что „тенденция всякого отпора национально-угнетенного населения есть национальное восстание“ **).

В полном смысле слова эти движения нельзя назвать национальными, потому, что в это время еще не было экономической основы для этого движения, не было в достаточной степени развитого капитализма, не было борьбы национальной буржуазии за монопольное обладание рынками. Эти движения являлись попыткой дать отпор дальнейшему внедрению кре-

*) В. И. Ленин, Собр. сочин., т. XXVI, 290 стр.
**) В. И. Ленин, Полн. собр. сочин., 428 стр.

постничества вглубь и расширению на новые завоеванные области.

Эти движения, хотя и кончились поражением, но они имели большое революционное значение. Крестьяне убеждались, что только решительная борьба против крепостного права, только победа над помещиками улучшит их положение и даст им землю и волю. И крестьяне боролись. Эта борьба крестьянства, которая красной нитью проходит в течение всего феодализма и особенно в эпоху его разложения, подготовила его к дальнейшим классовым боям, которые в более широкой форме развернулись в первой половине XIX в., и правительство было вынуждено удовлетворить основное требование крестьянства—уничтожить крепостное право.

КРЕСТЬЯНСКИЕ РЕФОРМЫ В КОМИ.

Предпосылки крестьянских реформ.

Крепостническое государство в лице казны являлось в Коми самым крупным и богатым помещиком. Пользуясь крепостным правом, как средством вне-экономического принуждения, оно также занималось эксплоатацией трудящихся коми, как и помещики.

Основным способом эксплоатации труда коми крестьянства в Яренском, Устьсысольском уездах и Печоры являлся оброк. Выгодность этой системы эксплоатации заключалась в том, что государство в лице казны и помещики весь риск этого предпринимательского хозяйства перекладывали на крестьян. Они мало интересовались тем, насколько плодородна земля, насколько она оправдывает тот труд, который в нее вкладывался крестьянами. Для них было важно своевременное получение оброков.

Оброк являлся самым универсальным методом эксплоатации крестьянского труда. Существовавшие во второй половине XVIII века канцеляр конфискации и нечто вроде канцеляр экзекуций, посредством которых царское правительство отбирало земли от неплатежеспособных крестьян, восстававших же против тяжелых оброчных повинностей подвергало массовой порке—все это ярко свидетельствует о том, что оброчная система эксплоатации, как и барщинная, внедрялась в экономический быт крестьянства суровыми средствами.

Этот голый грабеж коми крестьянства в течение всего крепостнического периода в конце концов привел их к полному обнищанию. Платежеспособность катастрофически пала, надо было искать заработки на стороне.

Оброчная система эксплоатации усложнялась еще и различными повинностями: подводной, дорожной, целовальной и т. д. В начале XIX века, в результате деградации оброчного хозяйства, мы видим сплошные годы неурожаев. Коми крестьяне, в поисках выхода из создавшегося положения, протестовали против высоких оброчных платежей. Этот протест местами выливался в открытые выступления крестьянства против русского самодержавия.

Такое положение дела не внушало самодержавию ничего хорошего. Рост крестьянских волнений на почве все увеличивающегося размера оброчного платежа, понижения доходности об-

рочного хозяйства и т. д., создавал предпосылки для ликвидации этих крепостнических отношений, чтобы путем новых капиталистических методов хозяйствования поднять доходность крестьянского хозяйства.

Не лучшим было положение коми, живших в Камском бассейне. Если Вычегодско-Сысольские и Печорские коми пребывали под крепостническим гнетом самого богатого помещика в России—государства, то Камские коми стонали под крепостническим гнетом государства и графов Строгановых, князей Голицыных и других помещиков. Развивая барщинную систему эксплоатации, расширяя барскую запашку за счет крестьянских наделов, камские помещики превращали своих крепостных крестьян, с их карликовыми наделами, в об'ект барщинной эксплоатации.

Для того, чтобы сделать свое хозяйство более доходным, Строгановы широко применяли и оброчный метод эксплоатации. По данным К. С. Маханека, денежный оброк до 1846 года был установлен „8 рублей с ассигнациями, а с 1846 года 7 рублей с ассигнациями" *).

Часть крестьян, выполнявших барщину, платила помещице, по данным того же К. С. Маханека, 70 с 1/4 копейки душевого налога и работали на нее 3 дня в неделю со своим инвентарем.

Строгановские крестьяне, как и другие крепостные крестьяне Камского бассейна, эксплоатировались помещиками и государством. Государству платили следующие земские сборы:

1858 г. с 15.849 чел. по 1 р. 26 коп. с кажд.—20.056 р.

1859 г. с 17.228 —„— 1 р. 22½ к. —„— —21.110 р.

1860 г. с 17.229 —„— 2 р. 16½ к. —„— —37.300 р.

Кроме этого, платили довольно значительную сумму денег на различные общественные нужды, например: на постройки, поддержание мукомольных мельниц, содержание тракта и проселочных дорог, на содержание мирских начальников, сборщиков податей, церквей, домов для духовенства, приказчиков и т. д., что и видно из следующих данных:

1858 г. с 15.737 чел. по 1 р. 45 коп.—22.917 р. 78 к.

1859 г. с 17.728 чел. по 1 р. 41 коп.—24.296 р. 59 к.

1860 г. с 17.729 чел. по 1 р. 49 коп.—25.754 р. 83 к.

Строгановы широко практиковали применение крепостного труда на отхожих промыслах,—по рубке и сплаву леса для своих камских заводов. Крестьяне, которые по тем или иным причинам не могли принимать участия на этих работах, платили деньгами. По данным того же К. С. Маханека, общая стоимость этих работ определялась:

---

*) Пермский краеведческий сборник, выпуск 4, П. 1928 год.

1858 г. внес. деньг. 9.426 р. 92 к. работ. 19.074 р.—28.501 р.

1859 г. —„— 9.958 р. 88 к. —„— 20.796 р.—30.755 р.

1860 г. —„— 18.547 р. 95 к. —„— 12.803 р.—31.351 р.

Из приведенного видно, что крепостные крестьяне в имениях графов Строгановых эксплоатировались самым жестоким образом. Ограбляемые государством, помещиками, церковью, крестьяне превращались в простые придатки помещичьих хозяйств, становились неспособными к выполнению причитающихся с них налогов. Так, в 1850 году коми-пермяки не смогли выплатить „причитающиеся" с них налоги, и Строгановы вынуждены были отказаться от взимания за 1840 г. 150.103 рублей крестьянского долга, ржи—29.830 пудов и овса 2003 четвертей.

Строганов, делая такое „благодеяние", широко рекламировал себя как „истинного друга и благодетеля" крестьянства. Во всех крестьянских школах, даже в Уездном Пермском училище, ученики после обеда воздавали хвалу не только „господу богу", но и Строгановым, прибавляя к окончанию известной молитвы „отче наш"—„благодетелей наших, графиню—Наталию и графа Сергея, господи, сохрани на многие лета" *).

Платежи с каждого крепостного крестьянина все время увеличивались. Так, с 8 р. 97 коп. в 1858 году, мы имеем 9 р. 59 коп. в 1859 году, т. е. увеличение на 7%, а в 1860 году 10 р. 46 коп., т. е. увеличение на 17% по сравнению с 1858 годом.

Систематическое увеличение крестьянских платежей путем повышения размеров денежного и натурального оброка, превращение барщинного крестьянина в придаток помещичьего хозяйства вызвало общее расстройство крепостного хозяйства и падение его доходности, что особенно ярко выявилось к 60 годам XIX века. Строгановы, как и многие другие помещики Пермской и Вятской губернии, для поддержания доходности своего хозяйства, начиная с 30 40 годов XIX века, постепенно переходили от барщинной системы эксплоатации к оброчной, тем самым перекладывая риск предпринимательства на плечи самих крестьян. Этот переход повысил оброчные платежи, и крестьяне, чтобы платить оброк, вынуждены были зарабатывать на фабрично-заводских предприятиях Урала.

Это означало косвенное усиление эксплоатации крестьянства помещиками. Грабя крестьян, заставляя их зарабатывать оброк на стороне (рубка и сплав леса для заводов Урала и т. д.), помещики разоряли не только крестьянские хозяйства, но и свои. Оставалось одно—это ликвидация крепостного права и замена крепостного труда вольнонаемным.

Как и в сельском хозяйстве, основной причиной, задерживавшей развитие фабрично-заводского производства, являлось

---

*) Л. Воеводин—Воспоминания о Пермском Уездном училище и Строгановском общежитии, относящиеся к 1860—62 годам, 196 стр. „Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии", том X-й, 1913 год.

крепостное право, ибо оно задерживало свободное передвижение крестьян на заработки.

Государство, как и отдельные помещики, считая эти передвижения крестьянства по тем или иным причинам иногда невыгодными, часто препятствовало уходу крестьянства на фабрично-заводские предприятия. Крестьяне Жешартской волости, Яренского уезда, жаловались, что „хотя и иные в нашей волости желающих идти для работы в разные российские города и заводы и на соляные суда и есть, но по указу отпусков получать не велено, в чем оные обязаны о неотлучке подписками“ *).

Запрещая свободные передвижения крестьянства, тем самым лишали фабрики и заводы возможности иметь достаточное количество постоянной рабочей силы для бесперебойной работы. Поэтому, развивающийся промышленный капитал в России, в частности и коми, был заинтересован в ликвидации крепостнических отношений, чтобы путем безземельного освобождения крестьянства создать кадры сельско-хозяйственного пролетариата и подготовить общие условия для поступления их на фабрики и заводы.

Крепостное хозяйство в первой половине XIX века, в условиях общего технического застоя, являлось в значительной степени натурально-потребительским хозяйством. Покупателями промышленных товаров могли быть главным образом крестьяне, но в условиях крепостного хозяйства покупательная способность последних была очень низка. А промышленному капиталу нужен был такой крестьянин, который был бы свободен от земли, являлся-бы резервной армией пролетариата и был-бы покупателем промышленных товаров, не только предметов личного потребления, но и производственного, как-то: машин, орудий, железа, стали, мануфактуры и т. д., что и было выполнено реформой 1861 года.

К числу важнейших причин, способствовавших уничтожению крепостного права в России, являлись крестьянские движения. Если за 35 лет, т. е. с 1826 по 1861 год было в общем 1200 крестьянских восстаний, т. е. каждый год около 35 восстаний, то эти крестьянские восстания с течением времени все увеличивались. В 1835-1844 годы, за 9 лет, было 216 волнений, или в год в среднем 24 восстания; 1845 1854 годы, за 10 лет, мы имеем 348 восстаний, т. е. в среднем около 35 восстаний в год, а за последние дореформенные 6 лет с 1855 по 1860 год насчитывалось 474 волнения, т. е. каждый год в среднем было уже по 79 волнений.

Эти данные показывают, что рост крестьянских волнений количественно возрастал, принимая массовый характер ко времени крестьянской реформы 1861 года. Крестьянские волнения не прошли и мимо коми. В 1835 году в Пермской губернии было

*) С.И.Р.И.О, 40 стр.

довольно крупное крестьянское движение, направленное против высоких налоговых обложений. 3.000 человек, вооружившись косами, топорами, ружьями, оказали вооруженное сопротивление военному отряду, прибывшему для ликвидации волнений. Руководители движения, в количестве 64 человек, были преданы военному суду, несколько сот человек подвергнуты экзекуции розгами*).

В 1838 году мы видим восстание ижемских крестьян, отказавшихся работать при проведении новой Мезенской дороги. По ходатайству Архангельского генерал-губернатора, для подавления восстания был послан военный отряд под командой флигель-адъютанта полковника Крузенштейна**).

В 1840 году в Пермской и Вологодской губерниях, в имениях князей-Голицыных и на землях государственных крестьян, были факты неповиновения крестьян. В 1841 году в Пермской губернии имели место волнения крестьянства, направленные против крепостного права. В нравственно-политическом отчете III-го отделения собственной е. и. в. канцелярии и корпуса жандармов указывалось, что „мысль о свободе крестьян тлеет между ними беспрерывно. Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и не сулят ничего хорошего. Семена беспокойства брошены в умы, и идея свободы и возможности переселения кружится в народе, чему мы видим примеры в Лифляндской, Могилевской, Витебской, Саратовской, Пермской губерниях. Ежели мысль об освобождении крестьян уже зреет в предначертаниях государя, то должно просить бога, чтобы он указал своему помазаннику (! В. П.) все подводные камни, коих избежать должно во время сего важного государственного переворота" ***).

В том-же 1841 году были волнения государственных крестьян в Пермской и Вятской губерниях, которые оказали сопротивление царской администрации зачислению их в удельное ведомство. По данным того-же нравственно-политического отчета царю за 1842 год, при усмирении крестьян было употреблено огнестрельное оружие, заставляя крестьян силою штыка переходить от крепостной зависимости государства в крепостную зависимость вновь нарождавшихся членов императорской фамилии****).

В 1842 году устькуломские крестьяне, притесняемые различными поборами как по линии государственных платежей, так и местных богатеев, единодушно восстали. „Население Устькуломской волости,—читаем мы в работе тов. ШАХОВА—„Коми в прошлом и настоящем"—возмущенное поборами и издевательствами Кипрушева и его зятя, писаря Русанова, на сходе сместило

---

*) Центроархив. Крестьянские движения 1827—1869 год, вып. I-й, 18-19 стр. ГИЗ, 1931 г.

**) Там же, 27 стр.

***) Там же, 44 стр.

****) Там же, 51 стр.

их и выбрало других должностных лиц. На сход, созванный приехавшим помощником начальника уезда, никто не явился. Приехавшее затем из Вологды губернское начальство встретили косами и оглоблями, а одного начальника даже раздели до нижнего белья и отправили обратно голого. В ожидании царского ответа устанавливали стражу по дороге, ведущей в Устькулом, задерживали проезжающих чиновников, раздевали до белья и отправляли обратно. Царский ответ не замедлил появиться. 25 февраля 1843 года прибыл отряд из 200 солдат при четырех пушках, остановился на реке Вычегде против села, направив пушки на село". Как и другие восстания крестьян, того времени Устькуломское восстание также было подавлено. „На другой день устроили экзекуцию; 110 человек были выпороты розгами. Главари, после избиения розгами и плетьми, были высланы в Сибирь. 100 человек солдат были оставлены в Устькуломе на целый год; крестьян заставляли содержать их на свой счет" *).

В 1842 году подняли восстание коми-пермяки против графини Строгановой, „оказав сопротивление при постройке единоверческой церкви". Восставали против помещичье-самодержавного гнета и крестьяне, работавшие на помещичьих заводах. В 1859 году „крестьяне Кыновского завода графов Строгановых, оказав неповиновение местному начальству, прекратили работу и приходили в Пермь толпою более 400 человек с жалобою на чрезмерные уроки, на неотпуск им хлеба и безвинные наказания управляющими и лесничими. По распоряжению начальника губернии из числа означенных крестьян 30 человек тогда-же подвергнуто наказанию, и вся толпа обращена на завод под конвоем от гарнизонного баталиона" **).

Эти крестьянские движения,—неповиновение помещикам, их управляющим, местной царской администрации, отказ от выполнения барщинных и оброчных повинностей,—иногда захватывали целые губернии. Это ярко свидетельствует о том, что экономическое и правовое положение крестьянства коми было очень тяжелое.

Царские жандармы, душившие крестьянские волнения розгами, штыками, артиллерией, и те вынуждены были признать безвыходное положение крестьянства. В нравственно-политическом отчете царю за 1844 год, шеф жандармов открыто констатировал, что положение государственных крестьян с учреждением министерства государственных имуществ нисколько не улучшилось, а значительно ухудшилось. „Беспокойства, возникшие в прошлом году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской губ. имели два главных повода: притеснение и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по старому под ведением земской полиции, которая, если не более

*) Н. А. ШАХОВ—Коми в прошлом и настоящем, 18-19 стр. Л. 1932 г.
**) Центроархив, Крестьянские движения, 1827-1869 год, вып. I-й, 130 стр.

заботилась о благе крестьян, то, по крайней мере, не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне за счет крестьян живут десятки чиновников. Прежде правосудие или, точнее сказать, расправа шла скорее, а теперь жалобы обиженного крестьянства, пока достигнут (если достигнут) до палаты государственных имуществ, должны пройти через три инстанции, сельское, волостное и окружное управление *).

Эти крестьянские восстания заставили правительство не только задумываться о желательности крестьянской реформы, но и скорее ее осуществить. Первый помещик в России, император Александр II-й, во время коронации в Москве вынужден был констатировать факт роста крестьянских движений, которые угрожают жизни рабовладельцев-дворян и существованию государства. Он указывал дворянству, что лучше освободить крестьян сверху, чем дождаться, когда крестьяне сами освободят себя снизу. Таким образом, эти крестьянские движения являлись крупнейшим фактором, ускорившим проведение реформ 60-х годов

Скорейшему проведению крестьянской реформы 1861 года способствовали и последствия Крымской кампании. Поражение России в Крымской войне ясно показало, что Россия чрезвычайно отстала от западно-европейских государств не только в области науки, техники, но и в развитии тех отраслей промышленности, которые непосредственно работали на военные нужды.

Если торговый капитал в эпоху феодализма поддерживал крепостное право, то во второй половине XIX века, с поражением России в Крымской войне, в условиях развивающегося капиталистического строя и в связи с повышением хлебных цен на мировом рынке, торговый капитал был заинтересован в уничтожении крепостнических форм хозяйствования.

Таким образом в уничтожении крепостного права были заинтересованы не только крестьяне, но и капитализирующаяся часть помещиков, а также торговый и промышленный капиталы. Не прекращавшиеся крестьянские движения только ускорили проведение реформы, ибо отдельные восстания грозили в дальнейшем перерасти во всероссийское восстание крестьянства.

Крестьянская реформа 1861 года.

Крестьянская реформа 1861 года являлась крупнейшим актом массовой экспроприации крестьянских земель. Секретные комитеты, созданные правительством для подготовки проведения этой реформы, как раз работали над тем, как-бы выгоднее провести эту реформу для помещиков. Строгановы, Голицины и другие помещики Пермской и Вятской губерний, эксплоатировавшие коми крестьянство, были заинтересованы в том, чтобы

*) Центроархив, Крестьянские движения, 1827—1869 г., в. I, 53 стр.

наделить крестьян самыми минимальными земельными наделами с тем, чтобы превратить их в батраков для себя-же. Пермские и вятские дворяне, вкупе с дворянами всей России, не прочь были освободить и личность крестьян за выкуп. Это и понятно. Для многих дворян основным источником извлечения доходов являлась не столько земля, сколько труд крепостного крестьянина Лишиться права на эксплоатацию этого дарового крепостного труда—значило потерять основной источник извлечения дохода. Поэтому дворянство, стремясь к наивыгоднейшей ликвидации крепостнических отношений, потребовало освобождения личности крестьян от крепостного права, установи в выкуп высокой скрытой форме путем повышения расценок на землю.

Пермские и вятские помещики, как и помещики других губерний, пользуясь так называемыми „низшими" и „высшими" наделами, стремились захватить крестьянские земли в свои руки, путем отрезки в пользу помещика фактически находившихся у крестьян земель, оказавшихся „лишними" согласно закона о наделах. Крестьяне вместо 8-9 десятин земли, которыми они владели до реформы, получили по высшему наделу приблизительно 3-5 десятин земли на душу мужского пола. Таким образом реформа 1861 г. ограбила крестьян вдвойне, во 1-х—отобрала часть крестьянских земель, находившихся до 1861 г. в эксплоатации у крестьянства, и, во 2-х,—продала их по двойной тройной цене против их действительной стоимости этим же крестьянам.

Реформа 1861 года коснулась не только Пермской и Вятской губерний, в которых в общей сложности стонало под крепостным правом графов Строгановых, князей Голициных около 150.000 крестьян коми, но и Вычегодско-Сысольского края, Печоры.

Обычно в старой буржуазной историографии Вычегодско-Сысольский край рассматривается как „царство свободных государственных крестьян", незнавших крепостного права. Правда, здесь отдельных помещиков было мало, но были крупнейшие крепостнические заводы, где работали крепостные крестьяне.

Кажимские горные заводы, Сереговский солеваренный завод в условиях крепостнического строя работали исключительно путем эксплоатации крепостного крестьянства, которых заводчики покупали у помещиков. Государственные крестьяне, прикрепленные к заводам на посессионном праве, также составляли кадры крепостного крестьянства. Л Тройницкий в своей работе „Крепостное население в России", выполненной по поручению статистического управления М. В. Д. указывает, что крестьяне, „приписанные к заводам и фабрикам на посессионном праве, составляют особый разряд ограниченного крепостного состояния" *).

Согласно акта от 18 февраля 1861 года, эти крестьяне были

*) Свод законов, том IX, ст. 996. Л. Тройницкий, Крепостное население в России по народной переписи, 20 стр. С. П. 1861 г.

освобождены от крепостного права, т. е. от власти крепостнических заводов и становились лично „свободными“, т. е. имели право в любое время оставить завод. Все такие крепостные заодские крестьяне были удовлетворены землей от заводов в такой ничтожной степени, что крестьяне Кажимских горных заводов и Сереговского солеваренного завода, фактически в условиях малоземелья, вынуждены были уже по вольному найму остаться на прежних заводах, с переводом в разряд временно-обязанных крестьян до выкупа предоставленной им земли, что мы и видим из прилагаемой здесь таблицы *).

Отведено земли по уездам.	Число получивших позем. надел.		Земли.		
	Кр. душ.	Дворов.	Отведено в надел.	Остается за помещ.	Общее колич. земли показ. в грамоте.
Яренск. уезд . . .	496	—	4408 д. 608 с.	10398 д. 1831 с.	14 807 д. 39 с.
Устьсысольск. у. .	209	—	218 д. 1271 с.	122674 д.	12 2893 д. 12 73 с.

Помещики и крепостнические заводы оставили за собой как и государство, в лице казны, громадные территории земли а каждому „освобожденному“ крепостному крестьянину дали только по одной десятине. Если считать семью в среднем 4 человека, то на каждую душу приходилось по $^1/_4$ десятины. Такое явление наблюдалось не только на Кажимских горных заводах, но и у Строгановых.

Строгановы, при освобождении своих крепостных заводских крестьян в 1861 г., не дали им ни одной десятины. Пермский губернатор, испуганный массовым восстанием крестьянства губернии, в частности, ожидая новых восстаний ограбленного крестьянства Строгановыми, настаивал перед министром внутренних дел об оставлении крупной воинской единицы в имениях Строгановых; причем необходимость оставления казаков мотивировалась „соображениями охраны, налаживания порядка, который нарушается главным образом на почве оставления мастеровых без надела и без работы“ **).

Крестьянская реформа 1861 года нашла свои отражения и в освобождении монастырских крепостных крестьян, а также и дворовых. „Дворовые люди“—пишет тот-же Л. Тройницкий—„составляют неоседлый класс крепостных помещичьих людей. Существенное различие их от посессионных крестьян состоит в том

*) Памятная книжка по Вологодской губернии на 1865-66 год, часть 2.
**) Пермский Краеведческий сборник, вып. 4-й, 187 стр. П., 1928 г.

что они могут быть употреблены владельцем в работу, или в услугу не на три дня в неделю, а постоянно" *). Дворовых крестьян в Устьсысольском уезде по официальным статистическим данным насчитывалось всего 12 человек. Эта цифра далеко не отвечает действительности. Дворовых крестьян в Коми имели не только дворяне, но и купцы, а часто даже и кулаки. Известный промышленник Латкин, по словам старожилов, имел около 20 человек дворовых крестьян. Все эти дворовые крестьяне при освобождении от крепостного права получали соответствующий документ от помещиков и зачислялись в состав крестьянства той или иной волости.

Таким образом реформа 1861 года проведена правительством в интересах помещиков и промышленного капитала. Оставляя за крестьянством нищенские наделы земли, например, по $^{1}/_{4}$ десятины на каждую душу, помещики сохраняли достаточные кадры сельско-хозяйственного пролетариата для эксплоатации в своих имениях. Крестьянская реформа 1861 года была проведена так, что фактически крепостное право в несколько видоизмененной форме сохранялось до Октябрьской революции. После реформы крестьяне, вышедшие в разряд временно-обязанных, находились в полной зависимости от помещиков. Земля, которую они получили от помещиков, до выкупа оставалась собственностью помещиков и только после выкупа переходила в полную собственность крестьянства. Барщина и оброк, как основные формы феодальной эксплоатации, сохранились и после реформы, а самая барщина, в форме различных отработков, дожила в России и в Коми до Октябрьской революции.

Крестьяне в течение всего временно-обязанного состояния оставались в полной зависимости от помещиков. Помещики имели право суда над крестьянами, право наблюдения за их нравственностью и т. д. Они имели право требовать смещения сельской администрации, если последняя нарушала интересы помещиков, а также приостанавливали решения сельских сходов, если они были невыгодны для помещиков.

В интересах помещичьей власти правительство искусственно поддерживало и разлагавшуюся сельскую общину, возлагая на последнюю распределение среди крестьянства различных повинностей, сбора налогов, управления земельными делами общины и т. д. Таким образом, сельская община в Коми являлась аппаратом помещичьей власти по выколачиванию податей с крестьянства. Община являлась универсальным средством дальнейшего сохранения крепостного права. Для того, чтобы выйти из общины, крестьяне должны было получить согласие последней и выкупить в частную собственность свой надел. Таким образом, выход из общины был открыт только для наиболее имущих классов деревни, в частности, кулачества.

*) Л. Тройницкий—Крепостное население в России по народной переписи, 10 стр.

Обеспечивая отбывание крестьянами возложенных на них повинностей, аккуратную выплату податей, переделяя общинную землю между ее членами,—община не только обслуживала экономические интересы дворянства, но и в интересах последних предохраняла крестьянство от его пролетаризации; сохраняла их в деревне, как резерв сельско-хозяйственного пролетариата, для применения в качестве рабочих в имениях местных помещиков.

Следовательно, говорить о полном уничтожении крепостнических отношений нельзя. Если была освобождена личность крестьянина от власти помещика, который после реформы 1861 года не мог его продавать, но это юридическое освобождение не улучшало положение крестьянина. Пользуясь общиной, мировыми посредниками помещики распоряжались крестьянами так же, как и раньше. Они насильственно заставляли „освобожденных" крестьян выполнять различные повинности, например: рубку и сплав леса и дров, что мы видим на примере строгановских крестьян.

Буржуазные историки, рассматривая крестьянские вопросы, с умилением вспоминали исторический 1861 год. 1861 год, по мнению этих ученых, является величайшим мировым событием, равное которому едва ли знает мировая история человечества. „Есть ли в истории европейской, всемирной истории событие чище, выше, благороднее этого, событие равное, подобное этому? Найдите, укажите мне его. Русские люди! Русские люди! На колени! Молитесь! Молитесь богу за это высокое, несравнимое счастье всем нам ниспосланное"—писали буржуазные публицисты эпохи реформы *).

Действительно, явление „выше", „благороднее" реформы 1861 года трудно найти в XIX веке, когда дворяне, по примеру древних рабовладельцев, продали личность крестьянина, скрыв эту продажу в повышенных расценках земель.

„Крестьяне получили землю, которую так жаждали",—пишут буржуазные ученые. Крестьяне же не только не получили никаких новых земель, но, напротив, помещики ограбили крестьян, отняв у них те земли, которые до 1861 года обрабатывались крестьянами. ЛЕНИН совершенно правильно спрашивает: „Что такое наша великая крестьянская реформа?" И отвечает: „Отрезки" земли у крестьянства, переселение крестьян на песочки. Это первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма" **).

Буржуазные ученые восторгались реформой 1861 г., которая якобы дала свободу.

Правительство действительно дало крестьянам свободу кнута и казацких нагаек. Деятели крестьянской реформы „это светлые личности, безкорыстные, честные, истинные друзья народа"

*) М. М. ПОКРОВСКИЙ—Крестьянская реформа 140 стр., изд. „Пролетарий" 1926 год.

**) В. И. ЛЕНИН т. IX, 490 стр.

—пишут буржуазные ученые. Эти „светлые личности силой штыка и массовых расстрелов заставили крестьян принять предоставленные им песочки. Эти „друзья народа“ крупнейшие организаторы ограбления крестьянства, оптовые торговцы крестьянами.

Все положительное значение крестьянской реформы 1861 года состоит в том, что последняя являлась сама следствием развития капитализма, способствовала дальнейшей капитализации экономики коми. Эта реформа вызвала массовый рост пролетаризации крестьянства, способствовала развитию классовой борьбы крестьянства за землю.

Крестьянская реформа 1866 года.

Крестьянская реформа 1866 года явилась продолжением крестьянской реформы 1861 года. Задачей реформы 23 ноября 1866 года являлось освобождение государственных крестьян от крепостного права, и передача их из ведения казны в ведение земских учреждений, с наделением крестьян землею в размере $15^1/_2$ десятин на каждую душу-мужского пола.

Выполнило-ли правительство закон 1866 года, изданный самим же правительством о дополнительном наделении крестьян землею? Нет, не выполнило.

О невыполнении этого закона отмечает архангельский губернатор в своем всеподданнейшем отчете царю за 1903 г, который указывает, что вследствие невыполнения указа от 23 ноября 1866 года о наделении крестьян Архангельской губернии землей в размере $15^1/_2$ десятин на каждую душу мужского пола „выработан в отчетном году министерством земледелия и государственных имуществ проект поземельного устройства б. государственных крестьян Архангельской губернии, с наделением крестьян землей в количестве 15 десятин на каждую душу мужского пола“ *).

Этот закон 1866 г. остался невыполненным до Октябрьской революции.

Коми крестьянству правительством были переданы только те земли, которыми оно (крестьянство) владело до реформы на оброчном праве, и переданы за определенный выкуп, который они обязаны были выплачивать в течение 20 лет, при чем $^1/_5$ часть стоимости всей земли вносилась в форме единовременного взноса. До окончания платежей земля считалась во временном пользовании крестьянства. По выплате всей стоимости земля

*) Дело № 61-1904 г. департамента общих дел мин. вн. дел с копией всеподданнейшего отчета о состоянии Архангельской губернии за 1903 г., 5 стр.

передавалась в собственность по особой „владенной записи", где точно указывался размер оброчной земли, а также размер тех частно-собственнических земель, которые считались у крестьян купленными, известных под наименованием „природных", „печишных", „купленных" в исторических документах XVII-XVIII веков.

Таким образом коми крестьяне оставались при карликовых земельных наделах, как и раньше. Крестьянская община, сохранившаяся в Коми до XIX века, законодательством 1866 года получила функции управления теми земельными фондами, которые передавались государством для членов данной сельской общины. Община имела право за нарушение общинных правил исключать из общины крестьян, отбирать земли у неисправных налогоплательщиков и передавать их другим.

Таким образом реформа 1866 года являлась реформой великого ограбления коми крестьянства, освобождения его от земли, которую крестьяне веками обрабатывали и расчищали. Реформа 1866 года представляет собой одну из более ярких страниц первоначального накопления капитала. „В истории первоначального накопления капитала"—пишет Маркс—громадное значение имели все перевороты, которые так или иначе послужили рычагом для возвышения формирующегося класса капиталистов. Но особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация сельско-хозяйственного производителя, обезземеление крестьянства составляет основу всего процесса" *).

Именно через экспроприацию крестьянских земель, колониальную эксплоатацию природных богатств коми и труд колониального крестьянства, через лужи крови, горы крестьянских трупов утверждал свое господство промышленный капитал. Разлагая сохранившиеся остатки натурального хозяйства, способствуя дифференциации крестьянского хозяйства и разложению кустарно-ремесленного производства промышленный капитал создавал безземельные кадры крестьянства, для применения развивающейся лесопильной промышленности Севера, способствовал развитию классовой борьбы крестьянства за землю.

Крестьянские движения в пореформенные годы.

Крестьянские движения второй половины XIX века представляют собой результат крестьянских реформ 60 годов XIX в., результат массового ограбления крестьянства в интересах дворян.

*) К. Маркс—Капитал, том 1-й, книга I, 637 стр., Л. ГИЗ 1930 год.

Крестьяне верили в манифест 19 февраля. Они с нетерпением ждали, что манифест даст им долгожданную свободу, наделит крестьян землей. Само об'явление манифеста 19 февраля было сделано только в марте 1861 года, из-за боязни восстания обманутого крестьянства. Для об'явления царского манифеста коми пермякам в имение графов Строгановых, в село Кудымкар, приехал флигель-адьютант, князь Багратион, который ознакомил кудымкарцев об освобождении их от крепостного права. Масса „2000 человек встала на колени, подняла правые руки, сложила их крестом, молча слушала раз'яснения Багратиона, а после этого пермяки начали служить молебен—благодаря бога за то, что они стали церскими, и приняли присягу царю" *).

Коми пермяки села Евгина, манифест 19-го февраля 1861 г. „о даровании им свобод" встретили с ликованием. Пристав, читавший манифест, временами должен был останавливаться из-за шумных оваций, устраиваемых ему крестьянами. Управляющий графскими имениями, которого крестьяне до этого так же ненавидели, как и помещика, и тот удостоился от крестьян овации. При чтении манифеста крестьяне шумно выражали свою радость, что наконец-то мы „свободные", наконец-то теперь мы „чарские".

Эти радостные возгласы, общее ликование крестьянства были вызваны исключительно царским манифестом, классовую сущность которого первоначально крестьяне не поняли. Этнограф Янович, отмечая, что крестьяне встретили с ликованием царский манифест, склонен об'яснять этот факт теми дружескими отношениями, существовавшими якобы между Строгановыми и его крепостными крестьянами. „Этим крестьянам"—пишет Янович, жилось у последней их владелицы, графини Строгановой, весьма хорошо. Это была в высшей степени гуманная, добрая и умная женщина, и память о ней до сих пор чтится пермяками" **).

Это настоящая фальсификация исторических фактов, ибо помещица Строганова никогда не могла иметь хороших отношений со своими крепостными крестьянами. Об этом говорят волнения строгановских крестьян как до, так и после реформы. Насколько графиня была „добра", „гуманна и человечна" свидетельствует та жестокость, с которой она подавляла волнения своих бывших крепостных, оставшихся недовольными этой реформой. Не доброта и гуманность, не удовлетворение крестьянских требований, а расстрелы, экзекуции, военно-полевые суды были ответом на это недовольство крестьян со стороны этой „гуманнейшей" помещицы.

С первых же дней после ознакомления крестьян с манифестом начались столкновения с помещицей. Крестьяне, которые

---

*) Пермский Краеведческий сборник, вып. 4-ый, 182 стр., П. 1928 год.
**) Янович—Пермяки, 161 стр., „Живая старина", выпуск I и II.

считали себя свободными от помещичьей власти, не только не хотели признавать старой помещичьей администрации, но и отказывались от всех тех работ, которые ранее выполняли в обязательном порядке. Когда строгановские приказчики в марте предложили крестьянам Купроской, Архангельской, Кудымкарской и других волостей явиться на караванный сплав, в обязательном порядке, по прежним ценам, крестьяне означенных волостей единодушно ответили отказом. Крестьяне Купроской волости на предложение о немедленной явке на караванный сплав по прежним ценам, в обязательном порядке, не только отказались от явки, но и поколотили приказчика, который еле-еле успел вырваться и скрыться. В Архангельской волости, где строгановский приказчик Медведев, не спрашивая согласия крестьян, предложил работать по прежним ценам, немедленно приступить к работе, так возбудил крестьян, что сам еле успел скрыться. Писчик Лунегов был схвачен крестьянами. „Крестьяне поймали его за волосы, смяли под себя и учинили над ним экзекуцию. Озверевший народ бросился догонять вырвавшегося из толпы Лунегова. Он успел добежать до своего дома, запер его и, схватив ружье, заявил крестьянам, что станет стрелять каждого, кто не послушается его и подойдет к дверям" *).

Такие же события произошли в селе Егве, где крестьяне подвергли массовому избиению администрацию Строгановой. Янович, описывая событие в Егве, представляет нам его вроде какого-то уголовного преступления, где „обезумевшие и ожесточеннейшие крестьяне топтали своих противников ногами. Было не мало раненых; у одного из строгановских служащих оказалась содранною кожа почти со всей головы" **).

Интересные события произошли в центре строгановских вотчин в Кудымкаре. Туда спешили крестьяне со всех деревень, чтобы выяснить, почему Строгановы считают их своими крепостными, распоряжаются ими, как и раньше, не считаясь с их желаниями. „Дай манифест,—читай грамоту"—говорила собравшаяся толпа,—пишет Янович. Власти уступают ей и читают манифест. Чтение его сопровождалось криками „ура", но как только читающий доходил до слов „временно-обязанные", тотчас-же в ответ ему неслось: нет, врешь, мы „чарские" и среди грамотеев толпой было выбрано несколько почетнейших, которых посадили на ограде местной церкви. Обязанность их заключалась в беспрерывном чтении манифеста, причем они, во избежание неудовольствия со стороны слушателей, слова: „временно-обязанные"—пропускали. Чтение грамоты сопровождалось криками „ура" и криком „мы чарские". Слух об искажении манифеста пропуском цитированных выше слов дошел до графского управления, и вот под давлением его пристав Юдин

---

*) Янович—Пермяки, „Живая старина", вып. I и II, 163 стр.
**) Там-же, 163—164 стр.

задумал прочесть полный манифест. Едва кончилось чтение, как многолюдная толпа закричала „бей его“. Только стены рухнули, как наперла толпа на крепкий забор. Точно вихрь пронесся по этим местам, и от забора ничего не осталось“ *).

Кудымкарское восстание, известное под названием караванного бунта, интересно тем, что, в разгар ожесточенной расправы трудящихся над своими эксплоататорами-помещиками, на сцену выступает церковь и оказывает активную помощь эксплоататорам, спасая их путем предоставления последним своих священнических ряс. Пристав, толпа которого хотела прикончить на месте, успел вырваться, убежать в волостное правление и оттуда он вышел одетый в священническую рясу. „Ей одной обязано большинство строгановских служащих тем—пишет Янович,—что избавилось от немалых бед. В Егве, Юсьве, Кудымкаре и в других местах приказчики спасались, как это теперь всем известно, лишь благодаря тому, что они свой костюм заменяли одеждой духовенства“ **).

Священники не только снабжали эксплоататоров своими рясами, но они, как это было в селе Егве, вышли в полном духовном облачении с иконами и крестом в руках для восстановления порядка и спокойствия. „Домой, домой, убьем!“ Отвечали восставшие крестьяне „святым“ отцам, которые в интересах сохранения помещичьей власти звали массы к классовому примирению с помещиками.

На помощь Строгановым пришла и интеллигенция, которая пыталась ввести движение в рамки закона, путем законного требования восстановления своих прав, дарованных манифестом и законами, изданными в развитие означенного манифеста. „Но таким „советчикам“—пишет тот же Янович,—приходилось плохо от взбесившейся толпы: они должны были убегать под охрану строгановских пищалей. Были и такие увещеватели, которые, признавая требования строгановских приказчиков незаконными, убеждали крестьян не поднимать волнений, а лишь нравственною силою, т. е. личным неповиновением не исполнять произвольных требований крепостнических заправил (напр., М. П. Вилесов“) ***.

Конечно, ни попы, ни соглашатели из интеллигенции не смогли ликвидировать это движение крестьянства. Крестьяне считали себя свободными, решительно отказывались от всяких платежей и захватывали помещичьи леса и земли. Они захватили даже казенную винную лавку, считая ее своей собственностью. Маханек указывает, что „в селе Иньвенском крестьяне 3 апреля приступили к ревизии наличных денег, к свидетельствованию хлебного магазина“ ****).

---

*) Янович—Пермяки, „Живая старина“, вып. I и II, стр.164—165.
**) Там-же, 165 стр.
****) Там же, 165 стр.
*****) Пермский краеведческий сборник, выпуск 4, 183 стр. П. 1928 год.

Крестьяне не только захватывали землю, леса, хлебные магазины, винные лавки, но и смещали местные волостные власти и гнали строгановских приказчиков из деревень. Тот же Маханек указывает, что эти же „иньвенские приказчики 4 апреля сместили властей, смотритель Коровин с семейством едва успел нагишом убежать из бани, осажденный крестьянами, и сбежал из села Егве в село Кудымкар в женском платье“ *).

Выступления бывших строгановских крепостных, протестовавших против новой феодальной эксплоатации крестьянства —вызвали и ответные меры „доброй“ помещицы, которая для подавления этого восстания пошла не по линии удовлетворения этих крестьянских нужд, а по линии их подавления, путем применения военной силы, расстрелов, массовой экзекуции и военно-полевых судов. Крестьяне, которые считали свои действия по отношению к помещице совершенно правильными—были чрезвычайно удивлёны появлением вооруженных сил в отдельных районах строгановских имений и в то же время были обрадованы тем, что наконец-то солдаты привезли им от самого царя-батюшки настоящий манифест, а не тот поддельный, который вводится сейчас администрацией Строгановых. Поэтому появление солдат в селе Егве вызвало массовое стечение народа из всех окружающих местностей. Все спешили услышать от царевых слуг слова нового манифеста, признающего их совершенно свободными от своих помещиков. „Тишина царила полнейшая. Вот вышел один из приказчиков и читает манифест. Мы шапки сняли,—рассказывает очевидец события: вот, думаем—вот настоящий-то привезли, только вдруг слышим заместо „чарские“ читают „временно-обязанные“. Мы, значит, и закричали „чарские“, „чарские“, „чарские“, не хотим под помещика. В те поры вышел ахвичер и что-то гаркнул. Поиграли на барабанах, ахвичер опять что-то гаркнул и опять заиграли на барабанах, мы еще ближе подвинулись. Вышел опять начальник и что-то крикнул солдатам. Вот четверо из них вышли вперед и стрельнули в нас, да только стрельнули то нарочно кверху, чтобы кого не задеть. Видели мы, что нас только попугать пришли, и кричали: „чарские“, „чарские“, не хотим под помещика“, а солдаты да так стрельнули снова, что мы тут-же видим, что дело-то плохо, троих сразу на месте положили. Кто-то закричал: батюшки, убили, убили“ **).

Таким образом, заставив крестьян силой штыка и расстрелов повиноваться Строгановым, правительство подвергнуло крестьян жестокому наказанию. Из 88 коми-пермяков, отданных под суд, 60 человек судил военный суд и остальных Соликамский Уездный суд. Руководителей движения после жестокого наказания сослали в каторжные работы в Сибирь.

---

*) Пермский краеведческий сборник, в. 4, 183 стр. П. 1928 г.

**) Там-же, 166 стр.

Одновременно с введением военной силы, правительство, по ходатайству Строгановых, ввело и казаков, которые разместились почти по всем селениям строгановских вотчин, подвергая крестьян порке и внося „в деревенскую жизнь трепет, разврат и всякое безобразие. Казаки простояли у иньвенских крестьян долго —19 месяцев и стоили им много денег. Из документов, относящихся к делам о содержании здесь военного отряда, видно, что суточное довольствие, кроме квартир, обошлось каждого солдата 30-35 коп., офицеров 30 коп, а командующего ротою 1 р. 50 коп. Одно только строгановское управление истратило и затем судебным порядком взыскало с волновавшихся крестьян 10.686 р. 61 коп. В общем вся потеря крестьян исчисляется в тысяч 18“ *).

Для того, чтобы солдаты и казаки лучше выполняли возложенную на них миссию по массовой порке крестьян, внушали крестьянству уважение к Строгановым и его администрации, Строгановы не жалели денег на спаивание солдат и казаков водкой, предполагая эти расходы возложить на самих же крестьян. Пьяные солдаты и казаки могли более свободно и „культурно“ восстанавливать господство помещиков над крестьянами и требовать от ограбленного крестьянства уважения к „священной“ частной собственности. Под влиянием алкоголя, эти, вечно пьяные стражи „порядка и спокойствия“ русского самодержавия не только угощали плетьми каждого, который при встрече с ними не снимал шапки, или им не кланялся, но и подвергали массовому растлению малолетних девушек, не считая массового изнасилования замужних женщин, свидетельствуя этим не только господство помещиков и капиталистов над крестьянством, но и давали урок на будущее время быть покорными по отношению к своим помещикам и их администрации.

Это восстание строгановских крестьян имело большое значение в деле развития дальнейшей классовой борьбы с помещиками и являлось одним из более выдающихся эпизодов классовой борьбы после крестьянских реформ, за которым мы видим еще целый ряд восстаний.

Крестьяне не складывали своего оружия, несмотря ни на какие издевательства и насилия пьяной солдатчины и казачества. В течение ряда лет активно боролись с помещиками. При введении уставных грамот в 1862 году коми пермяки оказали активное сопротивление, выразившееся в отказе от принятия уставных грамот и отстранении мировых посредников, которые своим авторитетом хотели повлиять на принятие крестьянами этих уставных грамот. В отчете о действиях III-го отделения собственной е. и. в. канцелярии и корпуса жандармов указывается, что „в имениях графини Строгановой и отставного гвардии штабс-капитана Вашутина неповиновавшиеся крестьяне намеревались даже убить мирового посредника и станового пристава за

*) Янович—Пермяки, 168 стр.

их настойчивость при введении грамоты. Возмутители и зачинщики арестованы для предания их к законному взысканию" *).

В Григорьевской волости графа Строганова было также движение, направленное против принятия уставных грамот. Главным агитатором здесь явился священник единоверческой церкви Ситников. Для того, чтобы эта борьба крестьянства против уставных грамот приняла более активный и организованный характер, агитаторы-крестьяне, по примеру Емельяна Пугачева, выдавали себя иногда царскими посланниками. Так, в Пермской губернии беглый крестьянин имения княгини Бутера, Кокшаров, назвался посланником царским, и именем его величества запрещал крестьянам разных имений подписывать уставные грамоты, внушая им, что губернское начальство об'явило не ту волю, которая государем дарована. Крестьяне волновались и, считая личность Кокшарова неприкосновенною, прикрывали его"**).

Крестьяне не только отказывались от принятия уставных грамот, но и от уплаты налогов, оброка, и прежних недоимок, считая свои обязанности помещикам поконченными. Они гнали всех чиновников, сменяли волостных старшин, которые стояли за интересы помещика. Третье отделение, в своем отчете царю за 1863 год, указывало, что „уклонение крестьян от платежа оброков в уездах—Пермском и Соликамском вынуждало помещиков к жалобам на их ослушание. При этом наиболее упорства оказано жителями 5 волостей княгини Бутера и графа Строганова, где оброчная недоимка простиралась до 160.000 рублей".

III-е отделение в связи с этим отмечает и о вооруженных столкновениях крестьян с помещиками, которые при помощи местных вооруженных сил пытались заставить крестьян выполнять свои повинности перед своими помещиками и уважать поставленных начальников. Но на этот раз команда 25 человек казаков была недостаточна, чтобы заставить крестьян покориться помещику. Когда „уездный исправник, поручик Становой, собрал 1-го мая сход и увещевал крестьян обратиться к порядку, один из них закричал: „нечего слушать, пора начинать", указывая на приготовленные палки. Когда исправник приказал арестовать его, то крестьяне толпою смяли чиновников и казаков, нанеся побои последним, и двоих из них избили смертельно" ***).

Здесь крестьяне действовали чрезвычайно организованно. Они не только заставили бежать исправника вместе с его „храброй" дружиной, но и арестовали станового пристава и судебного следователя, заставив их подписать донесения губернатору о буйстве исправника, который вырываясь от крестьян изранил голой шашкой 7 человек. Поэтому, для усмирения крестьян пермским губернатором были введены в имение графа Строганова и княгини Бутера две роты солдат, которые при помощи штыка и нагаек восстановили „нарушенный порядок".

---

*) Центроархив. Крестьянские движения 1827-1869 год, вып. II-й, 38 стр.
***) Там-же 41 стр.

Довольно сильное выступление коми-пермяцкого крестьянства можно отметить и в 1868 году, которое было направлено против высоких налоговых обложений.

Эти движения были вызваны не бунтарской натурой коми пемярков, как об'ясняли буржуазные историки, а исключительно политикой помещиков и местной царской администрации, которые в своем стремлении услужить помещику, нарушали общие законы российской империи. Шеф корпуса жандармов и тот вынужден был доложить царю, что „уставные грамоты составлены и введены не совершенно согласно с правилами, указанными законом. Крестьяне пользовались земельными участками до 1861 года посемейно, грамотами же установлено общинное пользование с круговою порукою, крестьянские участки включены земли негодные и надел определен не по отдельным селениям, а безгранично по целым волостям, оброчные условия крестьянами не приняты, но введены принудительно, платежи определены несообразно с качеством полевых угодий и при строгости взыскания раззоряют крестьян" **).

Эти массовые крестьянские движения вспыхивали почти ежегодно в том или ином участке Пермской и Вятской губерний. Эти движения, правда, не дали крестьянству нужных земель, не уменьшали тяжелых налоговых обложений и т. д., но они воспитали коми крестьян в духе непримиримой классовой борьбы с помещиками и капиталистами. Только в борьбе коми крестьянство могло получить землю и волю. Это оно доказало и в революцию 1905-1907 годов и в Октябрьскую революцию 1917 г.

Борьба коми крестьянства в пореформенные годы против помещичьей власти являлась борьбой революционной. Выступая против помещиков, разгоняя царскую администрацию на местах, оказывая сопротивление царским войскам, а в некоторых местах заставляя даже отступать эти войска перед напором крестьянства, это движение переходило в политическое движение против самодержавия.

---

*) Центроархив, Крестьянские движения 1827—1869 г. вып. II, 59 стр.
**) Там-же, 100 стр.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В КОМИ.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Общее состояние сельского хозяйства после крестьянской реформы

Сельское хозяйство в Коми II-й половины XIX века характеризуется чрезвычайной отсталостью. Подсечно-огневая и залежная системы земледелия, господствовавшие в эпоху феодализма, сохранилась в Коми вплоть до Октябрьской революции. Существование подсечно-огневой системы во II-й половине XIX века об'ясняется отсутствием достаточного количества свободных от леса земель, годных для сельско-хозяйственной эксплоатации.

Жизненность этой системы состояла в том, что сжигание леса давало такое количество минеральных веществ, которое обеспечивало крестьян хорошим урожаем на несколько лет. Урожайность хлебов, по данным П. А. Скрыплева, при такой системе хозяйства в 1899 году представлялась в следующем виде: *)

Наименование обществ.	Посеяно ржи в пудах	Собрано ржи в пудах	Один пуд зерна дает
1. Устькуломское	400,50	3.827,00	9,4
2. Устьнемское	349,75	1.790,00	5,2
3. Мыелдинское	87,33	916,00	10,4
4. Пожегодское	337,50	4.189,00	12,4
5. Помоздинское	386,25	6.174,00	16,3
Итого	1.576,38	16.896,00	10,72

*) Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьсысольского уезда, 137 стр. Под редакцией Рума, П. 1903 год.

Следовательно, урожайность при этой системе земледелия была довольно значительная, иногда значительно выше, чем при трехпольной системе, где урожайность сам 5-6 считается уже хорошей. Подсечно-огневая система очень незначительно уступает пашне, о чем и свидетельствует прилагаемая таблица *).

Наименование обществ.	Хозяйства, имеющие подсеки для посева ржи		На 100 пудов высевается ржи	
	На подсеках	На пашнях	На подсеках	На пашнях
1. Устькуломское	404,50	503,38	44,31	55,69
2. Устьнемское	349,75	177,00	64,40	33,60
3. Мыелдинское	87,33	92,25	43,06	56,94
4. Пожегодское	337,50	355,00	48,73	51,27
5. Помоздинское	386,25	505,75	43,30	56,70
Итого	1565,33	1638,38	48,86	51,14

Кроме подсечно-огневой системы сохранилась так называемая залежная или переложная система хозяйства, являвшаяся высшей по сравнению с предыдущей. Сущность этой системы состоит в том, что она, после расчистки пашни от леса, засеивается 2-3 года подряд, затем оставляется на 5-6 лет с тем, чтобы почва могла за это время накопить нужное количество минеральных веществ, для нового урожая, после чего вновь сеется и после снятия урожая опять забрасывается на ряд лет.

О распространении этой системы говорят следующие цифры:**) (См. таблицу 248 стр.)

Из приведенного видно, что залежная система постепенно отмирает и заменяется более экономически выгодной трехпольной системой хозяйства, которая, при правильном удобрении, дает не меньший урожай и, кроме того, требует меньших затрат труда и энергии от землевладельца.

Что касается земледельческих орудий, то они носили крайне примитивный характер, состоявшие из деревянной сохи „самой незатейливой конструкции, с двумя железными ральниками, с деревянным отвалом и бороной" ***).

Значительно распространенными являлись в указанных селениях деревянные бороны; железные, как стоящие гораздо дороже, были менее доступны беднейшим слоям крестьянства и употреблялись, главным образом, кулаками.

*)Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьсыс. у. 149 стр.
**) Там-же, 160 стр.
***) Там-же 43 стр.

	Наименование сел и деревень.	Под залежами.	Под пашнями.	Общая посевная площ.	Отношение залеж. к посеву.
Село	Помоздинское . . .	1,32	63,75	65,07	2,03
Дер.	Вольдинская	0,90	69,48	70,38	1,28
„	Бадельская	4,54	121,86	126,40	3,58
„	Кузьмыльская . . .	2,42	29,54	31,96	7,58
„	Рас-Ыб-Жар-Ив . .	0,30	3,65	3,95	7,59
„	Сард-Ив	6,25	34,18	40,43	15,46
„	Вильгорт	12,34	144,79	157,13	7,85
„	Мадлаполь	3,62	72,92	76,54	4,73
„	В. и. Н. Яг-Слуда-Бож	—	15,54	15,54	—
„	Куж-Кэдж	0,65	3,89	4,54	14,32
„	Югыд-Ты-Дор . . .	0,01	16,61	17,61	5,68
	Итого	33,34	576,21	609,55	5,47

О распространении различных сельско-хозяйственных орудий свидетельствует следующее:

Наименование обществ.	Орудия обработки.				На 100 дес. пашни прих.	
	Сох самоделок.	Косуль.	Борон дерев.	Борон железн.	Сох и косуль вместе.	Борон и др. вм.
1. Устькуломское . .	530	27	502	15	104,6	97,7
2. Устьнемское . . .	563	2	382	1	135,35	139,73
3. Мыелдинское . . .	203	19	217	9	40,9	112,9
4. Пожегодское . . .	269	28	105	194	104,4	105,1
5. Помоздинское . .	393	1	66	301	82,4	76,8
Итого	1764	77	1272	520	104,05	101,28

Коми крестьяне во второй половине XIX в. страдали не только от технической отсталости сельского хозяйства, но и от малоземелья. После крестьянских реформ 1861-1866 годов крестьяне остались исключительно при тех карликовых наделах, которыми они пользовались и до крестьянских реформ. Данные экспедиции по исследованию земель Печорского края *) подтверждают это.

Эти данные указывают, что в 1866 году крестьяне имели земли:

Наименование волостей	Колич. населен. обоего пола, получивш. надел.	Количество земель в десятинах							
		Усадебной	Пахотной	Сенокосной	Лесной	Лесной по болоту	Итого удобной	Неудобной	Всего
1. Благовещенск .	1012	19	438	500	9503	9503	10231	8391	11070
2. Вильгортск . .	1422	44	700	2629	12388	1469	17232	2015	18348
3. Корткеросская, 4. Мординская .	1475	91	648	475	30783	1987	33985	1578	35563

За последующие десятки лет количество земли прибавилось очень мало. Так, данные за 1899-1900 годы показывают, что по той-же Благовещенской волости вместо 11070 десятин, имевшихся в 1866 году, числится 11.323 десятины в 1900 г.; по Вильгортской волости вместо 18.348 десятин числится 19.179 десятин.

Приведенные таблицы на стр. 250-251 ярко свидетельствуют о малоземельи крестьян, о том, что земля за десятки лет расширилась только на несколько процентов.

Эта техническая отсталость сельского хозяйства, выражавшаяся в преобладании примитивных орудий обработки, не могла не отражаться на дальнейшее развитие сельского хозяйства. Обработка землисамодельной сохой, деревянная борона, отсутствие достаточного количества удобрений, сортовых семян, господство трехпольной системы мало способствовали поднятию урожайности крестьянских полей.

*)Труды Экспедиции по исследованию земель Печорского края, Вологодской губернии, под редакцией Соколова, т. II, 44 стр.,П. 1910. г.

В 1899-1900 годах во владении крестьян имелось земли *).

Наименование волостей	Сельских об-в.	Селений	Кр. дворов	Крестьянского населения		Крестьянской земли		На одну душу
				Ревизского	Наличного обоего пола	Надельной	Купленной	
ЯРЕНСКИЙ УЕЗД.								
1. Айкинский	1	9	780	1058	4747	16405	78	
2. Важгортский	1	11	536	885	3315	14894	„	
3. Глотовский	1	8	246	421	1488	8051	—	
4. Ертомский	1	9	228	462	1430	7021	—	
5. Жешартский	1	5	537	974	3319	9393	—	
6. Княжпогостский . .	1	7	455	818	2721	823	—	
7. Кокшицкий	1	11	653	1461	3865	19873	—	
8. Ленский	4	139	1910	3550	10571	48742	1150	
9. Палевицкий	3	14	914	1574	5735	9631	—	
10. Разгортский	1	10	327	635	2158	11006	—	
11. Сереговский	2	9	392	1082	2758	4965	—	
12. Турьинский	1	7	358	657	2430	4018	—	
13. Устьвашский	1	10	266	538	1765	1623	37	
Итого	19	249	7602	24115	46399	157445	1266	

*) Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губ. на 1899-1900 г стр. 36-37.

Наименование волостей	Сельских об-в.	Селений	Кр. дворов	Крестьянского населения		Крестьянской земли		На одну душу
				Ревизского	Наличного обоего пола	Надельной	Купленной	
УСТЬСЫСОЛЬСКИЙ УЕЗД								
1. Благовещенская . . .	2	7	583	1018	3735	11323	—	
2. Богородская	2	13	511	971	3458	8057	—	
3. Богоявленская . . .	2	11	598	1115	3462	14516	—	
4. Борисовская	1	21	569	1188	3869	20281	—	
5. Визингская	2	20	576	1121	4433	11638	—	
6. Вильгортская	2	7	844	1369	5355	19179	—	
7. Воронцовская . . .	2	19	581	1088	3768	30582	—	
8. Вотчинская	1	13	474	801	2884	18776	—	
9. Деревянская	1	5	540	804	3389	8684	—	
10. Ибская	1	11	585	1038	3686	8904	—	
11. Керчомская	2	9	581	966	3310	2354	—	
12. Киберская	1	13	498	827	3208	7191	—	
13. Койгородская . . .	5	19	760	1326	5904	99488	—	
14. Корткеросская . . .	1	10	753	1222	4008	28469	98	
15. Кочергинская . . .	2	29	365	516	2241	4694	—	
16. Межадорская	1	8	451	680	2958	12762	—	
17. Небдинская	2	10	851	1605	4738	18993	—	
18. Мординская	1	6	279	438	1544	11139	—	
19. Ношульская	1	21	524	1034	3614	20318	—	
20. Под,ельская	1	14	480	968	3048	11206	—	
21. Помоздинская . . .	2	34	805	1331	5128	10508	—	
22. Савиноборская . . .	1	18	405	680	1893	4218	—	
23. Троицко-Печорская .	1	32	315	600	2191	18211	—	
24. Урканская	1	32						

Из приведенных таблиц видно, что в среднем на душу населения обоего пола приходилось надела по 3-4 десятины. Но говорят-ли эти цифры о том, что даже эти 3-4 десятины земли были в фактическом пользовании крестьянства? Достаточно проанализировать те же цифры за 1866 год и нам станет ясным, что из 3-4-х десятин фактически обрабатываемой земли на каждого крестьянина приходилось около 1 десятины и даже меньше. Например, по той же Благовещенской волости из отведенных 11.070 десятин земли в фактическом пользовании было усадебной 19 дес., пахотной 438 дес., сенокосной 500 дес. или всего в фактическом пользовании на 1.012 человек, получивших надел, было 957 десятин, т. е. меньше одной десятины. Остальные земли были под дремучим лесом, болотами. Если лесные земли и считались удобными, то на их разработку требовалось десятки лет, громадное количество упорного труда и средств для того, чтобы от них получить пригодную для обработки землю.

Кроме того, это количество земель, в виду роста населения, запрещения производить расчистки, распашки и т. д., постепенно все уменьшалось. Достаточно привести данные тех же 4-х волостей, чтобы убедиться в этом.

Волости	Количество обслед. населения	Удобн. земли по генер. меж.	Приходится на душу населения	
			1899-1900	в 1910 г
Благовещенская . .	3633	10231		
Вильгортская . . .	5710	17232	3,3	2,8
Корткеросская . . .	496		3,1	3,0
Мординская	5704	43985	6,1	5,9

Следовательно, в связи с уменьшением земли на каждую душу населения, т. е. с систематическим обезземеливанием,— быстро ухудшалось и экономическое положение крестьянства.

Не менее характерной чертой экономики коми первой половины XIX века является полунатуральный характер крестьянского хозяйства. Крестьяне, занимаясь приготовлением различных предметов производственного потребления, как, например: деревянных сох, борон, самой несложной конструкции, а также предметов личного потребления, например, холста, различной домашней утвари, одежды, обуви, предметов питания и т. д., следовательно обходились и предметами собственного производства.

Таким образом, крестьянские реформы 1861 и 1866 г. г., которые должны были бы быть важнейшими факторами капитализации экономики коми, в силу сложившихся исторических условий не смогли создать в достаточной степени более быстрой капитализации крестьянского хозяйства в Коми.

Командующий класс в России—дворянство, в особенности среднее, разоряемое аграрным кризисом, затянувшимся с 70 годов до средины 90 годов XIX в. вследствие резкого падения хлебных цен на мировом рынке, в связи с конкуренцией более дешевого американского хлеба и обнищания широких рабоче-крестьянских масс, для которых и дешевый хлеб оказался недоступным, стремилось к ликвидации аграрного кризиса не по линии решительной капитализации хозяйства, а реставрированием прежних докапиталистических форм эксплоатации, путем восстановления тех приемов внеэкономического принуждения, которые господствовали в эпоху крепостничества. Правительство, издавая закон 12 июля 1889 г. и вводя „близкую“ народу власть, в лице земских начальников, от произвольной власти которых зависел не только созыв волостных сходов, но и утверждение их приговоров, тем самым явно вводило крепостное право второго издания.

Земский начальник, с тиранией которого хорошо знакомы и коми крестьяне, представлял собою дворянскую власть над крестьянством, с той только разницей, что власть отдельного помещика простиралась только на своих крестьян, а власть земского начальника над всеми крестьянами, входившими во вверенный ему участок. Способствуя развитию различных отработков, представлявших собой пережиток барщины, затрудняя семейные разделы крестьянства, земские начальники задерживали процесс расслоения крестьянства, а, следовательно, в известной степени дальнейшее развитие капитализма в сельском хозяйстве и в промышленности.

Коми крестьяне, привязанные к карликовым наделам, вынуждены были вести полунатуральный характер своего хозяйства, но это задерживало и образование резервной промышленной армии рабочих, столь необходимой для развития промышленного капитализма.

Ограбленные, реформами второй половины XIX столетия, взиманием подушных налогов, отмененных только в 80-годах того-же столетия, и выкупными платежами за земли, отмененными уже во время революции 1905 года (за землю с крестьян уже было взято втрое дороже, чем она стоила в действительности), при собственном изготовлении предметов производственного потребления, как указано выше—крестьянство являлось и плохим покупателем товаров фабрично-заводской промышленности. Поэтому, если оно (крестьянство) в дореформенные годы вело полунатуральное хозяйство, стремясь удовлетворить только свои потребности, избегая покупок на стороне,—то эти черты полунатурального характера крестьянского хозяйства продолжали сохраняться и после реформы. Если государство в интересах дворянства в пореформенные годы в известной степени и задерживало развитие капитализма в сельском хозяйстве, которое в свою очередь задерживало развитие промышленного капитала,

то все же общие условия, созданные реформой 60 годов, в основном способствовали дальнейшему развитию капиталистических отношений.

Рост товарности крестьянского хозяйства.

Развитие товарного с.-х. производства в Коми после крестьянских реформ второй половины XIX в. протекало медленным темпом. Сохранявшиеся правительством различные крепостнические пережитки—вцелях поддержания раззоряющегося дворянского сословия, задерживали и процесс капитализации сельского хозяйства. Отсутствие достаточного количества земли задерживало рост производства товарного хлеба.

Вся сельско-хозяйственная площадь распределялась в 1892 году по следующим разрядам землевладения:

Земель	городских . .	Яренск у.	1994	дес.	Устьс. у.	8.533	дес.
	надельных . .	„ — „	188.169	„	— „	466.841	„
	частнособств. .	„ — „	11.758	„	— „	4.698	„
	казенных . . .	„ — „	5.463954	„	— „	14.053.445	„
	церк. монаст . .	„ — „	1006	„	— „	1.560	:
	посессион влад.	„ — „	„			123.642	.
	Всего . .		5.667.081	дес.	„	14.658,719	дес.

Из этих перечисленных данных явствует, что главным собственником земли в Коми являлась казна, владея свыше 20 миллионов десятин земли, при чрезвычайно незначительном количестве надельных и частнособственнических земель.

По угодьям земля эта распределялась в таком порядке:

Усадебной	Яренск. у.	969	дес.	Устьс. у.	1733	дес.
Пахотной		15406	„	„	24.730	„
Сенокосной		42191	„	„	30.201	„
Выгонной и пастбищной		10429	„	„	3 241	„
Лесной площади		5.573.869	„	„	14.430.297	„

Огромнейшие пространства земли были заняты лесными массивами, под неудобными землями, общее количество которых по одному Устьсысольскому уезду составляет 14.598.814 десятин земли, тогда как общее количество пашенных, усадебных, сенокосных, выгонных и пастбищных составляло только 59.905 десятин.

Из пахотной земли находились:

Под посевом	ржи	Ярен. у.	4.146	дес.	Устьс. у.	6.110	дес.
„	овса	„	20	„		284	„
„	ячменя . . .	„	5,007	„	„	5.844	„
„	пшеницы . .	„	54	„	„	99	„
„	картофеля .	„	193	„	„	417	„
„	льна	„	153	„	„	195	„
„	конопли . .	„	86			279	

Это значит, что в рассматриваемый нами период господствующее положение в сельском хозяйстве занимали зерновые хлеба, в частности рожь и ячмень. Таким образом сельское хозяйство в Коми 90 годов характерно исключительно зерновым направлением. Технические и пропашные культуры: картофель, лен, конопля и т. д.—играли незначительную роль, производя все большее и большее количество товаров сельско-хозяйственного производства. Так, с 1899 года значительно из года в год увеличиваются посевы ржи, овса, ячменя и замечался некоторый рост культуры пшеницы как в Устьсысольском, так и в Яренском уездах. Особенно быстро увеличивается посев ржи. Если в Устьсысольском уезде в 1899 г. посев ржи составлял 6100 пудов и сбор зерна выражался в количестве 67025 пудов, то в 1913 году посев ржи выражался уже в 65247 пудов и сбор ржи в 641262 пуда., т. е за 12 лет посев ржи по Устьсысольскому уезду увеличился почти в 10 раз. Такую же картину роста посева ржи мы имеем в Яренском уезде. Посев ячменя также увеличивается, как в Устьсысольском, так и в Яренском уезде; причем ячмень как по количеству посева, так и по сбору зерна занимает первое место в обоих уездах. Что касается овса, то развитие его можно отметить в Устьсысольском уезде, которое с 1899 по 1913 г., т. е. за 12 лет, возросло в 18 раз.

Рост посевов зерновых культур предполагал и рост посевной площади, что мы также видим из увеличения количества надельных земель:

ГОДЫ	Яренский уезд.		Устьсысольский уезд.	
	надельных	владельческих	надельных	владельческих
1904	3101	170	5802	125
1905	3242	137	5854	71
1907	3336	143	6076	778
1910	3578	122	6266	116
1912	3696	131	6527	111

Увеличение количества надельной земли, как характеризует приведенная таблица, продвинулось значительно вперед только после революции 1905 года, когда коми рабочие и крестьяне заставили правительство передать крестьянству в качестве надельных те земли, которые ранее отдавались в аренду частным собственникам, а также разсчищенные самими крестьянами в течение этого периода.

Рост зернового хозяйства в Коми, в связи с постепенным увеличением посевной площади, в общем отражал переход коми крестьянства, в основном его зажиточной части, к производству товарного хлеба. Коми кулачество, обладая наибольшим количеством земли, по сравнению с бедняцко-середняцкими слоями населения надельной, так же купленной и арендованной, естественно являлось и основным производителем товарного хлеба.

По отдельным районам земледелие развивалось крайне неодинаково. Если Печорский район, где зерновое хозяйство, благодаря почвенным и климатическим условиям, было развито слабо, население в основном питалось привозным хлебом, то Устьсысольский уезд, где сельское-хозяйство было более развито, в обходился почти собственным хлебом, и хлеб ввозил только в неурожайные годы. Коми-пермяки Чердынского и Соликамского уездов, занимаясь главным образом земледелием, являлись и виднейшими производителями товарного хлеба. Хлеб их, через чердынских купцов, шел главным образом на Печору и сбывалтам по баснословно-высоким ценам.

„Неурожаи", которые по климатическим условиям часто свирепствовали на севере, заставляли крестьян часто прибегать к получению ссуд хлебом из запасных хлебных магазинов. Так, в 1890 году была выдана ссуда 21 волости озимого 1267 четвертей и 4 гарнца, ярового 933 четвертей 2 четверика и 4 гарнца, которые в том же году были почти полностью возвращены крестьянами обратно. Урожаи давали крестьянству возможность покрывать и прежнюю задолженность. Так, в 1890 году „поступление в запасный магазин хлеба превысило отпуск того же хлеба озимого на 806 четвертей и ярового на 606 четвертей, а всего 1412 четвертей" *).

Крестьяне Ношульской, Богородской, Печорской, Савиноборской, Щугорской волостей, не имея своих общественных магазинов, вынуждены были покупать хлеб на стороне, переплачивая за это, кулакам и чердынским купцам, довольно значительные суммы. Голодовки, часто посещавшие крайний север, являлись настоящим праздником для купеческо-кулацких слоев Коми. Коми кулаки, продавая хлеб по бешенным цепам, зарабатывали на этом громадные капиталы.

Одновременно с развитием зерновых культур мы видим и рост посева картофеля, гороха, льна и других сельско-хозяйственных продуктов, например—в 1880 году было посеяно по Устьсысольскому уезду 3.537 пудов картофеля и собрано 14920 пудов, а в 1911 году было уже засеяно 74928 пудов картофеля и собрано 412086 пудов.

Льноводство также составляло важную отрасль сельского хозяйства, но из-за недостаточного количества земли у крестьянства, эта отрасль не смогла получить соответствующего развития. Производство льна и конопли предназначалось не только для собственного потребления, но и для продажи. Под семян

*) Вологодские губернские ведомости № 42, 1890 г.

ибские крестьяне в 1901 году продавали в среднем от 40 коп. до 1 руб. 20 коп., в зависимости от их качества" *).

В Прилузском районе, по мнению В. Ф. Попова, „продажа продуктов льноводства группируется по двум пунктам—в с. Лойме на Введенской ярмарке и в г. Лальске на Михайловской ярмарке (в ноябре месяце). В первом пункте происходит распродажа большей части продуктов, ибо крестьяне Шиловской волости почти весь свой товар сбывают здесь. Часть продуктов сдается также скупщикам, на месте. Цена на волокно, смотря по доброте, колеблется от 3 до 9 р. за пуд. Средняя цена на волокно средней доброкачественности 5-7 рублей. Семена продаются большей частью скупщикам от 50 коп. до 2 руб. за пуд, смотря по степени зрелости, очистки и т. д." **).

Скотоводство, как и сельское хозяйство в целом, во второй половине XIX века значительно расширяется, рост которого видим из следующей таблицы:

Годы	Наименование уездов	Лошадей	Коров	Овец	Свиней	Коз	Оленей
1863 г.	Яренский у. .	5450	10.200	9.730	1.700	„	„
„	Устьсысольский	10.440	17.700	22.900	700	„	„
1892 г.	Яренский . . .	7.585	17.763	25.241	1058	1	300
„	Устьсысольский	16.341	37.011	50 000	865	„	„

Такой же рост скотоводческого хозяйства мы можем отметить и на Печоре. За 5 лет, с 1897 года по 1901 г., этот рост выразился в следующих цифрах:

Годы	Рогатый скот	Лошадей	Овец.
1897 г.	11.867	8.234	13.482
1898 „	11.286	6.176	16.787
1899 „	13.441	7.734	13.744
1900 „	14.304	7.597	12.576
1901 „	15.157	8.077	13.737

*) Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства за весну, лето и осень 1901 года, 21 стр. В. 1902 г.

**) В. Ф. Попов. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства и промыслов за весну 1900 года, 27 стр. В. 1900 г.

Увеличивается главным образом рогатый скот. Но отсутствие достаточного количества земли у крестьян задерживало развитие скотоводческого хозяйства. Так, В. Ф. Попов, характеризируя экономику Присысольского района, указывает: „корреспондентами из Иба, Пажги, Шошки и Вильгорта констатируются уже факты убоя и распродажи и падежа скота, с общим заключением, что нехватка кормов сказалась очень резко, и скот, даже в уменьшенном количестве—едва-едва дотянул до подножного корма“ *).

Такую же картину мы имеем и в Прилузском районе, где в волостях Борисовской, Уркинской (по Лехте) и Кочергинской констатированы случаи излишнего убоя и распродажи скота, имевшие место у беднейшей части населения. Здесь скот усиленно подкармливался соломой“ **).

Не лучше обстояло дело и в Вычегодском районе, где „по волостям: Под'ельской, Небдинской и Слободском обществе Богоявленской волости, через убои и распродажу сократила скота большая часть крестьян. В Богоявленском обществе скот был сокращен наполовину“ ***).

Такую же картину отметил Попов и в Деревянской волости.

В. Ф. Попов, отмечая, что „существующие соотношения между пашней и лугом находятся в положении постоянной напряженности“, делает совершенно неправильный вывод, об'ясняя эту напряженность тем, что „соотношение это держится исключительно удовлетворительным урожаем сена, так что малейшее „сокращение кормовой площади“ (т. е. недобор сена в том или в другом размере уже обязательно скажется сократительным образом на земельно-экономических фондах крестьянского двора, т. е. на количество содержимого скота, получаемого навоза и конечно, урожайности пашни“ ****).

Эту напряженность, в первую очередь, нужно искать в земельной политике русского самодержавия, которое, согласно закона 1866 года, не предоставило крестьянству положенное количество земель, а законом от 6 сентября 1882 г. даже запретило крестьянам делать новые расчистки для увеличения пашенных и луговых земель.

Отсутствие достаточного количества корма вызывает и массовую распродажу скота на рынок. „В Ибу, Пажге, Шошке и Вильгорте (Присысольский район) распродавался больше всего крупный рогатый скот, т. е. коровы и быки. Цены, сбитые излишним предложением, были сравнительно весьма не высоки. Так, например, среднего качества корова продавалась за 4, 6 и 7

---

*) В. Ф. Попов. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства и промыслов за весну 1900 г. 19 стр.

**) Там же, 31 стр.

***) Там же, 43 стр.

****) Там же, 109 стр.

рублей. Быки 3-5 лет продавались от 15 до 25 рублей. Овцы вообще больше 2 рублей за штуку не шли" *).

Такие же цены существовали на скот и в Прилузском районе, где „средняя цена на корову 10 12 рублей, быки шли от 12 до 25 рублей" **). Более низкие цены на продаваемый скот существовали в Вычегодском районе, где „среднего качества корова ценилась в 9 11 рублей; похуже шли за 7-8 рублей. Овцы продавались от 50 коп. до 2 рублей. Средняя цена на овцу 1 р. —1 руб. 50 коп" ***).

Из скотоводческого хозяйства на Печоре крупную роль играет оленеводство. Как и крупный рогатый скот, олени предназначались почти исключительно для продажи. Мясо, языки, шерсть служили предметом широкого потребления населения Печоры, а шкуры продавались местным замшевым заводчикам для производства замши. Оленеводство развито почти по всей Печоре и представляется в следующем виде:

Волости:	1897	1898	1899	1900
1. Мохчинская	149919	103634	99087	126387
2. Ижемская	30500	28500	29750	31970
3. Краснoборская . . .	11975	8745	7790	11445
4. Пустозерская	9519	9590	10560	10774
5. Кожвинская	4112	5080	5593	5860
6. Устьцилемская . . .	3280	2326	2613	3457

Наиболее крупными центрами оленеводческого хозяйства являются Мохчинская и Ижемская волости, за ними Красноборская и Пустозерская.

Систематическое уменьшение количества оленей, как свидетельствуют помещаемые ниже цифры за указанные годы, об'ясняется их массовым падежом. За 1896—99 г. оленей пало (см. таблицу 260 стр.).

За 4 года пало 307.033 оленя. Считая в среднем стоимость одного оленя в 10 р., то убыток за 4 года исчисляется в сумме 3.070.330 рублей, или ежегодный убыток выражается в сумме 770.000 рублей.

*) В. Ф. Попов. Сборник сведений о состоянии сельского хозяйства и промыслов за весну 1901 г. В. 1901 г.

**) Там же, 31 стр.

***) Там же, 44 стр.

Волости:	1896	1897	1898	1899
1. Мохчинская	81872	2650	52660	133550
2. Кожвинская	5830	—	63	87
3. Пустозерская	2035	375	3509	750
4. Красноборская	1905	—	8180	800
5. Ижемская	Сведений нет	2700	3800	1570
6. Устьцилемская	649	—	3779	269
Итого	92291	5725	71991	137026

Оленеводство на Печоре, в частности на Ижме, Мохче, Красноборске представляло из себя крупное капиталистическое предприятие, работавшее на рынок. Воленс совершенно правильно замечает, что „из трех центров Печорского оленеводства, различающихся по циклу отношений Колвинского, Ижемского и Пустоозерского, первый характеризуется меньшими размерами скота, меньшей товарностью продуктов и очень незначительным участием наемного труда, второй более крупными оборотами продуктов оленеводства, с большим числом наемных пастухов и с частым соединением оленеводства с операциями тундровой торговли, с одной стороны, скупки продуктов оленеводства—с другой. Третий Пустоозерский, русский центр, тоже с крупными стадами, характерен редким кочеванием владельцев, большой ролью наемных пастухов-самоедов и таким же, как в Ижме, соединением оленеводства с торговлей“ *).

Выгодность этого предприятия Мартынов характеризует так: „Цена каждого оленя 8-10-15 рублей и он дает такой приблизительно доход: ежегодный приплод „неблюи“—5 руб., если же оленя бьют, то шкура 4 р. 50 коп.-5 руб., зад. (окорка) 2 р.—2 р. 50 коп., мясо (три пуда) 4 р. 50 коп., камысы (кожа оленя) - 80 коп. Всего, следовательно, 11-12 р. с копейками. Если есть пыжик (зародыш оленя), то доход еще повышается на 2-3 рубля. Олений язык, шерсть, которая снимается в случае выделки кожи в замшу, также поступает в продажу“ **).

Таким образом, доходность от оленеводства на Печоре, считая в среднем доходность с каждого оленя в 10 р., выражалась к 1900 году в сумме около 2.000.000 р.

Доходность же крупных оленеводов, имевших до 10.000 г. оленей, в среднем выражалась в сумме 100-120 тысяч рублей.

*) Воленс М. Н. Промыслы и сельское хоз-во Печорского края. 69 стр. М. 1924 г.
**) Мартынов. Печорский край. 116 стр.

Отсутствие достаточного количества земли у крестьянства для расширения посева зерновых и технических культур, с введением торгового скотоводства и земледелия, вызвало к жизни и аренду земли. Крестьяне Привычегодских волостей, испытывая крайнюю нужду в земле, арендовали в 1910 году следующие оброчные земли у казны *):

1. Угдинская группа	16 дес.	"	
2. Угдымская "	13 "	"	
3. Угдым-Ив "	10 дес.	2329 сажен.	
4. " " "	14 "	1268 "	
5. Угдым Общая "	40 "	7288 "	
6. Лякты "	28 "	1323 саж:	
7. Угдымская "	60 "	1978 "	

Эта острая нехватка земли вынуждала крестьян арендовать земли, иногда на значительном расстоянии от жилья. Напр., „самая большая оброчная статья Угдымская—60 десятин, арендуется жителями с. Небдинского, несмотря на то, что она отстоит от села Небдинского более чем на 70 верст" **).

У нас пока нет достаточных аргументов, чтобы определить общую площадь арендуемой земли крестьянами у частных владельцев и у казны, но наличие аренды земли коми составляет несомненный факт. А что касается числа, по указанию местных корреспондентов, о распространенности аренды на пашни в Коми, то отдельные уезды Вологодской губернии группируются следующим образом ***):

Число % утвердительн. ответов об аренде.	Уезды.
75 %	Грязовецкий уезд.
50—74 % %	Велико-Устюжский.
30—49 % %	Вологодский, Никольский, Кадниковский и Сольвычегодский.
Менее 30 %	Тотемский, Вельский, Яренский, Устьсысольский.

*) Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края, Вологодской губернии, под редакцией П. Соколова, том II, 1910 г.

**) Там же 13-14 стр.

***) Сборник текущей статистики Вологодской губернии, том I, 72 стр. М.—1903 год.

Казна являлась самым крупным землевладельцем в Коми и предоставляла свои земли главным образом в аренду зажиточным слоям крестьянства, как наиболее исправным налогоплательщикам. Эти земельные спекулянты арендуемые ими земли в свою очередь сдавали в аренду мелкими частями нуждающейся части крестьянства, но уже по значительно высшей цене, чем они сами получали от казны. Большаков указывает, что крестьяне „арендуют оброчные статьи не для нужд собственного хозяйства, а с коммерческими целями, имея ввиду передачу ее мелкими участками по более дорогой цене" *).

Вот данные, характеризующие аренду пашни **). (см. таблицу на стр. 263)

Из этих данных видно, что крестьяне, вследствие недостатка в земле, арендовали землю за деньги, исполу и за отработки. Если денежная аренда представляла собой капиталистический метод эксплоатации труда крестьянства, то наличие издольной аренды (из доли урожая) и аренды отработочной свидетельствует о том, что наряду с капиталистическими методами практиковались и методы докапиталистические. Крестьянин, работая исполу, засевал эти земли своими семенами и половину урожая отдавал собственнику арендуемых земель, который, ничего не делая, имел возможность получить 50 % дохода от земли.

Такая система аренды земли представляла собой пережиток той же барщины.

В. И. Ленин, рассматривая переход от барщинного хозяйства к капиталистическому, дает совершенно ясную характеристику отработочной аренды, что, во-первых, „натуральные аренды, т. е. отработочные и испольные (выражающие, как мы сейчас видели, лишь отработочный и кабальный наем), по общему правилу везде дороже, чем денежные и притом значительно дороже, иногда вдвое (Ржевский уезд, Тверской губ.). Во вторых, натуральные аренды развиты всего сильнее в беднейших группах крестьян. Это—аренды из нужды, „аренды" крестьянина, который уже не в силах сопротивляться превращению его таким образом в сельско-хозяйственного наемного рабочего" ***).

Стоимость арендной платы 1 десятины в 1902-1903 г. г. выражалась в среднем около 2 рублей" ****).

---

*) Итоги экономического исследования крестьянского населения Вологодской губ., 59 стр. П. 1903 г.

**) Сборник текущей статистики Вологодской губ., том. I, приложение, 29 стр. М. 1903 г.

***) В. И. Ленин, том III. Развитие капитализма в России, 147 стр., изд. II. М. 1926 год.

****) Итоги экономических исследований крестьянского населения Устьсысольск. уезда, под редакцией Рума, 62 стр., П., 1903 г.

Аренда пашни по данным текущей статистики за 1902 год Вологодской губ. *)

УЕЗДЫ	Пашня арендуется				Семена		Делят	Хозяину поступает	Земля сдается преимущественно						Арендуется земля				Характеристика работ, требующихся дополнительно от испольщика	
	За деньги	Исполу и за деньги	Исполу	За отработки	Испольщика	Хозяина и испольщика	Хозяина	Зерном	1/2 урожая	Частными владельцами.	Духовенством	Кр. зажиточными	Кр. середняками	Кр. бедняками	Неизвестно	Кр. зажиточными.	Средним и крестьянами	Кр. бедными	Неизвестно	Изгороди	Возка дров
Велико-Устюжский	4	2	7	„	1	„	9	9	9	6	„	2	2	2	„	4	„	3	3	„	3
Сольвычегодский	4	1	5	„	1	„	4	5	5	2	2	1	„	„	1	1	1	4	1	„	„
Яренский	1	2	2	„	3	1	„	4	4	„	1	„	„	2	1	2	1	„	„	1	1
Устьсысольский .	4	1	8	1	4	1	3	8	8	1	5	1	„	2	„	3	„	3	3	2	„

*) Сборник текущей статистики Вологодской губ., том I, приложение, стр. 29, М. 1903 г.

Название оброчных статей:	Число десят.	Общая сумма арендн. платы.	Плата за десятину.
Немская	9	22 р. 10 к.	2 р. 45 к.
Сыв-Ельская	5	6—80	1—36
Туся-Пу-Донская	5	20—10	4—02
Ыджыд-Шор-керос . . .	9	12—58	1—39
Помоздинская	10,7	2—00	0—20

Отсутствие сенокосных лугов для развития скотоводческого хозяйства вызвало к жизни и аренду покосов" *):

	Сенокосы арендуются.			Аренда покосов исполу			На долю испольщика приходится.			Сенокос арендуется.				
													Приплата	
УЕЗДЫ:	За деньги	За деньги исполу	Исполу	Существует	Не существует	Не известно	1/2	1/3	1/4	Из доли урожая	С приплатой	Деньгами	Работой	Неизвест.
Устюжский .	9	7	4	12	15	13	1	12	3	5	7	3	4	—
Сольвычегод.	10	9	6	15	21	4	6	9	1	8	4	1	3	1
Яренский . .	6	1	2	3	15	8	2	1	—	—	3	2	1	—
Устьсысольский	10	5	3	8	25	23	8	2	—	4	—	—	—	—

Здесь, как и при аренде пашни, существовала испольщина, отработки.

Арендные цены на луга стояли значительно выше, чем на пашенные земли, при чем цена различных категорий лугов была неодинакова. В 1902 г. 1 дес. заливных лугов по реке Вычегде стоила 8 р.; суходольных—6 р. 50 коп., с колебанием от 6 р. 50 коп. до 8 руб; лесных и болотных 5 руб.

*) Сборник текущей статистики Вологодской губ, том I.

Во второй половине XIX века имеется значительный рост наемного труда в сельском хозяйстве. Применение наемного труда в крестьянских хозяйствах, по данным всеобщей переписи населения 1897 г., выглядит следующим образом *):

	Общее число всех хозяйств.	Всего в них		Итого	Хозяйства, имеющие наемных рабочих				
		мужчин	женщин		из 1 лица	из 2-3 челов.	из 4-5 челов.	из 6—10 чел.	из 11 чел.
Яренский	8.365	20.985	23.484	44.369	95	9	„	„	„
Печорский	6073	16.534	18.088	34.622	291	141	33	22	2
Устьсысольский	15.960	37.555	45.976	83.731	287	44	„	„	„

Таким образом, по найму рабочей силы на первом месте в 1897 г. стояла Печора, где общее количество наемных рабочих равнялось 1121 человеку. На втором месте стоял Устьсысольский уезд, имевший 331 человека наемных сельско-хозяйственных рабочих, и затем Яренский уезд—122 человека.

Воленс совершенно правильно указывает, что Ижемский район характеризируется „более крупными оборотами продуктов оленеводства, большим числом наемных пастухов. Пустоозерский уезд характерен редким кочеванием владельцев, большой ролью наемных пастухов—самоедов" **).

Оплата труда наемных рабочих, как и везде во второй половине XIX века, была довольно низкая. В 1892 г. годовой рабочий, работавший на содержании хозяев, получал в год 45 рублей, а на собственном довольствии 90 р. Работница на содержании хозяев получала в год 25 р. Летний рабочий на содержании хозяев получал 30 р., а на собственном содержании 65 р. Поденщик с лошадью, на содержании хозяина, получал 85 коп., а без лошади 50 коп., а на собственном содержании с лошадью 90 коп. и без лошади 65 коп. Поденщица на содержании нанимателя получала 30 к. и на собственном содержании 35 коп" ***).

Оплата труда наемных рабочих росла очень медленно. Если рабочий 1892 г. на собственном содержании зарабатывал в год

*) 1-ая всеобщая перепись населения 1897 г., том. VII, Вологодская губ. и том I—Архангельская губ.

**) Воленс. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края 69 стр, М.1924 г.

***) Памятная книжка Вологодской губ. на 1893-94 г. г., 65 стр.

90 р., то в 1911 году он зарабатывал там же 100 руб., следовательно заработная плата за 19 лет почти не увеличилась. Не улучшилось и экономическое положение наемных рабочих, т. к. рост зарплаты далеко отставал от роста цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Наоборот, реальная зарплата из года в год сокращалась.

I. Дифференциация крестьянства

Дифференциация коми крестьянства на кулаков, середняков и бедняков существовала с XVII-XVIII в. в., о чем свидетельствует ряд крестьянских наказов, адресованных в законодательную комиссию 1767 года. Крестьяне Устьвымской волости указывали, что „у нас находятся маломощные крестьяне, которые пахотного владения имеют весьма по малому числу, а другие и ничего не имеют“ *). Наказ ясно говорит о том, что в Устьвымской волости имелись уже безземельные крестьяне. О том, что крестьянство было расколото на определенные классовые группировки, свидетельствует и наказ крестьян Жешартской волости, которые также жаловались, что „в нашей волости крестьяне лучшие, средние и маломощные претерпевают и платеж производят с великою нуждою“ **).

Здесь без комментарий ясно, что дифференциация крестьянства на кулаков, середняков и бедняков в XVIII веке составляла несомненный факт.

Дифференциация крестьянского хозяйства в условиях дальнейшего развития капитализма, после крестьянских реформ 1861 года и столыпинской аграрной реформы 1906 года, получила дальнейшее развитие, способствуя росту безземельного крестьянства. По трем волостям Чердынского уезда, Пермской губ. за 1889 г. было ***):

	Число хозяйств имеющих надел	Число беззем. хозяйств.
Юрлинская волость	680	84
Косинская	821	95
Гайнская	652	30

*) В. Подоров. Наказ коми крестьянства по материалам Екатерининской законодательной комиссии—„Записки общества изучения Коми края“, вып. II, 41 стр.
**) Там же, 41 стр.
***) Сборн. статист. сведений по Чердынскому уезду, Пермской губ. за 1899 г.

Вместе с ростом безземельного крестьянства и концентрации земли в руках деревенской буржуазии увеличивается число безлошадных хозяйств, что характеризуется следующими данными *):

Наименования общ-в.	Число хоз-в не им. лош	Число хозяйств, имеющ. лошадей			
		1 лош.	2-3 л.	4-5 л.	Итого
Устькуломское	45	409	118	2	529
Устьнемское	31	245	117	3	365
Мыелдинское	15	106	104	1	211
Пожегодское	28	157	83	4	244
Помоздинское	23	275	150	2	427
Иринтенское	3	19	54	3	76
	145	1211	626	15	1852

Выражая все это в процентах, мы имеем такие показатели:

	Число дворов, неимеющих лошадей	Хозайства, имеющие лошадей в %			
		1 лош.	2-3 лош.	4-5 лош.	Итого
Устькуломское	7,84	71,25	20,56	0,35	92,16
Устьнемское	7,83	61,37	29,55	0,75	92,17
Мыелдинское	6,64	46,90	46,02	0,44	92,92
Пожегодское	10,29	57,72	30,52	1,47	89,71
Помоздинское	5,11	61,16	33,33	0,45	94,89
Иринтенское	3,80	24,05	68,35	3,80	96,20

*) Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьсысольского уезда, 94 стр. П. 1903 г.

Суммируя изложенное, мы имеем по числу лошадей, четыре ярко выраженные группы крестьянства:

I группа	145 безлошадных хозяйств		
II „	1211 хоз-в	имеют лошадей	1211
III „	626 „	„	1878
IV „	15 „	„	75

Такую же картину распределения лошадей мы имеем и у коми-пермяков:

Наименование волостей	Число хозяйств, не имеющих лошадей	Число хозяйств, имеющ. лошадей					
		1 лош.	2 лош.	3 лош.	4 лош	5 лош.	6 лош.
Юрлинская	82	273	240	97	40	20	12
Косинская	110	244	283	174	74	19	15
Гайнская	29	283	272	102	30	10	6
Итого	221	800	795	273	144	49	33

Тоже самое представляется и в отношении распределения рогатого скота:

Наименование волостей	Без скота	Число хоз-в, имеющих крупный рог. скот			
		1 голову	С 2-мя	с 3-мя	С 4-мя
Юрлинская	102	277	177	103	105
Косинская	149	341	288	121	90
Гайнская	58	305	214	76	29
Итого	309	923	679	300	224

Аналогичные явления видим в Ижмо-Печорском районе:

	Число хоз-в б скота	Число хоз-в с рогатым скотом						
		С 1 шт.	2-3 шт.	4-5 шт.	6-7 шт.	8-9 шт.	10 шт. и более	Всех
Устькулом	13	117	292	134	16	2	—	511
Устьнем	10	99	219	63	3	2	—	386
Мыелдино	9	30	125	51	10	1	—	217
Пожегодск	12	70	130	53	5	1	1	260
Помоздин	19	86	235	93	15	2	—	431
Селен. по реке Ижме .	—	3	30	32	12	1	1	—
Итого	95	405	1031	421	61	9	2	1934

Дифферезцируя крестьянство на кулаков, середняков и бедняков—к сожалению унас нет статистических данных о росте безземельного крестьянства. Но можно определенно утверждать, что в следствие дальнейшего развития капитализма после столыпинской реформы рост безземельного крестьянства составлял несомненный факт.

Кулачество, пользуясь капиталами путем покупки и захвата земли у беднейшей части крестьянства, сконцентрировало в своих руках наилучшие земли и являлось крупнейшим продавцем товарного хлеба. В 1889 г. в Гайнской волости 48 кулацких домохозяйств продали хлеба на сумму 4900 р. В Юрлинской волости 285 домохозяйств продали хлеба на сумму 17.566 р., в Косинской волости 105 хозяйств продали хлеба на сумму 2771 р.

Не только Коми-пермяцкие волости, но и Устьсысольский уезд являлся производителем товарного хлеба. Волости: Ибская, Пажгинская, Визингская, Межадорская, Вотчинская, Керчемская, Устькуломская, Деревянская являлись наиболее видными производителями товарного хлеба. А. М. Мартюшев, на основании данных Ф. А. Арсеньева, указывает, что „есть указание, что в 1888 г. было отправлено местными купцами из указанных волостей (перечисленных выше нами—В. П.) до 40.000 пудов, а раньше, когда подсечное хозяйство играло еще большую роль, отправлялось в иные годы от 120 до 150 тыс. пудов“*).

Продавцами хлеба в основном являлось, конечно, кулачество, которое было и основным прозводителем товарного хлеба,

*) Ж. „Коми му“—№ 3—1924 г., 7 стр.

а затем купечество. Ярким подтверждением этого служат следующие данные по Устьсысольскому и Яренскому уездам*)

УЕЗДЫ	У кого покупали хлеб					У кого занимали			Платили %		Где закладывалось		Закладывалось			Для покупки хлеба продавалось			Кому продавали	
	У зажиточных	Торговцев	Духовенства	На базаре	У прочих	В хлебо-зап. магазине	У зажиточных	Из др. источн.	Деньгами	Отработкой	Зажиточных	Торговцев	Земля	Дом. утварь	Одежда	Скот	Одежда	Земля	Скупщикам	Зажиточным
Яренский уезд . .	8	16	1	4	10	—	7	1	—	1	2	1	1	1	2	2	2	—	—	—
Устьсысольский . .	25	21	6	9	—	9	11	2	1	—	4	3	1	3	6	5	—	1	1	1

Приведенные данные говорят еще и о том, что продацами хлеба кроме кулачества, и торговцев, являлось и духовенство. Крестьяне не только покупали хлеб, но часто его и занимали у тех же кулаков, купцов и духовенства, обязываясь за это оплачивать, кроме стоимости взятого хлеба, проценты или деньгами, или отработками. Не имея денег для покупки хлеба, беднота была вынуждена продавать скот, одежду и землю, тем же кулакам, скупщикам и торговцам. Коми кулаки не только эксплоатировали своих односельчан, но и выступали в качестве деревенских ростовщиков. Жемигонов указывает, что в деревне Сар-ю-дин, недалеко от реки Сарью, живет кулак Попов, который „закупает (у ненцев—В. П.) оленьи и др. звериные шкуры —дохи, совики, малицы, пимы, зыряне привозят ему рыбу дичь. Скупленный товар Попов продает на Якшинскую пристань чердынским купцам и здесь покупает сахар, чай, вино, ситец, муку. В 1910 году ржаную муку продавал по 12 р. 75 коп. за куль"**).

Кулаки, ростовщики, купцы, обладая капиталами, землей, являлись и крупнейшей экономической и политической силой коми деревни. Они были господами положения в коми деревне, перед которыми гнули свои спины бедняцко-середняцкие массы деревни. „Эти массы мелких деревенских эксплоататоров, пишет В. И. Ленин,—представляют страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящихся вразброд, по-одиночке, что они прикрепляют его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, страшную тем, что эта эксплоатация при дикости деревни, порожденной свойственными описываемой системе низ-

*) Сборн. текущ. статистики Вологодск. губ., том I, вып. I, отдел статистики 26 стран. М. 1903 г.

**) Труды комиссии Вологодского губернского земства по обследованию в 1910 г. экономического положения местностей, прилегающих к водным путям сообщения, 154 стр. В. 1913 год.

кой производительностью труда и отсутствием сношений, представляет из себя не один грабеж труда, но еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне". Крестьяне, работавшие на кулаков, торговцев, скупщиков в условиях колониальной эксплоатации представляли собою в полном смысле слова полурабов, работавших на своих „феодальных" сеньеров-кулаков. „Перед нами—пишет В. И. Ленин—вовсе не арендаторы в европейском—культурном современно-капиталистическом смысле слова, перед нами преимущественно полуфеодальные, или что то же—в экономическом смысле полурабские издольщики"*).

Что касается численности сельской буржуазии, т. е. лиц, ведущих самостоятельное торговое земледелие, то она составляла незначительное меньшинство по сравнению с крестьянской беднотой и середняцкими массами деревни. В. И. Ленин, рассматривая разложение крестьянства в 48 европейских губерниях бывшей России указывает, что „численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства, вероятно, не более $^1/_5$ доли дворов (что соответствует приблизительно $^3/_{10}$ населения), при чем это соотношение, разумеется, сильно колеблется в разных местностях"**).

Применительно к коми, также можно отметить, что это соотношение в разных районах сильно колебалось, например, Ижемский, Мохчинский и некоторые другие села Печоры являлись наиболее кулацкими, чем, например, вычегодские.

Другой крайней группой коми крестьянства является беднота, т. е. сельский пролетариат,—класс наемных рабочих с наделом. Как мы уже знаем из предыдущих данных, эта группа крестьянства, имея небольшие размеры земли, небольшое количество скота, жила исключительно путем продажи своей рабочей силы зажиточным слоям деревни, или путем работы на мастных отхожих промыслах, или на лесопильных заводах Северного края и горных заводах Урала. Что касается численности этой категории крестьянства в 48 губерн. Европейской России, в том числе и Вологодской, В. И. Ленин указывает, что „представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что соответствует приблизительно $^4/_{10}$ населения), т. е. всех безлошадных и большую часть одно—лошадных крестьян (разумеется, это есть массовый примерный расчет, подлежащий в различных районах более или менее значительным видоизменениям, сообразно местным условиям"***).

С небольшими изменениями также в основном обстояло дело и в Коми. Конкретно о преобладании бедняцких хоз-в Коми сви-

*) В. И. Ленин. Собр. соч., том IX, издание I-ое, 1924 года, 204 стран.
**) В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, 128 стр., изд. II-ое М., 26 г.
***) Там же 129 стр.

детельствует факт малоземелья, о котором мы уже отмечали выше.

Особенно ярко это видно из следующих примеров покупки и продажи хлеба:

	Число хозяйств	Покупают хлеб		Продают хлеб	
		Число лиц	На сумму	Число лиц	На сумму
Юрлинская	680	—	203	285	17566
Гайнская	652	229	4797	48	4900
Косинская	821	449	7565	105	2771

Сравнивая общее количество домохозяйств в этих селениях с числом лиц, занимающихся продажей хлеба, мы видим, что продажей хлеба занимается значительное меньшинство крестьянства, т. е. кулачество. По Косинской волости продажей хлеба занимается почти $^1/_8$ часть всех домохозяйств, в Гайнской вол. $^1/_{14}$ часть всех домохозяйств, по Юрлинской волости около $^1/_3$ всех домохозяйств. Нужно отметить, что Юрлинская вол., по сравнению с остальными двумя волостями, являлась наиболее зажиточной.

О значительном преобладании бедняцких хозяйств в коми-пермяцкой деревне свидетельствуют данные о недоимках:

НАИМЕНОВАНИЕ	Общее число домохоз.	Общая сумма недоимков	Число домхоз. недоимщиков	Средний размер недоимков
Юрлинская	680	9.114 р. 22 к.	428	21 р. 29 к.
Гайнская	652	11.581 р. 59 к.	627	18 р. 47 к.
Косинская	821	6.267 р. 98 к.	591	10 р. 60 к.

По трем волостям из 2153 хозяйств недоимщиков 1646 хозяйств. Основная масса недоимщиков безусловно бедняки, зажатые нуждой. Можно предположить, что к числу недоимщиков попала часть середнячества, наиболее маломощная, которая выбивалась из сил в тисках малоземелья, высоких налогов, особенно в годы неурожаев, часто повторявшихся в Коми.

О преобладании бедноты чрезвычайно ярко показывает обеспеченность коми крестьянства лошадьми:

Волости	Количество крестьянских дворов				
	Всех	С 1 лош.	С 2 лош.	Безлош.	К общему числу дворов
1. Богоявленская	564	444	48	36	6,3
2. Вильгортская	797	662	25	110	13,8
3. Благовещенская	539	484	30	25	4,6
4. Ибская	540	480	50	10	1,8
5. Межадорская	414	328	86	—	—
6. Вотчинская	366	272	94	—	—
7. Визингская	487	442	45	—	—
8. Воронцовская (Пыелдинская)	526	226	300	—	—
9. Койгородская	555	295	255	4	0,7
10. Киберская	433	398	35	—	—
11. Шиловская (Спаспоруб)	406	375	23	8	1,9
12. Уркинская (Лойма)	270	70	200	—	—
13. Борисовская (Об'ячевская)	459	233	226	—	—
14. Ношульская	501	407	85	9	1,7
15. Кочергинская (Летская)	310	224	50	16	5,1
16. Корткеросская	720	657	35	28	3,8
17. Мординская	212	179	33	—	—
18. Небдинская	438	632	25	11	1,4
19. Богородская (Нившерская)	439	239	200	—	—
20. Под'ельская	392	347	45	—	—
21. Деревянская	425	391	32	2	0,4
22. Устькуломская	435	370	45	20	4,5
23. Керчомская	530	404	120	6	1,1
24. Устьнемская	521	286	215	20	3,8
25. Помоздинская	739	425	281	33	4,4
26. Печорская	382	338	17	27	7,0
27. Савиноборская	199	147	38	14	7,0
28. Щугорская	179	89	20	—	—
Всего по уезду	13078	9864	2835	379	28

Работая над вопросами дифференциации коми крестьянства, Рум пришел к чрезвычайно интересным выводам о численности середняцкого крестьянства в Коми. Так, он, на основании анализа крестьянских хозяйств Устькуломской, Устьнемской и Помоздинской волостей, дал следующие данные, характеризирующие классовую дифференциацию крестьянства: *)

Группы по зажиточности	Число жителей мужского пола	Число грамотных	Число жит. женск. пола	Число грамотных	Общее число грамотных в % %: Мужч.	Общее число грамотных в % %: Женщин.
1. Бедные	511	154	594	18	13,30	3,03
2. Средние	944	351	974	56	37,18	5,75
3. Зажиточные . . .	130	77	142	23	59,20	16,20
	1585	582	1710	97	36,72	5,67

Из приведенных данных видно, что среднее крестьянство по указанным выше районам преобладает над бедняцкими хозяйствами. Эти выводы Рума представляются нам очень сомнительными, так как Рум не указал нам, из каких данных исходил он при исчислении различных групп крестьянства, в частности середняков. Число среднего крестьянства Рум по всей вероятности получил путем об'единения двухлошадных и трехлошадных крестьянских хозяйств в одну середняцкую группу, а, возможно, путем причисления к середнякам однолошадных хозяйств, имеющих две или три головы рогатого скота. Одним словом, число среднего крестьянства у Рума является искусственным. Если мы примем во внимание классовые задачи буржуазных экономистов и статистиков, которые в интересах русского самодержавия пытались представить отсталые царские колонии в цветущем состоянии в экономической и исторической литературе, то в этом преувеличении нет ничего удивительного. Казенные статистики и экономисты, выполняя политические задачи господствующих классов часто давали превратное понятие о целых районах. Особенно повезло в этом отношении Северному краю, который в течение всего XIX в. изображался буржуазными экономистами страною холодов где, вследствие вечной мерзлоты почвы невозможна была никакая промышленная деятельность, представляющая якобы собою „пустыню у полярного круга, по которой бродят только белые медведи да потревоженные северным сиянием—воют волки“**). Точно также

*) Там же 215 стр.

**) Известия Архангельского общества изучение русского Севера № 5 —1909 г. 2-3 стр.

поступила и комиссия, которая в 1903 году занималась экономическим исследованием Устьсысольского уезда, в смысле выяснения колонизационных возможностей указанного уезда, представив этот уезд в вполне благополучном виде. Когда упомянутый „итог" был представлен устьсысольской земской управой на рассмотрение уездного земского собрания очередной сессии 1903 г., управа, высказывая свое заключение об этой работе, указывала в своем докладе, что в „итогах" „проглядывает резко выраженная во всех частях тенденция, во первых, затушевать неблагоприятные и, наоборот, выдвигать благоприятные естественно исторические условия сельско-хозяйственного дела в исследованном районе, во вторых, представить в возможно неблагоприятном освещении существующие у крестьян технические приемы земле обработки и порядка эксплоатации ими пахотных и сенокосных земель, рядом с чем констатируется несообразно высокая урожайность последних, выраженная в поражающих каждого местного наблюдателя своей преувеличенностью цифрах чистой доходности луга и пашни. В результате своего заключения земская управа находила, что устьсысольскому земству, как ведающему интересами местного населения, путем журнального постановления собрания следует высказаться против всякой солидарности с выводами и заключениями „итогов", с чем данное собрание согласилось"*). Все это заставляет нас чрезвычайно осторожно относиться к выводам Рума о преобладании среднего крестьянства над бедняцкими массами коми деревни.

Не можем мы допустить преобладание среднего крестьянства над беднотой и теоретически. Среднее крестьянство, отличающееся наименьшей товарностью своего хозяйства, находится в крайне неустойчивом положении, колеблясь между низшей и высшей группой крестьянства, которое, благодаря неурожаям и другим экономическим причинам, массами выбрасывается в ряды бедняцкого крестьянства. Крестьянская буржуазия,—пишет В. И. Ленин,—оттесняет не только низшую, но и среднюю группу крестьянства. Таким образом происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымирание средних членов и усиление крайности „раскрестьянирования".

Разложение крестьянства создает и внутренний рынок для капитализма, причем главную роль в развитии его играет кулачество и беднота, хозяйства которых по сравнению с середняцкими отличается наибольшей денежностью.

Это об'ясняется тем обстоятельством, что кулачество, как поставщик сельско-хозяйственных продуктов, продает их главным образом за деньги, на что в свою очередь опять же покупает

*) В. Ф. Попов „Сельско-хозяйственное описание Деревянской волости" том 1, 2 стр. В. 1906 г.

*) В. И. Ленин, том III „Развитие капитализма в России", изд. 2-ое, 132 стр. М. 1926 г.

18*

товары ф заводской промышленности как прозводственного, так и личного потребления. Крестьянская беднота не имея никакой доходности от своих мизерных земельных участков, вынуждена работать у того-же кулака, как с/х рабочий, или итти на заработки.

Естественно, беднота вынуждена была и оплачивать свои расходы исключительно той денежной платой, которую она получала за свою работу по сплаву и рубке леса для русских и иностранных капиталистов, от эксплоатации местных промыслов и т. д.

Правда, в нашем распоряжении нет статистических данных, чтобы показать конкретно преобладание денежного бюджета у двух крайних групп коми крестьянства, кулачества и бедноты, но можно определенно утверждать, что в этом отношении дело у коми обстояло так же, как и у крестьян в России, ибо в экономической области, в условиях капиталистического строя, в основном действуют одни и те же законы. В. И. Ленин, рассматривая разложение крестьянского хозяйства, указывает, что „денежный расход на пищу оказывается и абсолютно и относительно наибольшим в двух крайних группах—и у сельских пролетариев и у сельской буржуазии. Первые покупают больше, хотя потребляют меньше среднего крестьянина, покупают самые необходимые земледельческие продукты, в которых они испытывают нужду. Последние покупают больше, потому что потребляют больше, расширяя особенно потребление неземледельческих продуктов. Сопоставление этих крайних групп наглядно показывает нам, как создается в капиталистической стране внутренний рынок на предметы личного потребления" *).

Таким образом рост личного и производственного потребления различных слоев крестьянства способствовал созданию внутреннего рынка.

Отмечая факт дифференциации коми крестьянства, в нашем распоряжении нет данных, чтобы показать как быстро шел этот процесс, ибо буржуазными статистиками данный процесс совершенно не изучен, даже по отношению к русскому крестьянству. Здесь мы можем только отметить, что эта дифференциация шла. Об этом свидетельствует наличие аренды, купля и продажа земель, рост безлошадного и безземельного крестьянства.

Дифференциация коми крестьянства протекала в различные исторические периоды различными темпами, то более медленно, то более бурно. После крестьянских реформ 1861 и 1906 г. г. дифференциация задерживалась различными докапиталистическими методами эксплоатации. „Важным явлением в экономике нашей деревни—пишет В. И. Ленин—которое задерживает раз-

*) В. И. Ленин, том III „Развитие капитализма в России", издание II, 18 стр. М. 1926 г.

ложение крестьянства, являются остатки барщинного хозяйства, т. е. отработки. Отработки основаны на натуральной оплате труда, следовательно, на слабом развитии товарного хозяйства"*).

Важнейшим фактором, способствовавшим дифференциации крестьянского хозяйства, являлось существование торгово-ростовщического капитала. Торговый капитал, проникая в крестьянское хозяйство, втягивал его в торговый оборот, заставлял его работать на рынок по производству различных продуктов сельско-хозяйственного производства. „Если бы капитал в нашей деревне бессилен был создать что либо, кроме кабалы и ростовщичества—пишет В. И. Ленин, тогда бы не могли, по данным о производстве, констатировать разложение крестьянства, образование сельской буржуазии и сельского пролетариата, тогда бы все крестьянство представляло из себя довольно ровный тип придавленных нуждою хозяев, среди которых выделялись бы лишь ростовщики, выделялись исключительно размером денежного имущества, а не размером и постановкой земледельческого производства"**).

В. И. Ленин, отмечая прогрессивную роль торгового капитала второй половины XIX века, выступавшего совместно с промышленным капиталом по капитализации крестьянского хозяйства, в то же время указывает, что „самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне задерживает разложение крестьянства"***).

Имели ли мы в прошлом в экономике коми самостоятельное существование торгово-ростовщического капитала? Конечно, имели. В эпоху феодализма торгово-ростовщический капитал был заинтересован в установлении крепостного права. В рассматриваемый нами период торгово ростовщический капитал в Коми самостоятельно уже не существовал, ибо, иначе мы не имели бы классовой дифференциации, аренды и т. д.

Дифференциация коми крестьянства вызвала к жизни деревенскую буржуазию в лице кулачества, как производителя товарного хлеба, купцов, ростовщиков.

Одновременно, дифференциация вызвала к жизни и сельско-хозяйственный пролетариат, который в качестве продавца своей рабочей силы и потребителя предметов личного потребления сыграл крупную роль в развитии внутреннего рынка, облегчая роды буржуазного общества, установившегося в коми со второй половины XIX века.

Дифференциация крестьянства в условиях капиталистического строя в основном является прогрессивным явлением, ибо, прокладывая путь для развития капитализма в сельском хозяйстве, она с корнем ломает все пережитки крепостничества,

---

*) В. И. Ленин „Развитие капитализма в России", изд II, том III. 135 стр.
**) Там же, 135 стран.
***) Там же, 135 стран.

азиатчины, сохранившиеся от феодальной формации. Дифференциация кресьянского хозяйства способствовала и развитию классовой борьбы между деревенской буржуазией и сельскохозяйственным пролетариатом.

Примеры классовой борьбы крестьянства за землю дают и сельские общины, представляющие собой пережиток первобытного общества, сохранившиеся в Коми до Октябрьской революции. Эта классовая борьба крестьянстваза землю развивалась главным образом по линии переделов общинных земель. М. А. Большаков, на основании опроса старожилов Устьсысольского у., установил, что переделы земель в Помоздинской и Устькуломской сельских общинах участились с 1870 годов, что мы видим из следующих данных *):

Сельские общины	Произведено переделов						
	50 г.	60 г.	70 г.	80 г.	90 г.	с 1900	Всего
Помоздинская	1	—	1	6	13	4	25
Устькуломская	2	4	3	4	4	1	18
Устьнемская	—	1	1	1	6	—	9
Итого	3	5	5	11	23	5	52

Из приведенных данных видно, что наибольшее число переделов падает на 90 годы (44,2%), а, следовательно, свидетельствует и о том, что 90 годы являлись наиболее обостреннейшим моментом классовой борьбы за землю. Учащающиеся переделы земель с 1870 года ярко свидетельствуют и об активизации трудящейся части коми крестьянства, крайне заинтересованной в переделах земли. Кулачество, которое путем торгово-ростовщической эксплоатации сконцентрировало в своих руках лучшие общинные земли, естественно не могло итти на переделы этих земель. Для кулачества не выгодны были переделы, ибо при переделе общинных земель они могли лишиться части земель ранее находившаяся вих эксплоатации, т. к. последние могли перейти к беднейшим слоям крестьянства. Совершенно иначе относились к переделам общинных земель беднейшие слои крестьянства. В переделах они видели средство изъятия от кулаков и зажиточной части крестьянства земель, захвачен-

*) Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьсысольского у., под редакцией Рума, т. I, 14-15 стр. Пермь, 1903.

ных последними путем вымогательства за долги, явного захвата и т. д. Эти переделы ярко свидетельствовали о том, что. под влиянием требований малоземельных крестьян, многоземельные массы крестьянства вынуждены были соглашаться на переделы, несмотря на то, что последние им были не выгодны.

Периодические переделы общинных земель, являвшиеся характерной чертой сельской общины, при помощи которых достигалось уравнительное землепользование, в различных общинах Помоздинской, Устькуломской и Устьнемской волостей производились с различной периодичностью, что мы видим из следующих данных *):

В	2-х	общинах	—	3-х	летний срок
„	2-х	„	—	6-ти	„ „
„	1-й	„	—	10 „	„ „
„	1-й	„	—	12 „	„ „

Краткие срока переделов земли устанавливались сходом под давлением беднейшей части крестьянства, заинтересованных в частых переделах земель. Наличие более длинных сроков переделов земель свидетельствует не о том, что население этих общин было более обеспечено землей, а о том, что эти длинные сроки были установлены в интересах деревенской буржуазии, незаинтересованных в частых переделах земель.

Дифференциация ясно показывает, что крестьянство в Коми вступило на путь капитализма, что общинное хозяйство, не является антагонизмом капитализма, а он вырос на нем, является его основой. Если народничествующие ученые, в лице хотя бы К. Ф. Жакова, рассматривали коми кре стьянство как носителей социалистических идей, идей „народного производства“, то это свидетельствует только о том, что они не знали действительной экономической жизни и больше изучали свои переживания, чем экономику коми.

---

*) Итоги экономического исследования крестьянского населения Устьсысольского У., под ред. Рума, т 1, Пермь, 1903 г. 17 стр.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Ремесло и домашне-кустарная промышленность.

Значительное развитие домашне-кустарного и ремесленного производства в Коми начинается с XVI-XVII веков. В это время уже были развиты лесные промыслы, изготовление различных предметов домашнего обихода, как то: обуви, одежды и т. д., предназначенных для продажи. Ремесленники, вырабатывая первоначально различные изделия на заказчиков, которые часто снабжали их и своим материалом, оплачивая их труд продуктами или деньгами, постепенно переходили к производству товаров на рынок. Прибыльные операции способствовали и дальнейшему расширению производства и современем постепенно переходили исключительно к производству товаров на рынок, продавая свою продукцию через так называемых скупщиков. Таким образом создавалась домашняя кустарно-ремесленная промышленность, и происходило частичное превращение части ремесленников в „кустарей" т. е. влиц, которые стали специализироваться для производства товаров на рынок. Особенно сильный рост деревенского домашне кустарного и ремесленного производства мы видим в пореформенную эпоху в результате отсутствия крупного капиталистического производства. „В пореформенной России—пишет В. И. Ленин—рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во 1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний, на окраины, во 2-х, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении. Первый из этих процессов составляет одно из проявлений колонизации окраин. Крестьянин—промышленник..., чувствуя усиление конкуренции вместе с ростом населения и угрожающий мелкому производству рост капиталистической мануфактуры и фабрики, уходит на юг, где „мастеровых" людей еще мало, заработки высоки, а жизнь дешева. На новом месте основывалось мелкое заведение, которое положило начало новому крестьянскому промыслу, распространявшемуся затем в данном селении „по его окрестностям" *).

*) В. И. Ленин, т. III, „Развитие капитализма в России", гл. V; 260 стр. М. Л. Изд. II, 1926 г.

Передвижения ремесленников (портных, сапожников, скорняков и т. д.) мы имели в Коми и в первой половине XIX века, но эти передвижения значительно усилились во второй половине XIX века, после крестьянских реформ. Как и в фабрично-заводской промышленности, мелкая—ремесленно-кустарная промышленность основанная первоначально на эксплоатации труда членов семьи, имеет своей тенденцией к дальнейшему расширению своего производства, к употреблению наемного труда и к образованию капиталистических мастерских, с 1-5 и большим числом наемных рабочих. Статистические сведения, собранные мною по Устьсысольскому у. за 1860 и 1875 и 1892 г. г. вполне подтверждают применение наемной рабочей силы в мелком ремесленном производстве *).

Наименование ремесел	1860			1875			1892		
	мастеров	учеников	рабочих	мастеров	учеников	рабочих	мастеров	учеников	рабочих
1. Позолотчиков .	—	—	—	1	—	—	1	2	9
2. Портных . . .	3	1	4	2	—	—	6	4	12
3. Сапожников . .	11	3	—	8	3	5	16	18	14
4. Печников . . .	6	4	—	4	—	—	10	2	2
5. Столяров . . .	4	—	—	4	—	—	6	—	4
6. Кузнецов . . .	8	—	—	5	—	—	15	—	5
7. Каретники-обойщики	—	—	—	5	—	—	6	2	3
8. Слесарей . . .	—	—	—	—	—	—	2	8	2
Итого . .	32	8	4	29	3	5	62	36	43

Из этой таблицы мы видим, что развитие ремесла с применением наемного труда начинается в Коми приблизительно со второй половины XIX века. Так, число мастеров в 1892 г. увеличилось почти в 2 раза, а по сравнению с 1860 годом число учеников возросло в 4 раза, а число наемных рабочих возросло к 1892 году почти в 10 раз по сравнению с 1860 годом. Таким образом, ремесленное производство создает и свою рабочую силу, в лице учеников, и, в частности, в лице наемного рабочего,

*) По данным справочных книг по Вологодской губ. за 1860 и 1875 г. г. и Памятной книжки той же губ. за 1893-1894 г. г.

который живет исключительно путем продажи своей рабочей силы, тем самым создавая кадры для применения в развивающейся заводской промышленности.

Таким образом, мы видим, что тенденция мелкого кустарного производства или иначе мелкого товарного хозяйства клонится все к большему и большему употреблению наемного труда и расширению производства для создания возможно большего количества товарных продуктов.

Мы уже указывали, что мелкие крестьянские промыслы вызывают к жизни и массу особых скупщиков, которые, покупая произведения ремесленно-кустарного производства, тем самым способствовали к дальнейшему росту этого производства. Здесь мы только отметим, что скупщик, являлся агентом торгового капитала, и естественно был заинтересован в массовой скупке сбыте товаров, чтобы более успешно конкурировать с другими скупщиками и получить большую прибыль. Для этой цели коми скупщики стремились монополизировать весь местный сбыт товаров промыслового и ремесленно-кустарного производства в своих руках и пользоваться своей монополией для полного подчинения ремесленников и промысловиков. Так, вымский пароходчик Павел Никитич Козлов (по прозвищу „Козел Паш") монополизировал скупку всей пушнины и дичи у местных коми охотников И. А. Шергин указы- вает, что „с успенья он уже начинает закупать дичь, которая еще бегает в лесах, не подозревая о коварных планах Павла Никитича. Заблаговременно выдается мука, крупа и проч., без которой дня не могут прожить вычегодско-вымские мужики"*).

Таким образом, наряду с этими торговыми операциями скупщиков постепенно появляется и ростовщичество, когда скупщики, чтобы обеспечить за собой продукцию производителя, снабжают его деньгами, продуктами.

Снабжая мелких производителей деньгами, продовольствием, одеждой в счет будущих работ, скупщики тем самым диктовали и цены на их товары. Тот же „Козел Паш", снабжая крестьян продовольствием требовал, от охотников, чтобы рябчики продавались ему „как бы не стояла осенью цена хоть 60-70 коп. пара, а ему уступать по 30 коп. не дороже" **). Таким образом, мелкие крестьянские производители в обстановке товарного хозяйства оказывались в полной экономической зависимости „от торгового капитала в силу чисто экономического превосходства крупного массового сбыта над разрозненным мелким сбытом" ***).

Одновременно с пролетаризацией ремесленников и кустарей, мы видим и обратный процесс, когда ремесленники-кустари превращались в собственников более крупных мастерских, со значительным числом наемной рабочей силы. Из этих мелких

*) И. А. Шергин, „Богатство Севера" 73 стр., П. 1900 г.
**) Там же, 73 стр.
***) В. И. Ленин, том III, „Развитие капитализма в России", изд. 2. 279 стр.

промышленников вышли потом и более солидные капиталисты, владевшие десятками и сотнями тысяч рублей.

Таким образом, промыслы (охота, рыболовство и т. д.), и домашне-кустарная промышленность носили ярко-капиталистический характер. „Экономический строй мелких крестьянских промыслов представляет из себя типичный мелко-буржуазный строй,—такой же, какой мы констатировали выше среди мелких землевладельцев,—пишет В. И. Ленин. Расширение, развитие, улучшение мелких крестьянских промыслов не может происходить в данной общественно-хозяйственной атмосфере иначе, как выделяя меньшинство мелких капиталистов, с одной стороны, а с другой,—большинство наемных рабочих или таких „самостоятельных кустарей“, которым живется еще тяжелее и хуже чем наемным рабочим. Мы наблюдаем, следовательно, в самых мелких крестьянских промыслах самые явственные зачатки капитализма“ *).

Рассматривая начальные стадии развития капитализма в промышленности, т. е. развитие ремесла и домашне-кустарного производства, необходимо заметить, что постепенное расширение товарного производства, увеличение в них числа наемных рабочих в конечном счете приводит и к образованию капиталистических мануфактур.

Капиталистическая мануфактура.

Мануфактура является более высшей стадией развития капитализма в промышленности, по сравнению с ремеслом и домашне-кустарной промышленностью. Что мы понимаем под капиталистической мануфактурой? Под ней мы понимаем более крупное промышленное предприятие или иначе капиталистическую кооперацию со значительным числом рабочих, основанную на разделении труда. Капиталистическая мануфактура непосредственно вытекает из мелких кустарных предприятий. Если раньше скупщик, предприниматель занимался эксплоатацией труда кустаря в домашней промышленности, путем кредитования его деньгами, необходимым сырьем, или, вернее, раздачей работы на дом, то теперь скупщик, накопив капиталы, начинает создавать свои собственные мастерские, где он уже вводит разделение труда между отдельными рабочими, выделяет в известной степени и детальные операции при производстве тех или иных предметов и начинает эксплоатировать наемных рабочих в своих маленьких капиталистических мастерских. Вводя разделение труда, наемный труд, мануфактура, безусловно, представляет собой капиталистическое предприятие.

К мануфактурным предприятиям в Коми следует отнести целый ряд отраслей производства. К ним можно отнести обра-

*) В. И. Ленин, том III, „Развитие капитализма в России“, изд. II, 274 стр.

ботку волокнистых веществ, коими в 1897 г. было занято в Усть-сысольском и Яренском уезде коми 313 ч., из них 79 женщин и 234 мужчины и русских 399 чел., из них 105 мужчин, 294 женщины, а всего в обоих уездах коми и русских 712 человек.

Довольно значительное развитие имело и войлочное производство в Устьсысольском уезде, коим было занято 861 мужчина и 4 женщины, в Яренском уезде 106 мужчин, всего 990 человек. Все они работали на скупщиков, одни села валяли валеные сапоги, валеные подошвы, другие катали шляпы и т. д. Валеное производство также носило ярко капиталистический характер, „ибо во главе его стоит крупный капитал, который создал крупные мануфактуры и подчинил себе (посредством сложной сети экономических отношений) массу мелких заведений. Громадное большинство производителей превратилось уже в детальных рабочих, работающих на предпринимателей при крайне антигигиенических условиях" *). Также было широко развито и приготовление мужской, женской и детской одежды, коим в Устьсысольском уезде было занято свыше 1000 человек (1907 год). Приготовлением обуви было занято по Устьсысольскому и Яренскому уезду 272 человека. Работа производилась в мелких мастерских с количеством 3-5 человек наемных рабочих. Работали крестьяне и на дому, получая заказ от того же скупщика.

Довольно большое распространение имело на Печоре замшевое производство, т. е. производство замши из оленьих шкур. Вот данные, указывающие на состояние производства замши перед войной:

	Число крупных заводов	В них работало	Число мелких заводов	В них работало
Ижма	1	25	15	85
Мохча	—	—	9	55
Красный бор	2	43	1	5
Вертеп	—	—	5	30
Галово	—	—	6	100
Итого	3	68	36	275

*) В. И. Ленин, том III, „Развитие капитализма в России", изд. II, 304 стр. М. 1926 год.

Замшевое производство носило ярко выраженный капиталистический характер. Об этом свидетельствует наличие крупных капиталистических предприятий с довольно большим количеством наемных рабочих, в среднем 22 человека, и разделением труда в самом производстве.

Капиталистический характер замшевого производства виден и из применения машин, одни из которых работают с применением электрического, а другие парового двигателя. В этом же убеждает нас и момент концентрации половины всего замшевого производства в 2-5 замшевых заводах Ижмо-Печорского края. Большинство же мелких замшевых заводов являлись ничем иным, как отделениями более крупных заводов. Ижемские и красноборские капиталисты, не довольствуясь довольно большими, хорошо оборудованными собственными заводами для производства замши, при значительно большем числе рабочих „выдавали сырой материал местным жителям то количество, которое не в состоянии были обрабатывать на собственных заводах и получали уже готовую замшу с платой за каждую шкуру по 36-37 коп. Весь материал для обработки шкур (известка, ворвань), инструменты и само помещение, где производится выделка, кустари должны иметь свои“ *).

Заработная плата на замшевых заводах была чрезвычайно низкая. „Полагая рабочий месяц 25 дней,—читаем мы в той же газете,—каждый день по 16 часов, опытный рабочий может выделать 50-60 штук замши, а в 4 зимних месяца 260-280 штук, что составит, считая по 30 коп. за штуку, заработок в 94-100 рублей за всю зиму. Из этой суммы надо исключить стоимость материалов, необходимых при обработке шкур—32 р. 50 коп. Таким образом, рабочий получает за свой труд в течении 4-х месяцев 68 рублей или 17 р. в месяц, 68 коп. в день или 4 коп. в час“.

Санитарно-гигиенические условия труда в замшевом производстве были очень тяжелые. „В мочильне от шкур стоит невыносимо тяжелый, спертый воздух, которым рабочим приходится дышать ежедневно по 16 часов. Известковая пыль попадает в глаза, в рот, садится на легкие, служа причиною серьезных грудных и горловых болезней. При высокой температуре в сушильне работа невозможна, и рабочие находятся там чуть ли не в костюме Адама“. Вынося из сушильни шкуры на двор к воротам для обливки их, рабочие обычно не одеваются, займет слишком много времени, и этот резкий переход от жары 40 градусов на мороз, достигающий зимой нередко до 30 градусов, влечет за собой всякого рода простудные заболевания. Благодаря всем этим условиям кустарь в 40 лет выглядит изможденным стариком“ *).

---

*) Газета „Северное утро“ № 93, 13 октября 1911 г., г. Архангельск.
**) Там же.

Эти замшевые монополисты, в лице Терентьева, Филиппова и другие, путем ужасающей эксплоатации рабочих, которая мало чем отличалась от эксплоатации негров англичанами в Африке, (это были настоящие белые негры, работавшие на своих господ), наживали большие капиталы, что мы видим из роста суммы производства замшевых заводов.

В 1900 г. —	62 завода	230 чел.	заработали	168.000 р.
„ 1909 г.	„ 59	„ 245	„	„	189.060 р.
„ 1911 г.	„ 59	„ 215	„	„	496.790 р.

Это ясно говорит нам о том, что капиталисты, являвшиеся фактическими собственниками всех этих карликовых заводов, количеством до 5 человек рабочих, зарабатывали громадные капиталы, и о том, что одновременно сокращалось число мелких заводов за счет создания более крупных заводов.

Характер капиталистической мануфактуры носит и кожевенное производство Устьсысольского у. Как и в замшевой промышленности, здесь работа сконцентрирована в небольших мастерских, во главе которых стояли собственники мастерских. Последние, производя закупку сырья, часть их перерабатывали на своих заводах, часть обрабатывали в условиях домашней обстановки силами отдельных кустарей. По данным переписи населения 1897 года, выделкой кож на дому в Устьсысольском уезде было занято 19 человек. Наличие кожевенных мануфактур можно отметить и на Печоре, где в 1909 году было 12 заводов, с 37 рабочими, с общей суммой производства 18.450 рублей.

В Печорском у. было развито салотопное производство: типа капиталистических мануфактур, с незначительным числом рабочих, что мы видим из следующих данных:

В 1909 г. было	6 заводов	12 раб.	с сум.	произ.	3000 р.
„ 1910 г. „	6 „	12	„	„	2500 р.
„ 1911 г. „	5 „	10	„	„	2500 р.
„ 1913 г. „	5 „	10	„	„	2500 р.

В Печорском же уезде можно отметить и смолокурение, составляющее важнейший промысел местного населения.

В 1910 году было	22 завода	с 43 раб.	с сум.	произ.	900 р.
„ 1911 „	„ 22 „	49 „	„	„	1590 р.
„ 1913 „	„ 32 „	53 „	„	„	1050 р.

Наряду с салотопными и смолокуренными заводами видное место в экономике занимало и дегтекурное производство, что мы видим из следующих данных по Устьсысольскому уезду.

В 1891 г.	было	7 зав.	с 29 раб.	с сум. произв.	10.934 р.
„ 1899 г.	„	10 „	21 „	„ „	12.242 р.
„ 1905 г.	„	9 „	14 „	„ „	15.520 р.
„ 1906 г.	„	7 „	17 „	„ „	16.980 р.

Можно также отметить и развитие маслобойного производства в Ижмо-Печорском уезде. В 1911 г. было 4 завода, на которых работало 9 рабочих с суммой производства в 1100 р., а в 1913 году имелось уже 32 маслобойных завода и 44 человека рабочих, с суммой производства в 22.870 рублей.

Все указанные отрасли производства являются капиталистическими мануфактурами. Почти во всех указанных производствах мы видим разделение труда, т. е. „расчленение процесса производства на ряд простых чисто механистических операций, которые дают возможность не только вводить машины в производство, но ускорять самый труд, делать его более производительным. Отмечая положительное значение разделения труда, В. И. Ленин указывает „что разделение труда в капиталистической мануфактуре ведет к уродованию и калечению рабочего, — в том числе и детальщика-„кустаря". Появляются виртуозы и калеки разделения труда, первые, как редкостные единицы, возбуждающие изумление исследователей, вторые, как массовое появление „кустарей" слабо-грудых, с неимоверно развитыми руками, с одностороннею горбатостью"*).

Во всех отмеченных нами отраслях промышленности мы видим, с одной стороны, наемных рабочих, лишенных орудия средств производства, во всем зависимых от капиталистов и, с другой, собственников этих мастерских, занимающихся эксплоатацией труда наемных рабочих. Правда, мы имеем наряду с мануфактурой и отдельных мелких производителей, работающих на дому по производству обуви, одежды и т. д., но все они в основном работали на капиталистических скупщиков. „Мануфактурный же период развития капитализма пишет—В. И. Ленин,—со свойственным ему сохранением связи работника с землей, с обилием мелких заведений вокруг крупных, трудно, почти невозможно себе представить без раздачи работы на дом"**).

Собственники мануфактурных предприятии в целях расширения своего производства, в связи с увеличением спроса на производимые ими предметы, широко пользуются наличием безземельного и малоземельного населения для увеличения размеров своего производства, путем раздачи работы на дом. Пользуясь общей безработицей, капиталисты стремились сбывать свои заказы по самым низким ценам, зарабатывая на этих операциях громадные капиталы. Корреспондент газеты „Северное

*) В. И. Ленин, том III „Развитие капитализма в России, 334 стр, М. 26 год.
**) Там же, 343 стр.

утро" сообщает, что „производство замши работа крайне тяжелая и безусловно вредная для здоровья, приносит буквально гроши рабочим кустарям и крупные барыши купцам — предпринимателям, каким является у нас местный богатый крестьянин господин Филиппов. Не довольствуясь собственным, хорошо оборудованным заводом для производства замши, на котором работа производится круглый год, причем рабочих около 30 человек, он выдает сырой материал местным жителям, которые дома обрабатывают его собственными средствами и сдают ему уже готовую замшу"*).

Раздробленность рабочих на дому, их низкий политический уровень, тяжелое экономическое положение способствовали процветанию кабалы, принимавшей форму личной зависимости от скупщика. Юрий В., занимавшийся специальным исследованием быта рабочих замшевых заводов, указывает, что в результате расплаты товарами „получаются удивительные курьезы, если бы, разумеется, можно было глядя на это смеяться. Работает человек целый сезон, товару во время работы забирает мало, сахар, чай, керосин, к рождеству да престольным праздникам ситцу или сатину, да жене на платье, да еще коечего, а приходит время расчета, за всю свою работу или вернее, сверка, кто кому должен—рабочий предпринимателю или наоборот, оказывается, и весьма нередко, что никто иной как рабочий должен купцу-предпринимателю ростовщику. Постоит огорошенный человек у прилавка да и скажет: „ну, вам лучше уж знать", да так и уйдет ни с чем. Впрочем не ни с чем, а с новою кабалою на шее, т. к. этот долг придется на будущий год отрабатывать, если хочешь получить работу. Если рабочий не сможет сам отрабатывать свои долги и умрет раньше, чем успеет сделать это, за него будет отрабатывать его сын, если будет иметь подобно отцу несчастье нуждаться в работе над выделкою замши. А участь сына уже предрешена. Не отработает сын, внука заставят. Силою, конечно, не заставляют, довольно поставить условием, что если хочешь работать, отрабатывай долг деда и отца"**).

Таким образом, между рабочими капиталистических мануфактур и рабочими, работавшими дома на тех же владельцев мануфактур, почти нет большой разницы, как те, так и другие являются наемными рабочими капиталистов. Что касается их экономического положения, то оно значительно хуже у домашних рабочих. Если заводский рабочий эксплоатировался только своим заводчиком, то рабочий, работающий дома, обычно эксплоатировался еще и различными посредниками, выступающими в роли распределителя работы среди крестьян от имени заводчиков, который устанавливал сдельную плату значительно

---

*) Газета „Северное утро" № 93 от 13 октября 1911 года.
**) Известия „Арх. Об-ва ИРС" № 18-19—1911 г., 515-516 стр.

ниже, чем получали заводские рабочие, чтобы этой разницей оплаты труда вознаградить себя за свой труд. „Крупный предприниматель,—говорит В. И. Ленин,—не может сам раздавать материал сотням и тысячам рабочих, разбросанных иногда в разных селениях, необходимо появление посредников (в некоторых случаях даже иерархии посредников), которые берут материал оптом и раздают по мелочам. Получается настоящая sveating sistem*), система вышибания пота, система наиболее напряженной эксплоатации" **).

Отмечая вышибание пота у рабочих, работающих капиталистам на дому, В. И. Ленин отмечает, что „капиталистическая работа на дому неизбежно связана с черезвычайно антигигиенической обстановкой работы. Полная нищета работника, полная невозможность регулировать какими либо правилами условия работы, соединение жилого и рабочего помещения,—таковы те условия, которые превращают квартиры занятых на дому рабочих в очаги санитарных безобразий и профессиональных заболеваний. В крупных заведениях возможна еще борьба против аналогичных явлений, домашняя же работа является в этом отношении наиболее „либеральным" видом капиталистической эксплоатации" ***).

Следовательно, в мануфактурной промышленности мы имеем те же капиталистические отношения, что и в крупной промышленности, т. е. систему найма, эксплоатации и подчинения рабочих капиталисту, что в основном и характеризирует мануфактуру—как особую стадию развития капитализма в промышленности. „Во всех вышеприведенных „промыслах" мы видим массу населения, не имеющую никаких средств к жизни, кроме работы, в зависимости от лиц имущего класса, а с другой стороны, небольшое меньшинство зажиточных промышленников, держащих в своих руках в той или иной форме все производство района. Этот основной факт и сообщает нашей мануфактуре резко выраженный капиталистический характер, в отличие от предыдущей стадии" ****).

Отмечая капиталистический характер мануфактурных предприятий в Коми, в которых в общем преобладал ручной труд, необходимо также указать и на тот факт, что мануфактуры были тесно связаны с торговым капиталом, который обычно выступал в лице какого либо богатого скупщика или в лице собственника мануфактурных предприятий, который путем скупки мануфактурных изделий и являлся монополистом по продаже предметов местного производства.

---

*) Потогонная система. Ред.

**) В. И. Ленин, „Развитие капитализма в России". том III, изд. 2-е, 344 стр., М., 1926 г.

***) Там же, 344 стр.

****) Там же, 338 стр.

Печорские Филипповы, Терентьевы, имевшие большие оленьи стада, свои замшевые заводы с применением паровых и электрических двигателей, с довольно большим количеством наемных рабочих, владевшие своими торговыми предприятиями, пароходами, являлись типичными представителями не только промышленного, но и торгового капитала.

Рассматривая и изучая экономику бывших царских колоний, буржуазные ученые народнического направления обычно совершенно неправильно освещали строй экономических отношений, складывавшихся в местной промышленности, которые сложились к концу второй половины XIX века и даже в начале XX века. Рассматривали их чисто в народническом духе, усматривая во всем наличие патриархальных отношений, не замечая вполне сложившихся капиталистических отношений. Здесь я имею в виду работу Н. Воленса—„Промыслы и сельское хозяйство Печорского края", который, рассматривая развитие местных промыслов на Печоре, указывает, что эти замшевые заводы, с числом рабочих до 20-30, не носят характера капиталистической мануфактуры, так как здесь, во I-х, отсутствует разделение труда, во-2-х, самый экономический строй складывается совершенно иначе, чем на предпринимательских фабриках, где все рабочие являются как бы пайщиками этих предприятий. Поэтому он замечает, что „Внешне, пожалуй, является искушение подвести эту форму под первую рубрику, т. е. считать ее „домашней промышленностью",—по самому содержанию этого термина не приходится. Но весь строй отношений слагается в ней совершенно иначе, чем на предпринимательских заводах первого типа. Рабочие, если они принадлежат к разным хозяйствам, наз. пайщиками, участвуя поровну в снабжении топливом, материалами, лошадью, самостоятельно принимая рабочих, они за свой риск и по своему усмотрению управляют процессом производства и совершенно не руководятся капиталом. Это обстоятельство и заставляет создать промежуточную, между домашней промышленностью и мануфактурой, категорию, не вдвигая живую действительность в прокрустово ложе общепринятой схемы"*).

С этим мнением Воленса мы согласиться не можем. Работами этих замшевых предприятий бессомненно руководили организаторы этих производств—капиталисты, которые снабжали свои производства сырьем, увеличивали и уменьшали размеры производства, определяли размеры заработной платы как в более мелких, так и в более крупных предприятиях. Правда в мелких предприятиях организатор предприятия не вмешивается в техническую сторону производства, здесь еще нет разделения труда между отдельными рабочими, но в более крупных предприятиях мы имеем и техническое руководство, где организа-

*) Воленс, Н. Промыслы и сельское хоз-во Печорского края, 74 стр. (Труды северной научно-промышл. эксп., вып. 21. М. Л. 1924 г.)

тор сам руководит, следит за процессом производства. Что касается того указания Воленса, что сами рабочие занимаются снабжением этих предприятий дровами, известью, ворванью и т. д., то все это говорит нам о том, что условия для получения заработка в мануфактурных предприятиях были очень тяжелые, экономически невыгодные для рабочих (особенно для мелких), так как рабочие должны были на всем своем изготовлят замшу, что было очень выгодно для капиталиста. Это говорит о чрезвычайной эксплоатации наемных рабочих капиталистами, а не свидетельствует о патриархальных взаимоотношениях между промышленниками и наемными рабочими. Что касается того, что часто рабочие сами нанимают рабочих, то это только облегчает капиталисту выработать большее число товарной продукции при определенной сдельной плате. Если бы Воленсу удалось доказать, что вся сумма производства, вырученная от продажи готовой продукции, поступала бы в распоряжение всего коллектива, то его мнение было бы правильным, что эти производства не носят характера капиталистической мануфактуры. А раз вся готовая продукция поступает в распоряжение капиталиста, а рабочие получают только сдельную плату, то его утверждение, что крупные замшевые производства не относятся к мануфактурным, является неверным.

Если выше Н. Воленс утверждал, что в замшевом производстве не существует никакого разделения труда, то ниже сам же опровергает свое же мнение, заявляя, что существуют „подшивания прорезанной и лопнувшей готовой замши женщинами и управление лошадью на маялке подростками". Подтверждает он и о существовании специализации, указывая, что имеется „некоторая специализация на отдельных операциях, например, бритье, которое считается самой тяжелой работой... Зачастую принимается наемный рабочий только на одно бритье". *) Эти последние замечания о наличии известной специализации и разделения труда только подтверждают, что крупные замшевые „заводы" представляли собой тип капиталистической мануфактуры. Мало и этого. Мелкие печорские замшевые предприятия представляли собою как бы отделения крупных замшевых заводов.

Крупные производители обычно не ограничивались эксплоатацией рабочих внутри своих капиталистических предприятий, а стремились и к эксплоатации рабочей силы кустарей на дому или в мелких мастерских, тем самым увеличивая свои промышленные обороты и получая более высокую прибыль на свой капитал. Эксплоатация мануфактурами кустарей на дому есть нечто иное, как система наиболее интенсивной и напряженной эксплоатации последних, и эти мелкие и мельчайшие хозяйчики являлись ничем иным, как простыми рабочими этих мануфактурных

---

*) Воленс, Н. — Промыслы и с/х-во Печорского края, 76-77 стр. (Труды северной научно-промысл. эксп., вып. 21, М., Л., 1924 г.).

предприятий, которые бессомненно стояли ближе к рабочему населению фабрик и заводов, чем к крестьянину.

Правда, мы имеем тенденцию наиболее обеспеченной части кустарей, которые стремились впоследствии быть самостоятельными хозяйчиками, завести себе более обширную мастерскую, самостоятельно закупать сырье, нанимать больше рабочих. Но основная масса кустарей пролетаризировалась.

Рассмотрев в основных чертах развитие мануфактурного периода развития капитализма в Коми, мы перейдем к рассмотрению высшей стадии развития капитализма.

Крупная промышленность.

Экономика коми с конца второй половины XIX века характеризуется довольно глубоким проникновением капитализма.

Уже в начале второй половины XVIII века мы видим возникновение ряда горных заводов, как-то: Кажимского, Нючпасского и Нювчимского, вырабатывавших чугунные и железные изделия. Как и в условиях уральской горной промышленности, вновь созданные заводы обслуживались исключительно трудом государственных крестьян коми. Так, к ним были прикреплены на посессионном праве следующие волости—Благовещенская, Выльгортская, Койгородская, Ибская и друг., которые с момента прикрепления являлись собственностью или крепостными этих крепостнических фабрик и заводов.

Дальнейшее развитие и рост промышленности требовал новые кадры посесионных, т. е. постоянных рабочих, необходимость в которых стала ощущаться все сильней и сильней. Поэтому в первой половине XVIII века мы видим массовые ходатайства промышленников об увеличении числа постоянных рабочих путем покупки крепостных помещичьих крестьян к этим заводам и фабрикам. Это требование заводчиков и было удовлетворено правительством законом от 18 января 1721 г.

„Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено,—говорит указ,—что многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы... Того ради позволяется сим указом, для размножения заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения берг и мануфактур коллегии.... дабы же деревни всегда были при тех заводах неотлучно“*). Таким образом существовавшие с 1756 года кажимские горные заводы работали как путем эксплоатации труда посессионного крестьянства, так и путем покупки в собственность крепостных помещичьих крестьян, согласно закона 1721 года и др. законов, изданных по этому же вопросу и во второй половине XVIII века. А. Анисимов, занимавшийся иссле-

*) Изв. А. О. И. Р. С. № 1-1911 г. (ст. А. Анисимова „В Зырянском крае“ 31 стр.).

дованием Кажимских горных заводов, замечает, что с 1780 годов при Грибановых много было переселено из разных мест в Нювчимский завод крепостных людей, между ними 7 семей из Кадниковского у. „Сколько было горя, сколько слез,—рассказывали невольные пришельцы—когда нам староста об'явил., чтобы мы собрали пожитки и отправлялись к новому барину-заводчику, куда то далеко в дремучий лес, где живут дни звери да дикари зыряне. Отчего барин нас оторвал от сохи и отдал другому, когда мы верою и правдою ему служили и исправно платили оброк, не знаем, только слышно было, будто наш барин проиграл Грибанову в карты"*).

Эти крестьяне мало чем отличались от крепостных помещичьих крестьян. Все они были прикреплены к заводам в качестве постоянной рабочей силы и являлись собственностью этих заводов; несли рекрутскую повинность, подвергались различным истязаниям со стороны заводской администрации и т. д. Само царское законодательство, прикрепляя крестьян к тем или иным заводам, предлагало заводчикам рассматривать этих посессионных крестьян „яко своих крепостных". Государственные крестьяне, которых прикрепляли к этим крепостническим заводам, попадали в настоящую крепостническую кабалу, а помещичьи крепостные крестьяне, продаваемые „культурными" работорговцами—дворянами, даже в начале второй половины XIX века просто из одной крепостнической кабалы попадали в другую.

Вследствие повсеместных волнений посессионного крестьянства, протестовавшего против прикрепления их к крепостническим фабрикам и заводам, и произвола фабрично заводской администрации, рассматривавшей прикрепленных крестьян, как своих крепостных, правительство пошло напопятную, и по распоряжению императора Петра III издается 29 марта 1762 года указ, который предписывал, „чтобы всем фабрикантам и заводчикам... отныне к их фабрикам и заводам деревень с землями и без земель покупать не дозволять, а довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми", что подтвердила и Екатерина II 8 августа 1762 г.

Эти законы били по интересам капиталистов, так как лишали их почти что даровой рабочей силы, и вызвали естественное недовольство этой группы капиталистов. Поэтому правительство, в интересах этой группы капиталистов, само нарушало законы, им же самим изданные. В течение царствования сей „гуманной" и „свободолюбивой" императрицы было куплено к фабрикам 20000 душ крестьян, горным заводам 40.000 душ крестьян. Поэтому указ от 8 августа 1762 г. являлся скорее украшением „свободолюбивой" царицы, чем актом, направленным против торговли рабочими людьми просвещенными работорговцами—дворянами.

*) П. С. З. т. VI, № 3711.

Результатом такого положения мы видим в XVIII веке массовые восстания крестьянства, направленные к уничтожению новых крепостнических порядков на фабриках и заводах. Поэтому правительство, в целях смягчения этих крепостнических условий, создавшихся на фабриках и заводах XVIII века, в дальнейшем стало прикреплять государственных крестьян не в качестве постоянных рабочих, а временных. Эти временно-прикрепленные к заводам крестьяне не являлись собственностью этих заводов, как посессионные крестьяне, оставались по существу теми же государственными крестьянами, какими были до прикрепления. За работу они получали определенное вознаграждение, которое шло на уплату оброчных платежей. Сереговский солеваренный завод, принадлежащий в первой половине XVIII века Витушешникову, работал главным образом путем применения труда временно-прикрепленных к заводу крестьян. В 1746 году было прикреплено к заводу 310 человек крестьян из окрестных волостей.

Таким образом, кроме посессионного крестьянства, другим видом рабочего населения коми во второй половине XVIII века являлось государственное крестьянство, временно-прикрепленное для работ на этих заводах. Это временное рабочее население чрезвычайно сильно затрудняло работу заводов своим уходом на летнее время для сельско-хозяйственных работ в свои деревни. Поэтому государство, в интересах развития фабрично-заводской промышленности, всячески содействовало фабрикантам задерживать этих временно обязанных крестьян на своих заводах. Заводчики часто насильственно задерживали крестьян на своих заводах, вследствие чего, выражаясь языком крестьянских жалоб, „многие поля поросли мохом и травою".

Таким образом в течение ряда лет из этих временно-прикрепленных крестьян вырабатывались и специалисты по той или иной отрасли производства, как, напр.: по литью чугуна, добыче руд, ковке железа и т. д.. Кроме того, сами фабриканты, заводчики смотрели на наиболее технически развитую часть крестьянства, как на основное здоровое ядро рабочего населения своих заводов. Государство, учтя это стремление заводчиков закрепостить эту категорию временно-прикрепленных крестьян, в 1807 г. издало закон, по которому предписывалось набрать по 58 человек из каждой тысячи крепостных крестьян в качестве постоянного ядра на частных заводах. „По этому закону,—говорит Семевский,—они должны были отслужить на заводах только 30 лет, а их дети 40 лет, а затем их следовало отпустить на волю, и они могли приписываться куда пожелают" *).

Таким образом в эпоху рассматриваемого нами крепостнического строя основными массами рабочего населения являлись

*) Семевский. „Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II", том I, 406-407 стр.

посессионные крестьяне, являвшиеся собственностью этих крепостнических заводов, и временно-прикрепляемые к заводам государственные крестьяне, которые в определенное время года уходили с фабрик и заводов для производства сельско-хозяйственных работ в свои деревни.

Первоначально Кажимские горные заводы работали исключительно на государственную казну. Но впоследствии, в начале XX века, в связи с развитием южной и уральской металлургической промышленности, последние стали работать исключительно на местный рынок, вырабатывая различные предметы домашнего обихода, как-то: чугун, кастрюли и т. д. В дальнейшем работа Кажимских заводов не смогла получить соответствующего развития, ввиду конкуренции чугунных и железных изделий уральских горных заводов, сбывавших свои изделия по более дешевой цене. Массовый ввоз чугунных и железных изделий Урала вызвал сокращение производства Кажимских заводов, что мы видим из следующих данных:

	Было рабочих.	Валовая продукция в рублях.
В 1846 г.	4.000	—
„ 1891 г.	3.050	—
„ 1893 г.	1.448	157.518
„ 1898 „	969	163.688
„ 1902 г.	847	136.036
„ 1905 г.	596	141.787
„ 1909 г.	521	152.753

Здесь видно не только систематическое снижение количества рабочей силы, занятой на указанных выше заводах, но и то, что сумма производства за все эти годы не поднималась выше 163.000 рублей.

Значительно раньше Кажимских заводов, в первой половине XVII века, мы видим возникновение в Коми Сереговского солеваренного завода, производительность которого во второй половине XVIII века выражалась в количестве 500.000 пудов ежегодно. В XIX веке, вследствие массового ввоза иностранной соли через Архангельск, Сереговский солеваренный завод, как и Кажимские горные заводы, систематически снижал размеры своего производства, стоимость общей суммы производства которого не превышала 82.000 рублей.

Таким образом мы видим, что в Коми имелась и крупная горная промышленность, которая носила ярко выраженный капиталистический характер.

Экономическое положение рабочих в промышленности Коми было очень тяжелое: 15-18 часовой рабочий день, низкая заработная плата, выражавшаяся в сумме от 7 до 12 рублей в месяц (мастер в 1890 г. получал 15 рублей). Скверные антисанитарные гигиенические условия труда черезвычайно ухудшали экономическое положение рабочих горных заводов. Не лучше было экономическое положение рабочих и Сереговского солеваренного завода. Н. А. Шергин указывает, что „поденная плата рабочих была 31, 32 копейка. За распиловку кубической сажени дров отваливают 60 коп. Двое рабочих едва-едва распиливают в день, зарабатывая по 30 коп. при дороговизне хлеба в 1 р. 50 к.“ *).

Санитарно-гигиенические условия труда, вследствие сохранившихся примитивных приемов солеваренной техники, были очень скверные. „Чтобы заработать двугривенный в день,—пишет Шергин—заводская бросальщица должна скидать в варничное окно 4½ кубических сажени дров, т. е. по 4½ коп. за кубическую сажень. Царство небесное, не мало бросальщиц от варничного окна ушли к праотцам, а несчастный солевар порой так ухайдакается, что поднимают в гору прямо на дровнях. Вот такие пытки сохраняются в этой глуши“,—заканчивает Шергин описания условий работы сереговских солеваров в 1906 году **).

Наиболее важнейшей промышленностью в системе всей экономики Коми является лесная промышленность отдельные начатки которой мы видим уже с XVI века. Царь Иван Грозный в XVI веке продал крупную партию печорского корабельного леса в Англию, с этого времени, а в особенности с XVIII века, в связи с вывозом леса на иностранные рынки, лесная промышленность получает дальнейшее развитие. В XVIII веке лесные богатства Вымского, Вычегодского и Печорского бассейна эксплоатируются англичанами, норвежцами, французами, бельгийцами, которые в массовом масштабе увозят лесные богатства на иностранные рынки как в обработанном, так и необработанном виде.

Лесная промышленность, как и горная, относится также к капиталистической промышленности. „Под лесопромышленностью,—пишет В. И. Ленин,—мы разумеем исключительно приготовление леса на продажу. Пореформенная экономика характеризуется особенным ростом этой промышленности, спрос на лес быстро возрастал и как предмет личного потребления (рост городов, увеличение неземледельческого населения в деревнях, потеря крестьянами своего леса при их эмансипации), в особенности, как на предмет производительного потребления. Какова же ор-

---

*) Н. А. Шергин, „Богатства Севера“, 31 стр. П. 1909 г.
**) Там же, 82 стр.

ганизация этой промышленности? Чисто капиталистическая. Лес закупается у землевладельцев предпринимателями—„лесопромышленниками", которые нанимают рабочих для рубки, пилки леса, сплава его и проч" *).

Лес экспортировался в страны западной Европы, также заготовлялся и для заводов края, в частности, для Сереговского солеваренного завода и Кажимских горных заводов. По заготовке, рубке и сплаву леса на эти заводы привлекались в обязательном порядке местные крестьяне. В 1890 г. по заготовке и сплаву леса для Кажимских горных заводов работали крестьяне следующих волостей:

Богоявленская	волость	40	чел.	с заработком	280	руб.
Благовещенская	„	45	„	„	1200	„
Междорская	„	45	„	„	1600	„
Воронцовская	„	40	„	„	900	„
Шиловская	„	48	„	„	960	„
Уркинская	„	100	„	„	805	„
Бирисовская	„	450	„	„	8000	„
Ношульская	„	150	„	„	4800	„
Кочергинская	„	100	„	„	860	„
Мординская	„	39	„	„	390	„
Под'ельская	„	10	„	„	240	„
Деревянская	„	6	„	„	160	„
Усткуломская	„	8	„	„	73	„
Устьнемская	„	30	„	„	240	„
Помоздинская	„	320	„	„	5040	„
		1431	„		25.518	„

Оплата труда в лесной промышленности была очень низкая, что мы видим хотя бы на примере оплаты труда 1481 человека, заработавших от сплава и рубки леса 25.548 рублей, т. е. в среднем по 16 р. 45 коп. каждый рабочий. Низкая оплата труда рабочих лесной промышленности об'ясняется не только жадностью лесопромышленников, но и заводских подрядчиков, которые в условиях общей безработицы могли получить рабочую силу почти даром. Одна весть о том, что едет в волость заводской приказчик вселяла радость в сердца коми лесорубов, что нако-

*) В. И. Ленин. „Развитие капитализма в России", том 3, издание II, 410-411 стр. М. 1926 г.

нец они могут теперь получить задаток для оплаты казенных податей, смогут прикупить лес на поправку своей избы, выплатить долг лавочнику, расчитаться с местным кулаком за взятый хлеб, сено и солому. Приезд такого „благодетеля" в волость составлял событие великой важности: волостной старшина готовился к получению недоимок с крестьянства, кулаки и лавочники подводили итоги, сколько с кого им следует получить и т. д. К. Ф. Жаков в своей работе „Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере", в статье „На богословский завод", очень ярко описывает сцену приезда такого подрядчика„. Приехал в село Вильгорт, в волостное правление, тучный человек, с ясной улыбкой, благодушный, но с тонким умом, с сознанием психологии простого человека. Это был заводской приказчик. Прошел клич по селу: „приехал приказчик—благодетель, много денег привез", со всех деревень нахлынули толпы народа к волостному правлению. День был солнечный, и весело было на сердце у людей, шум, толкотня и говор тысячной шумной толпы вокруг волостного правления в дверях и внутри. А в присутственном зале благодушный приказчик раздавал денег направо и налево по 20-25 рублей и ниже. Старшина, сидя у зеленого стола, взимал подати с задатков, данных приказчиком, подписывал и обратно отбирал паспорта. Вместо последнего давалось проходное свидетельство до завода. Сотни мужиков и подростков закабаляли себя Зауральскому заводу на целый год. Толпы были разделены на десятки. Круг, состоящий из десятка, ручался за каждого из своих товарищей, что он доставит из дремучего леса столько то сажен дров и к такому то сроку в контору Богословского завода" *).

Отсутствие достаточного количества земли и иных заработков заставляло коми рабочих принимать кабальные условия найма. В. И. Ленин совершенно правильно указывает, что „лесные рабочие представляют из себя одну из крупных составных частей сельского пролетариата, имеющего ничтожные клочки земли и вынужденного продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях" **).

Лесная промышленность в Коми в техническом отношении принадлежала к числу наиболее опасных для жизни и здоровья лесных рабочих. Тот же К. Ф. Жаков, описывая в чисто народнической окраске быт лесорубов Богословского завода, с горечью констатировал, что вследствие упорной работы лесорубов „быстро идет время. Рабочие спешат закончить заказы, и все бы хорошо, да случилось несчастье. Убило Исака огромной сосной, пихтой убило Степана младшего. Варфоломей простудился. Исак, скорчившись, лежал под деревом, его вытащили оттуда, хотели раскачать и привести в чувство, но скоро убедились, что душа отлетела от праха земного..." ***).

---

*) К. Ф. Жаков. „Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере", 36 стр. П. 1906 г.

**) В. И. Ленин „Развитие капитализма в России", 413 стр.

***) К. Ф. Жаков „Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере", 47 стр.

Кроме лесной промышленности, развито было в Коми и строительное дело, в частности, постройка небольших речных судов, барж, на коих ежегодно было занято приблизительно 500 и выше рабочих. Постройка судов, главным образом, производилась у пристани Ношульской, где ежегодно было занято около 200 рабочих, пристани Визингской, Койгородской и по реке Сысоле у деревни Вочи. Общий заработок от постройки судов в 1865 г. исчислялся в сумме 50.000 рублей.

Строительное дело безусловно представляло собой начало высшей ступени развития капитализма. Если лесорубы производили чисто физическую работу по рубке, сплаву леса, то строительные рабочие являются уже техническими выполнителями определенных предметов. „Строительные рабочие,—пишет В. И. Ленин,—представляют из себя образующийся промышленный пролетариат, связь которого с землей, очень слабая уже в настоящее время, с каждым годом все ослабевает более и более. По своему положению строительные рабочие резко отличаются от лесных рабочих, приближаясь более к фабричным. Если падающая лесная промышленность характеризирует мало-развитые формы капитализма, мирящегося еще с патриархальным строем жизни, то развивающаяся строительная промышленность характеризирует высшую стадию капитализма, ведет к образованию нового класса промышленных рабочих и знаменует глубокое разложение старого крестьянства". *)

Итак, мы можем подвести теперь итоги о развитии капитализма в промышленности в Коми. В своем историческом развитии капитализм в Коми переживал три основные стадии: мелкое ремесленное производство, мануфактуру и крупную промышленность, в лице горной, лесной и строительной промышленности. Следовательно, экономическое развитие в Коми со второй половины XIX века характеризуется довольно глубоким проникновением капитализма в экономику Коми. Основной промышленностью в Коми являлась лесная промышленность, которая эксплоатировалась русским и иностранным капиталом, в частности, англо-норвежским. Коми, со второй половины XIX века, в начале XX переживала не только начатки высшей стадии развития капитализма, но и страдала хронической болезнью капиталистического общества—безработицей. На Кажимских горных заводах в 1846 г. было 4000 рабочих, а в 1913 году это количество рабочих сократилось до 521 человек. Такое же сокращение рабочих можно отметить и в Сереговском солеваренном заводе, где в 1899 г. было занято 69 рабочих-солеваров, а в 1913 было занято уже 44 рабочих-солевара.

Развитие капитализма в промышленности создало и промышленную буржуазию, не только типа капиталистических

*) В. И. Ленин. „Развитие капитализма в России", 417 стр.

мануфактур, но и крупных предприятий. Латкин на Вычегде, Терентьевы и Филипповы на Ижме, Козловы и Булычевы на Выми владели миллионными капиталами, нажитыми путем промышленных и торгово-ростовщических операций. „Некто А. Булычев,—пишет Шергин—прошедший в юности соловецкую школу труда, возвратившись в мир, купил у покойной Беломорской компании Сереговский солеваренный завод, лесную дачу в 10 тыс. десят., всего за 60 тыс. руб... Живя здесь, миллионер Булычев вставал в четыре часа утра, будил рабочих, корчевал пни, разделывал поля, строил мастерские"*).

Рядом с безудержной эксплоатацией рабочих мы видим деловитость и настойчивость в накоплении капиталов. Взять хотя бы вымского пароходчика Козлова, который одновременно сочетал в себе и купца, и ростовщика, и пароходчика, и предпринимателя, и скупщика, который с чисто американской деловитостью занимался и промышленными делами, сооружал баржи, лодки, плоты и т. д. Одно наличие судостроительной верфи по Выми, предназначенной для строительства мелких речных судов, уже указывает на то, что в Коми имелись и крупные капиталисты, которые обладали техническими строительными способностями. Взять Козлова (по-зырянски „Козел Паш"). „Если что понадобится ему, скажем там, баржа или что другое,—то соорудит просто ни за что, напр., баржа длиной саженей 20 обходится ему около 1000 рублей, тогда как по существующей таксе за лесной материал, потребный на судно, пришлось бы уплотить одной пошлины не менее чем обходится ему все судно"**).

Развитие капитализма вызвало к жизни и рабочий класс. Мы уже знаем, что рабочий класс в эпоху крепостничества рекрутовался из коми крестьянства, которое в принудительном порядке работало на крепостнических заводах Коми. Из приведенных выше данных известно, что крупнейшими рабочими центрами Коми являлись Кажимские горные заводы, на которых с первой половины XIX века было сосредоточено 4000 рабочих. В 1890 году Устьсысольский уезд имел 10.539 рабочих, из коих 2965 рабочих работали в промышленных предприятиях других губерний (на уральских горных заводах и на лесопильных заводах Архангельской губернии) и 2259 ремесленников и кустарей, которые в условиях безработицы работали на отхожих промыслах вне Коми, 5325 человек работали в пределах Коми.

Некоторые историки и экономисты, затрагивая вопросы экономики Коми, обычно рассматривают ее как страну, абсолютно лишенную всякой промышленности, где, кроме крестьянства и политических ссыльных, ничего не было. Приведенные

---

*) И. А. Шергин—„В дебрях Севера", 30 стр., М. 1912 г.
**) Шергин И. А. „Богатства Севера". 73 стр.

данные в корне опровергают все эти утверждения. Опровергаются и версии о том, что в промышленности работали исключительно русские, что коми национального пролетариата не было. Насчет Кажимских заводов мы уже указывали, что к ним были прикреплены целые волости. Здесь мы покажем общее количество рабочих по национальному признаку, занятых в мелкой капиталистической промышленности (не включая сюда рабочих строительной промышленности и рабочих, работавших на лесозаготовках и сплаве) на основании данных 1-ой всероссийской переписи населения 1897 года.

Наименование куст. пром.	Коми			Русские			Итого		
	м.	ж.	Всего	м.	ж.	Всего	м.	ж.	Всего
1. Обработка волокн. веществ	79	234	313	105	294	399	184	528	712
2. Обработка минер. "	10	8	18	14	15	29	24	23	47
3. Химическ. производства .	1	1	2	1	1	2	2	2	4
4. Изготовление одежды . .	242	223	465	39	69	108	281	292	573
5. Произв. экипажей и судов	9	9	18	4	3	7	13	12	25
6. Лесные промыслы . . .	66	59	125	56	21	77	122	80	202
7. Другие мелкие куст. промыслы	345	386	731	189	117	306	534	503	1037
Итого	752	920	1672	408	520	928	1160	1440	2600

Таким образом мы видим, что во всех приведенных нами производствах преобладают коми.

Характерной чертой коми рабочего со второй половины XIX века является связь с землей. В мелком товарном хозяйстве—пишет В. И. Ленин,—промышленник еще совершенно не вылупился из крестьянина, он остается в большинстве случаев земледельцем" *). Это явление об'ясняется и тем обстоятельством, что лесная и строительная промышленность, как и замшевая, охотничья и рыбная промышленность, носят сезонный характер. Таким образом земледелие является для этих групп крестьянства ценным применением труда в своеобразных условиях коми экономики.

*) В. И. Ленин, „Развитие капитализма в России", 427 стр.

Отмечая развитие капитализма в Коми, нельзя не отметить то обстоятельство, что развитие капитализма не коснулось многих отраслей промышленности. Ухтинская нефть, которая по литературным данным уже обрабатывалась с промышленной целью в XVII веке, оставалась до Октябрьской революции совершенно нетронутой. Всевозможные полезные ископаемые, как то: железо, медь, свинец, строительные материалы: гипс, алебастр, мрамор—продолжали мирно лежать и ждать предпринимателей.

Не видим мы в Коми и лесопильных заводов, кроме лесопильного завода Стелла-Поляре, расположенного на Печоре, в котором работали главным образом коми рабочие, в частности, ижемцы. Таким образом страна лесов в течение ряда столетий не знала ни лесопильных, ни бумажных заводов, ни одной спичечной фабрики, кроме небольшой спичечной фабрики Суворова, которая, не выдержав конкуренцию иностранных спичек, вынуждена была закрыться. Чем это об'яснить? Это об'яснялось прежде всего колониальной политикой русского самодержавия, для которого было невыгодно экономическое развитие Коми колонии, ибо, развивая производительные силы этой колонии, русское самодержавие нанесло бы удар по интересам русской и иностранной промышленности, рассматривавшей Коми как свою колонию для ввоза товаров и вывоза нужного для них промышленного сырья.

Развитие капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, задерживалось целым рядом пережитков крепостничества, о которых мы уже говорили выше. Коми, как колония русского самодержавия, конечно, больше страдала от экономической и технической отсталости, чем другие губернии бывшей царской России. Если, по мнению В. И. Ленина, Россия страдала не от достатка развития капитализма, а от его недостатка, это тем более применимо к Коми.

Итак, несмотря на экономическую отсталость, Коми со второй половины XIX века уже вступила на путь капиталистического развития. Развитие капитализма в целом как в сельском хозяйстве, так и в промышленности свидетельствовало о том, что в Коми, со второй половины XIX века, для дальнейшего развития капитализма имелись налицо все данные: наличие капиталистического накопления, наличие рабочего класса и внутреннего рынка.

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА.

Рост товарного обращения.

О росте товарного обращения мы можем судить на основании передвижения товаров в пределах Коми. В 1910 году ввезено иностранных товаров 46.600 пудов на сумму 5600 рублей и вывезено из Печоры товаров местного производства 1. 926. 314 пудов на сумму 577. 700 рублей. Это не только свидетельствовало о наличии товарного хозяйства, но и о наличии внутреннего рынка, т. е. способности населения приобретать товары фабрично-заводского производства.

О товарном обращении в Коми мы можем судить на основании передвижения товаров по водному транспорту. В 1865 году из Вымско-Быковской пристани отправлено товару на 22 судах, при 1320 рабочих—596. 682 пуда на сумму 530. 588 рублей. Отправляемый товар главным образом состоял из муки, ржи, льна, кудели, пакли, пеньки, рогож и т. д. Мука, рожь, овес экспортировались главным образом из Перми, Вятки, Ярославля и только отчасти из Коми, главным образом из вычегодских волостей. В том же году из Сереговской пристани отправлена в Котлас на 16 судах с 80 рабочими соль, в количестве 120095 пудов, на сумму 36030 рублей. В 1869 г. из Сереговского завода было отправлено на 12 судах 114.674 пуда соли на сумму 34395 рублей. Из села Мохчи на 2 судах было отправлено замши на сумму 3500 р.

Товары, в виде пушнины, рыбы и т. д., экспортировались из Коми не только за границу, но и на внутренние рынки России. В 1846 году на Никольскую ярмарку в Пинегу было вывезено из Печоры товаров на сумму 82. 631 руб. 30 коп., при общем торговом обороте ярмарки в 105648 рублей 75 коп. *).

Продукты, вывезенные из Печоры, состояли из:

1. Предметов охотничьего производства: шкур лисиц, песцов, россомах, куниц, выдр, медведей, горностаев, белок,—25.000 р.
2. Дичи—рябчиков, тетерев; пуха, перьев и проч . . 10.000 р.
3. Предметов оленеводства: оленьих шкур, шерсти, оленьих задков, языков, рогов, замши и одежды из оленьих шкур 23.300 р.
4. Предметов скотоводства: мяса, масла и др. 10.063—30 коп.

Итого . . . . 82,631 р. 30 коп.

*) Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г., т II, 246 стр.

Полностью реализовав свои товары, печорские коми приобрели бакалейных товаров на сумму 12. 922 рубля, мануфактурных на сумму 16189 р. и хлебных товаров на сумму 240 р.

На эту ярмарку было из Коми ввезено товаров в Пинегу на 82. 631 руб., из Вологодской губернии было ввезено различных товаров на 5000 р., вятскими купцами было ввезено товаров на 1800 р., при чем церковной утвари на 200 рублей. Из Владимира было ввезено образов на 200 рублей.

Таким образом на никольской ярмарке в Пинеге в 1864 г. первое место по величине стоимости ввезенных товаров занимали печорские коми.

О наличии внутреннего рынка мы также можем судить и на основании торговых оборотов на ярмарках. Если в 1854 г. на георгиевскую ярмарку в Устьсысольске было ввезено различных товаров как местного, так и иногороднего производства на сумму 42340 рублей и реализовано товаров на месте на сумму 27. 230 рублей, т. е. больше чем на 50 проц. всего ввезенного товара, то в 1864 году было ввезено товаров на сумму 50.000 р. и реализовано товаров 40.000 нарублей, т. е. в 1864 г. реализовано товаров больше, чем на 13.000 р. по сравнению с 1854 годом. Эта цифра, хотя и незначительная по своим размерам, является крайне характерной в том отношении, что уже в условиях крепостнического строя мы имеем в Коми внутренний рынок, хотя еще незначительный.

В связи с ростом товарного хозяйства, в связи с дифференциацией крестьянского хозяйства, мы видим дальнейший рост внутреннего рынка. Ярмарки в конце XIX и в начале XX века имеют довольно внушительные размеры, что мы видим из следующих данных по Яренскому уезду за 1910 год *).

Ивановская, ввезено и реализовано на			60 000
Введенская	—	—	15.000
Крещенская	—	—	400.000
Герасимовская	—	—	200.000
Благовещенская:	—	—	100.000
Мелкие торжки	—	—	117.000
ИТОГО			892.000

Торговый оборот от ярмарок и мелких торжков по Устьсысольскому уезду за 1910 год выразился в сумме 517.000 р. Следовательно, торговый оборот за 1910 г. по обоим уездам выразился в сумме 1.409.000 р., а вместе с Ижмо-Печорским уездом свыше 2.000.000 рублей.

Эти данные ярко свидетельствуют о росте торговли, которая увеличивалась из года в год, что мы также видим хотя бы на

*) Труды Комиссии Вологодского губернского земства по обследованию в 1910 г. экономического положения местностей, прилегающих к водным путям сообщений, 82 и 83 стр. В. 1913 г.

примере сумм оборотов ряда торгово-промышленных предприятий по Устьсысольскому и Яренскому уездам:

в 1902 г.	оборот	выразился	в сумме	1.081.000 р.
— 1904	—	—	—	1.490.000
— 1906	—	—	—	1.568.000
— 1908	—	—	—	1.690.000
— 1910	—	—	—	1.945.000
— 1911	—	—		2.051.000

Рост торговых оборотов коми буржуазии и проникновение фабрично-заводских товаров из метрополии в колонию коми задерживался главным образом отсутствием путей сообщения. Торговая буржуазия коми, как и Северного края, в целях торгового освоения края требовала не только улучшения существующих путей сообщения, но и проведения ряда новых дорог. Коми край являлся в полном смысле слова краем без дорог, где главными путями сообщения являлись реки да лесные тропинки. Эти дороги были настолько неудовлетворительны, что пробираться по ним было чрезвычайно опасно. Мелентьев, совершая путешествие по Мезени, замечает, что „проходил место, густо усеянное камнями. Приходится прыгать с камня на камень и обходить большие камни. Иногда нога срывается, и теряешь равновесие. От постоянного напряжения и усиленного внимания, которых требует плохая дорога, бросает в пот и чувствуется усталость". Ясно, что при таком состоянии путей сообщения не только невозможно было передвижение товаров, но самое незначительное путешествие по этим лесным тропинкам было геройством. В Мезени, чтобы перейти волок в 50—60 верст—люди причащались и исповедывались, чтобы не умереть во время таких передвижений или не опуститься на дно топких печорско-мезенских болот. А. Ш. на страницах Известий Арх. Об-ва Изучения Русс. Сев. указывает что „немало гибнет населения при следовании по причине необорудования путей, которые имеют 4—5 столетнюю давность. Это обстоятельство и привело к особому обычаю прощаться с отправляющимися на промыслы, как с покойниками. Промышленники и дряхлому и малому члену семьи по очереди делают земной поклон, просят простить грехи и не оставить в случае гибели без поминания, а остающаяся семья в это время гласит „на кого ты нас покидаешь, кто будет нас поить и кормить" *).

Отсутствие путей сообщения являлось одной из важнейших причин, задерживавших промышленное развитие в Коми. Долинский, в своем докладе „О возможности развития промышленности и торговли по бассейнам рек Сев-Двины, Мезени и Печоры", сделанном Вольно-Экономическому обществу, приводил

*) ИАОИРС № 4—1913 г.—649—650 стр.

массу фактов, когда правительство под тем или иным предлогом отказывало в проведении дорог, в частности, соединения водным каналом Вычегды с Печорой. „Ревизовавшие в 1830 г. Вологодскую губернию сенаторы Мертенс и Корнилов, пишет Долинский—представили всеподданейшую докладную записку о пользе их соединения: „на Печоре, по недостатку соли, рыба сберегается часто в древесной золе. Там есть каменный уголь, нефть, соляные и серные источники. В непроходимых лесах толщина и величина деревьев невероятны. Стоит прокопать 5 верст, разделяющие северную Мылву (впадающую в Печору) от южной Мылвы и реки Иткеля (впадающей в Вычегду) и печорские богатства пойдут в Архангельск „каковое ходатайство было также оставлено без движения"*).

В 1840 г. устьсысольский купец В. Н. Латкин предпринимает шаги к организации полярной кампании с капиталом в миллион рублей, с участием известного северного миллионера Ильи Грибанова в качестве главы кампании, для открытия морского пути по Печоре и эксплоатации всевозможных богатств Печоры. Интересными в деле развития торговых путей сообщения в Коми являются попытки архангельского купца и промышленника М. Сидорова, который в 60 годах ходатайствовал о предоставлении ему пространства земли по реке Вайгара, впадающей в Обь до реки Усы, текущей в Печору, с правом предоставления ему двухверстного пространства на проведение„ этой дороги с тем, чтобы он мог пользоваться на нем лесами, пастбищами и сенокосами. По истечении 40-50 лет, Сидоров обязался передать свою железно-конную дорогу в ведение правительства **).

Из этих данных мы видим, что планы северного купечества простирались до Оби. Соединение Оби с Печерой должно было открыть путь огромному количеству товаров богатой Сибири и Печоры во все страны Европы.

Необходимо отметить и сооружение Екатерининского канала, начатого еще в конце XVIII века по инициативе чердынских купцов. Последние, занимаясь перевозкой хлебных грузов в Вычегодский бассейн через дремучие леса, а также через целый ряд водных систем по рекам Южной Кельты, впадающей в Каму, и Северной Кельты, впадающей в Вычегду, требовали соединения Большой и Малой Кельты каналом для ускорения продвижения товаров и снижения стоимости их передвижения. Законченный в 1822 г. канал на протяжении 16 верст, наименованный Екатерининским, обещал быть в будущем крупнейшим торгово-промышленным предприятием, соединявшим Каспийское море через Каму с Белым морем, и открывал путь для южных губерний на крайний север. Эти мечты поволжских купцов не осуществились в силу колониальной политики самодержавия,

---

*) Беседы о севере России, 343 стр.
**) Там же, 358 стр.

и Екатерининский канал вскоре был также заброшен и запущен, что в дальнейшем совершенно не годился для экспорта тяжелых грузов.

Борьба коми купечества и промышленников за улучшение путей сообщения, постройки новых дорог ярко свидетельствовала о глубокой товаризации экономики коми, заинтересованности коми купечества к более полному установлению торговых связей с мировым рынком.

Рост населения и значение внутренней колонизации.

Крупную роль в деле дальнейшего развития и расширения внутреннего рынка играл рост населения как городского, так и сельского. Вот данные, характеризующие рост населения в городах и уездах:

В 1788 г. было в г. Устьсысольске	2620 чел.			
" 1860	3129 чел.			
" 1863 — —	3459	в уезде	64271	
" 1869 — —	3509	—	67554	
" 1873 — —	3704	—	72690	
" 1892 —	4517	—	98026	

Из этих данных мы видим чрезвычайно медленный темп роста городского населения и более быстрый рост крестьянства. Это, непонятное на первый взгляд явление, об'ясняется тем обстоятельством, что рабочее население живет не в городах, как это мы видим в центральных губерниях России, а в селениях. Крупная лесная промышленность, Кажимские горные заводы, Сереговский солеваренный завод были расположены в сельских местностях. Неземледельческое население, занимавшееся кустарно ремесленым производством, также жило в сельских местностях. Само городское население Устьсысольска в своем большинстве представляло тех же крестьян, занимавшихся сельским хозяйством и скотоводством, только незначительная часть городского населения из мещан, безземельного крестьянства, занималась различными промыслами.

Устьсысольск, как уездный центр, безусловно, играл крупную роль в развитии внутреннего рынка. Рост сельского населения в связи с товаризацией крестьянского хозяйства, при наличии незначительных земельных наделов, естественно, вызвал к жизни передвижение крестьянства из наиболее зеселенных местностей в менее заселенные или на новые еще совершенно не обжитые земли. Правда, в истории коми мы имеем много фактов, свидетельствующих о передвижении Коми крестьянства в прошлом, которые в течение всего XV и XVIII веков заселяли Ижмо-Печорский край, но причины передвижения крестьянства

этих столетий резко отличаются от причин передвижений конца XIX и начала XX века. В первом случае передвижение крестьянства производилось правительством, с целью закрепления за Россией громаднейших пространств пустующих земель севера и недопущения ее захвата иностранцами, которые уже с XVI века занимались эксплоатацией рыбных и морских промыслов у Печорской губы, острова Вайгач и громили в начале XIX века русские рыболовные суда, плававшие по берегам Ледовитого океана. Передвижения конца второй половины XIX и начала XX века являлись результатом развития капитализма вширь, когда мелкие крестьянские производители для увеличения размеров запашек, эксплоатации рыбных богатств уходили иногда без разрешения соответствующих властей на новые, необжитые земли.

Комиссия Вологодского губернского земства, обследовавшая в 1910 г. экономическое положение местностей, прилегающих к водным путям губернии—приводит список поселков, в которых жили переселившиеся из разных деревень крестьяне. Так, изба поселенца Остякова, расположенная в парме отстояла, от ближайшей деревни Сар-Юдина в 83 верстах, Василия Логинова в 112 верстах, Ивана Мезенцева в 140 верстах. Избы Осипа Попова, Ивана Пыстина, Ивана Тахтарова расположены в парме в 170 верстах, изба Ивана Попова расположена в 198 верстах, Ильи Попова в 207 верстах от указанной выше деревни Сар-Юдин.

Таким образом, внутренняя колонизация, которая протекала в Коми в течение второй половины XIX и в начале XX века, свидетельствовала не только о развитии капитализма вширь, но и о развитий внутреннего рынка за счет возрастания переменного капитала, которая „в земледелии возможна лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля“ *).

Освоение новой территории, эксплоатация природных богатств, естественно, требовали значительных затрат как по передвижению, устройству жилья, так и на приобретение новых орудий, машин, предметов необходимых для ведения хозяйства.

Отмечая факт колонизации новых необжитых земель местным коми населением, необходимо указать, что планомерная и систематическая колонизация грамадных пространств пустующих земель в крае в XIX и в начале XX в упорно задерживалась царским правительством. Наиболее важной причиной, которая задерживала колонизацию коми до Октябрьской революции, являлась колониальная политика русского самодержавия. Колонизация севера русскими капиталистами несомненно могла оживить и экономику коми, вызвать эксплоатацию ухтинской нефти, железа, меди и других ископаемых богатств края. Являлось ли развитие производительных сил коми выгодным для рус-

*) В. И. Ленин. „Развитие капитализма в России“, 438 стр.

ской метрополии и иностранного капитала? Нет, не являлось ибо развитие последних сделало бы невыгодным ввоз иностранных и русских товаров в Коми, благодаря конкуренции местных капиталистов. Развитие ухтинской нефтепромышленности нанесло бы удар не только по монополии кавказских и бакинских нефтепромышленников на территории б. царской России, но и на иностранных рынках.

Не менее важной причиной, которая задерживала развитие колонизации Коми являлся неразрешенный аграрный вопрос в центральных губерниях б. царской России. „Колонизационный вопрос в России“ пишет В. И. ЛЕНИН,—есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в „исконных“ русских губерниях, тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре, тогда неизбежна долгая затяжка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций в колонизационном деле“ *).

В другом месте В. И. ЛЕНИН указывает, что и русскую колонизацию тормозят остатки крепостничества в центре России. Иначе, как аграрный переворот в Европейской России, иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий, нельзя освободить и урегулировать русской колонизации“ **)

Таким образом, колониальная политика русского самодержавия и не разрешенный аграрный вопрос в центральной России и в связи с сохранением крепостнических пережитков в экономике России и в Коми—являлась важнейшим фактором, задерживавшим колонизацию Коми края. Эти факторы задерживали колонизацию пустующих пространств края местными коми крестьянами, которые, страдая от малоземелья и имея под боком баснословное количество земель—не имели возможности использовать последние для сельско-хозяйственных целей.

Отмечая факты, которые в основном задерживали колонизацию Коми, это совершенно не значит, что в XIX в. не происходило никакой колонизацим в Коми. Колонизация, которая происходила более усиленными темпами в первые столетия после завоевания Коми Московским государством в XIV в., в XIX в. и в начале XX века происходила более медленным темпом. Коми крестьяне, испытывая крайнюю нужду в земле, без разрешения местной власти иногда захватывали эти пустующие земли, лежавшие рядом с их селениями, или уходили вглубь лесов на совершенно необжитые земли, разводили сельское хозяйство и таким образом жили целые десятилетия, совершенно незамеченные местной администрацией. Лишь после

*) В И. Ленин, т III. Развитие капитализма в России.
**) Там же.

того, как их местопребывание становилось известным местной администрации, эти передвижения оформлялись.

Отмечая факт развития капитализма вширь в конце второй половины XIX и в начале XX века мы имеем в Коми и развитие капитализма вглубь, т. е. „развитие капитализма в старой заселенной стране, или части страны, каковой процесс выражает дальнейшее развитие сложившихся капиталистических отношений“, что видно хотя бы на примере капитализирующихся неземледельческих промыслов,—ознакомлению с коим мы и приступим.

Отхожие, неземледельческие промыслы

Отхожие, неземледельческие промыслы, как-то: охота, рыболовство, отходничество в другие города для заработков занимали видное место в экономике Коми и в прошлом. Здесь мы можем отметить только факт дальнейшей капитализации этих промыслов, в частности, и влияние последних на развитие внутреннего рынка. Капиталистический характер охотничьих промыслов состоит в том, что последние в основном работали на рынок. Скупщики, закупая пушнину у закабаленных ими охотников по самой пониженной цене, перепродавали их по более повышенной цене городским капиталистам и зарабатывали на этом громадные капиталы.

И. Шемигонов, изучая экономический быт деревни Сар-юдин, расположенной по правому берегу реки Илыча, указывает, что в этой деревне живет кулак Попов, который „ведет торговлю с Якшей и с остяками. От последних закупает оленьи, другие звериные шкуры, дохи, совики, малицы и пимы. Зыряне привозят ему рыбу, дичь. Купленный товар Попов продает на Якшинской пристани чердынским купцам, а здесь покупает: сахар, чай, вино, ситцу и муку. В 1910 году ржаную муку продавал по 12 р. 75 коп. за куль“ *).

Коми кулаки часто являлись организаторами охотничьих промыслов. Предоставляя охотнику ружье, дробь, порох по значительно повышенной цене по сравнению с их действительной стоимостью, кулаки фактически являлись монополистами, держали в своих руках всю добычу пушнины. Ни один коми охотник, который имел долги кулакам-скупщикам, не смел продавать ни одной ценной шкурки на сторону, так как в противном случае, он мог лишиться возможности в будущем получить аванс для своих хозяйственных надобностей в счет будущих работ. Так, вымский пароходчик—он же скупщик, десятками тысяч скупал убитой дичи и отправлял ее на московский и петербург-

---

*) Труды комиссии Вологодского Губернского Земства по обследованию в 1910 году экономического положения местностей, прилегающих к водным путям губернии“, 154 стр., В. 1913 г.

ский рынки. Еще задолго до начала промыслов он уже начинал закупать дичь. „Заблаговременно выдается—говорит И. Шергин— мука и прочее, без которого дня не могут прожить вычегодско-вымские мужики. Но Павел Никитич выговаривает за эту легкомысленную привычку, что какая бы то там ни стала осенью цена на рябчика, хошь бы по 60-70 копеек пара, а ему уступать по 30 коп. не дороже" *).

Общий доход от охоты в 1910 году в Печорском уезде выражался в сумме 150-1 60 тысяч рублей. В 1910 году печорскими охотниками было убито белок 18620, горностаев 10687, лисиц 997, песцов 7439, куниц 42, медведей 43, россомах 85, волков 31, всего 49448 штук, на сумму 146983 рубля. Кроме того, в том же году было убито 9247 пар рябчиков, 19066 пар куропаток, 1605 пар тетеревей, прочей лесной и водяной птицы 12807 пар, всего на сумму 13777 рублей. Следовательно, в Ижмо-Печорском уезде охотниками в сезон 1910 года было убито дичи и зверей на сумму 16760 рублей. В среднем доход каждого охотника выразился в сумме 40 рублей. Считая в среднем, что каждая из проданных шкур и птиц куплена кулаками от охотников в 2-3 раза дешевле по сравнению с их действительной стоимостью, вследствие кабальной зависимости последних от кулаков, скупщики зарабатывали на этом громадные капиталы, 350-400 тысяч рублей. Такие проценты можно было наживать только в крае первоначального накопления капиталов.

Такую же видную роль в экономике коми, в особенности на Печоре, играло рыболовство. Как и охотники, коми рыболовы, особенно Печорские, работали исключительно также на определенных скупщиков, которые в счет будущего улова рыбы снабжали рыболовов орудиями лова, а также предметами первой необходимости, например, мукой, сахаром, чаем и др. предметами. Кулаки и скупщики, пользуясь обычно неоплатными долгами бедноты, диктовали самые низкие цены на рыбу, в то же время увеличивая цены на свои товары, зарабатывая на этой разнице громадные барыши.

Размер рыбных промыслов на Печоре являлся значительно более широким, чем охотничьи промыслы, о чем свидетельствует общий улов рыбы в 1910 году. Так, 3000 рыболовами добыто печорской семьи 6174 пуда, на сумму 101823 рубля, 127 рыболовами—наваги 2700 пудов, на сумму 6600 рублей и 4122 рыболовами—речной рыбы 41583 пуда, на сумму 107778 рублей, т. е. 7234 человека добыли рыбы на сумму 216201 рубль. Таким образом, как и в охотничьих промыслах, средний заработок каждого рыболова колебался в общем 25-40 рублей и выше.

Таким образом, строй экономических отношений, складывавшийся в охотничьем и рыболовном промыслах, представляет собой ярко выраженный капиталистический характер.

---

*) Шергин И. А. „Богатства Севера", 43 стр. П., 1909 год.

С одной стороны, выступали скупщики, которые, пользуясь забитостью коми промысловиков и ненцев, приобретали результаты их тяжелого труда по самым пониженным ценам, чтобы заработать на этих сделках капиталы и, с другой стороны, мелкие промышленники, работавшие на этих скупщиков, которые и представляли собою об'ект кулацко-купеческой эксплоатации.

О состоянии охотничьих промыслов в Устьсысольском уезде вместе с Печорским уездом мы можем судить на основании следующих данных *):

1. Охотой было занято .	5885	чел.	с суммой заработка	39033	рубля
2. Заготовка и сплав леса	1431	"	"	25548	"
3. Постройка судов . . .	420	"	"	5520	"
4. На отхожих промыслах друг. губерний . .	2965	"	"	28997	"
5. Работа на местных заводах	1108	"	"	26964	"
6. По ремеслу и мастерству в др. губ.	2259	"	"	39292	"
7. На местных заработ. по ремеслу и маст. . . .	2067	"	"	16201	"
8. Рыболовство	521	"	"	3213	"
9. Работа на Брусянной горе	190	"	"	13507	"

Из этих данных мы видим, что наиболее лучше оплачиваемой отраслью отхожих промыслов является работа на Брусяной горе, средний заработок на которой равнялся 46 рублям, тогда как работа на местных заводах губернии давала средний заработок 24 рубля.

Принимая во внимание количество душ мужского пола в числе 40693 человека и количество лиц, участвовавших в отхожих промыслах в числе 16946 человек, мы видим, что по 28 волостям указанного уезда участвовало в 1890 г. в отхожих промыслах около 41 % всего населения.

Что касается соотношения сельского хозяйства и промыслов, мы имеем следующую картину: (см. таблицу 113 стр).

Из этих данных мы видим, что основной отраслью является земледелие и различные отхожие промыслы.

Мы уже выше отмечали капиталистический характер отхожих промыслов. Здесь мы ограничимся констатированием только того факта, что отходничество чрезвычайно сильно влияло на

*) Вологодские Губернские ведомости № 45, 1890 года.

Наименование Об-в	К общему доходу в % %.	
	Доход от земледелия	Доход от промыслов
1. Устькуломское	51,89	42,17
2. Устьнемское	40,22	56,11
3. Мыелдинское	49,37	48,36
4. Пожегодское	49,21	49,36
5. Помоздинское	58,26	38,71
6. Селения по р. Ижме	52,36	40,39
	51,76	40,38

развитие внутреннего рынка. Отходничество являлось не только потребителем предметов личного потребления, как-то: пищи, одежды, обуви, но и потребителем орудий производства, как-то: охотничьих и рыболовных принадлежностей, лесорубных топоров, пил, точил и т. д.

Отходничество являлось крупнейшим фактором в развитии внутреннего рынка и потому, что отходники, продавая свою рабочую силу капиталистам, становились и обладателями известных денежных средств. „Для рынка важно вовсе не благосостояние производителя, а наличность у него денежных средств; упадок благосостояния патриархального крестьянина, ведшего ранее преимущественно натуральное хозяйство, вполне совместим с увеличением в его руках количества денежных средств, ибо чем дальше разоряется такой крестьянин, тем больше вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы, тем большую часть своих (хотя-бы и более скудных) средств существования он должен приобретать на рынке" *).

Здесь необходимо отметить, что в развитии внутреннего рынка играет главную роль денежный характер хозяйства. У кого оно больше? Безусловно у двух крайних групп крестьянства—кулачества и бедноты. Кулачество является потребителем предметов личного и производственного потребления. Беднота же является потребителем, главным образом, предметов личного потребления и только отчасти предметов производственного потребления, как, например: предметов рыболовного, охотничьего и лесорубного промыслов и т. д. „Денежный расход на пищу ока-

*) В. И. ЛЕНИН, Развитие капитализма в России, том III-й, 19 стр. М. изд II-е 1926 года.

зывается и абсолютно и относительно наибольший в крайних группах—у сельских пролетариев и у сельской буржуазии,—пишет В. И. ЛЕНИН.—Первые покупают больше, хотя потребляют меньше среднего крестьянина, покупают самые необходимые земледельческие продукты, в которых они испытывают нужду. Последние покупают больше, потому что потребляют больше, расширяя особенно потребление не земледельческие продукты. Сопоставление этих двух крайних групп наглядно показывает нам, как создается в капиталистической стране внутренний рынок на предметы личного потребления" *).

Массовое отходничество коми крестьянства на местные Уральские горные и Архангельские лесопильные заводы вызвало большие изменения в экономической и политической жизни деревни. „Большая разница между дедами и внуками у зырян. Деды были звероловы, колдуны, мистики, певцы. Внуки—рабочие у лесопромышленников, дровосеки Пермских заводов. Они одеты в пиджаки, брюки, галоши, их речь пестрит русскими словами. Красоты заводской жизни—табак, вино, дешевое щегольство весьма и милы и понятны" **). Так оценивал массовый отход крестьянства на отхожие промыслы народничествующий профессор Жаков. Как ученый народнического толка, К. Ф. Жаков заметил только теневые, темные стороны капиталистического строя: безграмотность рабочих, пьянство, картежную игру, но он совершенно не заметил того, что „он вырывает население из заброшенных, отсталых, забитых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности" ***).

Развитие капитализма в Коми, в частности, в лесной, горной и строительной промышленности, массовый отход крестьянства на капиталистические заводы вызвал у народничествующего Жакова сожаление о старой докапиталистической культуре. Замечая массовую эксплоатацию лесов в Коми русскими и иностранными капиталистами, Жаков с сожалением констатировал: „Как сраженное войско, валятся красные сосны, дивные, со стоном падают темные ели и прекрасно кудрявые с белым поясом красавицы березы ложатся лицом книзу, на замерзшую землю. Безжалостны к ним мужики, дети Севера сурового, безжалостны к мужикам железные законы жизни и корыстолюбия. Велико чугунное чрево завода, много нужно пищи чугунному зверю. Голеют непроходимые дремучие Уральские горы. Высокие пармы обнажились. О, бедный Север. Безжалостный рок истребляет твое последнее единственное богатство—леса. Замерзнете и погибнете Вы, милые дети печального Севера" (Жаков—Очерки).

---

*) В. И. ЛЕНИН, там же, 118 стр.

**) Жаков. Этнологический очерк зырян.—Ж „Живая Старина", т. III-й 1903 стр.

***) В. И. ЛЕНИН том III-й, Развитие капитализма в России, 449 стр.

С таким же сожалением относился Жаков к отходу крестьянства на заводы и фабрики Коми и Урала, которые, бросая свои деревни и дивные светлые пармы милых лесов свободно превращали себя в рабов этих заводов и фабрик. „Ох, неразумные люди, бросаете хозяйство, отвыкаете от земли в угоду анафемскому заводу, говорил седой мужик Иван, человек почтенный, бывалый много раз в жизни волостным старшиною. Потеряете здоровье, забудете жен, искалечите себя в чужих землях из-за 100 рублей. Из 100 рублей двух рублей обратно не принесете, все там же останется" *).

Называя завод анафемой, где крестьяне и рабочие губили свое здоровье в интересах капиталистов, Жаков не только не осознал положительной роли заводов, но и звал трудящихся Коми к бегству от этих чугунных чудовищ. „Друзья, не здесь бы следовало нам жить, в этом сумраке железа. На берегах светлых рек, у прозрачного ручья легче дышет грудь человека и мечты его свободнее текут **).

Культура фабрик и заводов: эксплоатация, нищенская заработная плата, вычеты, скверные санитарные гигиенические условия труда сделали Жакова настолько чуждым к заводской жизни, что для него нигде не было „так хорошо, как у себя в родимой баньке, среди своего семейства" ***).

Отмечая факт распространения табака, развития пьянства среди мужской половины коми, он настолько растерялся, что пришел к мысли, что в конце концов вся „мужская половина обопьется, изнервничается. Все дела жизни возьмут женщины, некоторый процент мужчин они будут оберегать, поить и кормить для продолжения рода. Женщины будут хозяйками земли" ****).

Эти тоскливые и пессимистические мысли, высказанные Жаковым, представляли собою не продукт фабрик и заводов, а являлись результатом национально-колониальной политики русского самодержавия. Царское правительство сознательно спаивало свои колониальные народы, чтобы, путем массового спаивания последних легче эксплоатировать.

Жаков, рассматривая отходничество, как регресс, как падение и порчу нравов, совершенно не заметил того, что „отхожие промыслы влияют на повышение заработной платы в сельскохозяйственном производстве и что они отвлекают лучшие силы населения. Повышается не только денежная, но реальная заработная плата" *****).

Рассматривая отходничество, как язву жизни, как болезнь времени, созданную капитализмом, которая якобы разрушала крестьянское хозяйство и господствующий патриархальный семейный быт на базе полупатриархального хозяйства, народни-

*) Жаков. Этнологический Очерк зырян, ж. „Живая старина" т. III, 1903 с

**) Там же, 65 стр.

***) Там же, 51 стр.

****) Жаков. Гараморт на крайнем Севере, 38-39 стр. П, 1914 год.

*****) В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, 451 стр.

чествующие ученые не заметили и того, что само отходничество является ничем иным, как одним из элементов развивающегося капитализма. „Отвлечения населения от земледелия — пишет В. И. Ленин — выражается в России в росте городов (затемняемом отчасти внутреннею колонизациею), пригородов, фабрично-заводских и торгово-промышленных сел и местечек, а также и не в земледельческом отходе. Все эти процессы, быстро развившиеся и развивающиеся вширь и вглубь в течение пореформенной эпохи являются необходимой составной частью капиталистического развития и имеют глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни".

Теперь мы можем подвести некоторые итоги. Из всего рассмотренного нами материала видно, что Коми во второй половине XIX века переживал эпоху капитализма. Об этом указывает рост капиталистических элементов в сельском хозяйстве, рост местных крестьянских промыслов с применением наемного труда, развитие горной, лесопильной и отчасти строительной промышленности, наличие внутреннего рынка.

Развивающийся капиталистический строй, хотя и внес много отрицательных сторон в жизнь коми трудящихся, как жесточайшую эксплоатацию русскими и иностранными капиталистами и т. п., но все же в основном он сыграл в высшей степени прогрессивную роль. „Прогрессивную историческую роль капитализма — говорит В. И. Ленин — можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его. Но оба эти факта проявляются в весьма разнообразных процессах, в различных областях народного хозяйства".

Имеем ли мы повышение производительности труда в Коми? Конечно, имеем. Наличие мануфактурных предприятий по производству замши, с применением электрических и паровых двигателей, Кажимские горные заводы и Сереговский солеваренный завод — работа которых была основана на эксплоатации паровой силы — свидетельствует об этом.

Развитие производительных сил коснулось и сельского хозяйства. Если в эпоху феодализма господствующей формой сельско-хозяйственного орудия являлась деревянная соха, то во второй половине XIX века мы знаем уже применение железных плугов и борон, применяемых главным образом кулацкими и середняцкими слоями деревни. „Пореформенная эпоха — пишет В. И. Ленин, — резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. Нет ни одной отрасли народного хозяйства, подчиненной капиталистическому производству, в которой бы не наблюдалось столь же полного преобразования техники" *).

*) В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, 466 стр.

Отмечая развитие производительных сил общественного труда, надо заметить, что Коми в техническом отношении являлся еще чрезвычайно отсталым по сравнению с Россией. Эта отсталость об'ясняется колониальной политикой русского самодержавия, заключавшейся в искусственном задерживании развития производительных сил.

Обобществление труда, являющееся результатом прогрессивной роли капитализма, выражалось в Коми в следующих процессах: концентрации земли и промыслов в руках капитализирующихся слоев крестьянства и других промышленников.

В. И. Ленин, рассматривая вопрос обобществления труда капитализмом, указывает, что последний проявляется в следующих процессах" во-первых, самый рост товарного производства разрушает свойственную натуральному хозяйству раздробленность мелких хозяйственных единиц и стягивает мелкие местные рынки в громадный национальный (а затем мировой) рынок, во-вторых, капитализм создает на место прежней раздробленности производства невиданную концентрацию его как в земледелии, так и в промышленности, в третьих, капитализм вытесняет те формы личной зависимости, которые составляли неот'емлемую принадлежность предшествующих систем хозяйства... По сравнению с трудом зависимого или кабального крестьянства, труд вольнонаемного рабочего представляет из себя во всех областях народного хозяйства явление прогрессивное, в-четвертых, капитализм необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства и была невозможна при них в сколько нибудь широких размерах" *).

Все эти факты обобществления труда капитализмом, указанные В. И. Лениным, имелись во второй половине XIX века и в экономике коми.

Капиталистический строй, характеризующийся обнищанием широких масс трудящихся за счет обогащения кучки деревенских и городских капиталистов, естественно вызвал враждебное отношение к капитализму со стороны отдельных ученых. Жаков, критикуя капитализм, правильно отметил отрицательные стороны капиталистического строя, но дал совершенно неправильные с научной точки зрения об'яснения целому ряду фактов, вытекавших из сущности капиталистического строя. Разорение мелких производителей, рост пролетаризированного крестьянства, безработица—вызвали нотки сожаления о старой угасающей культуре. Замечая проникновение капитализма в домашнюю кустарную промышленность, Жаков указывает, что „ничто на земле не бывает без трагедии. Ко времени начинающейся славы Фалалея (его отца, В. П.) появились на Севере капиталисты резщики, вытеснявшие кустарей. Таланты бессильны перед капиталом, перед механикой жизни. Стали иконы иные. Пошли

*) Там же, 468 стр.

в моду пышные резьбы, изукрашенные колонки, выписные иконы из Москвы. Стали давать предпочтение резщикам с дипломами, полученными в столичных городах".

Капитализация ремесла, домашней кустарной промышленности и сельского хозяйства являлась прогрессивным фактором, ибо это вело к концентрации промышленности в руках наиболее крупных капиталистов, что в основном подготовляло процесс обобществления общественного производства, во-вторых, втягивало мелких самостоятельных производителей в товарные хозяйства. Следовательно, основная ошибка Жакова состояла в том, что он не усмотрел в самом капитализме, прогрессивных сторон.

Указывая на отрицательные стороны заводской жизни, выражавшейся в пьянстве, в картежной игре и т. д., Жаков совершенно не заметил революционизирующей роли фабрик и заводов. Называя завод анафемой, язвой человеческого общества, он не заметил того, что только фабрика и завод научили рабочих бороться с капиталистами за повышение своего жизненного уровня, фабрики и заводы воспитали рабочих и крестьян в дуке непримиримой классовой борьбе с капиталистами. Фабрики и заводы и были теми центрами, которые подготовляли условия социалистической революции. Не заметил Жаков не только коми рабочих, призванных историей к уничтожению капиталистического строя и созданию на развалинах последнего социалистического общества, но и того факта, что капитализм концентрируя производство, обобществляя труд, сам создавал предпосылки для своей собственной гибели.

„Эти господа (капиталисты—В. П.) серьезно думают,—пишет Энгельс,—что они работают для самих себя. Они достаточно ограничены, чтобы считать, что их победа даст миру его окончательные очертания. А между тем яснее ясного, что буржуазия повсюду прокладывает путь для нас—демократов и коммунистов. Пока вы нам нужны, кое-где мы нуждаемся даже в вашем господстве. На вашу долю выпадает задача убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию. Вы должны уничтожить патриархальный строй, должны осуществить централизацию, должны превратить все более или менее имущие классы в настоящих пролетариев, наших будущих сторонников. При помощи ваших фабрик и торговых связей вы должны создать основу тех материальных средств, в которых пролетариат нуждается для своего освобождения. В награду за все это вы получите короткий период власти. Вам предоставляется диктовать законы, нежиться в лучах созданной вами славы. Вы можете пировать в королевском зале и взять в жены прекрасную королевскую дочь, но не забывайте одного—палач стоит у порога".

КОНЕЦ I ТОМА

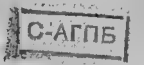
Оглавление

VI. Крестьянские реформы в Коми.

VII. Развитие капитализма в сельском хозяйстве.

VIII. Развитие капитализма в промышленности.

IX. Развитие внутреннего рынка.

Стат. формат 72×108; $^{1}/_{16}$, 20 печ. листов, 51.000 знаков в 1 печ. листе.

Цена 6 рублей
Donьs 6 sajt.

